

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

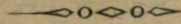
VER
HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
30 NOV 1966

Δ
L Soc. 3977.44
(16)

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.

1892.

L Soc 3977.44

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

59975-

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ XVI-го ВЫПУСКА.

	Стр.
Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета Романомъ Брамдтомъ. Выпускъ I. Фонетика.....	1—146
Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Изслѣдованіе Я. Демисова	1—179

Δ
L Soc 3977.44 (16)

ЛЕКЦІИ
п о
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ
РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго
Университета

Романомъ Врандтомъ.

Выпускъ J.
ФОНЕТИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служитъ литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Г л а с н ы е з в у к и .

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣеть удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тянѹ, тенѹ, или тѣнѹ, но 2-е лицо «тянешь» показываетъ, что нужно писать я.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, разившееся въ XIV—XVI столѣтія. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впоследствии.

Звукъ *а* не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей ¹. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго *а*—такое *а* мы имѣемъ, напримеръ, въ словахъ *баба*, *сан*. ² 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ староцерковномъ языкѣ былъ *д*³; а именно юсу узкому соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью ⁴. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впоследствии въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ *а* находимъ просто *а*. 'А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ *сѣду*, соотвѣтствующемъ староцерковному *сѣдѣ*; въ существительномъ *мѣса*, равномъ староцерковному *масо*. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ *а*, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримеръ, существительное *жалѣ*, основная форма котораго будетъ *жало*; имѣемъ прилагательное *шаткѣ* *й*, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ *шати* *сѣ*. (Русскій глаголъ *шататься* въ примѣрѣ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соотвѣтствіи *а* является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ *тш*, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

¹ О нѣкоторыхъ отгѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

² Удареніе русскихъ словъ *я*, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отгѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, 'и' (акутъ и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

³ Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со староцерковными, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ староцерковныхъ.

⁴ Мягкость я буду обозначать апострофомъ.

т + ш. При такомъ произношеніи слогъ ѹа находитъ подобное же отраженіе какъ жа и ша, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. $\widehat{тша}ст$, равное староцерк. ѹасть. Но не вездѣ одинаково произносятся ч, въ нѣкоторыхъ говорахъ ч мягко, т. е. представляетъ $\widehat{т+ш}$. При такомъ выговорѣ ч не стоитъ уже на ряду съ ж и ш, а подходитъ подъ общее правило. Сказанное про ч относится и къ согласному трифтонгу щ, который есть или $\widehat{штш}$, или же $\widehat{штш}$, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ $\widehat{шш}$: па $\widehat{штш}а$ да, или па $\widehat{штш}а$ да, или же па $\widehat{шш}а$ да=староцерковному *поштада, праславянскому *пощада. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда л предшествуетъ j, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово јадра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть а подъ удареніемъ), соотвѣтствующее староцерковному ѡдра. Здѣсь звуку а предшествуетъ мягкій согласникъ j, но всетаки самому л соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ а, потому что j на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское а съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ староцерковныхъ формахъ съ ѡ. Такъ, при нашемъ нарѣчій прѡмо мы находимъ староцерковное прѡмо; русской глагольной формѣ памѡнѣтъ соотвѣтствуетъ староцерковная помѡнеть; русское прилагательное румѡнѣй соотвѣтствуетъ староцерковному роумѡнѣ. Но при глагольной формѣ помѡнеть мы встрѣчаемъ также форму поманеть. Староцерковное роумѡнѣ по-сербски будетъ рѹмен, рѹмена, -о; а сербское е, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное е, или ѡ, но не ѡ: если бы тутъ былъ ѡ, то при формѣ рѹмен должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности рѹмѣен и -ин. Итакъ серб. рѹмен свидѣтельствуетъ объ основномъ роумѡнѣ. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ ѡ: по-польски gumianу, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому ѡ, на мѣстѣ же ѡ было бы 'ѡ или 'ѣ: gumianу или gumienу¹. Такимъ образомъ праславян-

¹ Почти тождественныя фонемы gumianу и румѡнѣй представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія **ам** **ан** въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности **ам**, **ан**, и русскія **'ам**, **'ан** можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги **ја**, **жа**, **ша**, **ѣша** произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ **м**; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхождение. Существуютъ также слова въ родѣ **ја гъ да**, равнаго основному **шгода**, гдѣ **а** восходитъ къ праславянскому **а** и къ славяно-литовскому **ō**—по-литовски это слово будетъ **ūga**, что предполагается славяно-литовское ***ōga**. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ **ја**, **жа**, **ша**, **ѣша**, а славянскій и вмѣстѣ съ тѣмъ русское **а** стоитъ очень часто вмѣсто **я**. Мы имѣемъ, напр., глаголь **комти са**, 2-е лицо настоящего **комши са**; глаголь **стоити**, 2-е л. **стоиши**—эти глаголы образованы такъ же, какъ **летати**, имѣющій 2-е л. **летиши**, но только въ неокончательномъ они послѣ **ј** вмѣсто **я** представляютъ **а**. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ **а** вмѣсто **я**, напр. **лежати**, 2-е лицо **лежиши**—**лежати** вмѣсто ***лежати**. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ **е уз ко е**, предполагающее **ē**, напр. нашему **сѣдати** въ литовскомъ соотвѣтствуетъ **sėdėti**. Подобное же **а** вмѣсто **я** является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ **жаба**, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—**жаба** (съ **а**: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ **д**, то Сербы произносили бы **жеба**) и въ польскомъ **żaba** (а не **żęba** или **żąba**). Таково же слово **шалаѣт**, находящееся въ связи съ сербскимъ **шала шутка** (не **шела**), съ польскимъ **szalony** безумный (не **szęlonу** или **sząlonу**); далѣе слово **ѣша**, сербское **чаша** и польское **szasza**. Въ известномъ смыслѣ можно сказать, что указанные слова представляютъ **а** вмѣсто **я**, но точнѣе говорить, что **а** замѣняетъ тутъ **ē**, которое при другихъ условіяхъ дало бы **я**. При томъ уже Праславяне послѣ **ј** и шипящихъ употребляли **а** вмѣсто **ē**, и русскіе унаслѣдовали готовое **а**.

Такъ какъ русскій звукъ **а** съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному **а**, или **я**, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное **а**. Замѣтимъ, что въ корняхъ **а** съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

'а=ш. Давн. утр. л. жа, ша, ча, ща. Буквы л и ш. ѡ и е. 5

согласными, т. е., за исключеніемъ созвучій (ја, жа, ша, ^{ша}) происходитъ изъ л, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее а съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово зѣмля соотвѣтствуетъ староцерковному земля.

Замѣна л черезъ 'а—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ л соотвѣтствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что ч можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и ж, ш. Такъ, напримѣръ, ж а л а первоначально звучало ж а л о, ш а т к ѣ й—ш а т к о й. Что л издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы л съ буквами л и ш. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «поухъ писати», между тѣмъ какъ нужно было написать «поухъ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываніи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ л, л и ш. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, посовыхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака л, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ш и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; л преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква я гражданскаго письма и печати.

Обратимся теперь къ звуку е. Е есть звукъ средней между а и и, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно средину между ними, или же приближаться болѣе къ а, или болѣе къ и. Въ русскомъ языкѣ существуютъ два е—одно болѣе близкое къ а, другое болѣе близкое къ и; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще е среднее, однаково далекое какъ отъ и, такъ и отъ а. Звукъ е болѣе близкій къ а буду обозначать посредствомъ ѡ и называть е широкимъ. Широкое е тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ *Aehre* (колосъ), и съ французскимъ *è*, напр. въ словѣ *rège*: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово *mã* л. Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ *Ehre* (честь), французскому *é*, напр. въ словѣ *bonté* (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово *mêl*. (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двойность звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ *e*, *ë* и *э*». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный специалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ рассматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, *Bulletin historico-philologique*, v. IX, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ *ä*, а гдѣ *e*, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій *j*, или, если употребить другой терминъ—*i* неслогное (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ *й*), является *e*, въ другихъ случаяхъ—*ä*. Значить, *ä* является пе-

редъ твердыми согласными и въ исходѣ ¹. Это можно видѣть уже на приведенныхъ выше примѣрахъ (м'а́л, м'е́л'): въ первомъ случаѣ мы передъ твердымъ согласнымъ находимъ ä; во второмъ, передъ мягкимъ—е. Возьмемъ затѣмъ, какъ примѣръ на ä въ изглаголеніи, нарѣчіе в д'а́ ². Сопоставимъ еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ при чередованіи согласныхъ твердыхъ и мягкихъ мѣняется звукъ е. Произнося въ именительномъ падежѣ д'а́ла, мы въ мѣстномъ говоримъ (в) д'е́ла, далѣе: а́на с'а́ла, но а́нн с'е́ла. Подобнымъ же образомъ является звукъ ä въ именительномъ падежѣ слова с'в'а́т, а мѣстный будетъ (ф) с'в'е́т и, точно также уменьшительная форма этого слова будетъ с'в'е́тък. Возьмемъ еще мѣстоименіе «этотъ» въ женскомъ родѣ: напр. 'а́та д'а́ма, но во множественномъ числѣ будетъ 'е́ти д'а́мы. Въ появленіи е передъ мягкими согласными мы должны видѣть родъ уподобленія: мягкій согласный содержитъ въ себѣ элементъ средненебный, элементъ j, а согласный j ближайшій родичъ гласнаго и; поэтому-то е передъ мягкими согласными приближается къ и, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ j.

Я приводилъ примѣры на ä и е, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи звука е; и дѣйствительно, какъ мы увидимъ впоследствии, оно почти безразлично.

Судя по письму, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ исключеній изъ нашего закона, но всѣ они мнимыя. Таково, напр., слово верхъ, гдѣ какъ будто является е передъ твердымъ р, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ р мягкій, и произносятся в'ер'х; иногда правда, слышится и твердый р, но тогда говорятъ уже в'а́рх, съ широкимъ е. Впрочемъ, второе произношеніе надо считать провинциализмомъ, или же искусственнымъ примѣненіемъ къ письму. Подобныя же исключенія представляютъ слова въ родѣ мечъ, лецъ, гдѣ твердость обозначается только на письмѣ, а въ произношеніи ея не существуетъ. Мы произносимъ м'е́тш или м'е́тш

¹ Исходомъ или изглаголеніемъ называется послѣдній звукъ въ словѣ.

² Въ словѣ г д'а́ слышится своеобразный звукъ г, который я обозначаю черезъ в. Это обозначеніе было изобрѣтено Шегреномъ для Осетинскаго языка и потомъ употреблено Бѣглингомъ для Якутскаго, а также, въ вышеупомянутой статьѣ о русской фонетикѣ.

и во всякомъ случаѣ первая часть звука ч, непосредственно примыкающая къ звуку е,—мягкая (т̣). Слово лещъ мы произносимъ љешт̣ш, или љешт̣ш, или љешт̣ш; опять-таки первая часть сложнаго согласнаго мягкая. Подобныя же мнимыя исключенія представляютъ прилагательныя вѣшн̣ый и прѣжн̣ый, гдѣ ш и ж подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго сами мягки, хотя мягкость на письмѣ не обозначается. Съ другой стороны существуютъ слова, въ которыхъ пишется мягкій знакъ, но передъ «мягкою согласною» приходится читать ѧ: въ этихъ случаяхъ ерь имѣетъ только этимологическое значеніе. Такъ напр. въ словѣ п-л-ѣ-ш-ь, равномъ п ѧ ш; въ велительномъ наклоненіи глагола у т ѣ ш и т ь—у-т-ѣ-ш-ь=у т ѧ ш, или отъ глагола рѣзать—р-ѣ-ж-ь=р ѧ ш. Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ колебанія, подобныхъ замѣченному въ словѣ верхъ. Таково количественное числительное семь: одни произносятъ с ѧ м, другіе—сеѣм; таково же порядковое числительное первый: одни говорятъ п ѧ рв̣ый, другіе—п ѣ рв̣ый. Подобнымъ же образомъ слышится канѣшна, съ твердымъ ш и съ ѧ, или же канѣт̣шна (либо канѣт̣шна), съ ч и съ е. Слово нѣтъ, когда къ нему примыкаетъ частица ѣ и можетъ сохранять твердое т, тогда будетъ н ѧ т ѣ ѣ; если же т уподобляютъ элю и произносятъ его мягко, то е будетъ узкое—н ѣ т ѣ ѣ. Кажется, уподобленіе нерѣдко бываетъ неполное, такъ что т примѣняется къ ѣ, но не дѣлается собственно мягкимъ, а только среднимъ, въ такомъ случаѣ получается и е *среднее*, не широкое, но и не узкое: н ѣ т ѣ ѣ.

Звукъ е въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчій есть звукъ *умягчительный*. (Выраженіемъ «умягчительный» я хочу сказать, что данному гласному предшествуетъ всегда мягкій согласный). Въ зачинѣ, т. е. будучи первымъ звукомъ слова, е имѣетъ передъ собой всегда согласный элементъ—точноѣ говоря, е начальнымъ звукомъ никогда не бываетъ. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пишемъ э, слово не начинается съ гласнаго элемента, а съ легкаго j или неслоговаго i, который я буду обозначать маленькою буквою й, напр. " ѧ! " ѧ х! " ѧ т ь т, " ѣ т и, " е ѣ! Тоже самое и въ пришлыхъ словахъ, напр. " ѧ х а, " ѧ р а. Здѣсь, правда, иногда слышится е чистое, но только при очевидномъ желаніи произнести по иностранному. Легкій j передъ звукомъ е въ началѣ слова, какъ само

собой разумѣется, встрѣчается рѣдко: вѣдь немногія слова на письмѣ начинаются съ буквы э. Происходить это оттого, что еще въ праславянской рѣчи зачинное е приняло *призвукъ j*, такъ что слова, которыя въ родственныхъ языкахъ начинаются со звука е, у Славянъ начинаются съ j: при греческомъ *ἐστὶ* мы находимъ славянское *ѣсть*, русское *је ѣтъ*. Призвукъ ¹ въ русскомъ языкѣ, также и въ другихъ новославянскихъ языкахъ является и передъ ѣ, который, слѣдуетъ думать, въ староцерковномъ и въ основномъ славянскомъ языкѣ призвукъ не имѣлъ. Мы видимъ по-русски глагольную форму *ја м* и при ней инфинитивъ *је ѣтъ*; но предполагаемыя ими праславянскія формы *ѣмь, ѣсти*, должно быть, j не содержали, потому что вмѣсто ѣ (изъ праязычнаго *ē*) послѣ j и другихъ мягкихъ согласныхъ являлся а. Да мы, дѣйствительно, и находимъ при *ѣмь, ѣсти* господствующія въ староцерковномъ языкѣ разновидности *ѣмь, ѣсти*. Изъ существованія рядомъ такихъ фонемъ, какъ *ѣмь, ѣсти* и *ѣмь, ѣсти*, легко объясняются *ја м, је ѣтъ*: огласовка идетъ изъ однихъ фонемъ, а призвукъ— изъ другихъ. Впрочемъ, если ѣ, какъ думаетъ Ф. Θ. Фортунатовъ, былъ восходящимъ дифтонгомъ *і е*, то призвукъ можно объяснять фонетически изъ перваго его элемента.—Какъ исключеніе изъ общаго закона, мы имѣемъ звукъ е безъ предшествующей мягкости послѣ шипящихъ *ж, ш* и послѣ согласнаго дифтонга *тс*. Эти звуки передъ е бываютъ средними—ни мягкими, ни твердыми, напр. *же ѣтъ, ше ѣтъ, тсе ѣтъ*, прилагат. *тсе ѣтъ ѣ*. Подобнымъ же образомъ произносятся *тше ѣтъ* (но также и *тше ѣтъ*), *штше ѣтъ* (но также *штше ѣтъ* или *шше ѣтъ*). Еще мы находимъ звукъ е съ предшествующими средними согласными, когда слово начинающееся съ е примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго слова. Такія соединенія являются тогда, когда мѣстоименіе э тотъ примыкаетъ къ предлогу съ твердымъ изглашеніемъ, напр. *абъ ѣтъ м, е ѣтъ м* (б и с, примыкаясь къ е, умягчаются, но незначительно); то же самое въ такихъ соединеніяхъ какъ *а н ѣ с ѣ ѣ*

¹ Призвукъ—терминъ Я. К. Грота; обыкновенно говорятъ «придыханіе», но послѣдній терминъ страненъ, да и неудобенъ, такъ какъ мы его употребляемъ въ другомъ смыслѣ.

ш ы т ѣ х а. Вѣроятно слѣдуетъ думать, что, когда развивался такой выговоръ, въ зачинѣ еще не было легкаго j.

Въ нарѣчїи малорусскомъ звукъ *е* *неумячительный*: предшествующій ему согласный довольно твердъ, хотя нѣсколько мягче, чѣмъ передъ *а, о, у*. Малорусская рѣчь не знаетъ также, или знаетъ не въ такомъ явственномъ видѣ, примѣненіе звука *е* къ слѣдующему согласному, напр. слово *дѣн* по-малор. будетъ *дѣн*; слово *бѣрък*—*бѣрѣв*; слово *атѣтс*—*отѣтс*. Довольно значительная твердость согласныхъ передъ *е* должна считаться вторичнымъ явленіемъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе сокращенной формы велительнаго склоненія, гдѣ вмѣсто окончанія *те* является одно *т*, но *мякое*. Староцерковной формѣ *берете!* соотвѣтствуетъ по-малорусски *бѣрїте!* и *бѣрїтї!* Очевидно, основная форма представляла окончаніе *те* не столь твердое, какъ въ настоящее время. Нельзя впрочемъ думать, чтобы мягкость въ основномъ русскомъ передъ *е* была такъ сильна, какъ у современныхъ Великороссовъ и Бѣлоруссовъ.

Обратимся теперь къ происхожденію звуковъ ѣ и е. Эти звуки соотвѣтствуютъ тремъ староцерковнымъ звукамъ: *є, ж, ѣ*. Въ русскомъ языкѣ или нѣмѣть, оставляя по себѣ мягкость, или проясняется въ *е*. Впрочемъ мягкость въ послѣдствїи могла иногда утрагиваться, а *є*—подвергнуться вторичному измѣненію. Полное совпаденіе указанныхъ основныхъ звуковъ имѣетъ мѣсто передъ мягкими согласными: передъ ними *є, ж* и *ѣ* совпали въ одномъ звукѣ *е*. Что дѣйствительно существуетъ полное совпаденіе, въ этомъ легко убѣдиться на примѣрахъ. Сравнимъ, напр., выраженіе «а лѣнь» съ существительнымъ «олень»—и то и другое звучитъ одинаково: *а ѣ ѣ н*. Подобнымъ же образомъ можно сравнить сочетаніе «а день» съ велительнымъ «одѣнь»!—то и другое въ фонетической транскрипціи будетъ *а дѣ ѣ н*. Передъ согласными твердыми нѣтъ совпаденія трехъ гласныхъ, а совпадаютъ только два—*е* и *ѣ*. *Є* и *ѣ* передъ твердыми согласными расширились въ *о*, причемъ, конечно, мягкость предшествующаго согласнаго сохранилась, т. е. происходитъ, какъ обыкновенно выражаются, «переходъ *е* въ *ѣ*». Такимъ образомъ основная фонема *теплн* даетъ по-русски *тѣплн*; основная фонема *псъ*—*пѣс*. (Не слѣдуетъ думать, чтобы *ѣ* прямо измѣнялся въ *о*: здѣсь *о* вторичное, изъ *е*). Превративъ передъ

твердыми согласными древнiе е и ь въ о, русскiй языкъ сохранилъ въ такомъ положенiи ж: *л'а с, н'а га, б'ал'ий* и т. д., такъ что наше ä, можно сказать, соотвѣтствуетъ основному я. Есть однако случаи, гдѣ ä имѣеть иное происхожденiе: 1) этотъ звукъ встрѣчается въ словахъ пришлыхъ, напр. *м'ат'ят, кад'ят*; 2) ä бываетъ на мѣстѣ древняго е въ книжныхъ словахъ, подъ влiянiемъ церковнаго языка и правописанiя. Такимъ образомъ мы имѣемъ выговоръ *п' р и д' ж' ä т*, по-польски *przedmiot*, да и по-русски тотъ же корень въ чисто-русскомъ словѣ *п'а м' о т* представляетъ разширенiе; *пад'аш* (грамм. терминъ), но *па д' о ш*. Книжнымъ приходится считать и произношенiе *н' ä ба* *coelum*, рядомъ съ *н' о ба palatum*. Можно удивляться, что слово *н'ä ба* имѣеть книжный выговоръ; но, вѣроятно, дѣло въ томъ, что въ народѣ и въ просторѣчи это слово приходится употреблять почти исключительно съ предлогами, т. е. безъ ударенiя (*н' ä не бо, п' о не бу* и т. д.), такъ что книжное влiанiе, на первый взглядъ невѣроятное, все-таки можетъ быть допущено ¹. 3) Мы имѣемъ ä на мѣстѣ исконнаго е или ь вслѣдствiе вторичнаго отвердѣнiя согласныхъ, т. е. въ такихъ словахъ, гдѣ во время разширенiя е въ о за звукомъ е слѣдовалъ мягкiй согласникъ, отвердѣвшiй только повднѣе; въ послѣдствiи е передъ такою вторичною твердостью также разширилось, но уже не въ о, а въ ä. Основная фонема *отыць* должна была дать первоначально фонему *о т' е т' с'*, по-малорусски дѣйствительно такъ и говорятъ; въ послѣдствiи согласный дифтонгъ *тс* отвердѣлъ, а е разширилось въ ä, и получилось *а т' ä т с*. *Овца* имѣеть въ род. пад. множ. ч форму *овцы*; опять-таки по-русски сначала было (удѣлѣвшее у Малороссовъ) *о в' е т' с'*, а отсюда вполне понятенъ выговоръ *а в' ä т с*. Таково же числительное *с' ä м* (рядомъ съ *с' е м'*). Сюда же можно отнести такiя прилагательныя, какъ *у т' ш' ä б' н' ь й, т с' ы л' ä б' н' ь й*: суффиксъ здѣсь былъ перво-

¹ Въ народной рѣчи встрѣчается также *н' е бо* *coelum*: *н' е бо* Ол., до *н' е б а* Вят. Колосов. Обзор. звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 74. Такъ и въ Скопвскомъ уѣздѣ Рязанской губерни (по сообщенiю Евг. Оед. Будде) произносятъ *н' е б а*.

начально ымы и поэтому звукъ б долженъ былъ быть мягкимъ; отвердѣнiе произошло лишь подъ влиянiемъ слѣдующаго твердаго согласника—основная фонема оуцьымы. Еще 4) не восходитъ къ древнему ѣ ä въ междометii ¹ä!, которое употребляется и само по себѣ, и въ сочетанii съ другими словами, какъ ¹ä ва! ¹ä тъ т. Отсутствiе тутъ разширенiя можно легко объяснить тѣмъ, что слитiе такихъ соединенiй въ одно цѣлое произошло довольно поздно, послѣ того какъ законъ о разширенiи пересталъ дѣйствовать; въ самомъ же междометii сохраненiе е оправдывается тѣмъ, что за нимъ не слѣдовало твердаго согласнаго. Можно бы, пожалуй, сослаться и на то, что разширяемому е всегда предшествуетъ средненебный элементъ (j или мягкiй согласникъ), какового здѣсь первоначально не было. Срв. выше, стр. 10.

Мы видѣли, что великорусское ä до известной степени представляетъ слѣдъ древняго ѣ. Малорусская рѣчь еще съ бѣльшей отчетливостью сохранила память о ѣ, именно въ видѣ *умячительнаго и*, напр. їнс, мiра (исконное *и* по-малорусски—неумячительно). Въмѣсто *и* замѣняющаго ѣ существуетъ въ сѣверномъ говорѣ малорусской рѣчи слогъ *je*, а также своеобразный дифтонгъ *ие*, съ ударенiемъ на *и*. О звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчiя можно найти свѣдѣнiя въ статьяхъ Алдр. Афан. Потебнi, проф. Харьковскаго Университета. Одна статья, озаглавленная: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчiй» напечатана въ «Филологическихъ Запискахъ» въ 1865 г. Она вышла отдѣльнымъ оттискомъ вмѣстѣ еще съ одной статьей (О полногласiи), подъ общимъ заглавiемъ: «Два изслѣдованiя о звукахъ русскаго языка». Другая его статья помѣщена въ тѣхъ же Филологическихъ Запискахъ, въ 1870 г. и озаглавлена: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчiи» ¹.

¹ Отмѣчу здѣсь еще «Очеркъ звуковой исторiи малорусскаго нарѣчiя» П(авла) Житецкаго. Киевъ 1876 и Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg 1880. Обстоятельные свѣдѣнiя объ одномъ изъ сѣверно-малорусскихъ подрѣчiй содержатся въ книгѣ «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губернии. Составилъ по собраннымъ лично материаламъ Н. Янчукъ. Москва 1885».

Въ виду малорусскаго і на мѣстѣ древняго ѡ естественно думать, что въ общерусскомъ языкѣ њ, существованіе котораго предположить необходимо, былъ гласный узкій; былъ ли онъ дологъ, это помоему сомнительно. Можно допустить, что древній выговоръ уцѣлѣлъ, какъ областной, въ Олонецкой губерніи, гдѣ, по словамъ Алексѣя Александровича Шахматова ¹, њ звучитъ какъ е и передъ твердыми согласными, т. е. не только говорятъ мѣрѣи́тѣ, но и мѣрѣа вмѣсто мѣра. При предположеніи, что общерусскій звукъ соотвѣтствовавшій древнему ѡ былъ е, мы можемъ себѣ объяснить, почему ѡ не подвергся расширенію въ о. Приходится думать, что напр. праславянская форма сѣла (рус. сѣла) первоначально представляла е узкое—сѣла; а причастная форма сѣла представляла ѡ, т. е. ѡ—сѣла. Можно предполагать, что форма сѣла въ основномъ русскомъ приобрѣла ѡ и стала звучать сѣла, а отсюда уже великорусское сѣла ²; причастная же форма сѣла, обратилась въ сѣла, изъ чего Великороссы сдѣлали сѣла. Итакъ основная форма сѣла не прямо дала русскую форму сѣла; точно также и причастная форма сѣла не сохранила праславянскій звукъ ѡ, а вернулась къ нему послѣ нѣкотораго отступленія.

Обратимся теперь къ звуку и.

Обыкновенное великорусское и есть звукъ острый, можно сказать мягкій. Хотя научной грамматикѣ приходится возставать противъ школьной терминологіи, въ которой являются «мягкія гласныя я, ю», но звукъ и есть ничто иное, какъ гласный j, и можетъ быть мягокъ самъ по себѣ. Понятно, мягкое и вмѣстѣ съ тѣмъ *умягчительно*, т. е. предшествующій ему согласный бываетъ всегда мягкимъ: ѡйва, ѡйва, ѡист. Подобно тому, какъ слова не начинаются со звука е, такъ они не начинаются и со звука и: передъ зачиннымъ и слышится всегда легкій іотъ, напр.

¹ Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886 г.

² Какъ переходную ступень отъ ѡ къ о, мы, вмѣстѣ съ Шахматовымъ (по его литографированнымъ лекціямъ, читаннымъ въ осеннее полугодіе 1890 года), должны предполагать ѓ.

и́ ва ¹. Также и внутри слова, гдѣ буква и стоитъ послѣ гласныхъ, ея звуку предшествуетъ легкій j, напр. глаголь поить, произносится па и́и́т. Но звукъ и расходится со звукомъ е въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко сочетается съ іотомъ явственнымъ; такой j встрѣчается передъ и только въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія 3-го лица: въ формахъ jим (тв. пад. ед. ч.), jи х (род. и мѣстн. мн.), jим (дат. мн.), jими (тв. мн.); но и здѣсь иные произносятъ и́и. Чаше сочетаніе жи встрѣчается внутри слова, напр. въ раб'jи́, у суд'jи́.

Мягкое и самое обыкновенное въ великорусской рѣчи, однако оно не единственное. Существуетъ нѣсколько оттѣнковъ этого звука, которые болѣе или менѣе приближаются къ родственному широкому звуку ѣ. (Болѣе широкій выговоръ я буду обозначать посредствомъ надписанія надъ и маленькихъ ѣ — и́). Такой средний выговоръ является въ началѣ слова, когда оно примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго. Напр. произносятъ: а б' и́ви, на д' и́ст'и́нъ и́у, к' и́жыт'сы. Тотъ же выговоръ является послѣ согласнаго дифтонга тш́ и трифтонга штш́ въ томъ случаѣ, когда послѣдній элементъ ихъ есть средний (если же произносить послѣдній элементъ мягко, то и будетъ узкое), напр. тш́и́ст, штш́и́т. Еще болѣе широкій звукъ, который почти совпадаетъ со звукомъ ѣ и который можно назвать узкими ерами, мы встрѣчаемъ послѣ ж, ш, напр. жыр'и́, шы́т. Послѣ тс́, напр. въ словахъ тс́и́пка, мѣдит'сы́на слышатся даже настоящіе ѣ.

Существованіе указанныхъ оттѣнковъ можно лучше всего провѣрить посредствомъ рифмы: подобравъ слова, которыя, рифмуясь между собой, представляютъ колебаніе между указанными четырьмя звуками. Слово тш́и́ш не рифмуется чисто на слово ти́ш, съ другой стороны не рифмуется и на слово мы́ш, представляющее чистые ѣ. Сравнимъ еще существительное штш́и́т съ одной стороны съ существ. гра́и́т, а съ другой стороны съ существ. бы́т. Еще

¹ Срв. выше, стр. 8.

сопоставимъ слова тсѣпка и рѣпка; шѣла и мѣла; мужѣк и бѣк. На то, что слоги русскаго письма ши, жи, ци, чи, щи не соотвѣтствуютъ произношенію, первый обратилъ вниманіе протоіерей Герасимъ Павскій, въ своихъ Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе (Санктпетербургъ 1841), стр. 127, § 111, хотя онъ впадалъ въ преувеличеніе, когда говорилъ, что во всѣхъ этихъ слогахъ слышатся ѡ. Ошибка Павскаго была исправлена Я. К. Гротомъ¹.

Что касается грамматической роли звуковъ и и ѡ въ ихъ различныхъ отбѣнкахъ, то вообще можно сказать, что и узкое и широкое равны основному и, а ѡ—основнымъ ѡ. Исключенія составляютъ съ одной стороны слоги ии, ки, хи, которые замѣняютъ староцерковные и праславянскіе ги, кы, хы. Съ другой стороны ѡ соотвѣтствуютъ основному и въ слогахъ ши, жи, напр. теперь мы имѣемъ форму нажѣ съ ѣ, первоначальная же славянская форма была ножѣ; подобнымъ же образомъ ѣишѣ!, а въ праславянскомъ было ѣишѣ! Настоящіе ѡ являются на мѣстѣ и въ слогѣ тсѣ, напр. атсѣ, форма которая въ праславянскомъ звучала отѣцѣ.

Между тѣмъ какъ великорусская рѣчь сохранила, хотя и не безъ отступленій, древнеславянскую двойственность широкаго и узкаго и, т. е. звуки ѡ и и, малорусское нарѣчіе стерло эту двойственность. Въ малорусскомъ произношеніи и и ѡ совпала въ и среднемъ между ѡ и и, въ и твердомъ или широкомъ, это тоже самое и, которое мы въ довольно рѣдкихъ случаяхъ видѣли въ великорусскомъ языкѣ, и для котораго я употребляю знакъ и. Сравнимъ сущ. мѣло (великорусск. мѣло, - а) съ прилаг. мѣла (мѣлѣя).

Впрочемъ, областная малорусская рѣчь знаетъ различіе между и и ѡ; такъ, въ сѣверной части малорусскаго нарѣчія, напр. у

¹ Въ статьѣ «О некоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка». Филол. разскавія, 1 изд., стр. 305—306, во 2-мъ—277—278.

Малороссовъ Гродненской губерніи есть звукъ *ы*, есть онъ и въ западной его части, у Малороссовъ Карпатскихъ. Малорусской рѣчи не чуждо и умягчительное *и*, но оно не равно древнему *и*, каковое соотвѣтствіе встрѣчается лишь какъ весьма рѣдкая мѣстная особенность, обыкновенно же происходитъ изъ *ѣ*, о чемъ я уже упоминалъ. Въ ббльшей части малорусскихъ говоровъ такое *и* есть постоянная замѣна древняго *ѣ*; мы видимъ, напр. малорус. *і* и с равное великорусскому *і* ѣ с, основному *лѣсь*. Иногда такое *и* происходитъ также (при особыхъ условіяхъ) изъ основного *е* и рѣже—изъ *о*, о чемъ подробнѣе будетъ говорено впоследствии.

Подобнымъ же образомъ, какъ значительную твердость согласныхъ передъ малорусскимъ *е* мы признали явленіемъ вторичнымъ и предположили, что въ основномъ русскомъ слоги со звукомъ *е* были довольно мягки, и что впоследствии въ великорусскомъ они получили еще ббльшую мягкость, а въ малорусскомъ поотвердѣли, такъ мы должны видѣть вторичный выговоръ и въ слогахъ со звукомъ *и*. Опять-таки въ малорусской рѣчи можно указать нѣкоторые слѣды мягкости передъ *и*, а именно въ инфинитивѣ, который кончается по-малорусски или на слогъ *.ті*^и, или же на *т*, напр. *бр а т*^и и представляетъ среднее, довольно твердое *т*, но при немъ существуетъ разновидность *бр а т* съ мягкимъ *т*. Очевидно, основная форма представляла здѣсь довольно мягкое *т*, которое въ одномъ случаѣ стало среднимъ, а въ другомъ—совсѣмъ мягкимъ.

Перехожу теперь къ звуку *о*.

По происхожденію звукъ *о* можетъ соотвѣтствовать 1) основному *о*; 2) основному *ѣ*; 3) онъ можетъ быть вторичнымъ измѣненіемъ звука *е* въ великорусской рѣчи; причемъ это *е* можетъ имѣть свое обыкновенное двоякое происхожденіе, т. е. а) равняться исконному *е*, или б) быть прояснившимся *ѣ*. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія слова: 1) исконное *о* представляетъ слово *до м*, основное *домъ*; 2) *о* изъ *ѣ*—сон, основное *съмъ*. Разновидностью этого *о* можно считать *о* вставочное, явившееся по примѣру органически бѣлаго *о*, напр. *а г б ѣ* вм. *ог ѣ* изъ *ог ѣ*. 3) Звукъ *о* какъ плодъ разширенія является послѣ согласныхъ мягкихъ, въ томъ числѣ и *ј*; также и послѣ нѣкоторыхъ соглас-

ныхъ, которые первоначально были мягкими и лишь впоследствии въ большей или меньшей степени отвердѣли. Мы имѣемъ о, какъ разширеніе исконнаго е, въ слѣдующихъ словахъ: *jóлка*, основное **юлька*; *мóт*, основное *медь*; *тшóлка*, первоначальное **юлька*; *жóнка*—*женька*. Примѣрами на е вторичное могутъ служить слова *лóвн*, основное *льнь*, и *шóл*, основное *шьль*. Объ этомъ разширенномъ е я сейчасъ скажу подробнѣе.

Въ статьяхъ по русской фонетикѣ академика Я. К. Грота мы встрѣчаемъ утвержденіе будто звукъ *а* подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *о*. Но приводимые имъ примѣры надо толковать иначе. Мы дѣйствительно, встрѣчаемъ *о* вмѣсто *а* въ нѣкоторыхъ

глаголахъ, напр., при 1-мъ лицѣ *ја пла́тшú*, 2-е будетъ *ты плóтш*, выговоръ *плáтш* слышится рѣже. Подобныя же формы встрѣчаются и у другихъ глаголовъ: въ областной рѣчи (иногда впрочемъ и у людей образованныхъ) слышится выговоръ *пáсóдш*, *п́рígлóсьш*, *пáдóрш*, *вóрш* и т. п. Эти формы легко и удобно объясняются подражаніемъ тѣмъ многочисленнымъ глаголамъ, гдѣ мы имѣемъ исконное *о*, перешедшее въ 1-мъ лицѣ въ *а*, напр. *ја на́шú*—*ты нóсьш*. Объясненіе это само собой напрашивается и весьма естественно ¹⁾.

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ разширеніе *е* въ *о*. Это разширеніе происходитъ подъ удареніемъ, передъ твердымъ согласникомъ. Мы имѣемъ выговоръ *сóла* при ед. ч. *с́илó* и прилагательномъ *с́е́лскъ́й*; подобнымъ же образомъ въ уменьшительномъ словѣ *п́тшóлка* развился *о*, но основное для него *п́тшíла* не имѣетъ *о*, а представляетъ неясственное *и*; производное *п́тшéлньк* опять таки *о* не имѣетъ. Подобнымъ же образомъ при существительномъ *лóт* стоитъ производное *лéдньк*, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ является *е*; основная форма будетъ *ледыньк*. Мы уже видѣли раньше, что

¹⁾ Печатно оно было высказано Халанскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ I т. Русс. Филол. Вѣстн., и озаглавленной: «Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи».

точно такъ же, какъ передъ мягкими согласными, не происходитъ расширенія и передъ дифтонгомъ тс, хотя онъ и твердъ; какъ примѣръ на это я приводилъ слово а́тс (не а́тс) и объяснилъ его тѣмъ, что въ старинномъ языкѣ тс было мягко и это спасло звукъ е отъ расширенія, впоследствии же произошло расширение въ а. На ряду съ дифтонгомъ тс стоятъ шипящія ж и ш — они тоже встарину были мягкими, и мы ожидали бы, что они должны препятствовать расширенію, однако мы видимъ существительныя гра́б'ош, па́д'ош¹⁾, ј'ош. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы имѣемъ также расширение передъ окончаніемъ ш: ѡи́д'ош. Это тѣмъ страннѣе, что дифтонгъ тс у великороссовъ рѣшительно отвердѣлъ, между тѣмъ какъ мягкіе шипящія ж и ш продолжаютъ существовать въ областной рѣчи: естественно думать, что ж и ш отвердѣли позднѣе, чѣмъ тс, и если передъ тс расширения не произошло, то тѣмъ болѣе его не должно бы быть передъ ж и ш. Въ виду этого я склоненъ считать о передъ шипящими не самороднымъ, а подражательнымъ. Что касается глагольныхъ формъ, то ихъ легко признать неорганичными и предположить подражаніе 2-го лица 3-му л. ед. ч. и 1-му мн.: ѡи́д'от, ѡи́дом. Также и для существительныхъ па́д'ош, гра́б'ош, ј'ош мнѣ такое объясненіе кажется возможнымъ: колебанія въ родѣ с'ил'о—с'ол; в'ид'у, в'ил'а—в'ол были настолько привычны, что по ихъ образцу къ косвеннымъ падежамъ гра́б'ижа́, па́д'ижа́, ј'ижа́ и т. д. могли образоваться новый именительный—гра́б'ош, па́д'ош, ј'ош. На это объясненіе нельзя возражать, что при такомъ вторичномъ появленіи о мы должны имѣть ои на мѣстѣ ж: должны бы говорить с'м'ох; потому что тутъ всѣ падежи другъ друга поддерживаютъ, а въ нашихъ существительныхъ только именительный полагаетъ удареніе на е. Впрочемъ возраженіемъ можетъ служить слово грѣх, имѣющее также наклонное удареніе²⁾: грѣха́, грѣху́ и т. д.—

¹⁾ Грамматическій терминъ па́д'аш представляетъ а, объясняемое книжнымъ вліяніемъ.

²⁾ Наклоннымъ удареніемъ (по Гроту) называется удареніе, падающее на падежныя окончанія, гдѣ они есть.

если къ родит. *ј и ж а* образованъ именит. *ј о ш*, то почему къ родит. *г р и х а* не образованъ именит. *г р б х*? Но слово *г р ѣ х* могло находиться подъ охраной церковнаго употребленія. Однако для слова *м ѣ л а д ѓ ш*, род. *д ѓ ж ы я* объясненія не нахожу.

Законъ разширенія звука *е*, или перехода *е* въ *јо*, былъ указанъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ. Въ 1808-мъ году вышла книга Борна «Краткое руководство къ російской словесности», въ которой Востоковъ помѣстилъ грамматическія замѣчанія о русскомъ языкѣ. Востоковъ выставилъ законъ, что превращеніе *е* въ *о* происходитъ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; и это принято за нимъ повторять. Но мнѣ думается, что въ исходѣ разширенія быть не должно, такъ какъ разширеніе есть слѣдствіе примѣненія къ слѣдующему согласному, а конечному звуку не къ чему примѣняться. Правда, законъ Востокова на первый взглядъ кажется вполне вѣрнымъ: мы имѣемъ цѣлый рядъ существительныхъ на *о* вмѣсто древняго *е*, напр. слова *б ы т ѣ о*, *к а і ѣ о*, *к а і т с ѓ о* вмѣсто древнихъ *б ы т ы е*, *к о п ы е*, *к о л ы ц е*; такимъ же образомъ мы говоримъ *х ѣ р а ш ѓ в м.* *х о р о ш ѣ* и т. д. Однако въ областной рѣчи въ такихъ словахъ иногда встрѣчается *е*, напр. въ новгородскомъ разнорѣчии сѣверо-великорусскаго говора формы *х ѣ р а ш ѓ*, *к а і т с ѓ о* звучатъ *х о р о ш ѣ*, *к о л ы ц ѣ* ¹⁾. Эти формы необходимо признать самородными, т. е. произошедшими фонетически—явиться путемъ подражанія онѣ не могли, такъ какъ заимствовать *е* было неоткуда. Съ другой стороны, формы на *о* легко могутъ быть подражательными: онѣ могли заимствовать *о* у словъ твердаго различія, какъ *о к н ѓ*, *с е л ѓ*, *к р а с н ѓ*. Нѣтъ впрочемъ необходимости указанныя явленія считать вполне чуждыми звуковой подкладки. Дѣло въ томъ, что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; въ живой, связанной рѣчи исходъ одного слова такъ тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующаго, что никакого исхода нѣтъ. Конечный гласникъ обыкновенно, значить, не есть дѣйствительно конечный, а имѣетъ за собой начальный звукъ слѣ-

1) Даль. О наречіяхъ велико-русскаго языка. Толковный словарь изд. 2, стр. XLV.

дующаго слова. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ то явленіе, которое я называю неорганичнымъ, признать отчасти органическимъ. Можетъ быть, наше *каітсѳ* развилось фонетически въ выраженіяхъ въ родѣ *кольце мое*, гдѣ *е* имѣетъ за собой твердый согласный; при обратномъ порядкѣ, *мое кольцо*, *е* должно было сохраниться, точно такъ же и въ выраженіи *кольце его*, гдѣ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный. Такимъ образомъ мы скажемъ, что конечное *е* въ иныхъ случаяхъ фонетически измѣнялось въ *о*, въ другихъ сохранялось, но что подъ вліяніемъ словъ твердаго различія окончаніе *о* возобладало и вытѣснило *е*. Указанныя соображенія уже изложены мною печатно въ статьѣ «Нѣкоторые вопросы славянской грамматики» (Ж. М. Н. Пр. 1888 года, мартъ), въ первомъ ея отдѣлѣ, написанномъ въ отвѣтъ Алексѣю Ивановичу Соболевскому на его разборъ русской части «Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ» Миклошича въ переводѣ Николая Шлякова, изданномъ подѣ моею редакціей.

Отъ нашего звукового закона мы видимъ нѣкоторыя отступленія, которыя нуждаются въ оправданіи. Бываютъ, 1) отступленія, которыя можно объяснять книжнымъ вліяніемъ; таково, напр., слово *крѣст*, которое должно бы звучать *крѳост*, и дѣйствительно въ народной рѣчи мы встрѣчаемъ выговоръ *хрѳост*¹⁾. Подобное же *е* представляетъ вполнѣ книжное слово *кѣиврѣт*. 2) Въ другихъ словахъ мы сохраненіе звука *е* можемъ объяснять такимъ же образомъ, какъ передѣ *тс*, т. е. позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Таково, напр., прилагательное *судѣбнѣй*, для котораго основная форма есть *сѣдѣвнѣи*; таково прилаг. *ѣѣспнѣй*, основная форма *льстѣвнѣи*. Таково же прилаг. *утѣбнѣй*, основ-

¹⁾ Чередуваніе *к* и *х* въ этомъ словѣ восходитъ ко временамъ давнишнимъ. Я объясняю его себѣ вліяніемъ съ одной стороны греческаго названія Спасителя—*Христѳс*, а съ другой—романо-германскаго выговора *Kristus* вм. *Christus*. (Слово *крѣсть* выводятъ изъ имени Христа, причѣмъ переходъ значенія легко можно принять такой: Христѳс, затѣмъ распятіе, а потомъ всякій крестъ).

ная форма *оуцьмын*. Это слово иногда, однако, приходится слышать въ формѣ *у́тшѡбнѣй*, приче́мъ форма *у́тшѣбнѣй* — органическая, а *у́тшѡбнѣй* — вторичная. И существительное *у́тшѣбнѣк* надѣляютъ иногда звукомъ *о*, т. е. говорятъ *у́тшѡбнѣк*. Подобный же выговоръ, какъ въ словѣ *у́тшѡбнѣк*, мы имѣемъ въ прилаг. *тѡмнѣй*, основная форма *тымьнѣй*; мы органически ожидали бы здѣсь произношенія *тѣмнѣй*, которое дѣйствительно встрѣчается въ областной рѣчи: мы видимъ такое произношеніе этого прилагательнаго въ онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Θ. Гильфердингомъ. Въ такомъ соотношеніи, какъ *у́тшѣбнѣй* и *у́тшѡбнѣй*, находится литературный выговоръ *сма́ртнѣй* и простонародный *сма́ртнѣй*. Исключенія изъ нашего закона 3) являются еще въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ; мы видимъ такимъ образомъ *ѣ*, а не *о* въ словахъ *на́друкъ*, *на́мътшѣ*, *на́дъръсьѣ* ¹⁾. Такимъ же образомъ *ѣ* является въ предлогѣ *бѣ́зъ*, въ *бѣ́зна*, *бѣ́стѣлѣтшѣ*, въ выраженіи *бѣ́зъ гѣду* (напр. безъ году недѣля). Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя могутъ считаться книжными, напр. *безъдна*, *недругъ*, но едва ли это можно сказать про всѣ, такъ что указанные слова представляютъ большое затрудненіе. Для нихъ, вѣроятно, слѣдуетъ предполагать вторичное образованіе послѣ того, какъ разширеніе *е* уже совершилось, или же вторичный переносъ ударенія на отрицаніе и предлогъ. Исключенія, совершенно непонятныя, представляютъ существъ. *штѣ́ст* и прилаг. *штѣ́шадръѣй*; отчего не *шѡ́ст* и не *штѣ́шодръѣй*? ²⁾.

Кромѣ дѣйствительныхъ исключеній существуетъ немалое количество мнимыхъ — слова, въ которыхъ употребляютъ букву *е*, тогда какъ слѣдовало бы ставить *ь*, напр. *блескъ*, *вредъ*, *членъ*, *мелкій*, *запретъ*, *опека* — малор. *опіка*, *ноч-*

¹⁾ Срв. также нѣсколько ниже, подо мнимыми исключеніями.

²⁾ Слово *кѣ́рал'ѣва* можно, кажется, оправдать тѣмъ, что оно несомнѣмъ народное, и что на него вліяли *кѣ́рал'вѣіт'ш* и *кѣ́рал'ѣвна* (*кряжнѣвна).

вмѣсто фонетическаго з'и і́éñ'ñ к'ъ й образовано подъ давленіемъ органической формы з'и і́óñ'ñ й. Подобнымъ же образомъ и слово і́óđ'ñ'к (провинціализмъ в м. і́éđ'ñ'к) заимствовало свое о отъ органической формы і́óт. Также существ. к'ъ р'а і́óт'ш'ь к' руководствовалось формой к'ъ р'а і́óк. При этомъ становится понятна та двойственность, на которую обратилъ вниманіе Потебня, что передъ звукомъ тш то является разширеніе, то нѣтъ, такъ что рядомъ съ к'ъ р'а і́óт'ш'ь к' стоитъ уменьшительное отъ ка і́т'с'ó—ка і́éт'ш'ка: послѣднее сохранило органической выговоръ, такъ какъ ему неоткуда было заимствовать разширеніе ¹⁾. Подражательнымъ измѣненіемъ слѣдуетъ объяснять и тѣ случаи, въ которыхъ ѣ слышится на мѣстѣ древняго ѡ. Въ грамматикѣ приводятся слѣдующія слова, гдѣ буква ѡ должна читаться за ѣ: звѣзды, сѣдла, гиѣзда, цвѣль, пріобрѣль, надѣванный, позѣвывать. Къ причастію надѣванный можно прибавить однокоренное съ нимъ существ. поддѣвка.

Изъ указанныхъ исключеній нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрно сюда отнесены. Прежде всего слѣдуетъ опустить прошедшее время т'с'в'о л, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ староцерковномъ языкѣ есть цвѣсти-цвѣтъ (съ болѣе слабой огласовкой), и только существ. цвѣтъ имѣеть ѣ; русскій ѣ въ написаніи глагола цвѣсти можетъ объясняться подражаніемъ на письмѣ существ. цвѣтъ. Впрочемъ, въ малорусской рѣчи существуетъ форма цвѣту. Но, хотя бы инфинитивъ цвѣсти, наст. цвѣту, имѣлъ ѣ (заимствованный въ такомъ случаѣ у существ. цвѣтъ), мы все же можемъ считать произношеніе т'с'в'о л отраженіемъ первоначальнаго цвѣль.

¹⁾ Затрудненіе представляетъ слово т'óш'т'ша. Впрочемъ этому слову слѣдовало бы звучать не т'éш'т'ша, а тш'т'ш'а (вѣдь мужская форма этого имени, т'с'с'т', встарину имѣла е бѣглое): д. б. о по акцентнымъ соображеніямъ (по извѣстнымъ образцамъ пче'ла—пч'о'лы, жена—ж'о'ны) прежде всего вставилось во множ. ч., а потомъ уже, для устраненія необычнаго созвучія т'ш'т'ш', вошло и въ единств. (Серб. т'áш'та в м. *т'ш'та просто заимствовало а-ь у мужской формы т'áст, родн. т'áста).

Нѣсколько иного рода оговорку слѣдуетъ сдѣлать относительно слова сѣдла. Слово сѣдло въ староцерковномъ звучало седлао; значить, корень тутъ представляетъ не ту огласовку, что въ глаголъ сѣсти. Надо однако, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ все-таки можно видѣть исключеніе изъ нашего закона: за звукомъ д слѣдовалъ ъ, и подѣ его вліяніемъ д было по-русски мягко и мягкость его должна была помѣшать расширенію звука е, и мы все-таки должны бы ожидать фонемы сѣдла. Впрочемъ и польскій языкъ расширяетъ здѣсь е, представляя выговоръ siódło. Вѣроятно, намъ утрату звука ъ и уподобленіе мягкаго д твердому л слѣдуетъ отнести къ довольно ранней порѣ, такъ что звукъ д былъ уже твердымъ въ то время, когда происходило расширение ¹⁾).

Вмѣсто двухъ исключенныхъ нами примѣровъ, въ которыхъ мы признали ъ плодомъ ошибочной орфографіи, мы можемъ прибавить одно слово, къ которому надо бы писать ъ, а пишутъ е; это — ведро, мн. ч. вѣдра (вѣдро, по-польски wiadro, а не wiódro).

Что касается объясненія дѣйствительныхъ исключеній указанного рода, то, конечно, надо видѣть въ нихъ подражаніе развившемуся въ другихъ словахъ органическому колебанію. Такъ, з вѣзда развила форму звѣзды по примѣру селѡ—селѡ, женѡ—женѡны.

Впрочемъ для слова пріобрѣлъ можно подобрать иное объясненіе; можно думать, что глаголъ пріобрѣсти въ народномъ сознаніи сблизился съ глаголомъ брести—брѣду, и, какъ говорятъ «набрѣл», «забрѣл», такъ стали говорить «пріобрѣл».

Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя въ областной рѣчи (отчасти, и въ употребленіи образованныхъ людей) представляютъ формы органическія: такъ, многіе настаиваютъ на томъ что выговоръ звѣзды есть провинціализмъ, неправильность, а надо говорить звѣзды.

Къ нашимъ исключеніямъ, существующимъ въ литературной рѣчи, прибавлю еще нѣсколько изъ рѣчи областной.

¹⁾ Малорус. сідлаб я склоненъ выводить изъ седлао, какъ лід изъ ледъ; хотя можно допустить также, что оно представляетъ примѣненіе (въ живой рѣчи, а не только на письмѣ) къ глаголу сідіти.

Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ можно указать не мало случаевъ, гдѣ вмѣсто ѣ употребляется е; на нихъ я останавливаться не буду, отмѣчу только довольно распространенныя въ народѣ прошедшія глаголовъ побѣжать, прибѣжать, которыя соотвѣтствовали бы неокончательному бѣчь, — па б'ок, п'ри б'ок. Иного рода исключеніе, именно исключеніе мнимое, слѣдуетъ видѣть въ народномъ выговорѣ прошедшаго къ глаголу ослѣпнуть — ослѣп; по-славянски этотъ глаголь звучитъ—осльпнати, элевое причастіе осльплъ. Это, значитъ, такое же исключеніе, какъ тсвѣол: ѣ внесенъ въ глаголь изъ прилагат. слѣпой, а народная рѣчь осталась при старинѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ па б'ок и п'ри б'ок, получили 'о двѣ формы, которыя должны бы имѣть 'а; это—зап'рок и тр'ос къ запрячь и трасти. Вмѣсто за пр'а'т'ш (запрашати) мы говоримъ за пр'ѣ'т'ш; очевидно, изъ большинства формъ, гдѣ, 'а не имѣетъ ударенія, внесли е и въ инфинитивъ, а потомъ въ прошедшемъ авилось 'о—зап'рок; точно такъ же вмѣсто тр'ас появилось тр'ос¹⁾. Гротъ рядомъ со словами тр'ос и зап'рок ставить также нарѣчіе тр'ит'овъд'ни вмѣсто третьяго дня; но тутъ мы имѣемъ замѣну 'а черезъ 'о только съ точки зрѣнія правописанія: русскимъ окончаніемъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ слѣдуетъ считать ово, а не аво. Это ово, которое ясно слышится въ первой своей части подъ удареніемъ (г'ни-д'ова), слѣдуетъ приписать и прилагательнымъ съ безударнымъ окончаніемъ (д'обрава); соотвѣтственно тому, при мягкомъ окончаніи — ево, такъ что нарѣчіе тр'ит'овъд'ни представляетъ правильное разширеніе е, а вовсе не превращеніе а въ о.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ разширеніе въ сѣверно-великорусской рѣчи, вопросъ трудный. Матеріалы объ этомъ (по большей части заимствованныя у Колосова) можно найти у Богородицкаго въ его «Курсѣ грамматики русскаго языка», въ Рус. Фил. Вѣстн. XVII т. Повидимому, сѣверно-великорусская

¹⁾ Таково же д. б. и слово дѣсны (см. мой Разборъ Этимологическаго словаря Миклошича. Дополненія, стр. 53—Р. Ф. В., т. XXI, стр. 217, а м. б. и стѣганный, застѣгивать, застѣжка.

рѣчь представляетъ расширение *e* передъ твердыми согласными въ ударяемомъ слогѣ (наравнѣ съ южно-великорусскою и литературною), да еще въ предударномъ, напр. сѣ́лоза, вѣ́сна, сѣ́стра, рѣ́бро, жѣ́на, го́рова́т, пѣ́ри́носу, за́порла. Правда, расширение весьма нерѣдко и въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ, но въ нихъ его можно чуть ли ни всегда считать подражательнымъ: впр. по́ло вм. по́лоя по образцу да́ло, у́тро; бо́тшо́к по образцу ла́вок, нѣ́ток; бу́дот, ска́жот по образцу ¹идѣ́т, нѣ́сѣ́т. Кромѣ того въ связной рѣчи подобные случаи отчасти могутъ быть вызваны положеніемъ передъ ударяемымъ слогомъ слѣдующаго реченія: выраженія по́ло бра́тнина, шѣ́ст бо́тшо́к вѣ́тки, он бу́дот в го́родѣ представляютъ тѣ же звуковыя условія, какъ цѣльныя реченія сѣ́лоза, го́рова́т. Склоняясь съ одной стороны ко мнѣнію, что расширение происходило лишь въ ударяемомъ и въ предударномъ слогѣ, а съ другой стороны считаю вѣроятнымъ, что первоначально расширение зависело исключительно отъ твердости слѣдующаго согласнаго ¹, и что только впоследствии появившееся здѣсь *ö* ² при однихъ акцентныхъ условіяхъ развивалось въ *o*, а при другихъ опять переходило въ *e*: произнести здѣсь рѣшительный судъ трудно.

Въ малорусской рѣчи расширение происходитъ гораздо рѣже, чѣмъ въ великорусской: оно имѣетъ мѣсто послѣ шипящихъ. Такимъ образомъ изъ основныхъ шѣлкѣ, жѣрло, жѣна, чѣло, чѣловѣкъ выходитъ шѣвк, жѣвтий, жѣна, чѣло, чѣловѣк. Когда мы въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго *e* видимъ *o*, то слѣдуетъ думать, что *o* явилось не фонетически, а вслѣдствіе примѣненія однихъ формъ къ другимъ, напр. жо́во должно быть получило свое *o* отъ формы твердаго окончанія то́во. Такъ же, какъ малорусское жо́во, можно толковать и сѣверновеликорусское жо́во, хотя въ этомъ нѣтъ надобности.

Расширенное *e*, какъ мы уже видѣли, существуетъ также въ языкѣ польскомъ. Нѣкоторыя польскія явленія могутъ служить

¹) См. выше, стр. 19.

²) См. выше, стр. 3.

поучительной параллелью къ явленіямъ русскимъ. Мы отмѣтили, что сущ. к і ó н нѣкогда въ мѣстномъ падежѣ должно было произноситься (на) к і é н ѣ. Такъ какъ русская азбука первоначально не имѣла буквы ё (которою и теперь рѣдко пользуются), то по написанію памятниковъ трудно провѣрить, гдѣ было е, гдѣ ё, а кромѣ того форма (на) к і é н ѣ намъ можетъ показаться странною. Но мы изъ польскаго языка видимъ, что подобныя формы могли существовать. Польскій языкъ встарину при именительныхъ жона и miód (род. miodu) въ мѣстномъ падежѣ имѣлъ żenie и miedzie, и только впоследствии появился новопольскій выговоръ żonie и miodzie.

Польскій языкъ представляетъ также аналогію замѣнѣ ѣ черезъ 'о: ѣ по-польски превращается въ однихъ случаяхъ въ ie, въ другихъ (передъ твердыми зубными: t, d, s, z и ł, да еще передъ г)—въ ia; но есть случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго ia появляется io; напр. къ слову pieśń уменьшительное должно бы звучать piaseńka или piaseńka, въ дѣйствительности же мы находимъ выговоръ piosenka и piosenka: очевидно, здѣсь такое же подражаніе случаямъ органическаго расширенія е, какъ и въ русскомъ.

Окончивши обзоръ ударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, присоединю къ нему еще замѣчанія о нѣкоторыхъ тонкостяхъ произношенія, которыхъ мнѣ казалось неудобнымъ касаться ранѣе.

Какъ мягкость или твердость слѣдующаго согласника отражается на звукѣ е, дѣлая его то широкимъ, то узкимъ, такъ она отражается и на другихъ гласникахъ. Наблюденіе это было сдѣлано упомянутымъ выше акад. Бётлингомъ. Правда, Гротъ отвергъ мнѣніе Бётлинга, однако напрасно: хотя отгѣнки произношенія въ этомъ случаѣ гораздо тоньше, чѣмъ при звукѣ е, но они все-таки существуютъ. Если сопоставить нарѣчіе р а н а съ его сравнительную степень р а ѳ ш ы, то оказывается, что во второмъ случаѣ а нѣсколько приближается къ е, т. е. что передъ твердымъ согласнымъ мы имѣемъ а ш и р о к о е, а передъ мягкимъ—узк о е. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи существительныхъ х ó р и х ó р ѣ (хорѣкъ), оказывается, что о во второмъ случаѣ приближается къ ё. Точно такъ же мы имѣемъ двойное у: сущ. п у т' отличается отъ сущ. п ѹ т (п-у-д-ъ) не только мягкостью звука т, но также сравнительною узостью звука у, кото-

рый смахиваетъ на ѱ. Мягкость или твердость слѣдующаго согласника естественно должна отражаться также на звукахъ ы и и: ы въ среднемъ родѣ ед. ч. б ы л а и во множ. ч. б ы л и не совсѣмъ одинаковы. Такимъ образомъ мы должны предположить (хотя это слухомъ трудно уловить), что отмѣченные нами четыре оттѣнка, отъ самыхъ широкихъ ы до самаго узкаго и, каждый могутъ распадаться еще на два оттѣнка, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій согласникъ. Существованіе узкихъ а, у, о, ы можно провѣрить, если начать произносить слова и не договаривать ихъ, останавливаясь на наблюдаемомъ звукѣ: вслушиваясь, можно опредѣлить по началу словъ, предполагается ли твердое произношеніе или мягкое. Напр. по первому слогу ба- можно узнать, имѣлось ли въ виду сказать б а б а, б а л о в е н ь, вообще какое-нибудь слово со слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, или же какое-нибудь б а н я, б а с н я. Подобнымъ же образомъ по слогу ду- можно узнать, собирались ли сказать д у - л а, или же д у - л и.

Суженіе гласнаго а въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ (напр. у Ярославцевъ, Вятчанъ, Олончанъ), когда звукъ а и сзади и спереди имѣетъ мягкій согласный, идетъ далѣе, такъ что а п р е в р а щ а е т с я въ е, напр. наше з'а т' звучитъ з'е т', п р'а н'ь к'и—п р'е- н'ь к'и, г р'ас'—г р'е с'.

Суженіе есть явленіе весьма извѣстное въ нѣмецкомъ языкѣ: тамъ при ед. ч. Hand мы имѣемъ множ. Hände — старонѣмецкія формы были hant, hentî; подобнымъ же образомъ имѣется прилагат. schön, старонѣмецкая форма котораго была skoni; имѣется глаголъ füllen, готская форма—fulljan. Принято говорить о вліяніи послѣдующаго i, j, но такое вліяніе одного звука черезъ другой не можетъ быть допущено, и слѣдуетъ думать, что здѣсь передъ i, j произошло умягченіе (въ извѣстной степени) согласнаго, а затѣмъ суженіе гласнаго передъ мягкимъ согласнымъ. Въ языкѣ русскомъ суженіе не пошло такъ далеко, какъ въ нѣмецкомъ, и а, о, у только приблизились къ ä, ö, ü, за исключеніемъ сѣверновеликорусскаго говора, въ которомъ мы видѣли полное суженіе а въ е.

Обратимся теперь къ гласнымъ б е з у д а р н ы м ѣ. При отсутствіи ударенія русскіе гласные бываютъ неясственны: а и о въ

такомъ случаѣ совпадаютъ въ одномъ звукѣ, который болѣе или менѣе подходитъ къ *а*, но иногда бываетъ весьма неясственнымъ и смахиваетъ на *ы*. Совпаденіе звуковъ *а* и *о*, извѣстно подъ именемъ «а канья» и составляетъ особенность говора южно-великорусскаго и нарѣчія бѣлорусскаго, тогда какъ сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе сохраняютъ безударное *о*¹. Употребленіе *о* вм. *а* явленіе отнюдь не исконное: нельзя никоимъ образомъ думать, вслѣдъ за Максимовичемъ, чтобы въ этомъ случаѣ южновеликорусская и бѣлорусская рѣчь была архаичнѣй сѣверновеликорусской и малорусской; однако же аканье довольно раннее явленіе—оно не новѣ XIV столѣтія.

Такъ какъ южновеликорусская рѣчь (вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная) превращаетъ безударное *о* въ *а*, то въ ней вовсе не должно бы быть *о* безударнаго; есть однако случаи, въ которыхъ слышится такое *о*, видимо утратившее удареніе лишь въ позднѣйшее время. Это такія слова, которыя въ однихъ случаяхъ имѣютъ до сихъ поръ удареніе на *о*, а въ другихъ становятся прислонками (энклитиками). Таково личное мѣстоименіе онъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ онъ бѣл, да рѣзвѣ тамъ онъ?, вѣтъ онъ. И средній родъ этого мѣстоименія, а нѣ, сохраняетъ свое *о*, когда становится энклитикой, напр. въ выраженіи а нѣ вѣшла; таковъ же родительный пад. живѣ въ выраженіи «на живѣ мѣстѣ». Таковы еще мѣстоименія — указательное тѣотъ, то и относительныя хтѣ, што, рядомъ съ которыми стоятъ вопросительныя хтѣ, штѣ, съ полнымъ удареніемъ; ихъ род. падежи: тавѣ, кавѣ; тѣшивѣ и мѣстные фѣтомъ, фѣкомъ, фѣшѣомъ. Таковы еще союзы: штѣбы, но, междометіе вѣтъ.

Утверждаютъ, что въ говорѣ сѣверно-великорусскомъ существуетъ явленіе обратное аканью, т. е. не только сохраняется безударное *о*, но даже происходитъ иногда превращеніе въ *о*

¹) Однако не вездѣ оказываютъ одинаково: ярославцы (впрочемъ м. б. не всѣ) произносятъ явственное *о* только въ предударномъ и въ конечномъ слогѣ, въ другихъ же слогахъ безударное *о* чуть-ли не совпадаетъ съ литературнымъ. На этотъ счетъ не сдѣлано еще достаточно точныхъ наблюденій.

безударнаго а. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ около тридцати словъ, представляющихъ-де такой переходъ; при томъ онъ замѣчаетъ, что о вмѣсто а появляется только въ отдѣльныхъ словахъ и нигдѣ не составляетъ правила. Почти постоянно слышится о въ одномъ лишь корнѣ р о б вмѣсто р а б, откуда глаголъ р о б и т ь (также р о б и т ь), сущ. р о б о т а; да еще въ предлогѣ р а з -, который почти постоянно является въ формѣ р о з -. (Замѣчу, впрочемъ, насчетъ предлога р а з -, что для архангельскаго разнорѣчія показанія Колосова не подтверждаются показаніями Подвысоцкаго. Въ «Словарѣ областнаго архангельскаго нарѣчія» Подвысоцкаго мы видимъ довольно часто предлогъ раз-, хотя нерѣдко встрѣчаемъ и роз-; также рядомъ съ глаголомъ р о б и т ь мы тамъ находимъ р а б о т а т ь). Полагаю, что въ такъ называемый с п о р а д и ч е с к і й переходъ звуковъ, т. е. въ фонетическое измѣненіе въ однихъ словахъ, тогда какъ въ другихъ тотъ же звукъ при тѣхъ же условіяхъ остается безъ перемѣны, вообще вѣрнѣе не слѣдуетъ. И «переходъ» безударнаго а въ о отчасти оказывается мнимымъ. Такъ относительно предлога р о з - слѣдуетъ сказать, что р а з - въ литературномъ языкѣ едва ли не есть просто искусственное правописаніе, явившееся подъ влияніемъ староцерковнаго языка; вѣдь мы говоримъ р о з ы с ь, р о з в а л ь н и, р о с т е п е л ь и т. д., и р а з - подъ удареніемъ представляетъ только сущ. р а з у м, которое такъ звучитъ и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ; гдѣ, однако является прилагат. р о з у м н о й. Кажется, существ. р а з у м н ѣ т ь надобности считать книжнымъ и предполагать, что настоящій русскій выговоръ его былъ бы р о з у м. Можно думать, что это одно слово сохранило предлогъ р а з -, который, какъ разновидность къ р о з -, долженъ былъ существовать еще въ общеславянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне сѣверозападные имѣютъ предлогъ р о з -, а югозападные р а з -; при томъ у Славянъ сѣверозападныхъ встрѣчаются слѣды предлога р а з -, а именно у Словаковъ въ нѣсколькихъ словахъ является газ, напр. г а з с е с т ы (распутье: cesta—дорога). Можно думать, что сѣверновеликорусская рѣчь, представляя рядомъ существительное р а з у м и прилаг. р о з у м н о й, сохранила даже первоначальное соотношеніе этихъ двухъ формъ — раз- какъ

форму ударяемую, а р о з - какъ безударную. Впослѣдствіи одни славянскіе языки провели вездѣ одну форму, другіе—другую; рускій языкъ предпочелъ р о з, но, какъ остатокъ старины, въ немъ сохранилось сущ. р а з у м. Но, какъ бы то ни было, сѣверно-великорусскій безударный предлогъ р о з - не представляетъ п е р е х о д а а въ о. Точно также нельзя видѣть подобнаго перехода въ глаголѣ р о б ѣ т ь: и по-малорусски мы имѣемъ глаголѣ р о б ѣ т и, и по-польски мы видимъ r o b i ć; въ этомъ случаѣ и южные Славяне произносятъ о вмѣсто староцерковнаго а, напр. по-сербски р о б (рабъ, плѣнникъ) ¹. Подобнымъ же образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что слово р а к и т а правильнѣй было бы писать черезъ о—р о к и т а. Несомнѣнно уже, что слово п а р о м ѣ слѣдовало бы писать п о р о м ѣ, потому что оно, какъ видно изъ сербскаго п р а м (родъ судна), представляетъ полногласіе. Если мы находимъ вмѣсто литературнаго п а л а т а областное п о л а т а, то это можетъ быть подведено подъ извѣстный обычай, распространенный во всѣхъ славянскихъ языкахъ—въ заимствованныхъ словахъ безударное а передавать черезъ о, напр. с о т о м а изъ Σατανᾶς (такъ во всѣхъ старѣйшихъ текстахъ Евангелія); также изъ altare—о л т а р ь (вм. чего и алтарь), по-польски o l t a r z. Если мы встрѣчаемъ въ сѣверновеликорусской рѣчи выговоръ н а л о г а т ь вмѣсто н а л а г а т ь, то это конечно выговоръ вторичный: основная и староцерковная форма этого глагола есть м а л а г а т и; л а г а т и—многократный видъ къ глаголу ложити, въ многократномъ же видѣ коренное о усиливается въ а, напр. в о д и т и—в а ж д а т и, м о ш т и—м а г а т и; но легко допустить, что въ глаголѣ н а л о г а т ь о замѣнило а въ угоду формѣ н а л о ж и т ь. То же самое происходитъ и въ литературномъ языкѣ, гдѣ въ глаголахъ многократнаго вида мы почти постоянно пишемъ о вмѣсто древняго а; очевидно, на письмѣ мы дѣлаемъ тоже самое, что сѣверные великороссы дѣлаютъ въ живой рѣчи.

¹ Извѣстно, что и въ одномъ староцерковномъ памятникѣ (въ Супрасль-ской рукописи) не разъ пишется р о б ѣ вмѣсто р а б ѣ; тамъ же нѣсколь-ко разъ встрѣчается предлогъ р о з—однако это д. б. плодъ посторон-наго вліянія.

Безударное *е* въ литературномъ произношеніи болѣе или менѣе совпадаетъ съ безударнымъ *и*. Вслѣдствіе этого совпаденія замѣчается колебаніе въ правописаніи: такъ уменьшительный суффиксъ -енька нерѣдко пишется черезъ *и* -инька, напр. Олинька, Катинька, Петинька; и наоборотъ вмѣсто окончанія -инскій иногда пишутъ -енскій, напр. Екатериненскій (Екатерина — екатери́нинъ — екатери́нинскій). Впрочемъ говоръ южновеликорусскій и нарѣчіе бѣлорусское обыкновенно превращаютъ безударное *е* не въ *и*, а въ *а*, понятно, съ сохраненіемъ предшествующей мягкости. Такимъ образомъ вмѣсто литературнаго б'р'игу мы встрѣчаемъ б'и'р'аву¹; такимъ же образомъ прилагат. з'л'анá является въ видѣ з'и'ланá, с'и'стра въ видѣ с'а'стра. Естественно бы думать, что указанная двойственность—то расширеніе первоначальнаго звука *е* въ *а*, то суженіе его въ *и*,—находится въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, и соотвѣтствуетъ двойственности звука *е* ударяемаго. Однако, какъ выяснено Потемнею, этого не замѣчается: можно указать много случаевъ, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ слышится *и*; такъ слово чело́вѣкъ мы имѣемъ въ видѣ т'ш'и'лав'áк, а не т'ш'а'лав'áк; также и н'и'рад'ь'с'т'и'н, гдѣ мы видимъ даже два случая *и* передъ твердымъ согласнымъ; наоборотъ глагольная форма в'е'с'ел'ю произносится в'и'с'а'á'у; подобнымъ же образомъ встрѣчается выговоръ у'т'е'р'ам'и съ *а* вмѣсто *и* передъ мягкимъ *м*. Потемня на основаніи этихъ явленій даже отвергаетъ двойственность ударяемаго *е* въ литературной рѣчи, на счетъ которой онъ, конечно, неправъ: существованіе узкаго и широкаго *е* подъ удареніемъ подлежать сомнѣнію не можетъ, но указанное Потемней явленіе южновеликорусской фонетики заставляеть насъ сомнѣваться въ той связи, въ которую намъ хотѣлось бы поставить чередованіе безударныхъ *и* и *а* съ чередованіемъ ударяемыхъ *е* и *á*. Нѣкоторые исключенія, впрочемъ, находятъ себѣ естественное и простое объясненіе. Такъ, для объясненія выговора в'и'с'а'á'у, легко можно допустить, что само-

¹ Въ начальномъ слогѣ здѣсь м. б. и нѣтъ разницы отъ литературнаго произношенія; также и въ приводимомъ черезъ строку з'и'л'анá.

родная форма была бы *вѣсилу*, но что *а* идетъ здѣсь изъ прилагательнаго *вѣсала*, ср. р. *вѣсала*, ж. р. *вѣсала*; выговоръ *утѣрам* можно оправдать ссылкой на остальные падежи, гдѣ *е* стояло передъ твердымъ согласнымъ, напр. именит. *тѣрам*. Подобнымъ же образомъ слово *нирадастин* позволительно объяснять вліяніемъ такихъ словъ, какъ *нираха*, гдѣ отрицаніе примыкаетъ къ мягкому согласному. Есть однако случаи, для которыхъ подобныхъ объясненій указать нельзя, напр. почему *тилавак*, а не *тишлавак*? Кажется, въ виду этихъ случаевъ приходится отказаться отъ сдѣланнаго предположенія.

Занимающій насъ вопросъ, по даннымъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, представленнымъ Халанскимъ (въ I книгѣ Рус. Фил. Вѣстн.), разобранъ Ягичемъ—въ V томѣ «Архива славянской филологіи» помѣщена статья Ягича, заглавіе которой по-русски можно передать такъ: «О перегласовкѣ гласныхъ *е, ъ, а* въ славянскихъ языкахъ»¹. Ягичъ приблизительно подтверждаетъ законъ, указанный самимъ Халанскимъ во вводныхъ замѣчаніяхъ къ щигровскимъ пѣснямъ. Вотъ этотъ законъ: *а* является рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно за нимъ слѣдующемъ. Хотя въ подтвержденіе этого закона можно сослаться на отмѣченные уже примѣры, но приведу еще нѣкоторые, которые послужатъ къ нимъ дополненіемъ. Мы имѣемъ прилаг. *мадовай*; существ. *бароза*, сущ. *бѣрах*. Примѣромъ на *и*, которое, значитъ, является въ слогахъ, не сосѣдствующихъ съ ударяемыми, можетъ служить еще *пилянѣ*.

Какая бы, спрашивается, могла быть причина появленія *а* изъ *е* въ слогахъ, сосѣдствующихъ съ ударяемымъ? Можно бы предполагать, что тутъ не настоящее *а*, а глухой гласникъ съ предшествующей мягкостью—именно, легко допустить, что слогъ сосѣдній съ удареніемъ станетъ особенно слабымъ, и гласникъ его обратится въ глухой, неясственный. Впрочемъ, можно предположить и обратное—что слоги сосѣдніе съ ударяемымъ также имѣ-

¹ Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen e, é, ê in den slavischen Sprachen.

и конечныхъ открытыхъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ весьма глухой выговоръ въ конечномъ закрытомъ слогѣ: напр. слово *ла п ѣ т* представляетъ на мѣстѣ *о* глухой звукъ, который я обозначилъ буквой *э*¹⁾; точно такой же звукъ на мѣстѣ древняго *а* представляетъ инфинитивъ *ка п ѣ т*. Глухой звукъ на мѣстѣ *а* мы видимъ также въ слогѣ *п о в ѣ р*, съ которымъ сопоставимъ созвучное съ нимъ *г о в ѣ р*; сопоставимъ еще глагольную форму *сп о р ѣ м* и существ. въ предложномъ соединеніи — *с м о р ѣ м*. Теперь возьмемъ примѣры на другіе слоги, т. е. на слоги предшествующіе ударяемому, но не прямо. Напр., въ глаголѣ *п ѣ л у б ѣ т* предлогъ *п о* звучитъ *п ѣ*, точно также предлогъ *з а* въ сущ. *з ѣ бы т ѣ* является въ видѣ *з ѣ*; велительное *б ѣ р и г ѣ* представляетъ въ первомъ слогѣ вмѣсто *е* глухой узкій — сравнимъ съ нимъ сущ. *б ѣ т у г ѣ*, гдѣ тотъ же звукъ замѣняетъ *и*²⁾. Еще нѣсколько примѣровъ: *к ѣ л ѣ ка л ѣ*, *з ѣ ст р ѣ ха в ѣ т*, *н ѣ п ѣ х ѣ ра н ѣ х*, *п ѣ р ѣ в ѣ ст ѣ*, *в ѣ с ѣ п ѣ ц ѣ л ѣ т*. Примѣры на слоги, слѣдующіе за ударяемымъ. Мы можемъ повторить здѣсь слово, служившее намъ примѣромъ на открытый конечный слогъ, слово *в ѣ д ѣ т ѣ ш а*, сравнить съ нимъ *в ѣ б ѣ ры*. Сравнимъ еще глагольныя формы второго лица множ. числа глаголовъ *м о л о т ѣ* и *д ѣ л ѣ т ѣ* (-ти) и *д ѣ л ѣ т ѣ* (-ти). Подобнымъ же образомъ произносятся: *з ѣ м ѣ р ѣ с ѣ к ѣ*, *с ѣ т ѣ л ѣ ка*, *в ѣ г ѣ н ѣ н ѣ ѣ а*, *с ѣ а з ѣ н ѣ ѣ а*, *п р ѣ в ѣ д ѣ н ѣ т ѣ са*, *в ѣ д ѣ л ѣ т ѣ* (-ти).

На то, что не всѣ безударные слоги одинаково слабы, еще до Богородицкаго и Потемни обратилъ вниманіе Гротъ, хотя онъ не разработалъ этого вопроса подробно, а выставилъ только общее положеніе и указалъ нѣкоторые примѣры. Замѣчаніе Грота было сдѣлано имъ въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи» Кайслера (Kayssler). Гротъ здѣсь говоритъ, что «не всѣ неударяемые слоги равны между собой по степени крат-

¹⁾ Здѣсь, значить, вторичнымъ образомъ приблизительно возстановился праславянской *э*.

²⁾ Однако, по первому пункту: он *п а л ѣ б ѣ т*, *з а б ѣ т*, *б ѣ р ѣ т ѣ ш*, *б ѣ т ѣ ѣ*.

кости». Это положеніе Гротъ подтверждаетъ примѣрами, представляющими сопоставленіе слоговъ предударныхъ и поударныхъ; онъ подбираетъ случаи, въ которыхъ одинъ и тотъ же слогъ то предшествуетъ ударяемому слогу, то слѣдуетъ за нимъ, и указываетъ на то, что поударный слогъ одного слова не можетъ служить предударнымъ въ другомъ словѣ. Наболѣе удачный примѣръ—слова *мышка* и *камышъ*; слогъ *ка* въ первомъ реченіи слишкомъ кратокъ, чтобы служить начальнымъ слогомъ реченія *камышъ*. Это же самое, что высказано Богородицкимъ и Потемной, именно, что слогъ предударный сильнѣй поударнаго. Гротъ предлагаетъ произнести нѣсколько разъ подъ рядъ: *мышка* — *мышь* и *мышь* — *камышъ*, причемъ должно обнаружиться указанное несоотвѣтствіе слоговъ конечныхъ и начальныхъ: если бы его не было, то оба выраженія должны бы совпасть. Еще такой же опытъ Гротъ предлагаетъ произвести надъ словами *рано* и *нора*; *тѣлка* и *котѣлъ*, *тополь* и *пальтъ*.

Мы отмѣтили, что предударный слогъ отличается большей силой сравнительно съ другими безударными. Это и есть то соображеніе, которое можно привести въ оправданіе своеобразной его огласовки въ южновеликорусскомъ говорѣ. Значитъ, рассматривая какое-нибудь слово *пѣанá* изъ *пеленá* можно сказать, что предударный слогъ потому приобрѣлъ своеобразную огласовку, что онъ сильнѣе другихъ безударныхъ. Однако для слога поударнаго такого соображенія нѣтъ: онъ стоитъ на ряду со слогами безударными, и въ немъ не должно бы быть своеобразной огласовки. Бóльшая сила предударнаго слога состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ получаетъ нѣкоторое второстепенное удареніе.

Второстепенное удареніе на предударномъ слогѣ едва ли не слѣдуетъ признать чертой древней, праславянской: въ такомъ случаѣ намъ легче понять то отношеніе, которое существуетъ между акцентовками русской и сербской. Сербскій языкъ представляетъ явленіе, которое я въ своемъ «Начертаніи славянской акцентологии» называлъ *оттяжкой*, т. е. тамъ удареніе оттягивается на одинъ слогъ къ началу; такимъ образомъ русскому слову *вода* по-сербски соотвѣтствуетъ *вѣда*, русскому *копыто*—*кѣпѣто*, русскому *трубить*—*тѣбити*. Это весьма странное явленіе становится болѣе понятнымъ, если предположить, что предударный слогъ

издавна имѣлъ уже нѣкоторое удареніе. Въ сербскомъ языкѣ слова оттягечной акцентовки представляютъ удареніе двухъ слоговое, т. е. кромѣ главнаго ударенія еще второстепенное на слѣдующемъ слогѣ, напр. вода — на первомъ слогѣ удареніе восходящее, на второмъ — нисходящее; подобнымъ же образомъ въ глаголѣ трѣбѣти первый слогъ имѣетъ удареніе восходящее, второй — нисходящее. Мы, значитъ, можемъ говорить, что въ сербскомъ языкѣ прежнее главное удареніе сдѣлалось второстепеннымъ, а второстепенное стало главнымъ; это измѣненіе болѣе естественно, чѣмъ превращеніе ударяемаго слога въ безударный и приобрѣтеніе ударенія слогомъ безударнымъ ¹.

Не совсѣмъ я согласенъ съ Богородицкимъ насчетъ предударныхъ слоговъ со звукомъ е. Богородицкій утверждаетъ, что предударный слогъ настолько силенъ, что въ немъ существуютъ тѣ же отгѣнки, какъ въ слогѣ ударяемомъ, т. е. а передъ твердыми согласными, и е передъ мягкими; также и Бѣтлингъ въ числѣ своихъ примѣровъ на двойственность звука е помѣщаетъ нѣкоторыя слова, гдѣ е стоитъ въ предударномъ слогѣ. Богородицкій глагольной формѣ плетѹ приписываетъ а, а формѣ плетѣ — е. Тѣмъ болѣе Богородицкій въ этомъ случаѣ видитъ различіе между звуками е и и. По моему предударное е и предударное и совпадаютъ, какъ совпадаютъ предударныя о и а; какъ тѣ являются въ видѣ довольно яснаго а, такъ е и и звучатъ, какъ довольно ясное и. Сравнимъ глагольную форму на плетѹ и выраженіе на плитѹ; сравнимъ существительныя предѣлъ и придѣлъ; пѣтѹхъ и питѹхъ; родит. падежи вѣнцá и винцá; пѣвцá и пивцá; развелáсь и развила́сь; мнѣ кажется, что мы въ этихъ случаяхъ говоримъ безразлично:

нѣ пѣ и тѹ, пѣ и дѣ л, п и тѹ х, вѣ и нтсá, и и фтсá, развѣ и лá с. Можетъ быть, однако, произношеніе колеблется, такъ что иные соблюдаютъ тѣ отгѣнки, которые усматриваетъ при указанныхъ условіяхъ Богородицкій; возможно при этомъ, что тутъ сказывается вліяніе письма. Богородицкій даже самъ въ нѣкоторыхъ

¹ О сербской акцентовкѣ говорится нѣсколько подробнѣе ниже, по поводу выставленной однимъ ученымъ (Потебнѣй) теоріи полногласія.

случаяхъ подозрѣваетъ себя въ подчиненіи книжному вліянію. Но ужь положительно не правъ Богородицкій относительно о въ предударномъ слогѣ, которое будто бы только приближается къ а, но не совпадаетъ съ нимъ: множ. число къ слову валъ—валы отличается-де отъ множ. числа къ слову волъ—валы. Эти слова звучатъ одинаково, и при звуковомъ письмѣ, надо писать въ обоихъ случаяхъ в а лы. Сравнимъ еще мѣстоименіе с а м а съ родит. падежомъ сущ. с о м ъ—с о м а; множ. число пар и и род. пад. сущ. пор а—пор ы; глаголы по д р а ж а т ь и по д р о ж а т ь; глагольную форму по к о л о ч у и выраженіе по к а л а ч у; сущ. о к о ш к о и выраженіе а к о ш к а ¹⁾).

Кромѣ отмѣченныхъ нами главныхъ отбѣнковъ безударныхъ гласныхъ можно усмотрѣть еще нѣкоторыя: иногда являются совсѣмъ неясныя гласныя, и гласный элементъ бываетъ столь слабъ, что можно говорить о слоговыхъ согласныхъ. По наблюденію Богородицкаго это бываетъ, когда гласный приходится между тождественными, или родственными звуками. Такъ напримѣръ въ указательномъ мѣстоименіи этотъ мы имѣемъ особенно неясный выговоръ ¹ а т т (обозначу его маленькимъ т); такой же звукъ является въ родительномъ падежѣ прил. нов ы й—н о в ъ ва, въ дат. падежѣ множ. ч. существительнаго д а м а—д а м ъ м и въ творительномъ д а м ъ м и. Совсѣмъ неясственный выговоръ представляютъ также косвенныя падежи сущ. х о л ѣ т—х о л ѣ да, х о л ѣ ду, х о л ѣ д ъ м, х о л ѣ д и. Подобнымъ же образомъ женское отчество отъ имени Яковъ звучитъ обыкновенно Я к ѣ ѣ н а. Богородицкій въ этихъ случаяхъ говоритъ о слоговыхъ согласныхъ, причомъ у него оказывается, что всѣ согласныя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть слоговыми. Сохраняя названіе «слоговыя согласныя», я считаю нужнымъ оговориться, что слоговыхъ согласныхъ, по моему мнѣнію, не суще-

¹⁾ Послѣдній примѣръ считаю особенно вѣскимъ, т. к. однажды произнесенное мною (безо всякой мысли о какой-либо фонетической теоріи) слово о к о ш к о было принято за два слова. Такое же наблюденіе мнѣ удалось сдѣлать надъ указанной выше фонемою р а з в ѣ л а с: одна дама (москвичка) говорила мнѣ, что ея знакомая развилась умственно, а я по-нялъ, что она развелась съ мужемъ.

ствуешь, а существуютъ согласные, сопровождаемые минимальными гласными.

Иногда неясственность гласныхъ доходить еще до большей степени, а именно до полного ихъ исчезновенія: въ иныхъ случаяхъ гласные, сохраняясь на письмѣ, въ произношеніи пропадаютъ. Такъ, слово городской произносится обыкновенно въ три слога гъ р да в ѳ й; слово на бережная обыкновенно представляетъ не пять слоговъ, а только четыре: на б'ъ р ж н'ъ й а. Подобнымъ же образомъ выраженіе въ парикѣ иной разъ можетъ звучать ф'і р'и к'а; вмѣсто парикмахеръ говорятъ п'р'икм'а х'ь р¹⁾.

Теперь спрашивается, не примѣняется ли къ изложеннымъ нами особенностямъ безударныхъ слоговъ старинное изреченіе: «нѣтъ правила безъ исключенія»; изреченіе, противъ котораго мы въ настоящее время очень предубѣждены, такъ какъ мы не хотимъ признавать, что есть законы съ исключеніями, ни на чемъ не основанными. Кажется, изъ нашихъ законовъ относительно безударныхъ гласныхъ дѣйствительно нѣтъ настоящихъ исключеній, а замѣчается только то вліяніе книги, то вліяніе областныхъ говоровъ, то самого способа говоренія: когда мы говоримъ съ постановкой, то произношеніе будетъ явственнѣе, чѣмъ при скороговоркѣ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ исключеній можно подобрать особое оправданіе. Такъ, мы имѣемъ выраженіе пошелъ!, въ которомъ слышится нерѣдко неясственный гласный, т. е. вмѣсто па ш ѳ л! выговариваютъ п'ъ ш ѳ л! и даже пш ѳ л!, въ одинъ слогъ; вмѣсто па і і! командуютъ п' і і!. По Богородицкому и Потѣбнѣ здѣсь въ предударномъ слогѣ а должно быть довольно явственно; оправданіемъ же его неясственности служить междометный характеръ этихъ словъ. Дѣйствительно, па ш ѳ л употребленное какъ прошедшее время представляетъ а довольно ясное.

Своеобразному измѣненію подвергается безударное а, когда ему предшествуетъ мягкость: оно совпадаетъ со звукомъ е, отчасти, значить и съ и. Возьмемъ напр. прилагательное м'а в'ь к въ женкомъ родѣ, это будетъ м'н х'к'а; съ формой м'н х'к'а сравнимъ

¹⁾ Въ такомъ видѣ («Къ прикмахеру») это слово встрѣчается у Грибоѣдова—Горе отъ ума, Дѣйствіе III, явленіе 2.

женскій родъ прилагательнаго і́о въ к—і́и х кá; сравнимъ далѣе существительныя і́идрѡ и вѣдрѡ; сопоставимъ еще настоящее время глаголовъ прѣсть и придти, которые совпадаютъ въ одной фонемѣ прѣдѣ; то же самое у глаголовъ списать и спѣшить—спѣишѣ. Можетъ быть, однако, выговоръ въ этихъ случаяхъ колеблется. Богородицкій въ своихъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ произношеніемъ отмѣчаетъ выговоръ р'або́й, согласнo, значить, съ письмомъ; также п'а́т'и́ отъ п'а́т'. Самъ впрочемъ Богородицкій дѣлаетъ при томъ оговорку, что это чуть-ли не книжное вліяніе, и что онъ, хотя и произноситъ п'а́т'и́, съ другой стороны отъ числительнаго дѣсѣ́тъ образуетъ дѣсѣ́т'и́. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально принадлежавшихъ къ мягкимъ, въ настоящее время, вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ отвердѣнія, мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, напр. слово, которое пишется жара, произносится жѣра́; слово, которое пишется шары, звучитъ шѣры́. Послѣ согласнаго дифтонга тш̄ и согласнаго трифтонга штш̄ гласный звукъ менѣе широкъ, т. е. слышатся не узкія ѣ, а широкое и; сравнимъ выраженіе на челѡ и глагольную форму началѡ, то и другое въ фонетической транскрипціи можно передать такимъ образомъ: нѣт'ш̄я́лѡ или нѣт'ш̄и́лѡ.

Одинаковую судьбу съ безударнымъ а послѣ мягкости, конечно, должно бы имѣть также безударное о; однако сочетанія о съ j и другими мягкими согласными русской языкъ не могъ унаслѣдовать отъ общеславянскаго языка: въ общеславянскомъ о въ такомъ положеніи превращалось въ е. Рядомъ съ какимъ-нибудь словомъ село возникло копѣе вмѣсто копѣю. Есть, однако, несомнѣнные случаи измѣненія ѣ безударнаго въ словахъ пришлыхъ, въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; такъ мѣсто для водосвятія называется јирд'а́н¹⁾. (Конечно, о сначала перешло въ е, а потомъ уже е сблизилось съ и). Подобнымъ же

¹⁾ Слово это, несомнѣнно, происходитъ отъ названія рѣки Јордана. Последнее названіе въ непринужденномъ произношеніи само звучитъ не ^нЈорд'ан, а Јирд'ан.

образомъ имя *Иванъ* въ своей книжной формѣ *Іоаннъ* при непринужденномъ выговорѣ превращается въ *Ји́ан* (2 слога вмѣсто 3-хъ); изъ имени *Іовъ* еще встарину сдѣлали *Нюкъ*, отсюда— фамилія *Іевлевъ*, фонетическая транскрипція которой будетъ **Ййвъ ѣф*. Въ словахъ туземныхъ, по сказанному ранѣе, мы не должны бы ожидать перехода *о* въ *е*, а далѣе въ *и*; однако, кажется, такой переходъ все-таки имѣетъ мѣсто. Соболевскій въ статьѣ «Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ», помѣщенной въ XII томѣ Русскаго Филолог. Вѣстника, указываетъ нѣкоторые данныя въ пользу того, что южновеликорусское и бѣлорусское превращеніе безударнаго *е* въ *а* не произошло непосредственно, а что между ними лежала переходная ступень *о*. Оказывается, что не только въ сѣверновеликорусскихъ, но и въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ встрѣчается употребленіе буквы *о* послѣ шипящихъ, т. е. написанія въ родѣ *чолобитъ е*, *нашому* вмѣсто *челобитъ е*, *нашему*, на основаніи которыхъ Соболевскій и утверждаетъ, что какое-нибудь *тѣпѣтѣри* не восходитъ прямо къ *четыри*, а предполагаетъ переходную ступень *чотыри*. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что такъ было и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. что теперешнее *сало* не прямо примыкаетъ къ старѣйшей русской и праславянской фонемѣ *сѣло*, но что по-русски *сѣло* сначала дало *соло*, уцѣлѣвшее у сѣверныхъ великороссовъ, а уже потомъ явился выговоръ *сало*. Если это такъ, то мы въ русскомъ языкѣ и въ туземныхъ словахъ имѣемъ случаи превращенія *о* въ *и* при посредствѣ *е*: *сѣло*—*соло*—*сѣло*—*се́ло*—*се́ло*.

Мы поговорили такимъ образомъ о безударныхъ *а*, *о*, *е*; объ остальныхъ безударныхъ гласникахъ распространяться нечего. Гласника *и* я коснулся въ связи съ *е* и отмѣтилъ, что при отсутствіи ударенія эти два звука совпадаютъ. Прибавлю только, что безударное *и* иногда переходитъ въ легкій *іотъ*; вмѣсто *неиду* является *нейдю* (*нѣйдю*), вмѣсто *неимѣтъ*—*неимѣтъ* (*нѣимѣтъ*). Особенно часто мы это видимъ у Малороссовъ; тамъ можно, кажется, выставить звуковой законъ, что зачинное *и* становится неслоговымъ и потомъ отпадаетъ; вмѣсто *иголка* у Малороссовъ *во́лка*; великорусскому и *грѣтъ* соответствуетъ въ малорусскомъ *вратѣ*; предлогъ *и* превращаетъ

ся въ з: при великорусскомъ ^и и зѣ́ а с н а мы имѣемъ малорусское зѣ́ и с н о; при великорусскомъ ^и и з дѣ́ р ѣ в а стоитъ малорусское з дѣ́ р е в а. Сюда же я отношу превращеніе *и* въ *й* внутри слова и въ изглаголеніи, т. е. такія формы, какъ велительное наклоненіе з н а й, з н а й т е: хотя бы, какъ иные утверждаютъ, тутъ *и* было неслоговымъ уже въ староцерковномъ языкѣ, но въ праславянскомъ оно едвали было таковымъ.

Превращеніе слогового *і* въ неслоговое слѣдуетъ видѣть и въ существительномъ *ји́йтсѣ*, основная форма *ициѣ*. Можно бы, однако, подумать, что *й* тутъ сохранился отъ старины, и произошло выпаденіе звука *ь*, такъ какъ древнѣйшая праславянская форма была *јаѣйтсѣ* — вѣдь уменьшительный суффиксъ есть *ьце* ¹⁾, и только впоследствии *йѣ* дало *й*. Но противъ этого рѣшительно говорятъ род. множ. числа *ји́йтсѣ* и уменьшительное (первоначально уменьшительное второй степени) *ји́йтѣшка*: если бы въ основаніи нашего *ји́йтсѣ* лежало *јаѣьцѣ*, то мы говорили бы *јаѣѣйтсѣ* и *јаѣѣйтѣшка*. (Такиа формы дѣйствительно существуютъ, но только какъ областныя, и ихъ легко признать вторичными: онѣ замѣнили бѣглое *и* обыкновеннымъ бѣглымъ гласнымъ *е*).

Утрату безударнаго *и* послѣ согласныхъ мы имѣемъ въ инфинитивѣ и въ велительномъ наклоненіи ед. числа, напр. *ста́ти* вмѣсто *ста́ти*, *ста́и* вмѣсто *ста́и*. Явленіе это повторяется во всѣхъ ново-славянскихъ языкахъ.

Что касается безударнаго *у* и безударныхъ *ы*, то они мало отличаются отъ ударяемыхъ; они и при отсутствіи ударенія довольно явственны. Впрочемъ, второй изъ нихъ, *ы*, какъ мы уже раньше видѣли, иногда совпадаетъ съ безударными *а* и *о*: *а* и *о* при самомъ глухомъ выговорѣ приближаются къ *ы*.

Къ обзору гласныхъ звуковъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ состояніи, къ которому я присоединилъ только немногочисленныя справки насчетъ ихъ происхожденія, слѣдуетъ прибавить теперь

¹⁾ «Яйцо» первоначально было уменьшительнымъ къ утраченному въ русскомъ языкѣ *ице*.

нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ мы будемъ идти инымъ путемъ: будемъ исходить отъ основныхъ праславянскихъ звуковъ. Прежде всего я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія насчетъ глухихъ гласныхъ.

Я отмѣтилъ уже утрату глухихъ въ русскомъ языкѣ и переходъ ихъ съ одной стороны въ *о* и *е*, которыя, конечно, впоследствии могли подвергнуться вторичнымъ измѣненіямъ; съ другой стороны я отмѣтилъ ихъ выпаденіе, при коемъ ъ оставлялъ по себѣ мягкость; далѣе я также отмѣтилъ, что, какъ слѣдъ глухихъ, въ языкѣ сохранилась бѣглость ихъ замѣнителей. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать добавленіе, что въ языкѣ существуетъ также неорганичная, вторичная бѣглость: по образцу бѣглости звуковъ *о* и *е*, развившихся изъ глухихъ, сдѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглыми *о* и *е* исконныя. Такъ мы говоримъ *роф*, въ родит. *рва*, основная форма была *ровъ*, *рова*; говоримъ *іот*, *іду* (*іда*), основная форма *ледъ*, *леда*; говоримъ *ка́мънъ*, род. *ка́мъна*, староцерковная же форма была *камънъ*, *камъне*, а не *камне*; точно также—*кóрънъ*, *кóръна* вм. *корнъ*, *корене*; къ имен. *пéпль* мы образуемъ родит. *пáпла*, основная же форма была *пепель*, *пепела*. Подобнымъ же образомъ замѣчается бѣглость въ нѣкоторыхъ словахъ, представляющихъ иную огласовку; такъ мы находимъ ее въ словѣ *пъталóк*, род. *пъталка́*, гдѣ бѣглое *о* составляетъ часть полногласія: *толóк* есть другой видъ корня *толк*, равнаго староцерк. *тълкъ* (*тълкъ-тълштити*—*толкѹ*, *толóчъ*) и по староцерковному *пъталóк* было бы *потлэкъ*. Въ двухъ словахъ мы видимъ бѣглость гласнаго, произошедшаго изъ *д*, это слова *заяць* и *колодезь*, въ фонетической транскрипціи: *зáйтьтс*, род. *зáйтса*, *калóдътс*, род. *калóттсса* ¹⁾, старо-церковныя формы *замць*, *мца* и *кладъсь*, *лза*. Первая изъ этихъ формъ сохранилась въ русскомъ правописаніи—въ начертаніи *заяць*; вторая—въ написаніи *колодезь*, гдѣ однако вмѣсто *я* ставятъ *е*.

Вторичную бѣглость гласныхъ мы можемъ видѣть и въ словахъ пришлыхъ, по крайней мѣрѣ, есть одно заимствованное слово, которое допускаетъ выпущеніе звука *е*, это—*игуменьъ*, греч. *ἱγούμενος*: вмѣсто родит. *игумена* образуютъ также *игумна*.

¹⁾ Знакомъ *ттсс* я обозначаю усиленный видъ звука *тс*.

Въ случаяхъ неорганичной бѣглости мы нерѣдко въ народной рѣчи встрѣчаемъ формы органическія (самородныя). Такъ, въ малорусскомъ нарѣчїи и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ вмѣсто литературнаго *р о в ъ*, *р в а* существуетъ *р о в*, *р о в а*, вмѣсто *і о т*, *і д у* мы у Малоруссовъ находимъ *і и д*, *і е д у* или *і о д у*. Подобнымъ же образомъ слово *к а м ѣ н ѣ*, *к а м ѣ н а* мы видимъ въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ въ формѣ *к а м е н ѣ*, *-е н а*, и по-малорусски подобнымъ же образомъ—*к а м и н ѣ*, род. *к а м е н а*. Слово *п ѣ т а л о к* въ областной рѣчи тоже является съ постояннымъ *о*: въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ употребляется *п о т о л о к*, род. *п о т о л о к а*; это встрѣчается и въ известномъ выраженїи: «руки въ бѣки, глаза въ потолоки», гдѣ рифма спасла органическую форму.

Для нѣкоторыхъ изъ словъ съ подражательной бѣглостью легко указать частную причину ея появленїя: въ словѣ *п ѣ т а л о к* усмотрѣли суффиксъ *ок*, произшедшїй изъ *-ѣкъ*, и какъ говорятъ *п а л о к п а л к а*, *с а д о к -с а т к а*, *с а в о к -с а ф к а*, такъ стали говорить и *п ѣ т а л о к -п ѣ т а л к а*. Очевидно также, что слово *з а я ц ѣ* вмѣсто необычнаго окончанїя *я ц* приобрѣло ходячїй суффиксъ *ец*, изъ первоначальнаго *ьц*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣглость звука *е*. Правописанїе наше въ этомъ случаѣ поступаетъ весьма странно и непослѣдовательно: уже прот. Павскїй въ своихъ «Филологическихъ наблюденїяхъ» совершенно вѣрно замѣчаетъ, что разъ мы пишемъ въ родит. *падежѣ ѣ*, то не слѣдовало бы писать въ именит. пад. *я*: надо бы писать или *заяцъ*, *заяца* или *заецъ*, *зайца*. И слово *к а л о д ѣ т с ѣ*, представляетъ суффиксъ *ец* въ замѣну древняг суффикса *-ась*, т.-е. приобрѣло вмѣсто рѣдкаго окончанїя болѣе обычное. Правописанїе однако не признаетъ этого измѣненїя: оно упорно держится стариннаго окончанїя, слегка исказивъ его въ *езъ*. Форма *к о л о д е ц ѣ*, *-д ц а* рѣшительно господствуетъ въ живой рѣчи (слышится, правда, и *к а л о д ѣ с ѣ*, *к а л о д ѣ з ѣ*, но чуть ли ни подъ вліяніемъ письма ¹⁾). Форму *колодець* можно указать даже въ литературѣ: употребляетъ ее Пушкинъ въ одной изъ своихъ поэмъ, рифмуя слово *к о л о д е ц ѣ* на *и н о х о д е ц ѣ* и *х о р о в о д е ц ѣ* («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XIV). Также у

¹⁾ Впрочемъ, по устному сообщенїю одного туляка, такое произношенїе въ Тульской губерніи народное.

Фета, въ стихотвореніи «Я люблю его жарко» встрѣчается выраженіе «Онъ бадья при колодцѣ пустынь». Напротивъ того въ одной народной пѣснѣ (Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа», книга III, Русскія народныя пѣсни, стр. 214) поется: «У колбѣдезя, у студѣнова». Вторичная бѣглость попадаетъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, наши за я ц ѣ, за й ца и ка мен ь, ка м ня повторяются въ языкѣ Словенскомъ: zajes, zajsa; kamen, kamna.

Въ противоположность подражательной бѣглости, въ русскомъ языкѣ встрѣчается также подражательная постоянность: мы видимъ иногда *о* и *е* тамъ, гдѣ прежде были *ъ* и *ь*, и гдѣ эти послѣдніе должны были онѣмѣть. Колосовъ изъ сѣверно-великорусской рѣчи приводитъ глаголь мститъ вмѣсто мстить, прил. рожаной, вм. ржаной, левы вмѣсто лвы. Весьма распространено въ народной рѣчи склоненіе рот, рота вмѣсто рта и т. д., напр. «в ротѹ» вмѣсто литературнаго «во ртѹ». Уменьшительныя же имена рѣтик и рѣток даже по литературному представляютъ *о* (*a*) вмѣсто отсутствія гласнаго: органически было бы ртик и рток (род. ротка). Подобное же слово есть пѹговица, которое собственно должно бы звучать пѹгвица; основная форма его пжгы, пжгье, пжгьница. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ областной рѣчи, въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ, въ Архангельской, Вологодской губерніяхъ, ожидаемую фонему пѹгвица. Очевидно, литературное пѹговица явилось подъ вліяніемъ уменьшительнаго пѹговка, гдѣ произошло органическое проясненіе: основное пжгька. Еще отмѣтимъ постоянность звука *e* въ суффиксѣ ец, когда передъ нимъ стоитъ нѣсколько согласныхъ, напр. чернѣцъ, -ецѣ, мертвѣцъ, -ецѣ. Эти слова въ малорусской рѣчи являются въ органической формѣ, облегченныя посредствомъ выпуска согласнаго, напримѣръ, т̂ше р̂нѣт̂с̂, т̂ше р̂т̂с̂ѣ или т̂ше н̂т̂с̂ѣ; м̂ерт̂вѣт̂с̂, м̂р̂т̂с̂ѣ. Подобнымъ же образомъ Малороссы къ слову ворнѣт̂с̂ (горшокъ) образуютъ род. вор̂т̂с̂ѣ. У словъ на -ец мы имѣемъ еще нѣкоторую неправильность насчетъ проясненія глухихъ: иногда, повидимому, проясняется тотъ глухой, который долженъ былъ онѣмѣть, напр. при именит. жнецъ, основная форма—жньць, имѣется родит.

женца, а должно бы быть женца, что и видимъ въ малорусскомъ нарѣчїи: жнѣтѣ́, жнѣтѣ́а, также швѣтѣ́ (сапожникъ), род. швѣтѣ́а, основная форма швьць. Да и областная великорусская рѣчь знаетъ подобныя формы; такъ отмѣченъ выговоръ жене́ц, жене́ца — изъ этихъ формъ вторая самородная, а первая заимствовала свое е изъ косвенныхъ падежей (женѣц вм. жнец). Вообще, всѣ указанные отступленія отъ правила бѣглости объясняются подражательнымъ измѣненіемъ. Наши родительные жне́ца, жре́ца и т. д., очевидно, основаны на именительныхъ жрецъ, жнець и т. п. Какое-нибудь «в ротѣ́» вмѣсто «во рту́», разумѣется, заимствовало свое о у именительно-винит. рот; прилагательное рожаной взяло свое о у существительнаго рожь; глаголь мести́ть заимствовалъ е у существительнаго мѣсть (которое и само вторичнымъ образомъ провело е по всѣмъ падежамъ — род. должень бы быть мсти); уменьшительное ротик исходить отъ именительно-винительнаго падежа рот; роток могло позаимствоваться у косвенныхъ падежей ротка́, ротку́¹⁾. При этомъ подражательномъ измѣненїи имѣло значеніе неудобство нѣкоторыхъ согласныхъ группъ, напр. зачинныхъ созвучій рт, рж, мст, благопрїятствовавшее примѣненїю къ такимъ формамъ, которыя представляли вполне удобныя созвучія р-о-т, р-о-ж, м-е-с-т.

Остановимся теперь на вопросѣ, давно ли въ русскомъ языкѣ утратились глухіе гласные. Между русскими учеными довольно прочно установился взглядъ, что въ старину въ русскомъ языкѣ существовали глухіе, что они только въ историческое время отчасти перешли въ чистые, отчасти онѣмѣли. Въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Буслаевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, Потебня, Колосовъ. *Срезневскій* въ своихъ «Мысляхъ объ исторїи русскаго языка» утверждаетъ, что утрата глухихъ поздняя. «Еще въ XIV столѣтїи соответствующія буквы употреблялись-де довольно правильно, хотя и въ XIII встрѣчаются явные слѣды уклоненія отъ нихъ народнаго выговора». Выраженіе это,

¹⁾ Точно также какъ ротокъ образовано и кашелѣк вм. кашлѣк отъ кашель-кашля.

какъ часто бываетъ у Срезневскаго, нѣсколько неясно и неопредѣленно, но несомнѣнно, что онъ признавалъ въ русскомъ языкѣ существованіе глухихъ гласныхъ. Взглядъ его повторилъ Петръ Лавровскій въ «Исслѣдованіи о языкѣ сѣверно-великорусскихъ лѣтописей». *Потебня* склоненъ былъ предположить весьма продолжительное существованіе глухихъ. Такъ, онъ даже въ памятникахъ XVI вѣка, а именно южнорусскихъ, волынскихъ, усматриваетъ слѣды глухихъ, но это слѣды очень своеобразныя. Слѣдъ глухого Потебня усмотрѣлъ, напримѣръ, въ написаніи чернгородцкій; здѣсь жъ стоитъ на мѣстѣ исконнаго о, и это очевидно только архаизующее правописаніе. Еще меньшую цѣну имѣетъ другой случай — написаніе гридоуню вм. гриднюю. (Гридня, гридница—производное отъ гридь, гридникъ слуга, придворный). Писецъ, произнося узкій глухой, похожій на і, е, пожалуй еще могъ написать, вмѣсто ѡ, и, е, или даже ѡ, но чтобы вмѣсто ѡ можно было употребить оу, это дѣло немислимое. Впрочемъ, хотя Потебня готовъ вѣрить въ продолжительное сохраненіе внутреннихъ глухихъ, онъ полагаетъ, что конечныя глухіе въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ потеряны равнѣ, уже въ XII в., или около того. Напротивъ того, въ сѣверновеликорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ новгородскомъ нарѣчій, они де еще въ XII вѣкѣ продолжали существовать.

Очень рѣшительно насчетъ существованія въ старорусскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ высказался *Колосовъ*—по его словамъ гласность ѣ и ѡ въ старинномъ русскомъ языкѣ есть прочно установленный научный фактъ.

Утвержденіе, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣкогда особые звуки ѣ и ѡ, мы находимъ также у *Буслаева* въ его «Исторической грамматикѣ». Только онъ нѣсколько иначе представляетъ себѣ самые звуки. Онъ говоритъ, что русскій ѣ былъ нечто иное, какъ ѡ̄, тогда какъ основное о было о̄; русскій ѡ равнялся ѣ̄, а основное е—ѣ̄. Мнѣніе это основано на невѣрномъ положеніи, будто бы о и е происходятъ изъ двугласныхъ; извѣстно, что о и е образовались такимъ образомъ у древнихъ Индусовъ, но славянскіе о и е иного происхожденія и соотвѣтствуютъ греч. о и ε. Кромѣ того мы, на основаніи славянскихъ языковъ знающихъ количество гласныхъ, можемъ напротивъ того думать, что, если въ общеславянской рѣчи

существовали долгота и краткость, то *о* и *е* были именно краткими. Какъ у Чеховъ, такъ и у Сербовъ *о* и *е* рѣдко бываютъ долгими, если же является долгота, то она явно вторичнаго происхожденія. Мы имѣемъ по-сербски напр., Б ѿ г, но родит. Б ѿ га; по-чешски Вѣh, старочешское Вѣh, род. Воhа. Подобнымъ же образомъ по-сербски — лѣд, но род. лѣда, по-чешски мы видимъ инфинитивъ nésti, но настоящее къ нему pesu, а у Сербовъ нести, несе́мъ съ ѣ. Слова Б ѿ г, Вѣh, лѣд представляютъ продленіе въ закрытомъ слогѣ, и долгота здѣсь вторичная.

Утвержденіе, будто *о* и *е* въ славянскомъ восходятъ къ двугласнымъ, было повторено въ послѣднее время *Житецкимъ*, въ его «Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».

Въ противоположность русскимъ ученымъ *Миклошичъ*, къ которому примыкаютъ изъ русскихъ *Биллярскій* ¹⁾ и только что упомянутый *Житецкій*, склоненъ отрицать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Также *Соболевскій* (Лекція, стр. 45, во 2 изд. 48) отрицаетъ существованіе глухихъ въ историческую пору, хотя (на мой взглядъ безъ надобности) предполагаетъ ихъ для болѣе ранняго времени. Впрочемъ, *Миклошичъ* дѣлаетъ оговорку, что доказать отсутствіе звуковъ ѣ и ѥ въ Русскомъ языкѣ не легко, вслѣдствіе того, что буквы ѣ и ѥ въ значеніи гласныхъ несомнѣнно употреблялись въ старинномъ языкѣ, хотя употреблялись вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ. По моему, именно такъ и слѣдуетъ думать. Русскимъ писцамъ не трудно было отличать ѣ и ѥ отъ *о* и *е*: они могли руководствоваться бессознательно (или даже сознательно), простымъ правиломъ, что посредствомъ ѣ и ѥ изображаются *о* и *е* бѣглыя. Исключеній изъ этого правила и въ настоящее время очень немного, а первоначально, вѣроятно, ихъ вовсе не было. Если бы намъ теперь вздумалось возстановить употребленіе ѣ и ѥ въ качествѣ гласныхъ, то, конечно, мы могли бы написать черезъ *о* слово кр ов ѣ, потому что родит. будетъ крови, хотя этимологія требуетъ написанія крѣвь, крѣвн, но первоначально, какъ отмѣчено выше, говорили кр ов ѣ, кр в и. Подоб-

¹⁾ О средне-болгарскомъ вокализмѣ, по патриаршему списку лѣтописи Манассія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. (Судьбы церковнаго языка I). Санктпетербургъ 1858. Стр. 14.

нимъ же образомъ мы слово честь, ч е с т и написали бы черезъ е, но въ старинномъ языкѣ родительный, конечно, былъ усти. Также и ъ, онѣмѣвшій, но оставившій по себѣ мягкость, правильно употреблять было не трудно; хотя въ настоящее время мягкость иногда утрачена, но въ старинномъ языкѣ она должна была существовать вездѣ. Теперь мы не догадаемся написать ѣ въ словѣ п р а в д а, но въ старину, навѣрное, говорили п р а в ' д а; родит. падежъ къ существ. к о н е ц ѣ мы не напишемъ съ ѣ, но первоначально было к о ѣ ц ' а. Въ какомъ-нибудь прилагательномъ съ суффиксомъ ѣмъ, въ родѣ ч е с т н ы й, мы тоже не написали бы ѣ, но первоначально было уѣстѣмъ и оттуда тѣшѣстной. Важное значеніе для правильного употребленія ѣ и ъ, согласно со староцерковнымъ и праславянскимъ выговоромъ, конечно, имѣло также обученіе письму по староцерковнымъ рукописямъ. И такъ, полагаю, смѣло можно сказать, что въ старину на Руси могли употреблять ѣ и ъ на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ не существовало въ живой рѣчи. Иногда, впрочемъ, происходили и ошибки: писали о, гдѣ надо бы написать ѣ, напр. сотъникъ, день. Встрѣчается, притомъ въ рукописи XI столѣтія, въ словахъ Григорія Богослова ¹⁾, написаніе поште-ниѣ вм. поуѣтениѣ — очевидно здѣсь еря уже не было, и у успѣло даже перейти въ ш. Въ этомъ же смыслѣ можно толковать одно слово въ Послѣсловіи къ Остромирову Евангелію: дьяконъ Григорій обращается къ тому, иже горазиѣ сего напише; горазиѣ, вѣроятно, надо понимать какъ фонетическое написаніе вмѣсто гораздиѣ. Впрочемъ, можетъ быть, по ошибкѣ здѣсь выпущенъ цѣлый слогъ дѣ, хотя это невѣроятно при тщательности письма дьякона Григорія. Возможно и то, что указанное прилагат. имѣло болѣе простой суффиксъ -иѣ, т. е. звучало не гораздиѣ, а горазиѣ. (Д передъ и должно было выпасть).

Насчетъ случаевъ замѣны буквы ѣ черезъ о, буквы ъ черезъ е, намъ говорятъ Потенія и Колосовъ, что это указываетъ только на близость между звуками ѣ и о, ъ и е; такъ же, понятно, толкуютъ они и обратные случаи. Я полагаю, что такое толкованіе

¹⁾ Изслѣдованіе и изданіе текста сдѣлано Ант. Сем. Будиловичемъ: «XIII словъ Григорія Богослова».

совершенно неосновательно: на письмѣ вовсе не смѣшиваются буквы сходнаго значенія, а смѣшиваются буквы одного произношенія; напр. звуки *ы* и *и* весьма близки другъ къ другу, но невозможно, чтобы великороссъ написалъ *бикъ* вмѣсто *быкъ*: такъ можетъ написать малороссъ, у котораго эти звуки слились въ одинъ, или иностранецъ. Подобнымъ же образомъ, хотя *а* и *е* представляютъ довольно тонкіе отгѣнки одного и того же звука, но ни одинъ французъ не напишетъ вмѣсто слова *été* представляющаго *е*, *été* съ *â*; нѣмецъ не смѣшаетъ словъ *Thür* дверь и *Thier* звѣрь, за исключеніемъ тѣхъ нѣмцевъ, которые смѣшиваютъ соотвѣтственные звуки.

Каковы же, спрашивается, свидѣтельства, которыя будто бы доказываютъ существованіе глухихъ гласныхъ въ сѣверновеликорусской рѣчи XIII столѣтія внутри словъ и даже въ исходѣ? Такіе слѣды намъ указываетъ въ сѣверновеликорусскихъ грамотахъ XII—XIV вв. Изм. Ив. Срезневскій; въ приложеніи къ «Мыслямъ объ исторіи русскаго языка» онъ помѣстилъ нѣсколько памятниковъ такого рода. Такова «Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынского монастырю»; три «договорныя грамоты Новгорода» XIII в.; «Новгородская купчая» половины XIV в. Особенно же богата свидѣтельствами въ этомъ смыслѣ «Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича ¹⁾ съ Ригю и Готскимъ берегомъ» (т. е. съ островомъ Готландомъ), 1228—1229 гг. Грамота эта существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Срезневскій очень напираетъ на то, что грамоты представляютъ памятники чистонароднаго языка; но по моему здѣсь есть преувеличеніе: конечно, языкъ грамотъ долженъ быть гораздо народнѣе языка священныя книгъ или другихъ памятниковъ, переписанныхъ съ южнославянскихъ подлинниковъ, вслѣдствіе чего русскій элементъ проглядываетъ только въ видѣ описокъ; грамоты, конечно, должны быть народнѣе поученій или житій писанныхъ въ Россіи по южнославянскимъ образцамъ; онѣ должны быть народнѣй лѣтописи составленной монахомъ; но все-таки вполне народный языкъ въ

¹⁾ Мстиславъ Давидовичъ—сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича, праправнукъ Владиміра Мономаха.

нихъ видѣть нельзя: необходимо думать, что въ старину всякій, какъ и теперь, старался писать по книжному. вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, всякій въ известной степени и умѣлъ такъ писать, потому что при самомъ обученіи грамотѣ познакомился съ книжнымъ, церковнымъ языкомъ. Впрочемъ, если даже признать существованіе свѣтской чисто-русской письменности, правописаніе ея не могло быть русскимъ, а было основано на церковномъ правописаніи и было полуславянскимъ; вѣдь и до сихъ поръ наше правописаніе не есть чисто-русское. Какія же въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются доказательства гласности љ и њ? А вотъ какія—выберу нѣсколько примѣровъ изъ грамоты Мстислава Давидовича (1228): **дѣлго**, гдѣ **о** стоитъ вмѣсто љ—**дѣлгъ**; **женюю** вм. **женою**, гдѣ љ написанъ вм. **о**; **сърмъ** вм. **соромъ**, два раза љ вм. **о**; **вѣдомъ**, какъ форма средняго рода, т. е. вмѣсто **вѣдомо**. Какъ смѣшивали љ и **о**, такъ смѣшивали њ, **е** и **ѣ**; мы читаемъ, напр. **берюго** вм. **берегъ**, вмѣсто **боудеть**—**боудате** (тутъ кромѣ того вмѣсто **е** стоитъ **ѣ**); подобнымъ же образомъ въ формѣ **Смолянскъ** является љ вмѣсто њ; такимъ же образомъ въ словѣ **дѣмъ** љ написанъ вмѣсто њ—**дѣмъ**. Еще мы встрѣчаемъ написанія **мѣсто**, **послѣ**, гдѣ њ замѣняетъ ѣ—**мѣсто**, **послѣ**. По моему, уже на основаніи высказанныхъ равьше общихъ соображеній, такое смѣшеніе не доказываетъ существованія глухихъ, а напротивъ ихъ совпаденіе въ большей или меньшей степени съ чистыми. Если писецъ могъ написать **е** и **ѣ** вмѣсто њ, то, значить, онъ произносилъ ихъ одинаково. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что писецъ данной грамоты видимо мудрилъ, хотѣлъ писать похитрѣе. Нѣкоторую искусственность въ правописаніи этого памятника признаетъ и Колосовъ, и признать ее необходимо уже потому, что другіе современные списки ¹⁾ той же грамоты не представляютъ такой путаницы. Нѣсколько затрудняютъ насъ можетъ то обстоятельство, что иногда въ этой грамотѣ является **о** тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ никакого звука, такъ мы имѣемъ написанія **берюго**, **дѣлго**, гдѣ буква **о** стоитъ на мѣстѣ онѣмѣвшаго љ; но разъ писецъ отождествлялъ буквы љ и **о**, то могъ написать и «нѣмой» **о**. Едва-ли въ этомъ случаѣ слѣдуетъ при-

¹⁾ Всѣхъ списковъ существуетъ 5, существовало даже 6, но одинъ изъ нихъ пропалъ.

бѣгать къ объясненію окончанія *o* изъ древнѣйшаго окончанія именительнаго падежа *-os*, д. б. утраченнаго еще въ праславянскомъ языкѣ.—При оцѣнкѣ стариннаго соотношенія между буквами *ъ* и *o*, *ь* и *e*, *ъ* слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что иногда встарину могло происходить проясненіе тамъ, гдѣ впоследствии установилось отсутствіе гласнаго. Выше мы видѣли написаніе *боудѣте вм. боудѣтъ*; весьма возможно, что такія формы дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; повтому и конечные *ъ* и *ь* въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинакую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе *не бѣ ли стронте свою тварь* (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ *стронте* намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе *e* вмѣсто *ь*, и мы вполне можемъ допустить, что *ь* передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія *ѣ* или *т* объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ. Возьмемъ еще подобное выраженіе. Мы не разъ въ грамотахъ встрѣчаемъ формулу: *писецъ (или писецъ) князь псалъ*. (Первоначально, конечно, слово *князь* представляло *къ—кънязь*, а *псалъ* имѣло *ь*). Въ этомъ выраженіи должно было произойти проясненіе конечныхъ глухихъ, примыкающихъ къ группѣ слѣдующихъ согласныхъ: вѣроятно когда-то провозносили **писеце княже псал*. Возможно также допустить, что формы **писеце*, **княже*, развившіяся передъ группами согласныхъ, иногда употреблялись и помимо этихъ группъ.

Я изъ грамоты 1228 г. привелъ только такіе случаи, гдѣ Срезневскій отмѣтилъ смѣшеніе *ъ* и *o*, *ь* и *e* или *ъ*, другіе случаи (смѣшеніе *ь* и *o*, *ъ* и *e*), яко-бы тоже свидѣтельствующіе о существованіи глухихъ, для нашего вопроса никакого значенія не имѣютъ. Иногда въ этой грамотѣ вмѣсто *ь* встрѣчается *o*, напр. *ѡндето вм. ѡндѣтъ*; эта форма стоитъ въ выраженіи *ѡндето по кърьмьнемъ. ѡндето вм. ѡндѣтъ* можно объяснять тѣмъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго произносилось твердое *т* вмѣсто мягкаго, и писецъ поставилъ *o* вмѣсто *ъ*. Что касается употребленіе *ь* въ

дат. пад. ~~вѣрмьнемь~~ вмѣсто ѣ, то позволительно думать (если это не простая описка), что писецъ не умягчалъ конечныхъ губныхъ. Пояснимъ это примѣромъ изъ современнаго языка: кто произносить въ числит. с е м ь твердый м, но знаетъ, что пишется мь, тотъ, по этому образцу, можетъ наградить еремъ и сущ. ш л е м ѣ. Иначе слѣдуетъ объяснять нѣкоторые случаи, гдѣ является € вмѣсто ѣ. Во «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» мы читаемъ ~~кдале~~ Карламе вм. ~~кдаль~~ Карламмь. Форму Карламе можно признать звательнымъ падежомъ въ роли именительнаго, каковое употребленіе встрѣчается въ пѣсняхъ у Малороссовъ и Сербовъ и легко можетъ быть предположено для того періода Велико-русской рѣчи, когда звательный сталъ замѣняться именительнымъ, но не былъ еще вовсе забытъ. Что же касается до «кдале», то его естественно толковать, какъ ~~кдаль~~ кѣ, ~~кдаль~~ кѣсть, а тогда оно не только не свидѣтельствуетъ о гласности ѣ, но свидѣтельствуетъ противъ нея, такъ какъ писецъ написалъ ~~кдал~~ безъ ѣ. Какъ однако быть со свидѣтельствомъ малорусскаго нарѣчія, на которое особенно напираетъ Потѣбня? У Малороссовъ въ закрытыхъ слогахъ исконныя о и € перешли въ і, замѣнители же глухихъ сохранились въ видѣ о и е; основное попъ звучитъ піп, но основное смъ будетъ сон, а не сін; пѣуть, староцерковное пѣшь, будетъ піч, но дѣмь будетъ дѣнь, а не дінъ. Разумѣется невозможно, чтобъ малорусская рѣчь произвела вторичное разграниченіе между ѣ и о, ѣ и е, если бы эти звуки совпали въ общерусскомъ. Но всетаки нѣтъ надобности предполагать въ старорусскомъ существованіе глухихъ—надо только допустить, что, какъ слѣдъ этихъ звуковъ, существовала въ закрытыхъ слогахъ разница между древними ѣ и о, ѣ и е. Эта разница, судя по языкамъ Чешскому и Сербскому, состояла въ долготѣ, и общерусскія формы были: п ѿ п, п ѿ п̄, но с ѿ н, д ѿ н̄. Возможно притомъ, что рано вмѣсто количественнаго различія явилось качественное, т. е. были оттѣнки звуковъ: исконное о могло быть ближе къ у, нежели вторичное; также исконное е могло быть ближе къ і, нежели замѣнитель ея. Мое мнѣніе о существованіи въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ ѿ и ѿ въ соотвѣтствіе основнымъ о, е, и ѿ, ѿ въ соотвѣтствіе ѣ и ѣ, напоминаетъ мнѣніе Буслаева, но далеко не совпадаетъ съ нимъ: по моему именит. п ѿ п̄ долженъ былъ имѣть

при себѣ родит. по̀па, со̀н—сва, пѣтѣш̄—пѣтѣшӣ, дѣн̄—днѣ; по Бу-
славу же выходитъ по̀пѿ, родит. по̀па; со̀нѿ, род. со̀на; пѣч, род.
пѣчи; дѣнѣ, родит. дѣнѣ̄.

Итакъ мы видимъ, что незачѣмъ приписывать старинному рус-
скому языку особые звуки ѿ и ѿ̅; однако въ одномъ случаѣ есть
вѣроятность, что такіе звуки существовали—именно въ соедине-
ніи съ р и л. Можно думать, что старинный языкъ имѣлъ фонему
въ лк вм. позднѣйшаго волк, тѣ р г вм. позднѣйшаго тор г,
въ рх вм. позднѣйшаго вѣрх, жѣ ѿ т вм. позднѣйшаго жел т и
далѣе ж о л т. Дѣло въ томъ, что при согласныхъ р и л буквы ѿ
и ѿ̅ употребляются съ особенной правильностью, приче́мъ замѣ-
чается еще явная склонность, въ противоположность староцер-
ковному письму, ставить ѿ и ѿ̅ передъ р и л, а не позади, т. е.
писать вѿлѣк, вѣрхъ и т. д. Такой порядокъ звуковъ признанъ на-
стоящимъ русскимъ порядкомъ; въ этомъ смыслѣ высказались
Срезневскій, Колосовъ и Потебня. Колосовъ, между прочимъ,
обращаетъ наше вниманіе на то, что въ замѣнѣ о и е черезъ
ѿ и ѿ̅ замѣчается нѣкоторая постепенность. Онъ отмѣчаетъ, что
«Житіе Бориса и Глѣба», въ рукописи XII вѣка, правильно удер-
живаетъ ѿ и ѿ̅ въ разсматриваемыхъ случаяхъ, тогда какъ дру-
гой списокъ, XIV в., замѣняетъ ихъ по новорусскому способу
черезъ о и е. Правда, можно допустить, что старинные писцы при
употребленіи сочетаній ѿр, ѿл, ѿр, ѿл руководствовались довольно
простымъ правиломъ, что въ созвучіяхъ ор, ол, ер, ел слѣдуетъ
передъ согласными буквами изображать о и е черезъ ѿ и ѿ̅. (По-
становка этихъ знаковъ впереди плавныхъ, конечно, представляла
несомнѣнную уступку русскому выговору). Такимъ образомъ воз-
можно, что написанія ѿр, ѿл, ѿр, ѿл, не вполне выражали про-
изношеніе, но есть одно вѣское соображеніе въ пользу понима-
нія Колосова. Если (какъ я теперь дѣлаю) приписывать прасла-
вянскому языку слоговые г и л, то теперешній русскій выговоръ
тор г восходитъ къ древнѣйшему тгъ, и въ качествѣ переходной
ступени между тгъ и тор г приходится предполагать фонему съ
настоящимъ ѿ внутри—тѣ р г: неестественно думать, чтобы г прямо
развился въ ор. Это соображеніе говоритъ въ пользу того, что когда-
то существовали въ русскомъ языкѣ сочетанія ѿр, ѿл. Подобнымъ
же образомъ, какъ твердый г долженъ былъ развиваться прежде все-

го въ созвучіе ър, такъ мягкій г, въ какомъ-нибудь словѣ вѣръ, долженъ былъ дать фонему съ ъ — въ рѣх, а потомъ уже теперешнее вѣрѣх. Изображеніе на письмѣ переходнаго выговора можно видѣть въ старорусскомъ написаніи вѣръхъ (рядомъ съ вѣрхъ, вѣрхъ), гдѣ въ такомъ случаѣ второй ъ есть «мягкій знакъ». Правда, такое написаніе можно толковать также, какъ сдѣлку между старорусскимъ и староцерковнымъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ъ, и впереди, и позади плавнаго. Въ пользу втораго толкованія говорятъ такіа написанія какъ тѣръгъ вмѣсто тѣргъ или тѣргъ, гдѣ второй ъ едвали можно считать «твердымъ знакомъ». Вывода ер въ такихъ словахъ, какъ в е р х ѣ, изъ г', при посредствѣ созвучія ѡр, мы можемъ понять, почему въ нихъ р мягкій. (Гротъ безо всякаго основанія утверждаетъ, что мягкость вызвана предшествующимъ е). Мягкость въ такихъ словахъ мы видимъ и въ языкѣ польскомъ, гдѣ слово вѣрхъ звучитъ wierzch съ г шепелявымъ, указывающимъ на основное г'. Гдѣ русскій языкъ вмѣсто древняго г' представляетъ созвучія съ твердымъ р, тамъ надо видѣть позднѣйшее отвердѣніе; какое-нибудь прилагательное с'м'артн'ѣй замѣнило первоначальное с'м'ёртн'ѣй: т' уподобилось звуку н, р' уподобилось ставшему твердымъ звуку т, и узкое е передъ твердымъ р стало широкимъ. Отмѣтимъ, однако, что есть нѣкоторыя слова, гдѣ вмѣсто г' является слогъ ёр, котораго мы совсѣмъ бы не ожидали. Мы имѣемъ глаголь м'орзнуѣ (староцерковная форма мръзнути) — мы ожидали бы выговора м'арзнуѣ, который, правда, существуетъ, но только въ областной рѣчи. Также вмѣсто произношенія т'ш'орн'ѣй должно бы быть т'ш'арн'ѣй. Впрочемъ соотвѣтственно этому мы и по-польски находимъ *marznać, czarpu*, какъ *targ*, т. е. съ замѣною г', равною г. Приходится думать, что здѣсь уподобленіе произошло еще до утраты слоговыхъ согласныхъ: г' перешло въ г твердый, который затѣмъ раздѣлялъ судьбу искони твердаго г.

Сторонники существованія въ старинномъ русскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ приводятъ нѣкоторые слѣды ихъ въ современномъ языкѣ; однако эти слѣды 1) всѣ являются въ соединеніи со звукомъ г, и 2) принадлежать къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы въ основномъ славянскомъ должны предполагать не г и ѡ, а слоги рѣ и

лъ, рѣ и лѣ. Это такія слова, въ которыхъ при *р* и *л*, въ соотвѣтствіе староцерковнымъ написаніямъ съ глухими *ъ* и *ь*, является въ новославянскихъ языкахъ проясненіе или выпаденіе глухихъ на общемъ основаніи, причеиъ гласный стоитъ позади плавнаго; значить, напримѣръ, слово кр о ф', основное крѣкъ, п л о т'—пльть, кр е с т—крѣсть, п л е в а т'—плькати ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ областная рѣчь представляетъ отсутствіе гласнаго, которой имѣется въ обыкновенной рѣчи; такъ, у Карпатскихъ Малороссовъ являются фонемы—тр ст ѣн а, кр т ѣц я (к р о т ѣ), кр т о в ѣн а, кр ст ѣт и, вмѣсто чего также к ст ѣт и. Въ этихъ случаяхъ, кажется, *р* слога не составляетъ, но есть примѣры на *р* слоговой (или на *р*, предшествуемый глухимъ гласнымъ); у Галицкихъ малороссовъ мѣстами встрѣчаются фонемы въ родѣ: к ѣ р в ѣ в ѣ й, к ѣ р т о в ѣн а. Видѣть въ такихъ словахъ остатокъ *г* и *!* намъ, конечно, не приходится: думать, чтобъ *г* вторичнымъ образомъ между двухъ согласныхъ превратился въ неслоговой, нельзя; напротивъ, можно легко допустить, что согласный *р* между двухъ согласныхъ сдѣлался слоговымъ. Такимъ образомъ всѣ эти формы предполагаютъ выпаденіе *з*, послѣ котораго и *р* иногда подвергался выпаденію, какъ к ст ѣт и, а иногда становился слоговымъ. Это явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ. Староцерковному рѣжда, русскому р ж а, представляющему выпаденіе *ъ*, по-сербски соотвѣтствуетъ рѣжа. (Удареніе здѣсь оттянуто—первоначально было р ѣ ѣ; *р*, ставши слоговымъ, впоследствии получилъ и удареніе).

Итакъ, западно-малорусскія слова, яко-бы представляющія слѣдъ слогового *р*, вовсе не представляютъ такого слѣда: онѣ восходятъ къ фонемамъ со слогомъ рѣ. Нѣтъ притомъ надобности (какъ хотѣли нѣкоторые ученые) говорить о вліяніи на Карпатскихъ Малороссовъ ихъ сосѣдей, Словаковъ, въ языкъ которыхъ существуетъ *г*.

Изъ согласнаго *р* и согласнаго *л*, замѣнившихъ древнѣйшіе слоги ѣр и ѣр, при посредствѣ *г* и *!* слѣдуетъ выводить также слоги іг и іл, представляющіе, повидимому, приставочное *і*. Такое *і* мы

¹⁾ См. мои «Грамматическія замѣтки»—«О слоговомъ *р* и *л* у Славян», стр. 92—94. (Въ 1 изд. 94—95—Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196—197).

видимъ, напр., въ малорусскомъ і р ж а ти вм. р ж а ти, і р в а ти вм. р в а ти, і л ь н у вм. л ь н у, І л ь в і в вм. Л ь в о в ь. Подобныя созвучія существуютъ также въ великорусской областной рѣчи, напр. и р ж а вм. р ж а, и л ь г о т а вм. л ь г о т а, и л ь с т е ц ь вмѣсто л ь с т е ц ь. Слѣдуетъ предполагать, какъ переходную ступень, формы съ г и љ, гласный элементъ которыхъ затѣмъ прояснился въ і. Это то же самое, что мы видѣли въ сербскомъ словѣ р ѣ а: и наше і р ж а ти по-сербски р ѣ з а ти, і р в а ти—р в а ти ¹⁾). Такое же объясненіе, какъ въ только что приведенныхъ словахъ, слѣдуетъ давать для звука і въ бѣлорусскихъ косвенникахъ слова к р о в ь. К р о в ь побѣлорусски будетъ к р о ѳ, род. к р ѣ в 'і. Я полагаю, что первоначальный родительный крѣки ²⁾, съ выпаденіемъ ѣ, далъ прежде всего форму к р в и, т. е. ту же форму, какая доселѣ живетъ у Поляковъ (krwi); подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго р сдѣлался мягкимъ—к р в 'і, потомъ онъ сталъ слоговымъ, и явился выговоръ к р ѣ в 'і, подобнымъ же образомъ, какъ у Сербовъ крѣви, и наконецъ превратился въ слогъ рѣ—к р ѣ в 'і. Аналогія съ раньше приведенными случаями неполная: тамъ мы видѣли появленіе гласнаго элемента впереди плавнаго, тутъ онъ появляется позади его.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи въ русскомъ языкѣ *носовыхъ гласныхъ*.

Мы уже отмѣтили, что въ самыхъ раннихъ памятникахъ букву ж смѣшивали съ оу, а букву л—съ м и а. Правда, по словамъ Буслаява, русский языкъ долженъ былъ имѣть нѣкогда юсы, потому что представляетъ чередованіе оу и м съ носовыми согласными, какъ дуть—н ад м е н ь, племя—пле м е н и; однако это не доказываетъ существованія юсовъ въ русскомъ языкѣ, а только

¹⁾ Что касается несоотвѣтствія въ глаголь р ж а т ь—р з а т и звуковъ ж и з, то его должно объяснять отступленіемъ отъ старины языка русскаго: первоначальною формою надо считать рѣзати, наст. рѣжени, глаголь азово-ітовый, т. е. имѣющій въ инфинитивѣ примѣту а, въ настоящемъ j; русский языкъ переименовалъ инфинитивъ примѣнительно къ настоящему.

²⁾ Что древнѣйшее окончаніе было не м, а є, для насъ теперь безразлично.

существованіе ихъ. въ праславянскомъ. Незачѣмъ даже говорить вмѣстѣ со Срезневскимъ, будто *у* и *я*, замѣнившія юсы сохраняли способность превращаться въ *ен* и *ем*: тутъ чередованіе происходитъ лишь по преданію. Иные однако искали въ русскомъ языкѣ остатковъ носовыхъ гласныхъ. Возможность найти такіе остатки по моему надо отвергать уже теоретически: разъ существуетъ звуковой законъ превращенія *ж* въ *оу*, а *л* въ *м*, то всѣ юсы должны были подвергнуться этому измѣненію и исчезнуть. Буслаевъ указываетъ сохраненіе носового произношенія въ словѣ Венгры; но очевидно только по недосмотру, такъ какъ самъ въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что это слово заимствовано съ польскаго *Węgrzy*, гдѣ *ę*—правильная замѣна *ж*; древняя органическая русская форма была Угре (теперешнее Угры представляетъ намѣренное возвращеніе къ старинѣ). *Л* будто бы сохранился въ глаголѣ брѣнчѣть, при которомъ стоитъ староцерк. форма брѣцати. Однако брѣнчѣть надо толковать иначе: въ немъ и звукъ *ч* не соотвѣтствуетъ староцерк. *ц*; брѣнчѣть, очевидно, въ староцерк. было бы брѣнуати, предполагающее какое-нибудь сущ. въ родѣ *брѣнць, которое съ брѣцати имѣетъ общій корень брѣм. Еще усматриваютъ сохраненіе носового элемента въ малорусск. *нѣа*, которое является иногда *вм. 'а* послѣ губныхъ. Существуетъ напр. малорус. выговоръ *мнѣа* со *вм. обыкновеннаго мѣа* со изъ основнаго *масо*; однако *м* въ этой формѣ нельзя считать остаткомъ пригласки: вѣдь онъ не слѣдуетъ за гласнымъ элементомъ и не сопровождаетъ его, а предшествуетъ ему. Кромѣ того фонема *мнѣа* со представляетъ правильную замѣну *л* черезъ *'а*, а *н* въ ней самъ по себѣ. Надо думать, что въ такихъ созвучіяхъ развился прежде всего *ј*, изъ *мѣа* со вышло *мѣа* со, далѣе *ј*, уподобившись предшествующему носовому согласному, перешелъ въ носовой *жс* мягкій согласный—*н*. Такія же слова, какъ *мнѣа* со, т. е. представляющія слогъ *мнѣа* *вм. мѣа* изъ древняго *ма*, суть: румѣяній, мнѣкій, мнѣта, пѣломня, імня (імня'), сімня, плѣмня. Мы такимъ образомъ видимъ, что слѣды носовыхъ гласныхъ, усматриваемые въ русскомъ языкѣ, суть мнимые. Однако въ пользу существованія юсовъ въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ можно, вслѣдъ за *Соболевскимъ*, сослаться на нѣкоторыя слова, заимствованныя у Германцевъ. Таково народное названіе Вараг (произ-

носимое въ старину, вѣроятно, съ удареніемъ на начальномъ слогѣ). Основная герм. форма этого слова была *vaŋing*; передача герм. *in* черезъ русское 'а весьма странна, и для объясненія ея удобно предположить, что первоначально Русскіе изъ *in* сдѣлали *л*, который затѣмъ уже перешелъ въ *я*. Если это такъ, то надо приписать старѣйшему русскому языку носовые гласные. Но возможно, что слово *ва ря г* и ему подобныя заимствованы не прямо отъ Норманновъ, а при посредствѣ какихъ-нибудь Славянъ, знавшихъ носовые гласные. Можетъ быть также, что это слово взято у Византійцевъ, гдѣ оно звучало *βάραντος*; греч. *га* со среднимъ согласнымъ, Русскіе могли передать не только черезъ *ра* но и черезъ *ря*. Въстѣ съ тѣмъ опущеніе носового элемента, который передъ согласнымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ не встрѣчался, вполне понятно; это подобно просторѣчаному выговору *а г л и ц к і й* вм. *а ѣ г л і й с к і й*. Такимъ образомъ замѣна герм. *in* по-рус. черезъ *я* говоритъ отчасти въ пользу существованія въ русск. языкѣ *л*. Но не имѣютъ никакой силы тѣ случаи, гдѣ по-русски является *оу* вм. сканд. *up*; слово *соудъ* заливъ, изъ герм. *sund*, конечно, можно объяснять просто опущеніемъ звука *н*. Такимъ образомъ, по-моему, мнѣнія Соболевскаго, что въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ существовали юсы, нельзя принимать прямо и рѣшительно.

Обратимся теперь къ одному звуковому явленію, которое помещается въ числѣ отличительныхъ примѣтъ русской рѣчи, такъ какъ имъ русский языкъ довольно рѣзко отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ. Это—появленіе *зачиннаго о* вм. *инославянскаго je*, т. е. та особенность, какую представляетъ, напр., слово *олѣнь* при староцерк. *юлень*, серб. *јѣлен*, словен. *jèlen* (съ *е* широкимъ; широкій выговоръ обозначается иногда циркумфлексомъ), по-чеш. *jelen*, по-поль. *jelen*, также и по-лужиц. *jeleń*. Такимъ же образомъ слово *озеро* въ староцерк. формѣ будетъ *ѡзеро*, по-серб. *језеро*, по-словен. *jezero*, по-болг. *езеро* ¹⁾, по-чеш. *jezero*, по-поль. *jezięo*, по-верхнелуж. *jezog*, по-нижнелуж. *jazor* (у Лужичанъ это слово муж. рода; кромѣ того у Нижнихъ Луж.

¹⁾ Произносятъ *jezero* и *езеро*. По-болг. вообще зачинное *е* колеблется между выговоромъ съ *j* и безъ *j*.

произошло вторичное расширение звука *e* въ *a*). То же явление представляет слово *осень*, староц. *jesen*, серб. *jesen*, по-словен. *jesen*, по-болг. *есень*, по-поль. *jesien*, по-словац. *jesen*. (Чехи, а также и Лужичане имѣютъ другое слово). Таково еще слово *осётр*, которое въ староц. формѣ будетъ *jesetr*, по-серб. *jesetra* (жен. рода). Къ отмѣченнымъ нами словамъ на рус. *o* при инослав. *je* можно прибавить еще нѣкоторыя: мы видимъ старинное *одва*, которое имѣетъ другой обычный видъ — *едва*. Надо полагать, что вторая форма—книжная, во всякомъ случаѣ въ областной рѣчи существуетъ *одва*. Еще сюда относить старинный союзъ *оже* что, если, отождествляя его со среднимъ родомъ относительнаго мѣстоим. *иже*—*еже* (ж. р. *иже*); но это *оже* можно, вслѣдъ за Соболевскимъ, въ его статьѣ посвященной разсматриваемому нами вопросу ¹⁾, толковать иначе. Соболевскій сопоставляетъ *оже* съ другими старинными союзами: *отъ* (при которомъ существуетъ равносильное ему *атъ*) чтобы, *оми* даже и *ото*, *осе*, *оно* вотъ. Такимъ образомъ онъ усматриваетъ въ первой части союза *оже* особое мѣстоименіе *o*, которое входитъ въ составъ всѣхъ этихъ словъ, соединяясь съ другими мѣстоименіями; но этому толкованію *оже* и *еже* сходны только во второй части, а первая часть различна.

Что-же, спрашивается, древнѣе, русское ли зачинное *o* или инославянское *je*?—На этотъ вопросъ ученые довольно согласно отвѣчаютъ, что *o* вторично. Буславъ въ своей «Исторической грамматикѣ» видитъ здѣсь «одинъ изъ случаевъ замѣны мягкихъ гласныхъ церковнославянскихъ твердыми». Срезневскій въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» говоритъ о «перемѣнѣ кореннаго *e* въ *o* въ началѣ словъ». Ни тотъ, ни другой, впрочемъ, подробно вопроса не разсматриваетъ; дольше на немъ останавливался Колосовъ. Колосовъ во введеніи къ своему «Очерку исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» ²⁾ высказывается въ такомъ смыслѣ, что инославянская огласовка древнѣе русской, что однако *j*,

¹⁾ Статья Соболевскаго напечатана въ Р. Ф. В., томъ VIII; озаглавлена она: «Русское начальное о=ц.-слав. и».

²⁾ Изложу здѣсь колосовскую теорію; возраженія же противъ нея приведу ниже, при изложеніи воззрѣній Ягича и Потебни.

вѣроятно, вторичный, а первоначально было просто *e*, изъ котораго можно-де выводить съ одной стороны *o*, а съ другой *je*. Доказательства въ пользу такого взгляда слѣдующія: 1) звукъ *e* является также у Литовцевъ: при рус. *о лѣнь*, староцерк. *ѡленъ*, стоитъ лит. *ėlnis*; при *бзеро*, *ѡзеро* — *ėžegas* прудъ. (Этимъ примѣромъ замѣняю неудачный Колосовскій примѣръ, который намъ встрѣтится ниже); 2) всѣ остальные славян. языки согласуются со староц., а не съ рус.; 3) самъ рус. языкъ представляетъ свидѣтельство о вторичности звука *o* въ собственныхъ именахъ заимствованныхъ съ греч., какъ *О л е н а* изъ *Ἐλένη*, *О в д о т ъ я* изъ *Ὀδοχία*. Примѣры мой — у Колосова приводится неудобный примѣръ *оленъ* вм. *ѡленъ*, произошедшее-де изъ греч. *ἔλαιον*¹⁾. За бѣльшую древность звука *e* рѣшительно высказывается также Ягичъ въ упомянутой уже раньше статьѣ о расширеніи узкихъ гласныхъ («О перегласовкѣ звуковъ *e*, *ѣ*, *ѣ>*). Ягичъ думаетъ, что основное *je*лень могло дать сначала *jolenъ*, а потомъ *olenъ* съ утратой *j*. Конечно, это толкованіе весьма неудобно: 1) приходится допустить расширеніе *e* не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ, 2) приходится предположить утрату зачиннаго *j* — также явленіе необычное для рус. языка. Одно изъ затрудненій мы могли бы отчасти устранить, исходя отъ Колосовской безпривзвучной формы *e*лень; но почему тогда произошло расширеніе, которое происходитъ передъ твердыми согласными *послѣ мягкихъ*? Позвоительно ли предполагать, что зачинное *e* имѣло ту же судьбу, какъ *e* послѣ мягкихъ? Противъ этого говоритъ междометіе *э* (срв. стран. 12), но не особенно рѣшительно, т. к. оно, именно какъ междометіе, могло быть на особомъ положеніи. Да и построеніе безпривзвучной формы *e*лень нѣсколько неудобно, потому что всѣ славян. языки единогласно указываютъ на *j* (только въ болг. языкѣ мы здѣсь, какъ отмѣчено выше, замѣчаемъ колебаніе). По поводу Колосовскаго «Очерка» разсматриваемый вопросъ былъ опять поднятъ

¹⁾ Слово это является въ такомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: въ староцерк. *оленъ* (хотя тамъ встрѣчается и *ѡленъ*), въ словен., чеш., поль. — *olej*, у Нижнихъ Луж. — *volej*, у Верхнихъ Луж. — *volij*, по-серб. *олај*; поэтому естественно думать, что оно взято не съ греческаго, а съ латинскаго (*oleum*).

Потебнею въ «Замѣткахъ по исторической грамматикѣ русскаго языка» ¹⁾. Потебня здѣсь высказывается въ пользу того, что ни *e* не происходитъ изъ *o*, ни наоборотъ, а что оба восходятъ къ одному древнѣйшему *a*. Лит. *e*, на которое ссылается Колосовъ, можно де признать вторичнымъ варьянтомъ *a*—лит. рѣчь рядомъ съ *e* представляетъ также и *a*: существуетъ колебаніе между *egélis* и *agélis* орель, между *elkúnè* и *alkúnè* локоть, между *esmì* и *asmì*. Примѣры эти не особенно удачны: они не представляютъ такихъ словъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ произносятъ *agélis*, *alkúnè*, *asmì*, могутъ произнести и **álpis* вм. *élpis*. Насчетъ доказательности лит. словъ со звукомъ *e* для нашего вопроса Потебня, разумѣется, неправъ: если говорить, что какое-нибудь *egélis* есть вторичное лит. измѣненіе основного *agélis*, то этимъ предполагается, что въ славянолит. языкѣ не существовало еще звука *e*, а было, вмѣсто позднѣйшаго *o* и *e*, одно *a*. Больше,—Потебнѣ при его взглядѣ на занимающій насъ вопросъ даже праславянскому приходится приписать вмѣсто *o* и *e* одинъ звукъ *a*; между тѣмъ и по теоріи Гримма, Боппа и Шлейхера, хотя въ праязыкѣ было одно *a* вмѣсто «позднѣйшихъ» *a*, *e*, *o*, но существованіе звука *e* всетаки признавалось для общеславянскаго и уже для славяно-литовскаго. Поэтому выговоръ *agélis*, *alkúnè*, *asmì* слѣдуетъ считать вторичнымъ: *e* въ областной рѣчи перешло въ *a*. Кромѣ того эти слова, кажется, представляютъ неточность правописанія: въ нихъ чуть-ли не слышится всетаки *e*, только весьма широкое, близкое къ *a*. Надо такимъ образомъ признать, что литовское *e* говорить-таки въ пользу древности инославянской огласовки и противъ русской. Кромѣ того этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ языкахъ. Такъ можно сослаться на греч. ἔλαφος, равное основному εἰψθος, которое первыми тремя звуками совпадаетъ съ лит. *élpis*; при ἔλαφος по-греч. мы имѣемъ еще ἔλλός (изъ *ἐλνός) молодой олень; также старонѣм. elah лось своимъ первымъ слогомъ совпадаетъ съ греч. и лит. фор-

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. въ 1873—74 г.; въ 75-мъ г. онѣ вновь появились въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ въ Фил. Зап., а также отдѣльнымъ оттискомъ. Онѣ составляютъ первую часть сборника статей «Къ исторіи звуковъ русскаго языка»).

мой и говорить въ пользу *e*. Подобнымъ же образомъ находить себѣ соотвѣтствіе въ германскихъ языкахъ слово *ельха*, рус. *ольха*: вышнее нѣмецкое названіе *Elle*, въ старонѣм. было *eliga*, для котораго можно построить основную форму *elisā*, совпадающую съ основной формой для слав. *ельха*. Теорія Потебни возобновлена Миклошичемъ. Миклошичъ во второмъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», въ 1879-мъ г., также возводитъ русское *o* и инославян. *je* къ одному древнѣйшему *a*. И еще позднѣе, въ 82-мъ г., Соболевскій въ упомянутой выше статьѣ выставлетъ тоже ученіе. Однако, если Потебнѣ въ 74-мъ г. (при господствѣ старой теоріи праязычнаго вокализма) было позволительно дѣлать подобное предположеніе, то Миклошичъ и Соболевскій, повторяя его, поступили весьма странно и неосновательно.—Потебня кромѣ уже указаннаго дѣлаетъ также другое возраженіе Колосову. Онъ указываетъ на существованіе начальнаго *o* вм. *je* у другихъ Славянъ. Такъ, у Словенцевъ есть слово *omela* (рус. *омѣла*), въ словацкомъ нарѣчій чеш. языка—*omelie* (сущ. собирательное), тогда какъ поль. языкъ представляетъ *jemiel* или, съ окончаніемъ сходнымъ съ рус. и словен.,—*jemioła*; въ чеш.—*jemela*, у Верхнихъ Лужичанъ—*jemelina*, у Нижнихъ Луж.—также *jemelina* или *hemelina*. Слово это мы находимъ также со звукомъ *i*: въ староз. отмѣчена форма *имела*, въ болг. является *имѣла*, въ серб.—*имела* (или *мѣла*, съ безгласнымъ корнемъ), въ чеш. имѣется собирательное сущ. *jmělí*, которое, возведенное къ староз. звукамъ, будетъ *имелнѣ*. Формы въ родѣ сербскихъ видимо объясняются сближеніемъ этого слова съ глаголами *имати* (хватать, ловить) и *имѣсти*. Далѣе Потебня указываетъ на сущест. *ольха*. *E* въ этомъ словѣ представляютъ только южнослав. языки, причомъ одинъ изъ нихъ колеблется между *e* и *o*: мы видимъ болг. *елхà*, серб. *jóxa* ¹⁾, а по-словенски *jelša*, *olša* и *jolša*. (*Jolša* естественно считать плодомъ сдѣлки между первыми двумя форма-

¹⁾ У Сербовъ мы видимъ *o*, но это *o* не слѣдуетъ отождествлять съ рус. *o*: *jóxa* есть стяженная форма: *jelxà* дало ближайшимъ образомъ *jelxà*; а по серб. фонетикѣ, имѣя передъ собой гласный и не имѣя его за собой, превращается въ *o*, такъ что изъ *jelxà* вышло *jeoxà*, затѣмъ съ переносомъ ударенія—*jeòxa*, и наконецъ со стяженіемъ—*jóxa*.

ми). Нѣчто похожее на *jošā* знаетъ и рус. областная рѣчь: какъ владим. и вят. отмѣчено *jo l x a* в м. о л ь х а, какъ нижегород. отмѣчено *je l ó x a*; эти рус. формы, какъ мнѣ кажется, удобнѣ всего объяснять сближеніемъ со словомъ *jo l k a*. Сѣверозап. славяне въ словѣ о л ь х а имѣютъ *o*, какъ Русскіе: Поляки говорятъ *ołcha* и *ołsza*; остальные сѣверозап. славяне употребляютъ съ обыкновенными измѣненіями вторую изъ этихъ формъ: у Чеховъ—*oíše*, у Лужичанъ—*voiša*, въ языкѣ вымершихъ Полабскихъ славянъ—*vůlša*. Подобное же слово, какъ о л ь х а и о м ѣ л а, есть словенская множинница *olita* кишки; при немъ стоитъ серб. *jělito*; это слово существуетъ также у Нижнихъ Лужич.—*jelito* сычугъ (одинъ изъ желудковъ жвачныхъ). Еще Потебня указываетъ на словен. *odvaj* едва. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ появленіе звука *o* у западныхъ Славянъ мнѣ казалось бы возможнымъ объяснить сближеніемъ начальнаго слога съ предлогомъ *o*,—замѣною не имѣющаго никакого значенія *e* знаменательнымъ *o*: какое-ниб. **edvaj* легко было переименовать въ *odvaj*, усмотрѣвъ въ первой части предлогъ, а во второй числительное; **elita* могло разложиться въ народномъ сознаніи на *e*, корень *li* и суффиксъ *ta*, послѣ чего *e* могли замѣнить предлогомъ *o*. Какое-ниб. словен. *olša*, кажется, можно сопоставить съ сущ. *lišej* лишай, такъ что о л ь х а въ такомъ случаѣ стала бы пониматься, какъ покрытая лишаями. Позвоительно такимъ же образомъ объяснять и рус. *o* на мѣстѣ инославян. *e*: можетъ быть, въ какомъ-ниб. словѣ *e* легъ въ первомъ слогѣ усмотрѣли предлогъ и возстановили его въ видѣ *o*. Въ пользу такого нефонетическаго объясненія говорить то обстоятельство, что рус. языкъ въ иныхъ словахъ знаетъ зачинное сочетаніе *je*, въ чистомъ видѣ, или со вторичнымъ измѣненіемъ. Вѣдь существуютъ же слова *je á*, *jo l k a*, *jo š*, *ji št š ó*, косвенные падежи къ мѣстоименю он, она: *ji m ý*, *ji j ó*, *je j y*, не переходя въ *o á*, *o l k a* и т. д. Одно изъ этихъ словъ впрочемъ встарину, какъ будто, подвергалось такому измѣненію: слово *ě ж ѣ* въ спискѣ Данила Заточника, XV ст., является въ начертаніи *ожъ* (Колосовъ приводитъ его въ примѣрѣ на рус. *o* при инослав. и литов. *e*—*esz* и *ežys*); по мы, вслѣдъ за Потебней, лучше будемъ толковать это *ожъ*, какъ попытку изобразить созвучіе *jo*: писецъ, не желая писать *e* в м. *o*, вѣрно изобразилъ гласный элементъ,

пренебрегши согласнымъ ¹⁾. Относительно словъ ель, ёлка и т. д. я могъ бы сказать, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть предлога, и оттого они остались непременными. Впрочемъ надо признаться, что одно изъ этихъ словъ легко могло бы примѣниться къ предлогу—это нарѣчье ещѣ, которое могло быть понято, какъ о ч т о; и дѣйствительно существуетъ областная (олонецкая) форма о щ ѣ. Но съ другой стороны, кажется, можно допустить, что нарѣчье е щ ѣ чувствовалось въ связи съ глагольною формою е ст ь, и что такая связь могла сохранить его отъ переименованья.

Противъ третьяго довода Колосова въ пользу первенства звука *e* Потехня не выставилъ возраженій, но противъ этого пункта спорить Со бо л ев скій, въ упомянутой статьѣ. Соболевскій хочетъ выдѣлить изъ числа занимающихъ насъ случаевъ слова пришля. Онъ указываетъ нѣкоторые примѣры появленія начального *o* вмѣсто *e* въ памятникахъ болгарской редакціи. Таково слово *оноплъиниъ* (Ἐπίονη—Αἰθίοψ) и собственное имя *Орминни* (описка вм. *Ормиони*), греч. Ἐρμιόνη. Вмѣстѣ съ тѣмъ ²⁾ Соболевскій ссылается на мѣстный греческій выговоръ, представляющій *o* вм. начального *e*: существуютъ областныя греч. формы *o* х т р ѳ с и б р ѳ ѳ ѳ ѳ вм. ἐχθρός и ἔργον. Однако весьма сомнительно, вправѣ ли мы приводить русскія измѣненія такихъ именъ, какъ О л е н а, и единичныя болгарскіе случаи въ связь съ греч. областнымъ явленіемъ. Еслибы Соболевскій указалъ намъ греческія имена О л е н и, О в д о к і а, тогда, конечно, надо бы принять его взглядъ, но ихъ не встрѣчается. Въ отдѣльныхъ болгар. случаяхъ можно видѣть или описки, или руссизмы, или такое же осмысленіе начального *e* въ предлогъ, какое я предположилъ раньше. Впрочемъ насчетъ того, что собственные имена, въ родѣ О л ё н а, слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, чуть ли не должно согласиться съ Соболевскимъ. Замѣна зачиннаго *e* или *je* черезъ *o* произошла еще въ доисторическое время, и врядъ ли Русскіе, заимствуя такія имена въ IX—X ст., могли передѣлать ихъ фонетически. Приходится кажет-

¹⁾ Впрочемъ въ пользу существованія, рядомъ съ фонемою *ѣ* ж, разновидности *ож* можно сослаться на малорусское *ожі* на ежевика.

²⁾ Въ той же статьѣ и въ дополнительной замѣткѣ «Къ вопросу о русск. начальномъ *o* = ц.-слав. *ъ*.» Р. Ф. В., т. XIII, стр. 140—141.

ся допустить, что выговоръ *О л е н а* возникъ по образцу колебанія между формами книжными и народными: употребляя просторѣчное *олень* при книжномъ *желень*, можно было и вмѣсто собственнаго имени *Юсема* произнести на русскій ладъ *О л е н а*.

Высказавъ, по поводу возраженій сдѣланныхъ Потребнею Колосову, что начальное *о* при инославянскомъ *je* могло появиться путемъ осмысленія, считаю нужнымъ оговорить, что такое объясненіе удобно далеко не во всѣхъ словахъ, и что едвали не слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять объясненіе Потребни, Миклошича и Соболевскаго, а именно признать, что *е* и *о* одинаково древни. Конечно, мы не станемъ ихъ возводить къ одному *а*, развившемуся на славянской почвѣ безо всякой причины то въ *е*, то въ *о*, а должны будемъ предположить, что здѣсь сохранилось весьма древнее (п्राязычное) колебаніе—подобное же колебаніе, какое представляетъ глагольная форма *верж* при сущ. *нѣ-боръ*, греч. *φέρω* и *φόρος*, лат. *tēgo* и *tōga*. На существованіе подобнаго колебанія повидимому указываетъ сущ. *лѣин* оленица, стоящее рядомъ съ *лельмь*. Такъ какъ при слав. словѣ *лѣкты*, стоитъ лит. *alkūnė*, при слав. *лѣкати* (имѣющемъ, впрочемъ, побочную форму *лѣма-ти*)—*álkti*, то и *лѣин*, возведенное къ основнымъ звукамъ, будетъ *olnī*. Образованіе это такое же, какъ санскр. *vṛkī* волчица, при *vṛka* волкъ. Основѣ *лелен* въ словѣ *лѣин* противуполагается, значить, *oln*. Колебаніе въ основѣ слѣдуетъ предположить и для самаго слова *лельмь*; оно ужъ и было предположено Дескинымъ, въ статьѣ, помѣщенной въ III т. Архива Славянской филологіи—«Слѣды разноступеннаго склоненія въ славянскомъ и въ литовскомъ: Spuren der stammabstufenden Declination im slavischen und litauischen». Отъ слова *лельмь* встрѣчаются нѣкоторыя формы, указывающія на согласную основу; мы имѣемъ, напр., род. *лелене*; въ виду этого можно думать, что основа кончалась первоначально на *и*, и что имен. пад. былъ **лели*, какъ *камы*. Корень тутъ, значить, *лел-* и суффиксъ *-ен-*, во суффиксъ *-и-*, какъ видно изъ языка греч. и санскр., есть суффиксъ разнovidный, т. е. онъ принимаетъ разный видъ, смотря по падежамъ, по-греч. мы имѣемъ напр. слово *λίμην*, въ имен. *η*, въ род. *ε*—*λιμένος*, производное же сущ. *λίμνη* представляетъ одинъ только *ν*. Подобнымъ же образомъ санскр. основа *gādžan* царь образуетъ имен. *gādžā*, вин. *gādžānam*,

зват. *gádžan*, род. *gádžnas* (вм. ап здѣсь просто *n*, мягкій, въ примѣненіи къ предшествующему *dž*). Подобное же колебаніе огласовки встрѣчается и въ другихъ суффиксахъ; такъ, извѣстно колебаніе между *ĕg*, *ĕg*, и *g*, какое мы имѣемъ въ греч. *πατήρ*, *πατέρα*, *πατρός* и въ санскр. формахъ *pitá*, вин. *pitágam*, дат. *pitré*. Такія колебанія слѣдуетъ предположить уже въ праязыкѣ, т. е. праязыку слѣдуетъ приписать у нѣкоторыхъ словъ отгѣненіе или разноступенность основы (по-нѣм. *Stammabstufung*). Итакъ слово *ѣлемь* представляетъ основу на другой ступени, чѣмъ литов. *ėlnis*: основа слав. *ѣлемь* такая же, какъ въ санскр. зват. *gádžan*, а въ лит. *ėlnis* такая, какъ въ род. *gádžnas*. Славянолитовское склоненіе слова *ѣлемь* было *éľō*, род. *elńós*, им. мн. *elėnes*; послѣ Литовцы по всѣмъ падежамъ провели слабую основу *elń*, Славяне же—сильную *elėn*. Разноступенность намъ приходится предполагать не только въ такихъ случаяхъ, когда имѣется настоящая тема, но и въ такихъ, гдѣ корень служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ темой—она, значить, можетъ состоять и въ различной огласовкѣ корня: такое колебаніе было свойственно основной формѣ лат. *rĕs*, *rĕdis* и греч. *ροῦς*, *ροδός* (при *τεζός*); очевидно въ праязыкѣ было въ однихъ падежахъ *e*, въ другихъ *o* (примѣрно: **rōs*, *redós*, *ródm*); Римляне провели по всѣмъ падежамъ *e*, а Греки—*o*. Такое же колебаніе м. б. позволительно предположить и для слова *ѣлемь*, которое тогда содержало не только измѣняющую наставку, но и измѣняемый корень, и представляло формы *olō*, *elńos*, *olėnes* или *elėnes*, подравненіе которыхъ въ разныхъ направленіяхъ породило и русское *о л е н ь*, и инослав. *ј е л е н ь*. У нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ словъ, дѣйствительно можно указать въ родственныхъ языкахъ широкую огласовку корня. Таково слово *о с е н ь*, *ѣсень*, которое существуетъ въ готскомъ языкѣ въ значеніи жатвы и звучитъ *asans*, род. *asanais* (т. е. это основа на *i*=слав. *ь*); также въ старопрусскомъ мы находимъ *assanis* *осень*. Опять мы, значить, можемъ построить древнѣйшее склоненіе *осы*, *есме*, им. мн. *есеме* или *осеме*. Также и лат. *alnus*, можетъ быть, позволительно выводить изъ древняго **olńos*, въ какомъ случаѣ оно представляетъ въ видѣ *ol* тотъ же корень, который по-слав. колеблется между *o* и *e* (*о л ь х а* и *ѣльх а*), а въ нѣм. *Eller* (*eliga*) имѣетъ *e*. Къ только что изложенному объясненію зачиннаго *o* вм. *je* пришелъ и Богородицкій,

который впрочемъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ. Мнѣ удалось привести вамъ нѣкоторые доводы, но я всетаки не настаиваю рѣшительно на этомъ объясненіи. Можетъ быть, лучше всего сохранить рядомъ съ нимъ и другое, предложенное мною ранѣе, т. е. въ однихъ словахъ выводить нашу двойственность изъ праязычнаго колебанія, въ другихъ объяснять ее переименованіемъ.

Перейдемъ теперь къ звуковому явленію, особенно характерному для русскаго языка, помѣщаемому съ полнымъ правомъ въ число отличительныхъ примѣтъ его—къ *полногласію*. Полногласіе есть терминъ, пущенный въ оборотъ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, въ 30-хъ гг. Это названіе основано на невѣрномъ пониманіи самаго явленія: Максимовичъ усматривалъ въ русскомъ языкѣ сравнительно съ другими славянскими языками особенное обиліе гласныхъ, такъ что у него подъ понятіе полногласія подходили и такія слова, какъ в о л е при чеш. vlk. Въ этомъ смыслѣ онъ видѣлъ полногласіе и въ санскритскомъ языкѣ. Но отказываться отъ термина «полногласіе» незначѣтъ, потому что онъ успѣлъ получить условное, точное значеніе. Передавая своими словами формулировку, данную уже Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, я опредѣляю полногласіе слѣдующимъ образомъ: полногласіе есть своеобразная огласовка плавно-чистыхъ созвучій—появленіе двухъ о или двухъ е по сторонамъ плавнаго (р или л), который въ другихъ славян. языкахъ слѣдуетъ за согласнымъ и имѣетъ за собой звуки а или ъ, либо о или е. То, что въ другихъ славян. языкахъ рус. полногласію соотвѣтствуетъ сочетаніе плавнаго съ а или ъ, слѣдуетъ понимать не буквально: звука ъ ни въ одномъ славян. языкѣ, кромѣ староцерк. и праслав., не существуетъ, а существуетъ лишь его отраженіе въ томъ или другомъ видѣ, такъ что новославян. языки, представляющіе ъ вм. двухъ русскихъ е, имѣютъ собственно не ъ, а его замѣну. Наконечная огласовка плавно-чистыхъ созвучій, притомъ съ а и съ ъ, свойственна, какъ извѣстно, языку староцерковному, кромѣ того мы ее видимъ въ языкахъ южнославян. — въ болгарскомъ сербскомъ и словенскомъ, и въ одномъ сѣверозападномъ языкѣ—въ чешскомъ. Такимъ образомъ вмѣсто рус. б о р о д а является староцерк. брада, болг. бра́да, серб. бра́да, словен. bráda, чеш. brada. Русскому г о л о в а соотвѣтствуетъ староцерк. глава,

болг. глава, серб. глава, словен. gláva, чеш. hlava. Русской формѣ мерѣжа (сѣть) соотвѣтствуетъ староцерк. мрѣжа, болг. мрѣжа, серб. мрѣжа, словен. mreža, чеш. mreže. Этотъ примѣръ впрочемъ представляетъ то неудобство, что въ болг. и серб. языкахъ является такое измѣненіе ѣ, въ которомъ его нельзя отличить отъ е. Въ дополненіе возьмемъ еще рус. бѣрег, староцерк. брѣгъ, болг. брѣгъ (выговар. бряк), серб. брѣгъ, словен. brég. (Чеш. břeh могло бы произойти также изъ брегъ). Языки польскій и лужицкій въ обоихъ своихъ нарѣчіяхъ представляютъ о вмѣсто староцерк. а. Мы вм. брада имѣемъ broda, вм. галака—glowa—такъ по-поль. и по-нижнелужиц., по-верхнелуж. будетъ разница въ согласныхъ—hłowa (произносится цова). Вмѣсто ѣ польскій языкъ представляетъ е. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, можно бы усмотрѣть и ѣ, но въ другихъ совершенно ясно, что основной звукъ для польскаго языка есть е. Если мы возьмемъ слово brzeg, то не видно, что лежитъ въ основаніи, но въ соотвѣтствіе русскому бѣрѣжа мы находимъ поль. brzoza, гдѣ очевидно имѣется основное е, потому что изъ ѣ вышло бы а—*brzaa. (Передъ t, d, n, s, z, ł и r е и ѣ подверглись расширенію—первый въ о, второй—въ а). У Лужичанъ повидимому замѣчается колебаніе: нѣкоторые слова указываютъ на е, другіе на ѣ: брѣгъ по-верхнелуж. будетъ brjóh, по-нижнелуж.—brjog (jo указываетъ на е); съ другой стороны мы имѣемъ верхнелуж. bręza (ѣ этимологически есть ѣ; произносится въ родѣ i)¹⁾, въ нижнелуж. находимъ brąza: это brąza, скорѣе предполагаетъ е, нежели ѣ²⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда славянскіе языки представляютъ колебаніе между двойной (полногласной) и двумя видами окончательной огласовки, родственные языки полагаютъ гласный впереди плавнаго: въ нихъ, позволю себѣ такъ выразиться, является огласовка *срединная*. Такъ одинъ изъ нашихъ примѣровъ—слово голова существуетъ у ближайшихъ родичей Славянъ, у Литов-

¹⁾ Это е у Верхнихъ лужичанъ (по наблюденію Ф. О. Фортунатова: Archiv für slavische Philologie, IV, 576) является тамъ, гдѣ у Чеховъ долгота. Срв. ниже, стр. 72.

²⁾ Впрочемъ считаютъ возможнымъ возводить луж. ё также къ основному е, чѣмъ устраняются указанія на основной ѣ.

цевъ: по-лит. — *galvà*; въ лит. же языкѣ мы находимъ и слово *берѣза* въ видѣ *bėrzas* (слово это по-лит. муж. рода). Въ лит. языкѣ имѣется и слово *гѣрод* — *gaĩdas* (значить овчарня); это же слово существуетъ въ языкѣ готскомъ, гдѣ звучитъ *gards* (домъ) ¹⁾.

Противопологая обыкновенно въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ конечной огласовкѣ староцерковнаго языка свое полногласіе, русскій языкъ однако въ иныхъ случаяхъ и самъ представляетъ конечную огласовку. Мы говоримъ напр. *брат, слаб*, какъ въ староцерк., а не *борот, солоб*, какъ можно бы ожидать. Въ такихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки между собой согласны. Что у южныхъ Славянъ и у Чеховъ является *a*, разумѣется само собой, но мы находимъ *a* и у Поляковъ и у Лужичанъ: *brat*, и не *brot*; *słaby*, а не *słoby*. Сверхъ того и родственные языки сходятся со славянскими въ постановкѣ гласнаго: онъ и тамъ стоитъ позади плавнаго. Вспомнимъ извѣстныя параллели къ слову *братъ, брать*: *frater*, *фратѣр*, готское *brothar*, литовское *brólis*, санскритское *bhrátar*. Слово *слабъ* сродни нѣм. *schlaff* вялый, безсильный и глаголу *schlafen* спать, готская форма — *slēpan*.

Полногласіе есть черта общерусская, одинаково свойственная всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, только въ литературномъ языкѣ она значительно ограничена книжнымъ вліяніемъ; впрочемъ и на народную, особенно на пѣсенную рѣчь приходится допустить книжное вліяніе. вмѣстѣ съ тѣмъ полногласіе есть явленіе древнее, исконно-русское—уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности мы находимъ слѣды его. Въ послѣсловіи къ Остромирову Евангелію дьяконъ Григорій упоминаетъ о князѣ *Колоднмнра* и о *Новъгородѣ*; въ календарѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *ничи хди перегнжжъ лнста дѣла*. (Въ томъ же словѣ, гдѣ написанъ *ъ* на

¹⁾ Основное значеніе, очевидно, самое общее: «нѣчто огороженное»—вѣдь *гѣродъ* первоначально былъ «укрѣпленное мѣсто», «крѣпость», поэтому вполне понятно и тѣ, что это слово у другихъ Славянъ имѣетъ значеніе замка: поль. *gród*, чеш. *hrad* значать замокъ, такъ же и словен. *grad*; серб. *град*, хотя получаетъ иногда значеніе города, но обыкновенно значить замокъ; съ Русскими насчетъ значенія этого слова вполне сходятся только Болгары.

своемъ мѣстѣ, гдѣ употребленъ правильно ж, онъ написалъ перемѣсто староцерк. пръ-!).

Въ случаѣ равногласія русскаго языка со староцерковнымъ мы всегда будемъ склонны предполагать отступленіе со стороны Русскихъ. Въ такомъ смыслѣ и понималъ полногласіе Добровскій, который въ своихъ «*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*» выводитъ *о р о и р о* изъ *р а*, не вдаваясь, впрочемъ, въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе вопроса. Объясненіе русскаго полногласія предложено имъ, хотя также безъ подробной мотивировки, въ другомъ трудѣ, въ «*Наброскѣ славянскаго корнеслова*» (*Entwurf zu einem Etymologikon der slavischen Sprachen*). Въ этой книгѣ Добровскій утверждаетъ (приведу его слова въ точномъ переводѣ), что «русское смягченіе вовсе нежесткихъ созвучій, въ родѣ *пръ-* въ *пере-*, указываетъ на смѣшеніе ихъ съ Финнами». Значитъ, Добровскій объясняетъ тутъ полногласіе вліяніемъ Финскаго племени. Конечно, легко допустить, что русская рѣчь могла подвергнуться финскому вліянію; однако же Финны могли бы навязать русскимъ славянамъ только то, что было у нихъ самихъ. Финскіе языки, также и тюркскіе, никогда не представляютъ двухъ зачинныхъ согласныхъ. Соотвѣтственно этому у нихъ измѣняются слова пришлыя; такъ, въ финскій языкъ вошло шведское слово *klockare* звонарь, пономарь (отъ *klocka*, равнаго нѣмец. *Glocke* колоколъ), причемъ стало проноситься *lukkaari*. Подобнымъ же образомъ Финны заимствовали слово *крест* и сдѣлали изъ него *gisti*. Впрочемъ у Магьяръ въ заимствованныхъ словахъ встрѣчаемъ вставочные гласные: такъ слово *крѣсть* звучитъ *kegeszt*, изъ *блждъ* сдѣлали *bolond*. На основаніи магьярскихъ формъ, которыя м. б., имѣлъ въ виду и Добровскій, можно бы объяснить полногласіе финскимъ вліяніемъ; но въ такомъ случаѣ русскій языкъ вообще не долженъ бы представлять двухъ согласныхъ въ началѣ словъ: зачѣмъ изъ *братъ* не сдѣлано *борот*, изъ *слабѣи*—*солобои*? Зачѣмъ вообще, и помимо плавныхъ созвучій, не устранены зачинныя группы согласныхъ: отчего напр. сохранились глаголы *стоять*, *гнать*, не обратившись въ *тоять*, *нать* или въ *сотоять*, *гонать*? Очевидно, объясненіе Добровскаго надо признать неудовлетворительнымъ.

Къ тому же взгляду на полногласіе, какъ Добровскій, т. е. къ признанію его вторичнымъ измѣненіемъ староцерковной огласовки, склонялся В о с т о к о в ъ. Не усматривая возможности финскаго вліянія, Востоковъ причину полногласія искалъ въ общихъ русскому народу съ финскимъ климатическихъ условіяхъ, во вліяніи сѣвернаго климата. Мысль эта высказана въ извѣстномъ «Разсужденіи о словенскомъ языкѣ». Однако и взглядъ Востокова, какъ замѣтилъ уже Максимовичъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ полногласіе существуетъ не въ меньшей степени и на югѣ Россіи. Притомъ такая общая ссылка на климатическія условія цѣны не имѣетъ, да и самъ Востоковъ, должно быть, не придавалъ ей большого значенія.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и у К а т к о в а, въ его магистерской диссертациі «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», вышедшей въ 1845 году. Катковъ несовсѣмъ ясно и точно изложилъ свой взглядъ на полногласіе, но изъ сказаннаго имъ можно вывести, какъ его мнѣніе, что основныя славянскія формы сходствовали со староцерковными, т. е. было напр. градъ, изъ чего вышло сначала гродъ, а потомъ г о р о д ъ. Какъ на доказательство вторичности полногласія Катковъ ссылается на существующее въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и русской акцентовкой. Катковъ отмѣчаетъ, что 1) русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ чешская долгота, напр. к о р б а по-чеш. будетъ křáva, солба—sláma, берѣза—bříza, молотъ (староцерк. млати)—mlíti. Когда же 2) удареніе приходится на первую часть полногласія, или вовсе на падаетъ на полногласіе, тогда у Чеховъ, по указанію Каткова, является краткость: г о р о д по-чешски будетъ hrad, м л о т — mlát, б е р е г—břeh, д е р е в о—dřevo, ж л о б žlab; точно также 3) б о р о д а, слово, гдѣ удареніе приходится не на полногласіе, будетъ bráda, г о л о в а—hlava, с т о р о н а—strana. Впрочемъ изъ третьей части катковскаго правила, т. е. изъ утвержденія, что русскому безударному о р о по-чешски соотвѣтствуетъ гá, столько исключеній, что слѣдуетъ отрицать самый законъ. Напр. мы имѣемъ по-чешски brázda при русск. борозда,

dláto при долотѣ, vláknо при волокнѣ ¹⁾). Законъ Каткова въ нѣсколько иномъ видѣ былъ уже раньше указанъ чехомъ Антономъ Ярославомъ Пухмайеромъ (Puchmajer или Puchmír), въ грамматикѣ русскаго языка, изданной въ 1820-мъ г. (Lehrgebäude der russischen Sprache). Пухмайеръ воспользовался этимъ наблюдениемъ для облегченія Чехамъ произношенія русскихъ словъ: онъ даетъ правило, что въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ чехъ по своему количеству можетъ опредѣлить мѣсто русскаго ударенія — зная свое слово hrád, онъ безошибочно можетъ рѣшить, что по-русски будетъ г ѳ р о д, а не г о р ѳ д; зная свои křáva, bříza, онъ можетъ сообразить, что по-русски говорится корѳва, а не корѳва или корѳв ѳ, берѳза, а не бѳре за или берѳз ѳ. Катковъ изъ указанного звукового соответствія выводитъ, какъ я уже сказалъ, первенство староцерковной огласовки передъ русской. Доказательство этого первенства онъ усмотрѣлъ въ томъ, что русскому ударенію на второй части полногласія соответствуетъ долгота. Долгота свидѣтельствуетъ де о первичности ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о первичности носящаго его гласнаго: напр. изъ того, что чехъ говоритъ křáva съ ā, слѣдуетъ, что въ русскомъ к о р ѳ в а первичный звукъ есть второе о, а первое представляеть позднѣйшую вставку. Въ связи съ утвержденіемъ, будто чеш. долгота въ соответствіи русскому ударенію доказываетъ его первичность, находимъ у Каткова цѣлое ученіе о томъ, что рус. удареніе вообще, или, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ первоначальную долготу—ученіе весьма неосновательное.

Въ первенство староцерк. огласовки плавно-чистыхъ созвучій вѣрилъ также Срезневскій; онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, не входя однако ни въ какія подробности, въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

Къ тому же мнѣнію видимо склонялся и Миклошичъ, въ 1-мъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», хотя онъ также не вдавался въ подробное разсмотрѣніе вопроса ²⁾. Миклошичъ

¹⁾ Мимоходомъ сдѣлаю замѣчаніе насчетъ русскаго слова ворѳта-ворѳта: чешскій языкъ говоритъ за большую исконность второй акцентовки, такъ какъ нашему ворѳта соответствовало бы *vráta.

²⁾ Впослѣдствіи онъ посвятилъ полногласію особую монографію, о которой рѣчь будетъ ниже, т. е. въ ней проводится совсѣмъ иной взглядъ.

дѣлаетъ однако въ этой книгѣ дополненіе къ закону Каткова и Пухмайера, дополненіе, которое вполне опровергаетъ взглядъ Каткова, устраняя и тотъ неполнѣ убѣдительный доводъ, которымъ Катковъ подкрѣпилъ свою теорію полногласія. Оказывается, что чешская долгота въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ не можетъ быть признана прямо праславянской, какъ дѣлалъ Катковъ. Миклошичъ отмѣтилъ, что насчетъ количества плавно-чистыхъ созвучій въ постоянномъ противорѣчій съ чешскимъ языкомъ находится языкъ сербскій: гдѣ по-чешски долгота, тамъ по-сербски краткость, и, наоборотъ, гдѣ—краткость, тамъ—долгота.

Прежде чѣмъ приводить сербскіе примѣры, необходимо сказать два слова о сербскомъ удареніи. Въ сербскомъ языкѣ существуетъ удареніе однослогбвое и двуслогбвое, т. е. или удареніе приходится цѣликомъ на одинъ слогъ, или же въ немъ участвуетъ также слѣдующій слогъ. Однослогбвое удареніе, когда оно сопряжено съ краткостью гласнаго, обозначается двойнымъ грависомъ, напр. сл̣ава; это однослогбвое удареніе краткостное иначе можно назвать р̣ѣзкимъ. Однослогбвое удареніе долготное обозначается округленнымъ циркумфлексомъ; это удареніе есть нисходящее, т. е. первая часть гласнаго по тону выше второй. Тоже самое существуетъ и при рѣзкомъ удареніи, только тамъ, вслѣдствіе краткости гласнаго, это менѣ замѣтно. Однослогбвое долготное удареніе представляетъ напр. слово пр̣ава. Двуслогбвое удареніе также бываетъ краткостнымъ и долготнымъ. Знакъ краткостнаго двуслогбваго ударенія, которое я называю въ своей акцентологіи слабымъ, есть грависъ; удареніе это мы можемъ видѣть въ какомъ-нибудь словѣ магла (мгла). Двуслогбвое долготное удареніе, обозначаемое акутомъ, можетъ быть названо восходящимъ, потому что вторая часть гласнаго въ музыкальномъ отношеніи выше первой, напр. ша́ла шутка. И слабое удареніе есть восходящее, но при краткости восходящее движеніе голоса менѣ замѣтно. Срв. сказанное о рѣзкомъ удареніи ¹⁾). Двуслогбвость удареній «слаба-

¹⁾ Сербское употребленіе акута и грависа главнымъ образомъ побуждаетъ меня избѣгать этихъ знаковъ въ русскомъ языкѣ и замѣнять ихъ (что сдѣлано въ моемъ Начертаніи славянской акцентологіи) новымъ знакомъ—отвѣсомъ. Срв. стр. 2, пр. 2.

го» и «восходящаго» состоитъ въ томъ, что кромѣ главнаго восходящаго ударенія есть еще весьма сильное второстепенное удареніе на слѣдующемъ слогѣ; удареніе это нисходящее. Какое-нибудь слово м а г л а имѣеть, значитъ, на начальномъ слогѣ удареніе восходящее краткостное, а на конечномъ слогѣ удареніе рѣзкое, т. е. краткостное нисходящее. Такимъ же образомъ слово ш а л а представляетъ на начальномъ слогѣ удареніе восходящее долготное, на конечномъ — нисходящее краткостное. Возьмемъ далѣе такое слово, гдѣ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ будетъ долгій, напр. ј у н а к. Здѣсь слогъ ј у представляетъ удареніе восходящее краткостное, а н а к—нисходящее долготное ¹⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній отмѣтимъ соотношеніе сербскаго количества съ русской акцентовкой въ плавно-чистыхъ совзвучіяхъ, противорѣчащаго, какъ уже сказано, количеству чешскому. При русскомъ удареніи на второй части, которому у Чеховъ соотвѣтствуетъ долгота, у Сербовъ является удареніе рѣзкое, т. е. нисходящее краткостное: к о р ѳ в а по-сербски будетъ крѳва, с о л ѳ м а—слѳма, б е р ѳ з а—брѳза, м о л ѳ т ь—мѳѳти ²⁾. Напротивъ того русскому ударенію на первой части полногласія, которое у Чеховъ находитъ соотвѣтствіе въ краткости, у Сербовъ соотвѣтствуетъ удареніе нисходящее долготное: г р ѳ д, х л ѳ д, б р ѳ г (или, съ разложеніемъ ѳ на два слога, —брѳѳге). Русск. безударному о р о, м ы видѳли, по закону Каткова у Чеховъ соотвѣтствуетъ краткость, въ дѣйствительности то краткость, то долгота; у Сербовъ мы тутъ постоянно видимъ удареніе восходящее, т. е. долготу: г л ѳ в а, б р ѳ да, в р ѳ та ³⁾.

Итакъ чеш. долготу мы не можемъ признать праславянскою въ виду ея противорѣчія съ сербскою, и она отнюдь не свидѣтельствуетъ о первичности второго элемента въ полногласіи. Петръ

¹⁾ См. у Леонарда Мазинга: Leonhard Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. XXIII. № 5. St.-Petersbourg 1876.

²⁾ Знакъ ѳ обозначаетъ ѳ мягкій.

³⁾ Такимъ образомъ сербское восходящее удареніе, подобно чешской краткости (см. выше, стр. 73, пр. 1), говоритъ за первенство произношенія воротá передъ произношеніемъ ворѳта.

Алексѣевичъ Лавровскій, взглядъ котораго на полногласіе намъ придется разсматривать впоследствии, пытался, въ статьѣ по этому предмету, отстоять ученіе Каткова противъ Миклошича и устранить противорѣчіе между количествомъ чешскимъ и сербскимъ. Онъ высказывалъ догадку, что Сербы при опредѣленіи своихъ удареній смѣшали долготу и удареніе; но это предположеніе совершенно неосновательно: нѣтъ сомнѣній, что написанію съ грависомъ (простымъ или двойнымъ) соотвѣтствуетъ краткость, а циркумфлексу и акуту—долгота, и что противорѣчіе между чешскимъ и сербскимъ языкомъ дѣйствительно существуетъ.

За первенство староцерковной огласовки высказался также Потебня ¹⁾, въ своей монографіи «О полногласіи». Эта монографія, напечатанная въ Филологическихъ запискахъ за 1864 годъ, въ отискѣ составляетъ первую часть «Двухъ изслѣдованій о звукахъ русскаго языка» ²⁾. Потебня въ доказательство вторичности полногласія приводитъ аналогію изъ языка сербскаго. Сербскій языкъ, въ югозападномъ своемъ говорѣ, представляетъ явленіе, на которое мы уже видѣли одинъ примѣръ—слово бр ѣ г, при другомъ выговорѣ бр ѣ г, въ восточномъ нарѣчій (въ сѣверозападномъ—бр ѣ г). Потебня говоритъ: какъ ѣ разлагается на ије, такъ, слѣдуетъ думать, и древнее ра разложилось по-рус. на о р о, м—на о л о, рѣ—на е р е, мь—на е л е. Что тутъ дѣйствительно есть ближайшая связь, это подтверждается—де соотвѣтствіемъ акцентовки между словами полногласными и словами съ разложившимся ятемъ. По этому поводу Потебня вкратцѣ изложилъ особенности сербской акцентовки. Намъ, чтобы понять сопоставленія Потебни, необходимо отмѣтить, что сербское нисходящее удареніе (какъ краткостное, такъ и долготное) есть удареніе и сконное и соотвѣтствуетъ русскому ударенію на томъ же слогѣ: с л а в а—с л á в а, п р á в д а—п р á в д а. Съ другой стороны, удареніе восходящее (краткостное и долготное) есть удареніе оттянутое, приближенное на одинъ слогъ къ началу слова. Какъ остатокъ древняго ударенія, сохраненнаго въ русскомъ языкѣ, является удареніе второ-

¹⁾ Впоследствии измѣнившій свой взглядъ на этотъ вопросъ.

²⁾ См. выше, стр. 12.

степенное нисходящее: русскимъ м г л а́, п и л а́ соотвѣтствуютъ серб. м а́ г л а̀, п и́ л а̀. Выѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что м а́ г л а́ есть вторичное измѣненіе древняго м а г л а̀, п и́ л а́—древняго п и́ л а̀: такая акцентовка употребляется у приморскихъ Хорватовъ—Хорватовъ-чакавцевъ, прозванныхъ такъ отъ мѣстоименія ч а (= * чь), вм. котораго у настоящихъ Сербовъ—ш т о ¹⁾. Принимая въ соображеніе вторичность восходящаго ударенія, Потебня указываетъ на стройное соотвѣтствіе между акцентованіемъ сербскаго разложившагося њ и русскаго полногласія. Оказывается, что русское г б о р о д: сербскому г р а́ д= югозап. (герцеговин.) с н и́ је г: восточ. с н е́ г; рус. б о р о д а́: серб. б р а́ да, т. е. первоначальному б р а́ д а́ = югозап. б и́ је д а, первоначальное б и́ је д а́: восточ. б е́ д а, первоначальн. б е́ д а́. А такъ какъ ије есть вторичное измѣненіе, плодъ разложенія, то и аналогичное ему по акцентовкѣ полногласіе должно считаться плодомъ разложенія. Впрочемъ аналогія между полногласіемъ и разложеніемъ њ, какъ отмѣтилъ уже самъ Потебня, неполная; именно, разложеніе њ происходитъ только тогда, когда ѣкающіе и ѣкающіе говоры представляютъ долготу, а при краткости разложенія не бываетъ, полногласіе же является и тогда, когда у Сербовъ произносится краткій звукъ. Такъ, восточно-сербскія в е́ р а, д е́ д по югозап. выговору будутъ в је́ р а, д је́ д (или со вторичнымъ измѣненіемъ ѣ е́ д)—разложенія нѣтъ, и только вм. простого е слышится је. Съ другой стороны сербскому в р а́ н а соотвѣтствуетъ рус. в о р о́ н а, серб. с л а́ м а—с о л б и а, серб. б р е́ з а—б е р е́ з а. Противъ толкованія Потебни, кромѣ его собственной оговорки, можно привести еще одно соображеніе, которое его вовсе опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что соотвѣтствіе между акцентовкой рус. и серб., на которое направилъ Потебня, есть (какъ было извѣстно и самому Потебнѣ) только частное проявленіе общаго соотвѣтствія въ акцентовкѣ, проходящаго по всему серб. и рус. языку. За немногими исключеніями русскій можетъ безошибочно опредѣлить мѣсто сербскаго

¹⁾ Впрочемъ въ настоящее время мы склонны предполагать, что предударный слогъ издавна имѣлъ нѣкоторое удареніе. См. выше, стр. 37.

ударенія—оно будетъ всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ по-рус.; напр. по-рус. к а л а́ ч, к а л а́ ч а—по-сербски в ђ л а́ ч, к о л а́ ч а; по-рус. д о б р о́ т а—по-серб. д о б р ђ т а; по-рус. ш и р и́ н а—по-серб. ш и р њ н а. Притомъ это оттянутое удареніе бываетъ двуслогóвымъ, т. е. слабымъ, или же восходящимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Когда же ударенію, падавшему на начальный слогъ, некуда было идти, тогда оно и по-серб. оставалось на мѣстѣ, но въ видѣ однослогóваго, т. е. рѣзкаго, или нисходящаго въ тѣсномъ смыслѣ, напр. рус. в ѣ́ р а по-серб. звучитъ в ѣ̀ р а, п ѣ́ ш е ш ь—п ѣ̀ ш ѣ ш. Такимъ образомъ совершенно естественно, что между акцентовкой плавно-чистыхъ созвучій и слоговъ съ њ имѣется соотвѣтствіе, и это соотвѣтствіе вовсе не доказываетъ аналогичности полногласія и разложенія њ. Ничто намъ не мѣшаетъ выставить положеніе обратное Потемнинскому. Тогда какъ Потемня говоритъ, что фонема г р а́ д съ нисходящимъ удареніемъ, разлагаясь, давала фонему г ђ р о́ д съ удареніемъ на первой части, мы смѣло могли бы сказать, что основное г ђ р о́ д подверглось стяженію, и изъ ђ р о́ явилось р а́; также изъ первоначальнаго б о́ р о́ д а по-сербски могло бы выдти б о р ђ да, а потомъ со стяженіемъ—б р а́ да ¹⁾. Я вовсе не предлагаю держаться такого толкованія, но привожу его какъ возможно: въ доказательство, что объясненіе, предложенное Потемнею (оставленное впоследствии и имъ самимъ) не заслуживаетъ признанія.

Запервенство староперковой огласовки стоитъ также и Ягичъ. Ягичъ останавливался на этомъ вопросѣ по поводу работы Лавровскаго, въ критическихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ XIV т. Загребскаго журнала «Труды Югославянской Академіи» (Rad Jugoslavenske Akademije). Потомъ онъ возвращался къ нему въ разборѣ одного нѣмецкаго изслѣдованія о полногласіи, о коемъ рѣчь будетъ ниже. Вторая статья напечатана въ Архивѣ Славянской филологіи, и озаглавлена «О нѣкоторыхъ явленіяхъ славянскаго вокализма» ²⁾.

¹⁾ Правда в р а́ н а вм. в о р ђ н а, съ краткостью, несмотря не стяженіе, непонятно; но вѣдь в о р ђ н а и в ѣ̀ р а тоже не ладятъ.

²⁾ Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Arch. f. slav. Phil., B. I. S. 397-411.

Къ тому же взгляду склоненъ и Лескинъ, соображенія котораго, такъ же, какъ и соображенія Ягича, приведу впоследствии.

Тогда какъ перечисленные изслѣдователи считали полногласіе явленіемъ вторичнымъ, другіе напротивъ—признавали его древней общеславянской чертой, уцѣлѣвшей въ русскомъ яз.; одинъ даже желалъ возвести его къ самому языку. Въ такомъ смыслѣ высказался Максимовичъ, котораго я называлъ уже ранѣе, какъ изобрѣтателя термина «полногласіе». Рядомъ съ именемъ Максимовича можно поставить имя чешско-хорватскаго ученаго (чеха по происхожденію, хорвата по дѣятельности въ Загребскомъ университетѣ)—Гейтлера. Затѣмъ слѣдуетъ назвать во второй разъ Потебню, котораго мы раньше видѣли какъ представителя другого взгляда; и также профессора Берлинскаго университета, противъ котораго полемизировалъ Ягичъ, въ только что названной статьѣ,—Иоганна Шмидта.

Максимовичъ въ этомъ ряду первый. Онъ коснулся вопроса о полногласіи въ своей «Исторіи русской словесности», вышедшей въ 1839 г., а потомъ въ «Начаткахъ русской филологіи» (1848). Я уже говорилъ, что Максимовичъ подъ полногласіемъ понималъ вообще обиліе гласныхъ въ языкѣ, что онъ поэтому видѣлъ полногласіе также въ языкѣ санскр., который по сравненію съ новѣйшими языками дѣйствительно представляетъ избытокъ гласныхъ. Если мы однако сравнимъ количественное отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ староцерк. и санскр., или въ санскр. и греч., то сравненіе выходитъ не въ пользу санскр. Такимъ образомъ въ Санскритѣ нѣтъ полногласія въ смыслѣ Максимовича; нѣтъ въ немъ также полногласія и въ нашемъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, хотя Максимовичъ пытался доказать его существованіе нѣсколькими сравненіями. Сравненія эти не выдерживаютъ научной критики, и приводятъ ихъ почти не стоить; указаніе и разборъ ихъ можно найти въ «Замѣткѣ о полногласіи» П. А. Лавровскаго въ VIII т. Извѣстій 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Максимовичъ между прочимъ утверждаетъ, что рус. сорѡка равняется санскр. sārāṅga. Sārāṅga значитъ пестрый, пѣгій ¹⁾, такъ что значеніе не особенно близкое; кромѣ того о и an, к и g другъ другу не со-

¹⁾ Служить также названіемъ одной антилопы, одной птицы и т. д.

отвѣтствуютъ: sāgānga въ переложеніи на слав. звуки было бы сарга, по-рус. с а р у г а; или пожалуй (т. к. санскритскому ā въ открытомъ слогѣ м. б. иногда соотвѣтствуетъ слав. о)—сарга, с о р у г а ¹⁾). Другія сопоставленія еще менѣе удачны; такъ напр. слово п т и ц а Максимовичъ сближаетъ съ санскр. pataga; тутъ дѣйствительно есть сродство — корень pat летѣть, д. б., заключается и въ славян. пѣтица, но этимъ сходство и ограничивается: санскр. слово состоитъ изъ patá-s полетъ и ga идти. Еще Максимовичъ кромѣ санскр. яз. ссылается на языкъ мадьярскій, гдѣ онъ указываетъ слова, заимствованныя у Славянъ и представляющія полногласіе, напр. kalasz колось, что якобы доказываетъ, что въ періодъ заимствованія такихъ словъ полногласіе существовало также внѣ рус. языка—однако Мадьяры ²⁾ и изъ насъ могли дѣлать kalasz. Еще Максимовичъ приводитъ два-три слова, сохраняющія будто полногласіе у другихъ Славянъ. Таково поль. слово dereń кизильникъ—но это слово надо считать заимствованнымъ у Малороссовъ: настоящимъ польскимъ словомъ оно быть не можетъ, такъ какъ тогда оно звучало бы *dzierzeń.

Взглядъ на полногласіе Максимовича, въ измѣненномъ, болѣе научномъ видѣ, былъ возобновленъ Гейтлеромъ. Гейтлеръ въ своей «Староболгарской фонологіи» (Starobulharská fonologie, V Праге, 1873) подобно Максимовичу выводитъ конечную огласовку изъ двойной, причѣмъ однако, въ виду показаній другихъ европейскихъ яз., считаетъ полногласіе не праязычнымъ явленіемъ, а только праславянскимъ. Слово жрѣка, по этой теоріи, первоначально звучало жерка, изъ этого вышла прежде всего общеслав., уцѣлѣвшая въ рус. языкѣ, полногласная фонема жереса; староцерк. и нѣкоторые другіе славян. языки произвели стяженіе -ерс- въ -ръ-, и такимъ образомъ возникло жрѣка. Самое присутствіе ѣ, по мнѣнію Гейтлера, свидѣтельствуетъ о стяженіи: вѣдь ѣ возникаетъ изъ звуковъ долгихъ, долгота же тутъ вполне понятна, если исходить изъ фонемы съ двумя гласными. Подобнымъ же образомъ Гейтлеръ предполагаетъ древнѣйшую фонему голаа, изъ чего по-

¹⁾ Что sāgānga, какъ существ., муж. р., разумѣется, неважно.

²⁾ По причинамъ, указаннымъ выше, стр. 71.

праславянски вышло голова, сохраненное русскимъ языкомъ и превращенное староцерковнымъ въ глава, причѣмъ а опять-таки укзываетъ на долготу и вмѣстѣ съ тѣмъ на стяженіе. Гейтлеръ нѣсколько затруднился появленіемъ вмѣсто двухъ о звука а, тогда какъ можно бы ожидать *долгаго о*, но оправдывалъ это тѣмъ, что Славяне вообще не знаютъ *о̄*, а имѣютъ на мѣстѣ его а. Мы теперь могли бы, если принять теорію Гейтлера, представить дѣло такъ, что *оло* дало сначала *л̄о*, а это *о̄*, какъ и наследственное *о̄*, перешло въ а.

По поводу разсужденія Гейтлера вернулся къ вопросу о полногласіи А. Ае. Потебня, въ первой части своего труда «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Потебня отчасти согласился съ Гейтлеромъ, но затруднился вывести *ла* изъ *оло*, находя, что *оло* должно бы дать *лю*, и предположилъ поэтому, что стяженіе произошло въ такой періодъ, когда не было еще *о*, а было *я̄*, т. е. онъ строилъ полногласную фонему *гя̄лява*, откуда со стяженіемъ—*глява*, а затѣмъ уже *глава*. Поправка лишняя и неудачная: при современномъ взглядѣ на индоевропейскій вокализмъ мы не вправѣ предполагать фонему *гя̄лява*, а должны предположить *голова*¹⁾.

Еще разъ ученіе Максимовича было возобновлено въ измѣненномъ видѣ Іоганномъ Шмидтомъ, который не зналъ о мнѣніяхъ Гейтлера и Максимовича, и самъ пришелъ къ подобному же взгляду. Іоганнъ Шмидтъ посвятилъ вопросу о полногласіи и сходныхъ съ нимъ явленіяхъ въ другихъ языкахъ 2-ю часть своего изслѣдованія «Къ исторіи индоевропейскаго вокализма»²⁾. Полногласіе у Шмидта является подъ санскритскимъ названіемъ *svagabhakti*. Слово *svagabhakti* значитъ «частичный гласный» (*svaga* звукъ, гласный; *bhakti* дѣленіе, отъ корня *bhag'* дѣлитель). Этимъ

1) Нѣкоторымъ словамъ, правда, надо приписать дославянское а, нпр. основная форма къ прилагат. *сблон*, какъ показываетъ сравненіе съ иностранными языками, будетъ **salnos* съ а, но древнѣйшая праславянская всетаки **solnos*.

2) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Zweite Abtheilung. Weimar 1875.

именемъ индійскіе грамматисты назвали гласный, который, по ихъ мнѣнію, вторичнаго образованія, а именно возникъ послѣ г и і, имѣющихъ въ собой согласные. Такимъ образомъ Шмидтъ подобно Гейтлеру объясняетъ вторую часть полногласія: первая унаслѣдована отъ древности, а вторая есть вторичный звукъ, развившійся изъ нѣкотораго гласнаго пазвука, свойственнаго звукамъ г и і. Полногласныя формы по Шмидту, какъ и по Гейтлеру, возникли въ общеславян. языкѣ. Какъ и Гейтлеръ, Шмидтъ строитъ праслав. *žegęęę*. Широкой огласовкѣ плавночистыхъ созвучій онъ придаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ Гейтлеръ—у него является звукъ *a*, склонный къ *o*—*gálava*, изъ этого средняго звука съ одной стороны могъ-де развиться *a*, а съ другой *o*. Послѣдочная огласовка у Шмидта, какъ и у Гейтлера, происходитъ путемъ стяженія, только онъ пытается оправдать странность такого измѣненія, хотя эта попытка цѣны не имѣетъ и похожа больше на поэтической оборотъ, чѣмъ на серьезный доводъ: онъ говоритъ, что первый гласный какъ бы просачивается сквозь полувональные г и і. Предположивъ, какъ и Гейтлеръ, праславянское происхожденіе полногласія, Шмидтъ сталъ искать слѣдовъ его помимо рус. языка. Указанные имъ слѣды полногласія однако не заслуживаютъ такого названія.

Разсужденіе Шмидта вызвало цитованный уже на стр. 78 разборъ Я г и ч а. Ягичъ высказывается въ пользу первичности послѣдочной огласовки у Славянъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ доказалъ вѣрность этого взгляда: онъ только привелъ рядъ соображеній противъ Шмидта, съ которыми слѣдуетъ согласиться—съ одними вполне, съ другими—отчасти. Не лишено значенія во первыхъ то обстоятельство, что полногласіе встрѣчается только въ одномъ славянскомъ языкѣ, во всѣхъ другихъ, въ томъ или иномъ видѣ, является послѣдочная огласовка. Даже и самъ русскій языкъ знаетъ полногласіе только внутри словъ, а тамъ, гдѣ сочетанія *p* и *l* со слѣдующимъ согласнымъ имѣютъ передъ собой всего одинъ гласный, который составляетъ зачинъ слова, и рус. языкъ ставитъ согласный позади плавнаго. Литовскому *alkūnė* по рус. соотвѣтствуетъ *локоть*, а не *олокоть*; санскр. корню *arḥh* (*ṛḥhṇóti* удаваться, преуспѣвать) соотвѣтствуетъ *рости*, а не *оро-сти*. Далѣе Ягичъ указываетъ на то, что мы должны бы ожидать слѣдовъ полногласія особенно въ вымершемъ языкѣ Полабскихъ

славянъ, который представляетъ двоякую огласовку плавночистыхъ созвучій: въ однихъ случаяхъ (при l)—последочную, а въ другихъ (при r)—передовую. Мы видимъ напр. х л а́ д, в л а́ с (какой здѣсь былъ гласный, мы не знаемъ, по мнѣнію Шлейхера—широкое о, или а, смахивавшее на о), а съ другой стороны мы находимъ г о р д, ст о р н а. Именно въ такомъ языкѣ естественно бы ожидать и полногласія, но его не оказывается. Правда, Шмидтъ привелъ одинъ или два примѣра полабскаго полногласія, однако они не годятся: какое-нибудь dūlan вм. дамъ не можетъ быть названо полногласнымъ, потому что гласные въ немъ неодинаковы, существенная же черта полногласія—одинаковость гласныхъ. Еще Ягичъ указываетъ на своеобразное передвиженіе акцента въ русскихъ полногласныхъ словахъ, свидѣтельствующее о вторичности полногласія. Обыкновенно при колебаніи ударенія мы видимъ переходъ его съ сосѣдняго слога на сосѣдній, переходовъ черезъ слогъ почти не бываетъ, между тѣмъ въ полногласныхъ словахъ удареніе скачетъ и черезъ слогъ—при им. пад. б о р о д а́ стоитъ вин. б о́ р о д у, при им. г о л о в а́—вин. г о́ л о в у. Послѣдній доводъ впрочемъ надо признать слабымъ, или даже совершенно бездоказательнымъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ въ пользу того, что полногласныя слова содержали прежде однимъ слогомъ меньше, чѣмъ впоследствии, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что было когда-то б р а́ д а—б р а́ д ж, мы можемъ сказать, что было б о р д а́ — б о́ р д ж. Всѣмъ соображеніемъ въ пользу вторичности полногласія можно считать одно отдѣльное слово, на которое не даромъ напиралъ Ягичъ; это—слово ст о́ р о ж. С т о́ р о ж несомнѣнно сродни лит. sągas, корень согг, значить основная форма будетъ соггjos, откуда въ старо-церк. *срлжъ и съ развитіемъ т между с и р, какъ переходнаго звука—стражъ. Поэтому если ст о́ р о ж вышло изъ древнѣйшаго стражъ, то т въ немъ совершенно понятно, если же основное *срлжъ прежде всего дало полногласную фонему, то должны бы говорить с о р о ж. Что касается полногласныхъ словъ указываемыхъ Шмидтомъ въ общеславянскомъ языкѣ (какія это слова, мы сейчасъ увидимъ), то Ягичъ призналъ ихъ существованіе, но указалъ совершенно справедливо, что они говорятъ не въ пользу Шмидтовской теоріи, а противъ нея: если одни полногласныя слова остались полногласными у всѣхъ славянъ, отчего бы

другія, если были таковыми, подверглись измѣненіямъ? По моему однако общеслав. полногласія не существуетъ ни въ одномъ словѣ. Полногласіе будто бы представляетъ слово *железо*. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ иноязычныя формы съ передовой огласовкой: литовскую *gelžis*, латышскую *dzelze*, старопрусскую *gelso*; въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать русской формы *ж е л ѣ з о*, въ дѣйствительности же рус. языкъ представляетъ *ѣ* на второмъ мѣстѣ, и *ѣ* является во всѣхъ славянскихъ языкахъ; значить, это не есть полногласіе. Огласовка этого слова впрочемъ вообще представляетъ затрудненія: лит. языкъ имѣетъ еще форму *geležis* съ двумя *e*; съ этимъ словомъ роднятъ также, и д. б. основательно, греч. *χαλκός*, хотя его *х* не ладитъ со слав. *ж*. Мы можемъ, правда, предположить древнѣйшую греч. форму **χαλχός* съ двумя придыхательными, изъ которыхъ затѣмъ одинъ утратилъ свое придыханіе, но это не выведетъ насъ изъ затрудненія, п. ч. придыханіе долженъ потерять первый согласный—вышло бы **χαλχός*, а не *χαλκός*, какъ изъ **φειύφομαι*—*πειύφομαι*, а не **φειύτομαι*. Впрочемъ окончаніе *χος* могли просто замѣнить обычнымъ суффиксомъ *-κος*. (Еще до дѣйствія закона о придыхательныхъ въ сосѣднихъ слогахъ.) Полногласіе Шмидтъ усматриваетъ также въ прилаг. *сѣрый*, которое въ словенскомъ языкѣ существуетъ въ видѣ *vr̃er* (вм. *vr̃er̃*). Опять таки мы имѣемъ *-er̃* а не *-ere-*, значить, и это не есть настоящее полногласіе. Дѣйствительно полногласное созвучіе *-еле-* представляетъ другое прилаг. *пелесь* темный, сѣрый; однако рядомъ съ *пелесь* является и *пелъсь* съ *ѣ*. Слово это сопоставляютъ съ лит. *raĩszas* блѣдный, желтоватый. Сюда же относится и лит. названіе мыши — *pelė*. Легко, кажется, можно допустить, что наше прилагат. звучало первоначально *пелъсь*, и что *e* перенято имъ у какой-нибудь другой однокоренной формы, въ родѣ лит. *pelė*. Далѣе у Шмидта фигурируетъ слово *кельн*, а которымъ мы уже отмѣтили, что оно должно было имѣть нѣкогда разноступенное склоненіе: въ однихъ падежахъ была основа *elen*, въ другихъ—*eln*; *elen*, значить, не есть полногласіе, а есть сильный видъ основы, и не произошло изъ *eln* черезъ Шмидтовскую *vragabhakti*, а наоборотъ *eln* развилось изъ *elen*. Сравнивая съ разнотемностью, проявляющейся у этого слова, санскр. разнотемность какого-ниб. слова *gadzan*—им. *gādźā*, род. *gādźānas*, вин.

gādžāman, мы легко могли бы предположить, что слав. *железь* имѣло также нѣкоторыя формы съ *ъ* на второмъ мѣстѣ. Вотъ къ подобнымъ формамъ можетъ восходить затрудняющая насъ огласовка слова *железо*. *Железо* въ такомъ случаѣ предполагаетъ огласовку *ghelēgh*, лит. *geležis—ghelegh*, другая лит. форма *gelžis—ghelgh*, греч. *χαλκός—ghlgh*.—Наибольшее сходство со словомъ *железь* имѣеть, приводимое также у Иог. Шмидта, слово *пелени*, которое является въ такомъ видѣ въ староцерк., серб., болгар., хотя въ староцерк. отмѣчена и форма *плены* (мн. ч.); мы по-серб. видимъ *пелѣна*, по-болг. *пеленѣ*; у Словенцевъ однако *plēnā*, уменьшительное *plēnica*. Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить для него древнѣйшее склоненіе съ согласной основой; т. е. какой-нибудь имен. *pelō*, род. *pelnōs*, вин. *pelēnt*, при чемъ, значить, изъ однихъ падежей идетъ *ele*, изъ другихъ *el*, которое по староцерковной фонетикѣ дало *лѣ*.

Возвращаясь къ возраженіямъ Ягича противъ Шмидта, я долженъ отмѣтить еще одинъ изъ доводовъ послѣдняго, который ему представлялся особенно вѣскимъ. По мнѣнію Шмидта въ нѣкоторыхъ словахъ староцерковная огласовка развивается такъ сказать на нашихъ глазахъ изъ полногласія. Онъ видитъ такое явленіе въ словѣ *паддѣе*: *паддѣе* произошло-де изъ *помодѣе*. Однако формы *помодѣе* не встрѣчается, и предполагать ее вовсе не слѣдуетъ. Въдѣ *полѣ* половина есть слово *уковаго* склоненія — *полѣ*, род. *полоу*; значить, оно, хотя и могло явиться въ составѣ сложенія въ видѣ *поло* (такъ какъ по-славянски *о* сдѣлалось обыкновеннымъ «соединительнымъ» гласнымъ), но нѣтъ никакой надобности въ этомъ; органическая же форма была бы *польдѣе*. Однако и этой формы не встрѣчается. Для объясненія нашего *паддѣе* удобнѣй всего предпологать, что основа была первоначально согласная, а въ такомъ случаѣ *падд-* вм. *подд-* представляетъ обыкновенныя условія появленія *д* вм. *од*: какъ **гола* дало *глава*, такъ и **поддѣе* дало *паддѣе*. Подобнымъ же образомъ можно толковать, и притомъ рѣшительнѣе, слово *ѹетвѣрдѣемѣнѣ* (эпитетъ Лазаря). Шмидтъ выводитъ *-рѣ-* изъ *-ере-*, но совершенно произвольно. По замѣчанію Ягича написаніе *-ере-* почти не встрѣчается (мнѣ кажется, что оно даже совсѣмъ не встрѣчается), но является колебаніе между *-еро-*, *-ерѣ-*, *ерѣ-* и даже *-рѣ-*. Можно думать, что окончаніе пер-

вой части было непонятно для писца; но съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, думается мнѣ, эту форму слѣдуетъ считать совершенно ясной, а толковать ее можно такъ же какъ пладьне, т. е. видѣть въ первой части согласную основу *угьвер-*, которая представляла при соединеніи съ *д тѣ* условія, при которыхъ въ староцерк. возникаетъ вм. *ер*—*рѣ*. Меньше еще вѣсу, чѣмъ указанные примѣры, имѣеть *скралоупа* рядомъ со *скороупа*.¹⁾ Нѣкоторымъ словамъ, приводимымъ Шмидтомъ, нельзя впрочемъ отказывать въ извѣстной долѣ убѣдительности: таково заимствованное народное названіе *сарахлѹбс*, которое по-слав. является въ формѣ *срацинь*; тутъ дѣйствительно, греч. *-ара-* замѣнено черезъ *-ра-*. Можно однако допустить, что изъ греч. *сарахлѹбс* русскіе сдѣлали *сородинъ*, а потомъ эту форму, которая могла показаться полногласной т. е. руссизмомъ, передѣлали на церковный ладъ. Еще Шмидтъ сопоставляетъ *тѣремѹоу* со слав. *трьмъ*, считая *трьмъ* заимствованнымъ изъ греческаго, въ чемъ можно и сомнѣваться; но, конечно, и при общемъ происхожденіи этихъ словъ *тѣремѹоу* представляетъ нѣкоторый доводъ въ пользу первенства полногласія.—Возраженія Ягича вызвали отвѣтъ Шмидта, напечатанный въ XXIII т. Журнала Сравнительнаго языкознанія. Излагать эти возраженія, хотя иныя изъ нихъ и не лишены значенія, нѣтъ надобности, такъ какъ я къ доводамъ Ягича уже присоединилъ нѣкоторыя оговорки, отчасти взятая у Шмидта.

Соображенія, высказанныя въ пользу послѣдочной огласовки Лескинымъ, я приведу ниже, теперь же перейду къ третьей группѣ взглядовъ на полногласіе, по которымъ разныя славянскія огласовки одинаково древни и не происходятъ одна изъ другой. Представителемъ этого взгляда является Миклошичъ, который раньше склоненъ былъ исходить отъ староцерковной огласовки, но измѣнилъ свои воззрѣнія въ посвященной этому вопросу монографіи: «О происхожденіи словъ старословенской формы *trêt* и *trat*», 1878 г. *Trêt* и *trat*—это формулы, въ которыхъ *г* служитъ общимъ знакомъ для обоихъ плавныхъ (*г* и *л*), а *т*—для другихъ согласныхъ. Пользуясь этой формулой, Миклошичъ для обозначенія

¹⁾ Срв. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, стр. 147 =Р. Ф. В., т. XXIV, стр. 175, пр. 2. *Скороупа*, конечно, руссизмъ.

полногласіа пишутъ *teret* и *trot*, а соотвѣтственную польско-лужицкую огласовку обозначаетъ посредствомъ *tret* и *trot*. Миклошичъ въ указанной монографіи строитъ праславянскія формы съ передовой огласовкой (*tert* и *tort*) и изъ нихъ выводитъ трозкую огласовку отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Праславянскій выговоръ былъ, по этой теоріи, *bergъ*, откуда вышло съ одной стороны *брѣгъ*, съ другой—*берегъ*, съ третьей—*брегъ*. Такимъ же образомъ существовало-де праславян. *golva*, которое породило съ одной стороны *глава*, съ другой—*голова*, съ третьей—*глова*. Какъ и почему произошло такое измѣненіе, Миклошичъ не говоритъ: онъ довольствуется утвержденіемъ, что Славяне не терпѣли плавныхъ *р* и *л* передъ слѣдующимъ согласнымъ и такъ или иначе старались избавиться отъ подобныхъ созвучій. Миклошичъ, значитъ, только высказалъ свой взглядъ, но отнюдь не доказалъ его.

Непосредственную связь между полногласіемъ и инославян. огласовкой отрицалъ также Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ статьѣ «О русскомъ полногласіи», помѣщенной въ Извѣст. 2-го отдѣл. Имп. Ак. Н. въ V т., въ «Матеріалахъ для сравнительнаго словаря и грамматики русскаго языка и славянскихъ нарѣчій». Толкованіе полногласія у Лавровскаго довольно странное, но я приведу его для полноты нашего обзора. Лавровскій исходитъ изъ предположенія, что въ праязыкѣ были корни со слоговыми *г* и *л*, которые обладали способностью къ подъему; путемъ подъема и получался первый звукъ полногласія, т. е. подобнымъ образомъ, какъ корень *tvг* въ существит. *затворъ* является въ видѣ *твор*, корень *stl* въ существ. *столъ*—въ видѣ *стол*, такъ произошелъ подъемъ и въ какихъ-нибудь корняхъ *gŕd*, *glv*, при чемъ появилось первое *o* въ словахъ *городъ* и *голова*, звучавшихъ первоначально *гордъ* и *голва*. Чехи и Южные славяне утратили, сохраненную русскими, способность къ подъему—у нихъ напр. въ словахъ *trh*, *rlnŭ* слышны слоговые *г* и *л*, которые порусски путемъ подъема переходятъ въ *ор* и *ол*: *торг*, *полный*. Утративъ способность къ подъему, Чехи и Южные славяне восполнили ее прибавленіемъ къ *г* и *л* другихъ гласныхъ—*а* и *ѣ*: *вм. голова* у нихъ явилось *глава*, *вм. борда*—*брада*, подобнымъ же образомъ *брѣгъ* *вм. бергъ*. Вліяніемъ этихъ инославянскихъ формъ Лавровскій объясняетъ появленіе въ русскомъ

языкъ второго гласнаго.—Въ этомъ объясненіи есть цѣлый рядъ странностей. Во первыхъ такъ называемый подъемъ (употребленіе корня въ болѣе сильномъ видѣ) зависитъ отъ строенія слова: словамъ при извѣстныхъ окончаніяхъ свойственна болѣе сильная, или болѣе слабая огласовка корня; значитъ подъемъ является при возникновеніи новыхъ словъ. Рус. волкъ рядомъ съ чеш. vlk, огласовка котораго совпадаетъ съ праславянскою, не представляетъ подъема, а переходъ *l* (или замѣнишаго его *ml*, *kl*) въ *ol*; рус. языкъ вѣдь не унаслѣдовалъ корня vlk и не образовалъ отъ него вновь существ. волк. Точно также у Праславянъ существовало, съ той или другой огласовкой, существ. голова — Русскіе не вновь образовали это слово, и о подъемѣ на русской почвѣ говорить невозможно. Что до второго гласнаго, то замѣна черезъ *l* и *k* утраченнаго подъема есть предположеніе странное; странно также заимствованіе этихъ гласныхъ: мы, правда, на каждомъ шагѣ видимъ заимствованіе словъ, но не звуковыхъ особенностей. Если даже допустить заимствованіе, предположивъ нпр. для его оправданія смѣшеніе Русскихъ съ другими славянскими племенами, то это влияніе вѣроятно породило бы фонемы голова, борада и берѣгъ съ ятемъ, а не извѣстныя намъ полногласныя фонемы съ двумя *o* или съ двумя *e* ¹. Странной представляется также одна подробность въ теоріи Лавровскаго. Лавровскій говоритъ, что слоги *eg* и *el*, замѣненные у Югозападныхъ славянъ черезъ *rt* и *lt*, представляютъ подъемъ *g* и *l* слоговыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе восходятъ въ слогамъ *gi* и *li*. *Ri*, *li*, конечно, могли бы чередоваться съ *rl*, *ll*, еслибы *l* тутъ былъ дифтонговый, однако чередоваться со слогами *eg*, *el* они никакъ не могутъ. Это ученіе Лавровскій взялъ, повидимому, изъ санскритской грамматики, съ которой вѣроятно былъ мало знакомъ. Д. б., ему представлялись такіе случаи какъ *tṛtīya* третій отъ корня *tri*. При теоріи Лавровскаго оказывается также необъясненнымъ, почему развились послѣдочная огласовка у Поляковъ и Лужичанъ, что онъ и самъ отмѣтилъ. Поляки и Лужичане сохраняютъ «подъемъ»: Поляки не говорятъ напр. *trg*, а *targ*, между

¹) Впрочемъ есть всетаки возможность вывести голова изъ параллельныхъ фонемъ голова и глава, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

тѣмъ у нихъ является выговоръ *brōda*. Хотя такимъ образомъ объясненіе полногласія у Лавровскаго оказывается весьма неудачнымъ, но статья его вполне заслуживаетъ упоминанья потому, что Лавровскій далъ подробное сопоставленіе славянскихъ словъ между собой и со словами родственныхъ языковъ—отмѣтивъ, какія явленія соотвѣтствуютъ полногласію въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ. Кромѣ того, кажется, и въ самомъ объясненіи есть таки доля правды. Мнѣ представляется невозможнымъ объяснять разнообразныя огласовки плавно-чистыхъ созвучій исключительно звуковымъ путемъ, и я склоненъ допустить здѣсь, въ томъ или иномъ видѣ, подражательное измѣненіе словъ.

Исслѣдователи нашего вопроса, по моему, прекрасно опровергаютъ другъ друга, но ни одинъ самъ не выставилъ убѣдительной теоріи. Весьма странно, какъ мы уже отмѣтили, перестановка, или же прохожденіе гласнаго сквозъ плавный, каковыя приходится предполагать при любомъ изъ предложенныхъ объясненій. Однако, говорю я, непонятно, какъ форма *городъ* могла дать *гродъ*, изъ чего потомъ *грѣдъ* и *градъ*, и какъ *градъ* или *грѣдъ* могло разложиться въ *гродъ*, откуда потомъ *городъ*. Непонятно также, почему *глава* въ такомъ случаѣ разложилось въ *голова*, а прилаг. *слабъ* сохранилось безъ разложенія. Для послѣдняго затрудненія указана однако возможность оправданія Лескинымъ. Лескинъ въ III т. Архива Славянской филологіи помѣстилъ «Замѣчанія къ вопросу о полногласіи» (*Bemerkungen zur Svarabhaktifrage*). Лескинъ обратилъ вниманіе на аналогію, представляемую однимъ явленіемъ Нижнелужицкаго языка, явленіемъ, которое на первый взглядъ можно бы истолковать въ пользу первенства полногласія, но которое требуетъ иного объясненія. Явленіе это слѣдующее. У Нижнихъ лужичанъ звукъ *г*, слѣдуя за безголоснымъ смычнымъ согласникомъ, т. е. за звуками *k, t, p*, превращается въ *š*: основному *просити*, русск. *просить*, но-нижнелуж. соотвѣтствуетъ *ršosuš*; основному *просо*—*ršovo*, основному *трома* малость—*tšocha*, основному *кратъ*, русск. *крат*,—*kšet*, инфинитиву *трасти*, русск. *трасти*, соотвѣтствуетъ *tšéšé* (*š*—знакъ мягкаго *ш*). Въ противоположность указаннымъ случаямъ, въ которыхъ *г* во всѣхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ за *k, t, p*, тѣ случаи, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, сохраняютъ звукъ

г; напр. праса, рус. поросѣнокъ не будетъ рѣсе; а ргозе; староц. страма, рус. сторона не будетъ стѣона, а стгопа, глаголь прати, рус. переть не будетъ рѣеѣ, а рѣеѣ. Это вотъ явленіе можно бы, какъ замѣчаетъ Лескинъ, обратить въ пользу полногласія—сказавъ, что, очевидно, въ то время, когда у Нижнихъ лужичанъ совершался переходъ созвучій kg, tg, rg въ kĕ, tĕ, rĕ, такіа слова какъ праса не представляли еще соприкосновенія звуковъ k, t, r съ г, а представляли полногласіе, только впоследствии измѣненное, т. е. когда вм. ргозо стали произносить рѣозо, говорили еще рогозе, и лишь позднѣе совершилось выпаденіе перваго о, и тогда уже превращенія г не произошло. Однако такое толкованіе было бы ошибочно, потому что можно указать письменный памятникъ XVI столѣтія, гдѣ нѣтъ еще превращенія г послѣ указанныхъ согласныхъ, т. е. пишется ргозуѣ, но уже существуетъ послѣдочная огласовка. Значитъ, объяснять отмѣченную двойственность какъ слѣдъ полногласія не приходится. Лескинъ предлагаетъ видѣть въ рассматриваемыхъ случаяхъ двойкій выговоръ г. Дѣйствительно, можно предполагать, что звукъ г, имѣвшій предъ собой согласные k, t, r, издавна приобрѣлъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ не было такого соприкосновенія. Можно, такимъ образомъ, думать, что рассматриваемое явленіе восходитъ къ двойкости праславянскаго г: г въ какомъ-нибудь словѣ трава, гдѣ г издавна стоялъ послѣ t, могъ отличаться отъ г въ словѣ страма, восходящемъ къ дославянскому *stognā. Вотъ на этой двойкости, м. б., и основывается та двойственность, которая насъ затрудняетъ въ русскомъ языкѣ: трава, но сторона и т. п. Конечно, вопросъ о полногласіи и этимъ не рѣшается вполне: мы, правда, поймемъ, что своеобразный г могъ выдѣлять изъ себя новый гласникъ, такъ что какая-нибудь фонема б о р а д а была бы понятна, но зачѣмъ же б о р о д а: зачѣмъ звукъ а измѣнился въ о? Непонятна также польская и лужицкая огласовка: зачѣмъ тамъ вмѣсто а появляется о, вм. ѵ—е?

Въ виду всего выше изложеннаго, мнѣ казалось бы нужнымъ предположить въ праславянскомъ языкѣ двойкую огласовку занимающихъ насъ созвучій. Это указано въ одномъ примѣчаніи къ первой таблицѣ моего «Начертанія славянской акцентологій» (стр. 233). Въ виду господствующей во всѣхъ неславянскихъ язы-

какъ передовой огласовки, древнѣйшему славянскому языку, кажется, приходится вмѣстѣ съ Миклопичемъ приписать такую же огласовку, т. е. предположить фонемы *борда*, *голка*, *вергъ*, *мелко*. Съ другой стороны, однако, согласіе Южныхъ славянъ съ Чехами, языкъ которыхъ вообще довольно далекъ отъ языка Южныхъ славянъ, говоритъ въ пользу того, что и послѣдочная огласовка есть явленіе праславянское, т. е. что вромѣ фонемъ *борда*, *голка*, *вергъ*, *мелко* существовали *брада*, *глака*, *врегъ*, *млеко*. Изъ указанныхъ дублетовъ съ удобствомъ можно объяснить существующее разнообразіе—иные Славяне просто сохранили одни изъ дублетовъ (*брада*, *глака* и т. д.); у Поляковъ же и Лужичанъ можно предположить сдѣлку между фонемами *борда* и *брада*, *вергъ* и *врегъ*, породившую оумѣски *broda* и *weg*, въ которыхъ постановка гласнаго идетъ изъ одной фонемы, качество—изъ другой. Русскій языкъ, по моему мнѣнію, произвелъ прежде всего ту же сдѣлку, какъ польскій и лужицкій, а потомъ слилъ получившіяся фонемы въ одну, сохранивъ огласовку обѣихъ, такъ, что изъ *борда* и *брода* вышло полногласное *б о р о д а*. Но какъ, спрашивается, понять двойственность *брада* и *борда*? Не отстрочиваемъ ли мы только этимъ объясненіемъ наши затрудненія? Вѣдь всетаки формамъ послѣдочной огласовки, не появляющимся внѣ славянскихъ языковъ, приходится приписать вторичное возникновеніе въ общеславянскомъ языкѣ. Однако существуетъ теорія, которая, если справедлива, можетъ насъ вывести изъ затрудненія. Именно, выставлено предположеніе (К р у ш е в с к и м ъ, въ V т. Рус. Фил. Вѣстн., въ работѣ «Къ вопросу о гунѣ»), что славянскія *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* соответствуютъ иногда долгимъ слоговикамъ праязыка, т. е. \bar{r} и \bar{l} . Пришлось бы, значить, предположить въ данныхъ корняхъ колебаніе между огласовкой черезъ *о* и *е* и черезъ долгіе слоговики: построить праязычное склоненіе *bhórđhā*, родит. *bhŕđhās*, изъ чего по-славянски развилось *борда*, *брады*—съ колебаніемъ огласовки по падежамъ, впоследствии устранившимся черезъ примѣненіе ихъ другъ къ другу.

При моемъ толкованіи полногласія падаетъ также нѣкоторый свѣтъ на одно весьма загадочное явленіе, которое, впрочемъ, и такъ не вполне выясняется. Я разумѣю то обстоятельство, что староцерковному созвучію *лѣ* по-русски соответствуетъ не только *еле*, но и *оло*. *Еле* мы видимъ въ словѣ *железѣ*, словенская

форма котораго есть *žléza* или *žlézda*, сербская *ж л и ж ѣ в да*; видимъ также въ словѣ *селезѣнка*, при которомъ стоитъ староцерковное *слѣзена* (встрѣчается, впрочемъ, также написаніе *слѣзена*), и въ словенскомъ мы находимъ *slezena*, и въ сербскомъ *слезѣна* (окончаніе *-ена* по-сербски замѣнено обычнымъ суффиксомъ *-ина*). Въ большинствѣ случаевъ мы однако видимъ не *еле*, а *оло*: при староцерк. *млеко* стоитъ рус. *молоко*. *Млеко* проходитъ по другимъ славянскимъ языкамъ съ обычной варьяціей. Подобнымъ же образомъ мы имѣемъ форму *молѣзиво* (первое молоко посетѣгу), вмѣсто староцерк. *млязиво* съ *ж*; глаг. *полѣтъ* въ староцерк. формѣ будетъ *плати*; староцерк. *длато* (оно не встрѣчается, но можетъ быть предположено на основаніи серб. *длѣжето* и словен. *dléto*), по-русски произносится *долотó*¹⁾. Подобное же явленіе какъ русское *оло* в м. лѣ, замѣчается и у сѣверозападныхъ Славянъ—у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ. Такъ, слово *долотó* находитъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ языкѣ чешскомъ, гдѣ оно звучитъ *dláto*; въ польскомъ является фонетически не совсѣмъ ясное—*dłuto*, уменьшительное *dłutko*. По-польски и нерѣдко происходитъ изъ *o* при извѣстныхъ условіяхъ, которыя отчасти существуютъ въ уменьшительномъ *dłutko*, поэтому можно думать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что *dłutko* есть неэтимологичное написаніе, и что слѣдовало бы писать, в м. и, ó; въ форму же *dłuto* и могло зайти изъ уменьшительнаго. Впрочемъ, можно также думать, что слово это заимствовало огласовку черезъ *u* отъ однокореннаго глагола *dłubać* долбить, что въ переложеніи на староцерк. звуки будетъ *длѣпати*. Но, какъ бы то ни было, едвали подлежить сомнѣнію, что польское *dłuto* замѣнило первоначальное *dłoto*, равное чеш. *dláto*, рус. *долотó*. Далѣе мы въ соотвѣтствіе рус. *молоко* по-поль., рядомъ съ *mleko*, находимъ другое существ.

¹⁾ Въ староцерк. памятникахъ, правда, употребляется это слово въ видѣ *длато*, но *длато* можетъ быть просто неправильнымъ измѣненіемъ русской формы на староцерковный ладъ: при томъ согласіи, которое вообще существуетъ относительно огласовки плавно-чистыхъ созвучій между староцерковнымъ и другими южно-славянскими языками, едвали можно сомнѣваться, что по-староцерковному было *длато*, а не *длато*.

młokos молокососъ ¹⁾. Еще мы въ польскомъ видимъ твердый согласный и широкую огласовку въ соотвѣтствіе рус. м о л о к о с о с ъ, а именно говорятъ młodziwo. Młodziwo представляетъ явное переименованіе: dź вм. ź идетъ изъ прилаг. młody, но едвали оттуда же заимствована огласовка: еслибы по-польски основная фонема была mleziwo, то ее не стали бы примѣнять къ мало-похожему прилаг. młody: вѣроятно, было młodziwo. Далѣе мы видимъ въ соотвѣтствіе рус. ж о л о б (при староцерк. жлѣкъ, серб. ж л ѣ ѣ б, слов. žlób), чешск. žlab, поль. żłób, род. żłobu; также у Лужичанъ (у Верхнихъ, какъ у Нижнихъ)—żłob. И слово ж е л е з а, которое въ рус. языкѣ представляетъ узкую огласовку, встрѣчается съ огласовкой широкой, рядомъ съ узкою, у Чеховъ; это слово у Чеховъ имѣетъ тройкій выговоръ: hlíza, hláza и žláza.

Основная форма въ указанныхъ словахъ, повидимому, представляла е; объ этомъ можно заключить уже по такимъ случаямъ, какъ жлѣкъ, ж о л о б, гдѣ произошло смягченіе, указывающее на соприкосновеніе согласнаго съ узкимъ гласнымъ. Можно сослаться также на родственные языки: при глаголѣ во л о ч ѣ, староцерк. влѣшти, стоитъ литов. velkù съ е. Въ третьихъ въ этомъ же смыслѣ говоритъ явно заимствованное слово ш е л о м, ш л е м, равное готскому hilms, нѣмецкому Helm. Но, конечно, существованіе передовой огласовки черезъ е не мѣшаетъ предположенію, что рядомъ съ нею могли существовать другія формы съ огласовкой послѣдочной.

Для объясненія славянскаго колебанія при звукѣ l между широкимъ и узкимъ гласникомъ I o г. Ш м и д т ѣ ссылается на вліяніе твердаго l. У нѣкоторыхъ Славянъ развился-де твердый l, и подъ его вліяніемъ произошло разширеніе, т. е. еще въ праславянской рѣчи въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ древняго želbъ сдѣлалось želbъ съ твердымъ l, который потомъ повліялъ на е, и вышло žoľbъ. Фонема želbъ, становясь полногласной, дала želebъ, а фонема žoľbъ—žoľobъ, потомъ со стяженіемъ получилось žlěbъ и žlabъ. Объясненіе это однако не годится. Разширеніе е въ о никакъ не можетъ считаться явленіемъ праславянскимъ: несомнѣнно, что рус-

¹⁾ Насчетъ соотношенія польскаго młokos и рус. молокососъ ср. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, подъ словомъ Melko.

ское полногласіе древнѣе разширенія; такъ что предполагать форму *žoľovъ* и изъ нея *žoľovъ* не приходится. Нѣсколько яснѣе представляется это дѣло при моемъ взглядѣ на полногласіе. Можно предположить колебаніе по падежамъ; такъ отъ слова *железѧ* имен. могъ быть **желѡдѧ*, род. *глазѡ*; изъ формы **глазѡ* мы прямо и будемъ выводить чешское *hláza*; *zláza* объяснимъ примѣненіемъ къ тѣмъ падежамъ, гдѣ было ж. Примѣняясь къ такимъ падежамъ, какъ **желѡдѧ*, **глазѡ* могло в м. *ѧ* получить *ѡ* (ѡ), т. е., сохранивъ долготу, но убравъ окраску отъ другихъ падежей, *ѧ* могло замѣниться черезъ *ѡ*. При полномъ примѣненіи огласовки родительнаго къ именительному, могло возникнуть **желѡдѧ*, **глазѡ*, а далѣе *железѧ*. Однако какое-ниб. *молѡкѡ* можно вывести изъ основнаго **мелѡ*, род. *малѡ* не иначе какъ при содѣйствіи такихъ формъ, какъ **болѡ*, род. *блатѡ* — безъ нихъ могло бы возникнуть только *малѡ*, **малѡ*, **мелѡ*, **мелѡ*.

Остановимся теперь на другой особенноти русскаго языка, которая также не повторяется въ инославянскихъ языкахъ. Это есть появленіе звука *о* в м. староцерковныхъ *ы* и звука *е* в м. староцерковнаго *и*, которое замѣчается передъ *й*. Въмсто староцерк. фонемъ *мыи!*, *мыи* мы имѣемъ по-русски *мои!*, *мои* у, а въ какомъ-нибудь родит. падежѣ *люди* по-рус. является *е* — *людеи*. Это превращеніе даже не есть общерусское: оно господствуетъ только въ великорусскомъ нарѣчій, но не въ бѣлорусскомъ и не въ малорусскомъ. Происходитъ такое измѣненіе въ слѣдующихъ случаяхъ. *О* в м. *ы* является 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовѣхъ прилагат.: *злой* в м. *злыми*, *дброй* в м. *добрми*. (Основной великорус. формой слѣдуетъ считать *дброй*, теперашнее *дброй* ореографическій славянизмъ, который впрочемъ и фонетически находитъ себѣ оправданіе, такъ какъ *ы* довольно хорошо изображаютъ тотъ глухой выговоръ, который слышится в м. безударныхъ *о* и *а* въ закрытомъ слогѣ). 2) Мы находимъ такое измѣненіе у нѣкоторыхъ глаголовъ, въ настоящемъ времени и въ повелит. наклоненіи; это глаголы: *выть*, *крыть*, *мыть*, *рыть*, *ныть*. 3) Мы видимъ это измѣненіе въ нѣкоторыхъ родственныхъ указаннымъ глаголамъ существительныхъ; напр. *вой* при глаг. *выть*, *портѡ* *мои* ка при глаголѣ *мыть*, *землерѡи* ка при глаг. *рыть*.

Звукъ *е* вм. *и* является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ имен. ед. ч. муж. рода члѣновыхъ прилагат., гдѣ мы пишемъ *ѣ*, подобно тому, какъ въ твердомъ различіи пишемъ *ѣ*, но основными великорус. окончаніемъ слѣдуетъ считать *ѣй*; напр. синѣй, лучшей. 2) Въ родит. пад. мн. ч.: людѣй, костѣй и т. д. 3) Въ настоящ. и повелит. глагола брить: брѣю, брѣй, гдѣ, правда, обыкновенно пишутъ *ѣ*, но совершенно произвольно. 4) Въ повелит. глаголовъ бить, видѣть, пить, шить. И наконецъ б) въ нѣкоторыхъ существ.: поробѣй, солонѣй, муравѣй, жеребей, йней, змѣй и змѣя (въ двухъ послѣднихъ мы пишемъ *ѣ*, но безъ надобности). Изъ указанныхъ случаевъ употребленія *е* вм. *и* нѣкоторые повторяются и въ малорусскомъ, а именно, мы находимъ сущ. словѣй и род. надежи на *е*: свинѣй, дітѣй, хотя есть также обвиній и т. п., и у Бѣлоруссовъ здѣсь является *ей*; но въ большинствѣ случаевъ Малороссы и Бѣлоруссы, какъ уже сказано, согласны съ остальными Славянами.

Въ указанной особенноти великорусскаго языка видятъ обыкновенно вторичное звуковое измѣненіе. Однако, еслибы совершился переходъ звука *ы* въ *о* и звука *и* въ *е* передъ *ј*, то не могли бы существовать такіа формы, какъ *злѣйя*, *другѣйя*. Мнѣ кажется (по этому вопросу есть моя статейка въ V т. Р. Ф. В.), что *о* и *е* слѣдуетъ выводить изъ *ъ* и *ь*, которые первоначально чередовались съ *ы* и *и*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень легко допустить; такъ прилагат. *зълъи* имѣло древнѣйшую форму *зълъи*; такъ и для *сиѣи* основная форма есть *сиѣи*. Точно также и родит. на *и* имѣютъ при себѣ дублиеты, представляющіе *и*—людѣи. Существительнымъ на *ей*, какъ съ *лавѣй*, въ *рѣбѣй*, естественно приписать первоначальное окончаніе *и* уже вслѣдствіе бѣглаго *е* и звука *е* (родит. съ *лавѣя*, въ *рѣбѣя*). Также у глаголовъ, представляющихъ *е* вм. *и*, мы видимъ бѣглость кореннаго гласнаго—*пѣю* рядомъ съ *пей*; въ томъ же смыслѣ свидѣлствуютъ настоящ. *шѣю*, *бѣю*, *вѣю*. Особое положеніе занимаетъ повелит. *лѣй* при наст. *лѣю*; его можно бы объяснить изъ *лѣи*; но, такъ какъ обыкновенное наст. въ стародерк. есть *лѣи* и повелит. *лѣи* (съ *ѣ*), то здѣсь можно возводить *е* къ *ѣ*. Въ пользу древности *ь* въ указанныхъ случаяхъ говорятъ языкъ чешскій: въ старочеш. языкѣ существуютъ формы *бѣи*, *рѣи* вм. позднѣйшихъ *бѣи*,

рїї. Подобнымъ же образомъ я для глаголовъ съ о вм. ѱ пред- полагаю наст. и повелит. съ ѱ—мѣж, мѣи. Можно спросить, ко- нечно, почему тутъ ѱ не онѣмѣлъ, находясь въ открытомъ слогѣ. Но сохраненіе ера легко объясняется тѣмъ, что на него падало удареніе, а ударяемый гласный онѣмѣть не могъ. Чередованье ѱ съ ѱ, и съ ѱ въ корняхъ и суффиксахъ исполнѣ понятно: оно ана- логично тому чередованію, которое мы дѣйствительно имѣемъ въ староцерк., напр. въ настоящемъ ѱѳъ при инфинитивѣ ѳисти. Бро- мѣ указанныхъ словъ, въ которыхъ переходъ, по-моему мнимый, совершался передъ j, есть одно слово, гдѣ русскій языкъ пред- ставляетъ звукъ о вм. ѱ передъ другимъ согласнымъ; это нарѣчіе н о н ѣ вм. н ѱ н ѣ. И здѣсь очень легко предположить колебаніе между ѱ и ѱ, т. е. первоначально между ѱ и ѱ. Мы дѣйствительно по-греч. видимъ ѱѳ рядомъ съ ѳѳ, по-санскр. пѱ и пѱ. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется было мѣи и *мѣи-ѳе, и впоследствии стали примѣнять одну форму къ другой и говорить не только н о н ѣ ѳе, но и н о н ѣ, н о н ѣ ш н і ѳ. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ мо- его толкованія можно сослаться на исторію языка: Колосовъ от- мѣчаетъ, что е ѱ вм. і ѳ встрѣчается только съ XII или начала XIII вѣ- ка, а о ѱ вм. ѱ ѳ въ XIII, или въ началѣ XIV в. Приблизительно тоже самое говоритъ Потемня: «въ началѣ XIII ст. является е ѳ, которое въ началѣ XIV уже господствуетъ». Миѣ однако кажется, что эти данныя не мѣшаютъ допустить, что великорусское нарѣчіе своими о и е восходитъ къ ѱ и ѱ. Писцы могли подъ книжнымъ вліяніемъ предпочитать написанія ѱ и и—ѳѳъ еще до недавня- го времени у насъ писали з ѳ ѳ ѳ. Могли такому употребленію буквъ ѱ и и вм. о и е или же ѱ и ѱ содѣйствовать мѣстные гово- ры: уроженецъ юга или запада, говорившій, слѣдовательно, язы- комъ, который впоследствии развился въ малорусское или бѣло- русское нарѣчіе, конечно, могъ писать ѳ и и по свойству своей рѣчи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣ явленіе, котораго приходилось касаться уже по другимъ поводамъ — малорусское сж а т і е или н а к л о н е н і е гласныхъ, при которомъ исконные о и е переходятъ въ і. Наклоненіе или сжатіе имѣетъ мѣсто въ закрытыхъ слогахъ: основное воля дуетъ від, родит. одна- ко воля; таковы же ніс—нѳсу, кість—кѳсти; лід (ледъ)—

лѣду. Это явленіе не во всѣхъ областяхъ Малороссіи вполне одинаково. Прежде всего замѣтимъ, что звукъ *i*, возникающій изъ первоначальнаго *o*, произносится различно: въ говорахъ Галиціи это *i* умягчительное, значить, совпадаетъ съ исконнымъ *ъ*; напротивъ того на Волыни и въ Подольѣ оно неумягчительно, значить, совпадаетъ съ исконнымъ *и*; на Украинѣ оно вообще умягчительно, но лишь слегка умягчаетъ звуки *н* и *л*. Такимъ образомъ въ словѣ *ліи*, основномъ *лон*, слогъ *лі* не совпадаетъ со слогомъ *лі* въ словѣ *ліс*, гдѣ *i* вполне мягкое, въ словѣ же *ліи* оно тоже мягко, но въ меньшей степени, съ чѣмъ соединенъ также двоякій выговоръ *л*; такимъ же образомъ въ словѣ *ніс* (*нось*) *и* и *н* мягкія, но мягкость не столь значительна, какъ въ словѣ *німецъ*. Какъ изъ всякаго звукового закона, такъ и изъ этого закона есть исключенія, которыя однако обыкновенно объясняются очень легко и просто. Есть, вопервыхъ, такіе случаи, гдѣ наклоненію подвергаются прояснившіеся *ъ* и *ь*, напр. слова *бровá* (староцерк. *брькъ*), *дрóвá* (*дрьвл*) образуютъ род. мн. *брів*, *дрів*. Очевидно, здѣсь происходитъ подражаніе словамъ со звукомъ *o* исконнымъ; точно такъ же объясняется уменьшит. *брівка* вм. органическаго *брóвка*. И полногласное *o* сжатію не подвержено; однако здѣсь также есть, но опять-таки рѣдкія, исключенія: такъ, слово *боронá* можетъ образовать род. мн. *борóн* и *борін*; *берéзa*—*берéз* и *бері́з*: очевидно и это *i* плодъ подражанія. Мы находимъ также иногда *i* вм. *o* въ открытыхъ слогахъ; напр. уменьшит. *гвиздóк* не должно бы имѣть звука *i*, а должно бы звучать *гвоздóк*; таково же слово *кілóк* (*кол*) и родительныя *гірóк*, *кізóк*; не ожидали бы мы встрѣтить и уменьшительнаго второй степени *ніжечка* къ слову *ногá*. Однако всѣ эти формы объясняются вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ формъ; именно, *гвиздóк* и *кілóк* взяли свое *i* у косвенниковъ—*гвиздкá*, *кілкá*, *гвиздкѹ*, *кілкѹ* и т. д.; род. *кізóк* основывается на законномъ сжатіи въ остальныхъ падежахъ—*кізка*, *кізки* и т. д.; уменьшит. второй степени *ніжечка* взяло свое *i* отъ уменьшит. первой степени *ніжка*. Есть также нѣкоторые исключенія въ другую сторону—случай сохраненія *o* и *e* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ихъ превращенія. Это должно отчасти объясняться книжнымъ вліяніемъ. Таково слово *Бог*, которое, впрочемъ, встрѣчаетъ

ся и въ формѣ *Біг*, напр. *дáсть Біг, помога́й Біг, спа- сѣбі*. Съ такимъ же книжнымъ *о* является слово *год* (настоящее малорусское названіе года есть *рік*—поль. *rok*), при производномъ *погідчата* (дѣти-погодки); таковы же слова *Госпѣдь, дом* (дом по-малорус. *хáта*), *гром*, рядомъ съ которымъ есть и *грѣм*. Далѣе исключенія представляютъ нѣкоторыя глагольныя формы: *ведѣш, ведѣцця, гдѣ*, очевидно, было вліяніе другихъ лицъ, напр. 3-го л. безъ суффикса—*ведѣ*.

По сравненію съ другими славян. языками слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что малорус. *і* вм. *о* и *е* восходитъ къ первоначальной долготѣ, т. е. что первоначально происходило въ закрытыхъ слогахъ продленіе, и потомъ уже это количественное измѣненіе повело къ качественному.

Подобное же сжатіе, какъ въ въ малорусской рѣчи, существуетъ въ языкахъ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ и сербскомъ. При томъ въ сербскомъ языкѣ дѣйствительно является долгота, точно также и въ чешскомъ, только чешская долгота соединена и съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Не пускаясь въ подробности, отмѣчу серб. *Бōг*—*Бōга*, *лѣд*—*лѣда* (или, употребляя знаки сербскихъ словарей и грамматикъ, *Бōг*—*Бōга*, *лѣд*—*лѣда*); по-чешски мы имѣемъ *Vũh*—*Воhа*. Въ чешскомъ мы видимъ *ũ*, которое по этимологическимъ соображеніямъ обозначается черезъ *ũ*, въ болѣе старомъ языкѣ здѣсь былъ дифтонгъ *uo*, еще раньше—*ō*.

Также и малорусское сжатіе *м. б.* проходило черезъ эти ступени. Дѣло въ томъ, что въ областной малорусской рѣчи существуютъ дифтонги *уо, уе, уа, уі*, также просто *у* и *ѱ*; такіе дифтонги и монофтонги встрѣчаются въ разныхъ областяхъ: въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ковенской, Черниговской, на Угорской Руси. Потѣбня, Житецкій и Огоновскій, видя въ этихъ звукахъ остатокъ старины и думая, что они представляютъ переходныя ступени отъ *ō* къ теперешнему *і*, строятъ длинный рядъ переходовъ. Я затрудняюсь съ ними согласиться и не считаю нужнымъ приводить ту послѣдовательность, въ которой они располагаютъ этотъ переходъ звуковъ. Въ говорахъ, представляющихъ дифтонги *вм. о*, тѣ же дифтонги замѣняютъ и первоначальное *е*, только что предшествующій согласный мягокъ; напр. тамъ, гдѣ говорятъ

в у о л вм. в і л, тамъ также говорятъ и і у о д вм. л і д. Поэтому указанные ученые и сжатіе *e* проводятъ черезъ тѣ же ступени, какъ сжатіе *o*. Потебня, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ *e* стояло передъ согласнымъ мягкимъ, такъ что трудно предположить расширеніе его въ *o*, напр. к а м і ѣ, к а м е ѣ: здѣсь Потебня выводитъ *i* прямо изъ *e*. Мнѣ казалось бы, къ чему склоненъ и Ягичъ, что естественнѣй выводить *i* изъ *e* и *o* безъ посредства дифтонговъ, считая дифтонги побочнымъ явленіемъ областной рѣчи. Но, и не проводя звука *e* черезъ всѣ эти ступени, всетаки можно объяснять ими *i* на мѣстѣ *o*. Въ пользу дифтонговъ говоритъ обычность передъ сжатымъ *o* при звукѣ: подвергшееся сжатію начальное *o* всегда имѣетъ передъ собой *e*, напр. слово о к н ъ звучитъ в і к н ъ, слово о в ѣ ц ѣ (род. мн.) стоитъ при именит. в і в ц ѣ; о р ѣ л образуетъ род. в і р л ѣ. Съ одной стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что звукъ *e* не могъ развиться фонетически передъ *i*, а съ другой—первая часть дифтонга *uo* легко могла перейти въ *e*. Можно думать, что изъ основного брлѣ, которое мы имѣемъ въ серб. языкѣ (имен. ѝ р а о, род. ѝ р л а), развилась форма у о р л ѣ, перешедшая сначала, смотря по тому, предшествовалъ ли гласный звукъ или согласный, въ в о р л ѣ и і р л ѣ, а затѣмъ, какъ плодъ сдѣлки между этими двумя фонемами, появился выговоръ в і р л ѣ. Въ виду показанія другихъ славянскихъ языковъ, мнѣ кажется, надо возводить начатки продленія въ закрытомъ слогѣ звуковъ *o* и *e* къ праславянской порѣ, т. е. надо думать, что подъ конецъ этого періода началось ослабленіе ѣ и ѣ, рука объ руку съ которымъ шло усиленіе другихъ ѣровъ и ерей и продленіе чистыхъ гласныхъ въ предшествующихъ слогахъ—въ реченіяхъ с ѣ н ѣ, д ѣ н ѣ, д о м ѣ, л е д ѣ конечный слогъ ослабѣвалъ, а начальный усиливался. Объ этомъ нѣсколько подробнѣй говорится въ моей «Славянской акцентологіи», въ дополнительной главѣ о количествѣ. Предположивъ, что продленіе началось еще въ праславянской рѣчи, естественно думать, что оно должно было существовать и въ основномъ русскомъ языкѣ. Я склоненъ предполагать, что какое-нибудь слово н о с въ основномъ рус. представляло *ō*; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что вмѣсто средняго ѣ въ такихъ случаяхъ было *ō* напр. с ѝ н; соотвѣственно тому л ѣ д представляло *ē*, а д е н ѣ—*ě*. (Возможно, конечно, что

въ основномъ русскомъ уже не было долготы, а что она была замѣнена качественнымъ измѣненіемъ гласнаго). Держась такого мнѣнія, я долженъ допустить, что, тогда какъ въ малорусской рѣчи фонемы съ продленными или же нѣсколько измѣненными въ качественномъ отношеніи звуками *о* и *е* продолжали развиваться фонетически и дошли до звука *і*, въ великорусской онѣ были устранены путемъ подражанія: *л е д и н о с* утратили свои долгиа или своеобразныя *о* и *е*, заимствовавъ краткія или обыкновенныя *о* и *е* у косвенниковъ. Такимъ образомъ малорусское сжатіе представляетъ слѣды древняго количества, м. б., правда, не русскаго, а только праславянскаго. Въ пользу того, что долгота существовала и въ самомъ русскомъ, можно сослаться на нѣкоторыя областныя формы. Кое-гдѣ (въ Гродненской и Ковенской губ.) слышится, будто-бы, вмѣсто сжатаго *о* просто *ѡ*; если это вѣрно, то въ этомъ можно видѣть глубокой архаизмъ.

Въ обыкновенной русской рѣчи настоящаго количества не существуетъ; мы видѣли, впрочемъ, что безударные гласные представляютъ количественныя оттѣнки: что они неодинаково кратки. Существуетъ далѣе, въ областной рѣчи, какая-то долгота, о которой, однако, свѣдѣнія весьма скудны. Колосовъ въ Вятской губерніи подмѣтилъ случаи долготы, не зависящей, по его мнѣнію, отъ ударенія. Онъ приводитъ напр. глаголъ *синѣти*, сущ. *ѡзеро*, нарѣчіе *пожѡлуйстѡ*, глаг. *возѡитѡ*. Указанная долгота едва ли можетъ быть признана древнею, потому что сербскій языкъ въ этихъ случаяхъ (по скольку имѣетъ такія слова) представляетъ краткость: *језеро*, *вѡзити*, *гѡр-је-ти*. Весьма немногочисленныя фразы, приводимыя Колосовымъ, указываютъ на логическій характеръ этого продленія: «не берутъ то вѣдь *ѡжъ*, молодые-то не берѡтъ», тутъ видимо продленіе представляетъ риторическій приѣмъ. Уже несомнѣнно риторическимъ характеромъ отличается та долгота, которая слышится въ обыкновенной русской рѣчи. Такъ, при удивленномъ вопросѣ мы, кажется мнѣ, употребляемъ восходящее удареніе, сопряженное съ долготой: спрашивая напр. «зачѣмъ это?» «когда́ это было?» мы протягиваемъ ударяемый гласный *и*, кажется, повышаемъ голосъ на второй части. Обыкновенно однако русскіе ударяемые гласные—средней длительности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ ударяемые гласные болѣе краткіе,

получающіе притомъ удареніе, похожее на рѣзкое удареніе сербскаго языка и на краткостное—нѣмецкаго. Такой выговоръ гласнаго—краткій съ рѣзкимъ удареніемъ—сопряженъ съ усиленіемъ слѣдующаго согласнаго, которое на письмѣ выражается удвоеніемъ согласной буквы. Можно подобрать довольно много прилагательныхъ съ окончаніемъ нный: бра^{нн}ъй, брѣ^{нн}ъй, вѣсѣ^{нн}ъй, сѡнн^нъй, дѣйнн^нъй, палы^{нн}ъй, тѣшуг^{нн}ъй. Подобнымъ же образомъ слышится рѣзкое о въ словѣ п^одданъй; точно такъ же въ прилаг. низш^ий (гдѣ мы пишемъ зш, а этимологически должно бы писать жш, фонетически—шш) мы имѣемъ и съ рѣзкимъ удареніемъ—ншш^гй; точно такъ же въ прилаг. вѣшш^шъй слышатся ы съ рѣзкимъ удареніемъ, а въ словѣ б^утта—у съ такимъ же удареніемъ. Само собой разумѣется, что все дѣло въ произношеніи: иногда мы на письмѣ не обозначаемъ усиленія согласнаго, но въ рѣчи соблюдаемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произносимъ рѣзкое удареніе. Таково слово поручикъ, этимологическое написаніе котораго было бы -чщикъ, а фонетическое -тѣтѣш^икъ, таково нарѣчіе фр^отѣтѣш^им. Такое же удареніе является во 2-мъ л. ед. ч. и въ 3 л. обоихъ чиселъ, равно какъ въ неокончательномъ возвратныхъ глаголахъ, такъ что получаютъ окончанія -атт^са, -ѣтт^са, -итт^са, -отт^са, -утт^са, -ытт^са, -ѣсс^а, -ѡсс^а; такимъ образомъ является выговоръ стар^атт^са, грѣ^атт^са, рѣз^итит^атт^са, с^тр^им^итт^са (въ послѣдней фонемѣ совпадаютъ инфинитивъ и однинное третьячье настоящаго); (он) н^ис^ѡтт^са, (ани) н^ис^утт^са, м^ытт^са, (ты) н^ис^ѡсс^а, (ты) с^тр^им^исс^а. Также и наоборотъ, когда согласныя буквы удваиваются, но въ произношеніи этого удвоенія не соблюдается, то предшествующій гласный не становится рѣзкимъ—такъ напр. слово клас^съ, гдѣ мы пишемъ два с, но произносимъ одинъ, не имѣетъ рѣзкаго ударенія.

По поводу количества я коснулся вопроса объ удареніи; скажу теперь нѣсколько словъ о его мѣстѣ, чѣмъ и закончу свой очеркъ фонетики гласныхъ. Русское удареніе, какъ извѣстно, не связано

нивыми общими законами и можетъ падать на любой слогъ— русская акцентовка, по моей терминологіи, есть разномѣстная-вольная. Въ другихъ языкахъ бываетъ акцентовка одномѣстная; такова чешская, напирающая всегда на начальный слогъ; другія акцентовки, будучи разномѣстными, могутъ быть разномѣстными-связанными, т. е. представляющими ограниченную свободу; такова напр. греческая акцентовка, которая держится въ границахъ конечнаго слога и двухъ ему предшествующихъ, и притомъ связана еще извѣстными количественными ограниченьями. Вольную акцентовку среди славянскихъ языковъ представляютъ еще сербскій, словенскій и болгарскій. Впрочемъ, можно сказать, что и въ русскомъ языкѣ удареніе обыкновенно падаетъ на три послѣдніе слога, какъ въ греческомъ, уже потому, что односложныя, двусложныя и трехсложныя слова составляютъ въ языкѣ большинство, да и во многосложныхъ удареніе не разъ падаетъ на одинъ изъ этихъ трехъ слоговъ. Итакъ, русское удареніе чаще всего приходится на одинъ изъ трехъ конечныхъ слоговъ. Нерѣдко, однако, оно падаетъ на четвертый съ конца, иногда и на пятый; встрѣчается удареніе на шестомъ, на седьмомъ, пожалуй, даже на восьмомъ слогѣ отъ конца, но оно составляетъ уже рѣдкость. На удареніе въ предѣлахъ трехъ конечныхъ слоговъ приводитъ примѣровъ не стоитъ, такъ оно обычно. На 4-мъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слѣдующія слова: вѣсѣлица, сѣкровица, бѣлотень, глагольныя формы описываю, отдѣлываю, рассказываю, портняжничаяю, разбѣйничаяю, прилагательныя на -ѣтельный въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. снисходительная, -наго; на пятомъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слова: взѣточничество, вѣброшенныя, глагольныя формы (вы) рассказываете, (что вы) подѣлываете. Удареніе на шестомъ слогѣ, еще болѣе рѣдкое, представляютъ напр. оборотничество, заимствованія и, Всѣволодовичи; такую акцентовку имѣетъ цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся, напр. обнаруживающійся, скрадывающійся, воспитывающійся. Еще рѣже встрѣчается удареніе на седьмомъ слогѣ; примѣромъ можно взять, служившее намъ уже раньше примѣромъ, отчество Всеволодовичи въ твор. над.: Всеволодовичами, и нѣкоторые надежи прича-

стій на -ивающійся, -ывающійся, напр. скрѣдывающіеся. На восьмомъ слогѣ удареніе имѣетъ одно только слово, и то, если не сокращать его окончанія -іе въ -ье, это—вы́ баллотированіе. Примѣровъ на удареніе на пятомъ, шестомъ и седьмомъ слогѣ съ конца можно подобрать довольно много, однако при этомъ замѣчается, что слова такого рода—книжныя, искусственныя, чаще всего—причастія. Считая отъ начала слова, удареніе также чаще всего приходится на первый, на второй, или третій слогъ, рѣже на четвертый, весьма рѣдко на пятый, или на шестой. Удареніе, падающее на четвертый слогъ отъ начала, мы видимъ напр. въ слѣдующихъ словахъ: воротникѣ́, инспекторѣ́, переплестѣ́, удареніе на пятомъ слогѣ: сороковикѣ́, переполошитѣ́, (она) переведенѣ́; на шестомъ: переговоренѣ́, отрекомендовѣ́тъ. На седьмомъ слогѣ имѣемъ удареніе въ одномъ искусственномъ словѣ—высокопревосходительствѣ́; однако здѣсь удареніе соединено со второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. То же второстепенное удареніе замѣчается въ сложныхъ словахъ, съ удареніемъ на шестомъ слогѣ: малораспространѣ́нный, общеупотребительный—слова эти также искусственныя.—Русскій языкъ въ дѣлѣ ударенія представляетъ немало мѣстнаго разнообразія, но въ большинствѣ случаевъ слова акцентуются одинаково во всей Великой и даже Бѣлой и Малой Россіи ¹⁾).

¹⁾ Подробнѣе говорится объ удареніи въ моемъ не разъ уже цитованномъ Начертаніи славянской акцентологіи; кое-что указано и въ этихъ лекціяхъ на стр. 1, 36, 72—73, 75—78.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Характерную особенность русского консонантизма составляет сильное развитіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (по терминологіи Грота—дебелыхъ и тонкихъ). Въ другихъ европейскихъ языкахъ господствуютъ согласные средніе. Такъ напр. твердое *m* въ прилагательномъ *tómnnyj* представляетъ рѣзкую противоположность мягкому *m* прилагательнаго *tёмный*, а нѣмецкое *t* какого-нибудь *Toppe* бочка стоитъ между ними по серединѣ. Даже остальные славянскіе языки—за исключеніемъ польскаго и, кажется, лужицкаго—не знаютъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ русскій. Съ другой стороны, у остальныхъ славянъ не такъ развита мягкость ¹⁾. У Поляковъ (сравнительно весьма богатыхъ мягкими согласными) не бываютъ мягкими *ch*, *t*, *d* и *g*: первое вслѣдствіе сохраненія имъ исконной твердости, напр. *puszy*, а не *múx'n*, какъ по-русски; вторыя два вслѣдствіе перехода мягкихъ *t* и *d* въ *ć* и *dź*, напр. *pić*, *dzień*, а *g*—вслѣдствіе превращенія его въ болѣе-менѣе твердый шипящій звукъ (первоначально *rg*, *rn*, теперь просто *ж*, *ш*), напр. *mogze* (гдѣ *gz=ж*), *krzyk* (гдѣ *gz=ш*). Подобнымъ же образомъ Нижніе лужичане не знаютъ мягкихъ *ch*, *h*: говорятъ напр. *puszy*, *hukawa* (икота), не знаютъ также мягкихъ *t*, *d*, которыя перешли

¹⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи допущены нѣкоторыя неточности, во избѣжаніе неумѣстныхъ здѣсь подробностей изъ инославянскихъ фонетикъ. Между прочимъ я предпочелъ вовсе не упоминать о Болгарахъ.

въ *ś, ź*, напр. *riś, źeń*. У Верхнихъ лужичанъ мы не находимъ *t', d', ś, ź, l'*: первыя два превратились въ *ć, dź*, напр. *rić, dźeń*, остальные три отвердѣли—*s* и *z* вполне, напр. *suwu* сивый, *zupa* зима, *l*—до средняго выговора, напр. *ludźo* (люди). Чехи знаютъ мягкость только у трехъ согласныхъ: *t, d, n*, напр. *tělo, děd, pěso* (нѣчто). Сербы имѣютъ четыре мягкихъ звука *ь, ѣ, ѣ, ѣ*, напр. *kráь, kòь, нòь, мèѣа*. Словенцы умягчаютъ лишь два согласника: *l* и *n*, напр. *kralj, konj*.

Въ русскомъ же языкѣ всѣ согласные, за коими первоначально слѣдовали *е, ѣ, и* или *а*—бываютъ мягки: мы видѣли въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ, что русскіе *е* и *и* звуки «умягчительны», что *л* перешелъ въ *'а*, и что онѣмѣвшій *ь* оставилъ по себѣ мягкость ¹⁾. Изм. Ив. Срезневскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе наши слависты, понимали меньшее количество мягкихъ согласниковъ въ инославянскихъ языкахъ какъ утрату сохраняемой русскою рѣчью старины, такъ что говорили объ «ослабленіи» въ этихъ языкахъ мягкости и твердости. Однако гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагать у всѣхъ славянъ уклоненіе отъ старины, только въ разныхъ стороны: тогда какъ у однихъ мягкость и твердость уменьшалась, у другихъ она увеличивалась. Въ Староцерковномъ несомнѣнно могли умягчаться всего три согласныхъ *л, р* и *н*, мягкость которыхъ обозначалась на письмѣ посредствомъ іотированныхъ гласныхъ, а иногда посредствомъ *кѣмори* ('): *полѣ, полѣ, полю, полн, полъ; морѣ, морѣ, морю, морн, моръ; сннѣ, сннѣ, сннѣ*—умягченіе произошло подъ вліяніемъ нѣкогда входившаго въ составъ окончаній *ј*. Тѣ же *л, р, н* слѣдуетъ предполагать и въ праславянской рѣчи, гдѣ, кромѣ того, должны были звучать мягко *ж, ш, ч, ждж* (= *жѣж*), *щ* (= *штш*), *ц* (= *тс*) и *з* (*дз*), напр. *бо жѣ!*, *ду шѣ!*, *отъ чѣ!*, *дѣ жѣжѣ*, *ро штша*, *ржцѣ*, *но зѣ*. Возможно, что такъ было и въ староцерковномъ (это предполагаютъ на основаніи весьма обычнаго употребленія въ такихъ случаяхъ бук-

¹⁾ Тамъ же отмѣчены и нѣкоторыя (вторичныя) отступленія отъ общаго закона.

вы ю: мѣжо, вѣзшо, отцю и т. п.), но навѣрное сказать этого нельзя ¹⁾.

Итакъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ староцерковномъ и въ праславянскомъ языкѣ согласные передъ всякимъ е, ѡ, ѡ, а и и были мягки. Даже въ общерусскомъ, въ виду малорусской твердости слоговъ те, ти, де, ди, и т. д., удобнѣе предположить передъ узкими гласными средній выговоръ. Противъ праславянской мягкости нѣкоторыхъ слоговъ можно привести фонетическія соображенія. А именно, зубные с, з, т и д не могли бы въ такомъ случаѣ удержаться, а подверглись бы превращенію въ ш, ж, шт и жд: вмѣсто село, земля, ташкъ, днь явились бы шело, жема, штажкъ, жднь. (По-русски было бы вм. тѣшкѣй—тѣшѣшкѣй, вм. дѣн—жѣн; у другихъ славянъ еще иначе). Также губные въ такомъ положеніи у южныхъ и у восточныхъ славянъ потерпѣли бы нѣкоторое измѣненіе: вмѣсто кнти, перо, вьсь, мласо, стали бы говорить канти, плеро, вльсь, мласо. Не предполагая такимъ образомъ для праславянскаго языка мягкости согласныхъ передъ всѣми узкими гласными, мы съ другой стороны не можемъ приписать имъ вездѣ одинаковое произношеніе; а должны думать, что у Праславянъ, смотря по широкости или узости слѣдующаго гласнаго, появлялись такіе же отгѣнки, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ звукъ t въ словѣ Theeg деготь мягче чѣмъ въ словѣ Thog ворота, а въ словѣ Thier животное еще мягче чѣмъ въ Theeg. Умягченіе (въ большей или меньшей степени) является естественнымъ слѣдствіемъ того, что переходъ отъ твердаго согласнаго, образуемаго съ расширенною устною полостью, къ узкому гласному весьма неудобенъ.

Сильно разивши мягкость и твердость, русская рѣчь почти не знаетъ согласныхъ среднихъ. Таковые слышатся въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально твердый согласный (имѣвшій когда-то за собою ѣ), или же склонный къ отвердѣнію губной подвергся такъ сказать половинному примѣненію къ слѣдующему мягкому, напр. кнѣга, первонач. кнѣнга, лѣвѣа; нѣкоторые согласные (ж, ш и ц) бываютъ средними и передъ гласными—срв. стр. 9.

¹⁾ См. мой разборъ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина.“ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., іюль, стр. 185.

Представлю теперь таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, къ которой присоединю замѣчанія на счетъ принятой въ этой таблицѣ классификаціи и терминологіи, а также на счетъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ.

		Согласные					
		Мгновенные			Протяжимые		
		Ротъные		Носовые	Протоchnые		Дрожащіе
		Безголосные	Голосовые	—	Безголосные	Голосовые	—
Заглавные	Тв.	к: как	г: гага	—	х: краха	в: блава	—
	Ср.	к: кнѣга	г: гнѣти!	—	х: вздахнѣти!	в: вѣдѣ	—
	Мяг.	к: кнѣсѣ	г: гнѣ	—	х: стѣхѣ	в: а блѣвѣ	—
Переносные	Тв.	—	—	—	ш: шар	ж: жар	р: рак
	Ср.	—	—	—	ш: шест	ж: жест	р: рѣви!
	Мяг.	—	—	—	ш: шѣпнѣи	ж: прѣжнѣи	р: рѣса
Ученные	Тв.	т: так	д: дар	н: нос	с: сон	з: зуп	л: лапа
	Ср.	т: трѣ	д: дрѣн	н: знѣнѣи	с: уснѣи!	з: злѣка	л: пѣлѣи(?)
	Мяг.	т: тѣн	д: дѣн	н: нѣнѣ	с: сѣмѣ	з: зѣбнѣт	л: лѣмѣ
Звонко-глухие	Тв.	—	—	—	ф: фѣфѣн	в: вол	—
	Ср.	—	—	—	ф: вѣфѣи	в: дрѣвѣи	—
	Мяг.	—	—	—	ф: фѣдѣ	в: вѣл	—
Губные	Тв.	п: пол	б: бок	м: мох	—	—	—
	Ср.	п: лѣпнѣи	б: грѣбнѣи	м: кѣмнѣи	—	—	—
	Мяг.	п: пѣн	б: бѣс	м: мѣл	—	—	—

Мгновенные согласные иначе называются взрывными, или смычными: термины эти выставляють разныя стороны образованія этихъ звуковъ, при которомъ во рту происходитъ сожнутіе органовъ, а затѣмъ мгновенный разрывъ ихъ выпускаемою струею воздуха. Словомъ «протяжные» я замѣняю употребляемыя другими «протяжные» и «длительные», потому что звуки этого рода обыкновенно вовсе не протягиваются, а только спо-

с о б н ы къ протяженію. Гротъ, весьма удачно назвавшій м г н о в е н н ы е звуки «смычными», противопоставляетъ имъ протяжные какъ «проторные», ибо при образованіи ихъ воздухъ такъ сказать протирается черезъ тѣснину между не совсѣмъ сомнутыми органами. Термина «проторные» я не усваиваю себѣ потому, что онъ слишкомъ похожъ на другой терминъ «проточные» употребляемый мною при подраздѣленіи протяжныхъ звуковъ. Название «проточные» указываетъ на то, что воздухъ какъ бы плавно протекаетъ по устной тѣснинѣ, тогда какъ при образованіи «дрожащихъ» языкъ приходитъ въ дрожательное движеніе ¹⁾). Мгновенные согласные въ нашей таблицѣ подраздѣлены на «ротѣвые» и «носовые». «Ротѣвые» согласные образуются въ одной лишь ротѣвой полости, которая бываетъ отдѣлена отъ носовой посредствомъ поднятія небной занавѣски; при «носовыхъ» же воздухъ выпускается и въ ротъ и въ носъ: носовая полость даетъ свой особый резонансъ, а во рту происходитъ то же сомкнутіе органовъ, какъ для звука *d* (при чемъ получается *n*), или какъ для *b* (тогда получается *m*). Носовой резонансъ есть элементъ протяжный и придаетъ носовымъ согласнымъ нѣкоторую протяжность—ихъ поэтому обыкновенно и относятъ къ звукамъ длительнымъ; что на мой взглядъ, въ виду участія въ нихъ мгновенныхъ элементовъ *d* и *b*,—невѣрно ²⁾).

Изъ согласныхъ названныхъ въ таблицѣ «з а д н е н ё б н ы м и» одни вполнѣ заслуживаютъ это названіе, т. к. при нихъ задняя часть языка подымается къ заднему нёбу; другіе точнѣе могли бы быть названы с р е д н е н ё б н ы м и, т. к. дѣйствуютъ среднее нёбо и средняя часть языка. Конечно, между задненёбными и средненёбными нельзя провести точной границы. Нашимъ задненёбнымъ

¹⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что названіе „плавныхъ“, которымъ я выше (напр. стр. 68) по привычкѣ пользовался для звуковъ *p* и *l*, лучше подходитъ къ другимъ протяжнымъ, нежели къ нимъ. Еще менѣе оно подходитъ къ *n* и къ *m*, которые въ греческой и латинской грамматикѣ также называются плавными.

²⁾ Думаю такъ на переборъ Зиверсу (Eduard Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1881, S. 45, Anm. 2), который отвергаетъ сходное съ моимъ мнѣніе „индусовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ“.

согласнымъ обыкновенно дѣютъ неточное, хотя болѣе краткое и удобное названіе «гортанныхъ».

Изъ звуковъ «передненѣбныхъ» (при конхъ кончикъ языка приближается къ переднему нѣбу) *ж* и *ш* носятъ удобное и характерное названіе «шипящихъ».

«Зубные» не вполне заслуживаютъ своей клички: они образуются поднятіемъ кончика языка къ верхней челюсти. Протяжимымъ проточнымъ зубникамъ *с* и *з* присвоено особое названіе «свистящихъ».

«Зубногубные» образуются при сближеніи верхнихъ зубовъ съ нижнею губой.

При «губныхъ» производится сомкнутіе и затѣмъ разрывъ губъ.

Дѣленіе согласныхъ на «безголосные» и «голосовые» ¹⁾ основано на участіи въ ихъ образованіи *голосовыхъ струнъ*. При образованіи голосовыхъ согласниковъ голосовая щель на столько сужена натянутыми голосовыми струнами (горловыми связками), что проходящій воздухъ приводитъ эти струны въ дрожательное движеніе, при образованіи безголосныхъ—воздуху предоставленъ свободный проходъ и струны осядутъ въ покоѣ. Голосовые согласные иначе называются «звучными», «звонкими», «ясными», «громкими», а безголосные—«отзвучными», «беззвучными», «глухими», «тихими», «шопотными» ²⁾. Согласные носовые и дрожащія, по участію голосовыхъ струнъ принадлежатъ къ голосовымъ, но не названы такъ въ таблицѣ, потому что не имѣютъ соотвѣтственныхъ безголосныхъ; къ этому положенію впрочемъ ниже будетъ сдѣлана нѣкоторая оговорка.

«Мягкость» согласныхъ, о коей рѣчь была уже ранѣе, съ физиологической стороны состоитъ въ томъ, что при образованіи согласнаго средняя часть языка приближается къ среднему нѣбу и губы складываются въ узкое отверстіе, какъ для гласнаго *i* и родственнаго ему согласнаго *j*; иначе говоря, одновременно съ другимъ согласнымъ произносится *j*, который примѣшивается къ этому дру-

¹⁾ Это термины Я. К. Грота.

²⁾ Встрѣчаются также названія „мягкіе“ и „твердые“, взятые изъ школьной терминологіи Нѣмцевъ, весьма неудачныя, да и употребляемыя нами уже въ иномъ значеніи.

гому согласному и такъ сказать пропитываетъ его насквозь. Мѣсто образованія согласныхъ задненѣбныхъ, передненѣбныхъ и верхнечелюстныхъ («зубныхъ») при умягченіи ихъ приближается къ среднему нѣбу—первыя изъ задненѣбныхъ становятся прямо средненѣбными. Умягченіе же губныхъ и зубногубныхъ представляетъ совсѣмъ особую артикуляцію: нижняя губа съ верхней губой или съ верхними зубами произносятъ *н, б, ф, в*, а языкъ въ то же время произноситъ *ј*. Противоположная мягкости твердость состоитъ въ отсутствіи іотовой примѣси, въ образованіи согласнаго по-дальше отъ средняго нѣба и въ широкомъ растворѣ губъ.

Въ частности о согласникахъ задненѣбныхъ замѣтимъ слѣдующее. Въ праславянской, да еще и въ общерусской рѣчи звуки *к, г, х*, дѣйствительно всегда были задненѣбными, и за ними всегда слѣдовали широкіе гласные. И въ настоящее время *к, г, х* средненѣбныя встрѣчаются обыкновенно лишь передъ звукомъ *і*, на мѣстѣ котораго въ старину стояли *ы*, напр. *кѣслѣй, гѣбнутѣ, хѣтрѣй*; *сарѣки, слугѣи, мѣхѣи*—первоначально *кѣслѣи, гѣбнути, хѣтрѣи*; *сорѣкы, слугы, мѣхы*; рѣже, а именно (если не считать пришлыхъ словъ) только въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ, являются сочетанія *к'е, г'е, х'е*: *к'ам, рук'а, наг'а, блах'а*—случаи, въ коихъ старинный языкъ производилъ смягченіе *к, г, х* въ *ц, з, с*. Мягкое *к* передъ *а* мы произносимъ исключительно въ весьма извѣстномъ названіи китайскаго города *Кяхты*¹⁾. Однако слогъ *ка*, а также *ко, ку* не рѣдко слышатся въ областной великорусской рѣчи (преимущественно въ южной—Курской, Орловской, Воронежской), вслѣдствіе уподобленія предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. *кацѣйка, шапцѣйка*, вин. *-йку, -цѣйку; цѣйку, цѣйку*. Совершенно однородны съ этими вологодскіе (значить, сѣверно-великорусскіе) примѣры у Никанора Бѣлоруссова²⁾: *поскорѣнькю, травонька, цвѣтичкяхъ* и т. п. Одну судьбу со зву-

¹⁾ На письмѣ представляетъ подобное-же сочетаніе слово *гауръ*, но т. е. мы ударяемъ на *у*, то здѣсь не произносимъ звука *а*.

²⁾ Н(иканоръ) Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Варшава 1887, стр. 26—Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 218.

комъ и послѣ мягкихъ должны были имѣть *x* и *z*, но такія сочетанія 1) весьма рѣдки: на *x* мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ с в е р х ю (Собол. Лекціи, изд. 1 стр. 92, изд. 2—116) и даже предположить я, кромѣ другихъ надежей того же слова в е р х ъ, могу лишь одно еще о ѵ х'а; на *z* я ѵвовсе не ѵзнаю примѣровъ, а предположительно могу указать слова в о л ь г ѳ т н о, д е н ь г а, с е р ь г а, п у с т е л ь г а (ястребокъ *Falco tinnunculus*) и 'О л ь г а.

2) Въ тѣхъ говорахъ, коимъ по преимуществу свойственно занимающее насъ явленіе, звукъ *z* подвергся такому измѣненію, что едвали можетъ переходить въ *g'*. См. ниже. Т. к. въ старопервонномъ не существовало сочетаній *кь*, *гь*, *хь*, то естественно въ русскомъ языкѣ не встрѣчается *к'*, *г'*, *х'* въ изглашеніи, или передъ согласными. Впрочемъ слово в е р х, вслѣдствіе того-же уподобленія, которое повело къ выговору с ѵ е р х'у, м. б. произносится также в е р х'.—Возникновеніе мягкихъ (средненѣбныхъ) *к*, *z*, *x* Потенбна относить приблизительно къ XIV вѣку, Соболевскій же возводитъ начало его къ XII вѣку; установленіе здѣсь хотя бы приблизительно даты едвали возможно, ибо съ одной стороны могли сохранять *кы*, *гы*, *хы* какъ наследственное правописаніе, а съ другой стороны написанія *кн*, *гн*, *хн* могутъ указывать не на мягкіе, а на средніе слоги, каковыя до сихъ поръ слышатся у малороссовъ и должны быть предположены какъ переходная ступень отъ *кы*, *гы*, *хы* къ *к'и*, *г'и*, *х'и*.

Задненѣбный проточный и безголосный звукъ *x* въ зачйнѣ является въ менѣ сильномъ видѣ нежели внутри слова и въ исходѣ: зачйнное *x* приближается къ нѣмецкому *h* ¹⁾—сравнимъ первое *x* со вторымъ въ словахъ х ѳ х ѳ т, х а х ѳ л, х'н х'н к а ѳ.

Соотвѣтственный звуку *x* голосовой звукъ *h* ²⁾ господствуетъ въ нарѣчійхъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ, а также въ Южновеликорусскомъ говорѣ (за исключеніемъ Московскаго разнорѣчія), напр. б о ѳ т, в у ѳ, б р а д (б р а т), н о в а (н а в а) и т. д. Возможно, что

¹⁾ Нѣмецкое *h*—горланное и образуется посредствомъ суженія голосовой щели.

²⁾ Насчотъ нашего обозначенія этого звука срв. стр. 7, пр. 2. См. такъ у Грота въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія“, изд. 2, по указателю, стр. 412—413.

рассматриваемый звукъ не всегда и не вездѣ одинаковъ и можетъ приближаться къ нѣмецкому h, знакомъ котораго принято передавать его въ латинской транскрипціи; но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не слышится настоящаго h, и соответственный нѣмецкій звукъ есть не h, а g въ словахъ Wage вѣсы, Bogen дуга и т. п., по сѣверно-нѣмецкому произношенію. Мгновенное *ѣ* въ рѣчи Малороссовъ, Бѣлороссовъ и Южныхъ великороссовъ является лишь какъ плодъ уподобленія звука ж слѣдующему голосовому согласнику, напр. по-малорусски *г б ѣ с у*, по-бѣлорусски *г ва р ѣ*: Малороссы и Бѣлороссы имѣютъ однако звукъ *ѣ* въ нѣкоторыхъ словахъ заимствованныхъ съ польскаго, напр. *г р у н т*, *г а н о к* (крыльцо, галерея), = польскимъ, первоначально нѣмецкимъ *grunt*, *ganek*. Для этого *ѣ* въ малорусской и бѣлорусской письменности, съ конца XIV столѣтія (Соб., Лекц., изд. 2, стр. 46, въ 1 изд. 43), употребляется сочетаніе *ж*. Въ противоположность другимъ вѣтвямъ русскаго языка, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ *ѣ мг н о в е н н о е*. Литературное произношеніе представляетъ протяжимое *ѣ* только 1) въ созвучіяхъ *гд*, *гг* и *гб*, изъ коихъ послѣднія два возникаютъ лишь въ соединеніяхъ съ предлогомъ *къ*: *ка в д ѣ*, *та в д ѣ*, *ѣ на в д ѣ*, *ф ѣ с ѣ д ѣ*, *в д ѣ*, *в д ѣ м у*, *ѣ д ѣ р ѣ в у*; *в га р ѣ* ¹⁾, *в г ѣ р ѣ*; *в б р а т у*, *в б ѣ р ѣ г у* ²⁾; 2) въ словахъ *н ѣ в ѣ т ѣ*, *к ѣ в ѣ т ѣ*, *д ѣ в ѣ т ѣ*, *ѣ б ѣ в ѣ к ѣ* и *ѣ а в ѣ к*, которыя (надо полагать) приобрѣли в ѣ въ угоду другимъ своимъ формамъ, представляющимъ *ж*: *н ѣ х ѣ та*, *к ѣ х ѣ та*, *д ѣ х ѣ та*, *ѣ б х ѣ й*, *ѣ а х ѣ й*; 3) въ словахъ (*Б о ж*) *Б ѣ ва*, *Б ѣ в у* и т. д., *ба в а т ѣ й*, *б ѣ в а т ѣ р ѣ*, *уб ѣ в ѣ й*, *Б а с п ѣ т ѣ* (однако *г ѣ спа д ѣ йн*, *г ѣ спа ж а*) и *на в ѣ ѣ*. Прилагательныя *бо г а т ѣ й* и *у б о г ѣ й*, получаютъ в (первое не всегда) подѣ влияніемъ, дѣйствительно родственнаго, *Б о ж*-*Б ѣ ва*; также можно объяснять и *бо г а т ы р ѣ*, хотя это слово могли заимствовать изъ Татарскаго съ готовымъ в (*bağadır*); 4) в слышится еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ названіяхъ городовъ: *Д а н ѣ т ѣ с ѣ х*, род. *Д а н ѣ т ѣ с ѣ ва*,

¹⁾ Сравнимъ обратный порядокъ задненѣбныхъ у Бѣлороссовъ и Южно-великороссовъ.

²⁾ Слышится также *ѣ мгновенное*: д. б. по желанію произнести ближе къ письму. *Гб* посерединѣ является въ славянизмѣ *с о г б ѣ н ѣ*.

П'ѣт'ирбурх—П'ѣт'ирбуна. Это очевидно вліяніе сѣверно-нѣмецкаго выговора Dantsiŭ, Pétzsbuŭ. Бо х-Бога, Баснбѣ и на вбѣй, м. б. и уббвѣй, могутъ считаться заимствованіемъ изъ языка церковнаго, въ коемъ чтеніе г за в объясняется южно-русскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ. Настоящему церковному—староцерковному—языку естественно приписывать ѣ мгновенное, каковое господствуетъ у южныхъ славянъ—Болгаръ, Словенцевъ и Сербовъ. Есть, правда, соображеніе въ пользу протяжимости староцерковнаго г, указанное Бѣтлингомъ въ его «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ», а именно то, что переходъ при смягченіи въ ж и з (коже!, вози) роднитъ его съ х, смягчаемымъ въ ш и с (доуше!, доуси), а не съ к, дающимъ у и ц (пророуе!, пророци), соотвѣтственно чему было бы бодже, бодзи. Однако смягченіе созвучія зг въ zd (дразга лѣсь—къ драздѣ) и превращеніе сочетанія зж въ жд (иждемж вм. ижемж) доказываетъ, что первоначально г смягчался именно въ согласные дифтонги дз и дж: драздѣ и иждемж упрощены изъ *др аз дзѣ, *и ж д ж е н ж, какъ иштаднѣ изъ *ишчаднѣ. Для дифтонга дз даже существовала въ азбукѣ особая буква (смыслъ которой впрочемъ рано позабылся)—з. И въ праславянской рѣчи вѣроятно употреблялось ѣ мгновенное ¹⁾: мы уже отмѣтили, что таково южнославянское ѣ (впрочемъ областная рѣчь Словенцевъ знаетъ h вмѣсто g), таково же польское и нижнелужицкое; у Чеховъ же и у Верхнихъ лужичанъ, произносящихъ h вм. g, такой выговоръ явно вторичный, о чемъ свидѣтельствуеетъ нѣмецкая передача мѣстныхъ названій, напр. Prahа—Prag, Hradec (Опавскаго округа въ Силезіи)—Grätz, Rajhrad (Бѣрненскаго округа въ Моравіи)—Raigern; село Hodzīj и деревня Holca (въ Верхней Лужицѣ)—Göda и Golenz. Такія имена доказываютъ, что во время усвоенія ихъ Нѣмцами Чехи и Верхніе лужичане еще не имѣли звука h. Считаю однако нужнымъ оговорить, что это вовсе не доказываетъ существованіе у нихъ ѣ мгновеннаго: могло тогда слышаться, какъ переходный звукъ между g и h, ѣ

¹⁾ Однако впоследствии, въ морфологій, мы увидимъ случай въ коемъ хотѣлось бы предположить ѣ протяжимое.

проточное, которое Нѣмцамъ естественно было передавать черезъ свое g. Полагая такимъ образомъ, что стародеревенный, а также и праславянскій языкъ (но крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) представлялъ : мгновенное ¹⁾ мы склонны будемъ приписать таковой и общерусскому языку, хотя я не рѣшаюсь, вслѣдъ за Соболевскимъ, утверждать ²⁾, что до XII вѣка и въ южнорусскомъ произношеніи не существовало в: опущеніе въ скандинавскихъ именахъ звука h, напр. Алданъ изъ Halfdan, доказываетъ только, что не было звука h, а в (далеко не тождественное съ нимъ) могло существовать.

Мягкое, т. е. средненѣбное, в есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ. Поэтому в, очутившись передъ узкими гласными, и превращается по-русски въ j: мы произносимъ блага и а блájа (или а блájи); бох и а бójа (а бójи), бóji, ба jíиa; Пьтирбурх и ф Пьтирбурjа. Подобнымъ же образомъ новогреческій языкъ, представляющій проточное в, передъ узкими гласными превращаетъ его въ j: i é ò, но i é j и ò. Съ другой стороны j сродни мягкому (средненѣбному) х', къ коему относится какъ голосовой звукъ къ безголосному, что можно провѣрить на сѣвернонѣмецкомъ произношеніи, въ которомъ j попадаетъ нерѣдко въ изглашеніе или передъ безголосные созвучники и, дѣлаясь тогда по общему закону безголоснымъ, даетъ х', напр. рéjъ дороги—ед. ч. вéх', i é j и класть—прош. вр. i é х'тѣ. По-русски этого не происходитъ потому, что русскій междугласный j есть j слабый или полугласный, иначе говоря—неслоговое i. Для обозначенія этого неслоговаго i я въ своей транскрипціи пользуюсь буквою ѣ: сохраняя обычное начертаніе бо i, пишу также бó iа, бó iу, бó iъ и, бó iа (бó iи) ³⁾, ба iи, ба ióф и т. д. Сравнимъ выра-

¹⁾ За древность в высказался Потебня въ статьѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ и въ „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчій“; Колосовъ на этотъ счетъ колебался, Срезневскій приписывалъ обоимъ звукамъ одинакую древность.

²⁾ Лекціи, стр. 45 (2 изд.), въ 1 изд.—42.

³⁾ Передъ гласнымъ i этотъ звукъ особенно слабъ, на что указываетъ маленькая надстрочная буква.

женія о Богѣ и о боѣ: разница между ними только въ томъ, что первое представляетъ послѣ о сильный, настоящій ј, а второе—слабый, полугласный (неслогбвое і); таково же отношеніе между выраженьями о благѣ и облаѣ. Въ зачинѣ и послѣ согласныхъ слышится болѣе сильный ј, который однако тоже смахиваетъ на полугласный и нѣсколько различается отъ ј изъ ѣ, напр. јама, жеі, јолака, јук, сълавјя, -вјоф, -вја м¹). Ј слышится также въ началѣ нѣкоторыхъ пришлыхъ реченій, гдѣ пишется ѿ, напр. јънѣрала, јъаграф'ья: выговоръ съ г' д. б. искусственный, вызванный написаніемъ, т. е. эти слова (первое несомнѣнно, а второе по всей вѣроятности) взяты у сѣверныхъ нѣмцевъ, съ готовымъ ј. Также и собственное имя Јибрјя, Јигоръ, или Јигор могло придти отъ грековъ съ тѣмъ же звукомъ—смущаетъ меня только то обстоятельство, что Γεώργιος представляло, надо полагать, два ј, и ѣ въ формахъ Егоріа, Егоръ приходится тогда объяснять вліяніемъ другого, похожаго имени Григоріа. Притомъ русскіе, заимствуя слово съ рѣдкимъ вообще, а въ зачинѣ совсѣмъ не существующимъ сочетаніемъ ѿ, и сами могли замѣнить его родственнымъ, вполне обычнымъ је.

Передненѣбные проточные согласники ш и ж, конемъ по звуковому впечатлѣнію присвоено названіе шипящихъ, имѣютъ по-русски ту особенность, что мало способны къ умягченію: кромѣ прописаннаго въ таблицѣ здѣшнѣй, я на мягкое ш могу привести лишь немногіе примѣры: вѣшнѣй, тшнѣрѣшнѣа, грѣшнѣк, -ьтса, насмѣшнѣк, -ьтса, нѣканѣшнѣк,

¹) Нѣсколько подробнѣе говорится о ј въ моей статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи“, Р. Ф. В., т. V, стр. 358—362, къ которой я впрочемъ впоследствии счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку, въ разборѣ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина“, Ж. М. Н. Пр. 1890, іюль, стр. 177, пр. 1. Срв. также замѣчанія О. Евг. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Arch. f. slav. Phil., B. III“—поправки къ статьѣ акад. Грота „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen“, въ томъ же томѣ, которая по-русски озаглавлена „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“ и болѣе раннія наблюденія Каткова: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“, Москва 1845, стр. 88—89.

г р ѣ ш ѣ в ѣ а (к а ш а), в ѣ ш ѣ а, гдѣ ш также стоитъ передъ ѣ, а передъ собой имѣетъ узкій гласный; примѣры на ж: в ѣ ж ѣ в ѣ ѣ, -в ѣ с ѣ, п р ѣ ж ѣ и, ѣ и в ѣ ж ѣ и, а д ѣ ж ѣ и, на-. Въ словахъ съ предшествующимъ широкимъ гласнымъ, какъ б а ш ѣ а, п а ш ѣ а, ш звучитъ уже нѣсколько тверже. Кромѣ того даже сочетаніе ш ѣ слышится не у всѣхъ: произносятъ также з ѣ д ѣ ш ѣ ѣ, в ѣ ш ѣ ѣ, і ш и ѣ р ѣ ш ѣ а, также п р ѣ ж ѣ ѣ ѣ, п р ѣ ж ѣ и. Твердость ш и ж явление вторичное, о чемъ рѣчь будетъ ниже ¹⁾.—Передненѣбный дрожащій р проявляетъ нѣкоторую склонность къ отвердѣнію: у Бѣлорусовъ и у многихъ изъ западныхъ малороссовъ онъ вообще отвердѣлъ, а въ великорусской (даже литературной) рѣчи весьма обыченъ слогъ р ѣ вм. р ѣ, напр. с к р ѣ п ²⁾.

Относительно зубныхъ (верхнечелюстныхъ) звуковъ слѣдуетъ оговорить, что мой средніе ш и л не совсѣмъ заслуживаютъ этого названія и мало разнятся отъ твердыхъ.

Изъ зубно-губныхъ вызываетъ на нѣкоторое замѣчаніе безголосный ф. Принято говорить, что это не русскій и вообще не славянскій звукъ. Дѣйствительно, праславянская рѣчь не знала этого звука, но новославянскіе языки вовсе его не чуждаются. Помимо нѣкоторыхъ вполне обрусѣвшихъ, хотя и пришлыхъ реченій, въ родѣ ф ѣ и ѣ и п, ф ѣ д ѣ р, л а ф ѣ а, ф у т, ф у н т, звукъ этотъ весьма часто замѣняетъ соответственный голосовой в (сохраняемый на письмѣ), что по общему закону происходитъ въ изглаголеніи и передъ безголосными согласными, напр. л о ф, п р а ф, ж ѣ ф, к р а с ѣ ф, г ѣ ѣ ф, п р а ф ѣ!, л ѣ ф к а, л а ф к а, с ѣ ф к а, п р а ф ѣ т ѣ! и т. п. Въ областной рѣчи ф нерѣдко происходитъ изъ слиянія двухъ звуковъ ш и в, напр. въ галицкомъ ф а і ѣ т ѣ. (Объ этомъ ниже будетъ сказано нѣсколько подробнѣе). Звукъ ф въ словахъ заимствованныхъ у грековъ замѣняетъ не только ф, но и ѣ, напр. ф ѣ д ѣ р Θεόδωρος, а н а ф ѣ м а ἀνάθεμα, ѣ и ф ѣ р αἰθήρ, что основано на новогреческомъ (очевидно уже и византійскомъ, отчасти м. б. и еще болѣе древнемъ) произношеніи ѣ какъ англійское th

¹⁾ И объ „удвоенныхъ“ ш и ж' будетъ сказано впоследствии.

²⁾ Карскій, Обзоръ 58—59; Соболевскій Лекціи 97, 2 изд. 122; мой Разборъ Этим. слов. Микл., Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 28, пр. 3.

въ thing вещь, т. е. какъ звукъ средній между *c* и *ф*. Смѣшеніе тождественныхъ для русскаго *ф* и *θ* встрѣчается съ первыхъ памятниковъ русской письменности. Соболевскій (Лекціи, стр. 47, въ 1 изд.—44) приводитъ, въ числѣ другихъ примѣровъ, *сальнѣръмъ* и *амьфрлкъсъ* (греч. *σαλφειρος* и *ἀμφραξ*) изъ Святославова Изборника 1073 г., л. 104 и 121 об.

Въ нашу таблицу согласныхъ не вошли *ц*, *ч* и *щ*, потому что это не простые звуки, а созвучія, содержація (какъ указано уже выше, стр. 3 и 9, и согласно чему дѣлалась транскрипція) въ тѣсномъ сліяніи элементы *т*, *с* и *ш*: *ц* = *т* + *с*, *ч* = *т* + *ш*, *щ* = *ш* + *т* + *ш*. Вслѣдствіе очевиднаго сходства съ *с* и съ *ш* звукъ *ц* относятся къ свистящимъ, а *ч* и *щ*—къ шипящимъ. Что *щ* не простой звукъ, признается всѣми, но многіе отрицаютъ это для *ц* и *ч*. Даже Я. К. Гротъ, который въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донинѣ ¹⁾», совершенно основательно самъ доказывалъ сложность *ц* и *ч* тѣмъ, что при попыткѣ протянуть эти звуки, они слышатся только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращаются въ *С* (ЦССС... т. е. ТСССС...) и въ *Ш* (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...), и повторилъ это доказательство въ «Русскомъ правописаніи», § 14, тѣмъ не менѣе утверждаетъ въ послѣднемъ трудѣ, что *ц* и *ч* «производятся каждый одной артикуляціей языка» и прибавляетъ, будтобы для того «чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ языкѣ *ч* не сложный, а одинъ цѣльный звукъ, стоитъ только сравнить произношеніе нашего *кучеръ* съ нѣмецкимъ *Kutscher*». Подобнымъ же образомъ Потебня говоритъ, что «было бы поразительно услышать *на рѣтсѣ* или *на рѣтсі* вм. *на рѣцѣ*, *на рѣці*» и что «с русской точки зрѣнія произношеніе напр. *метшу* вм. *мечу*, *мечю*... очень далеко отъ дѣйствительности»; притомъ де «сочетаніе *т-ш* тоже встрѣчается» ²⁾—какъ примѣръ на него приводится «польское *ти* изъ *trz: trzeba*». Разница между противопологаемыми Гротомъ и Потебней случаями дѣйствительно существуетъ, но по моему вовсе не состоитъ въ цѣльности здѣсь, и раздвоенности тамъ, а

¹⁾ Филологическія разысканія. Изд. 2, т. II, стр. 17.

²⁾ К исторіи звуковъ русскаго языка, ч. II, стр. 38 и 45 (Р. Ф. В., т. II, стр. 2 и 207).

Ч есть $m + ш$ среднее, или же $m' + ш'$, напр. $\acute{c} \acute{h} \acute{e} \acute{s} \acute{t}$ или $\acute{c} \acute{h} \acute{e} \acute{s} \acute{t}$, $н \acute{o} \acute{t} \acute{ш}$ или $н \acute{o} \acute{t} \acute{щ}$, во всякомъ случаѣ оба элемента мягки при послѣдующемъ мягкомъ согласникѣ, напр. $н \acute{a} \acute{i} \acute{ш} \acute{n} \acute{i}$, $\acute{n} \acute{e} \acute{t} \acute{ш} \acute{k} \acute{i}$. Тѣмъ, что ч обыкновенно состоитъ изъ m мягкаго и $ш$ средняго объясняется на первый взглядъ весьма странное явленіе, что ч суживаетъ предшествующіе гласные, но слѣдующее за нимъ $ш$ — расширяетъ: срв. $\acute{m} \acute{e} \acute{t} \acute{ш}$ и $\acute{m} \acute{i} \acute{t} \acute{ш} \acute{i}$, $\acute{n} \acute{e} \acute{t} \acute{ш}$ и $н \acute{z} \acute{n} \acute{i} \acute{t} \acute{ш} \acute{i}$. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить новымъ доказательствомъ сложности ч.

Трехзвучіе $щ$ въ первыхъ двухъ элементахъ мягкое, а въ третьемъ — среднее, или же мягкое во всѣхъ трехъ: $\acute{c} \acute{h} \acute{e} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш}$, $р \acute{o} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш} \acute{a}$, $\acute{i} \acute{n} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш} \acute{y}$ или $\acute{c} \acute{h} \acute{e} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш}$, $р \acute{o} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш} \acute{a}$, $\acute{i} \acute{n} \acute{ш} \acute{t} \acute{ш} \acute{y}$. Вмѣсто $шшш$ слышится также мягкое, протяжное $ш$: $\acute{i} \acute{n} \acute{ш} \acute{ш} \acute{y}$, $\acute{i} \acute{n} \acute{ш} \acute{ш} \acute{o}$; таково московское произношеніе, которое я однако затрудняюсь назвать вмѣстѣ съ тѣмъ «великорусско-литературнымъ» (Соб., Очерки изъ исторіи русскаго языка I, 110). Это $шш$ естественно выводитъ изъ $\acute{ш} \acute{t} \acute{ш}$ просто черезъ опущеніе средняго элемента, а не путемъ какой-то «ассимиляціи» (Соб. Лекціи по ист. русск. яз., 94, во 2 изд.—119); также «сѣв.-великор. $ш \acute{t} \acute{ю} \acute{k} \acute{a} = \acute{щ} \acute{у} \acute{k} \acute{a}$, $е \acute{ш} \acute{t} \acute{e} =$ еще и т. п.), являющіяся «спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи», я объясняю опущеніемъ послѣдняго элемента.

Шипяціе и $щ$ въ старорусскомъ, какъ принимаютъ всѣ изслѣдователи, на основаніи господствующихъ въ старѣйшихъ памятникахъ написаній въ родѣ $шм$, $шд$, $шю$, всегда были мягки. По Колосову отвердѣніе ихъ, начавшись не позже XII вѣка, къ XV-му завершилось. Но, какъ отмѣтилъ уже Потѣбня, въ Запѣткахъ по историч. грамм. рус. яз., это излишнее обобщеніе, т. е. мягкость

встрѣчается еще кое-гдѣ: изъ сѣверныхъ великороссовъ у Ситкарей (на рѣкѣ Сити, Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи), а изъ малороссовъ у Заблудовцевъ (Заблудовье — Бѣлостокій и отчасти Бѣльскій уѣздъ Гродненской губ.) и у нѣкоторыхъ угорскихъ русиновъ, въ Шарошпотацкомъ комитатѣ (Семеновичъ въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго).

и донинѣ кое-гдѣ сохраняется, о чемъ можно справиться у Потѣбни (О звуковыхъ особенностяхъ, 10 в, г) и у самого Колосова, въ его позднѣйшемъ трудѣ, Обзорѣ. Съ другой стороны болѣе ранніе примѣры твердости шипящихъ (Очеркъ, стр. 80): *ловнѣца*, *вѣцѣ* и т. п. могутъ быть просто написаніями на церковный ладъ, и достовѣрны лишь тѣ случая, въ коихъ являются сочетанія *жы*, *шы*, *чы*, а такіе примѣры встрѣчаются только съ XIV-го вѣка (Соб. Лекціи, 93; 2 изд. 118).

Чередованіе звуковъ.

Окончивъ обзоръ отдѣльныхъ звуковъ, обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются при производствѣ и при измѣненіи словъ—здѣсь придется говорить и о гласныхъ и о согласныхъ звукахъ, но преимущественно о послѣднихъ. Чередованіе звуковъ бываетъ двухъ родовъ, изъ коихъ я для одного сохраняю обыкновенное названіе звукового *перехода*, а другой называю звуковой *подстановкой*. О переходѣ можно говорить напр. въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. ч. в о т вм. в о д, т. е. превращеніе конечнаго *d* въ *t* составляетъ для насъ органическую потребность, на столько, что, не наломавъ языка на иностранный ладъ, мы и французское *mode* вм. м о d произнесемъ м о т; таково же чередованіе *â* съ *e* (срв. выше, стр. 6—8). Примѣромъ подстановки можетъ служить хоть слово *я́блѣка* рядомъ съ *я́вля́*: чередованіе здѣсь *e* и *o* происходитъ по преданію, т. е. звуковыя законы современной рѣчи исполнѣ допускаютъ выговоръ *я́вля́ка* (конечно, не *я́элка*), или же *я́оля́*—срв. *вѣсѣльнѣкъ* и *ѣ*. Другой примѣръ подстановки: слово *сѣжѣнѣѣ* могло бы не мѣнять *d* на *ж*—сѣдѣнѣѣ столь же возможно, какъ дѣйствительно существующее *кредѣнѣѣ*, и лишь въ силу привычки удерживается *ж* ¹⁾.

¹⁾ Необходимость историческаго взгляда на звуковую мѣну отчетливо выставлена Колосовымъ въ его „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. (По поводу 3-го изданія Исторической Грамматики Буслаева и 1-го тома Сравнительной Грамматики Шерцля)“, Фил. Зап., 1872, вып. IV. Подробнѣе толкуетъ объ этомъ Бодуэнъ-де-Куртене. „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной фонетики славянскихъ языковъ“. Р. Ф. В.,

Различая звуковую подстановку отъ перехода, мы должны однако признать, что въ основѣ своей это одно и тоже явленіе; подстановка обуславливается прежними звуковыми законами и есть ничто иное, какъ заостенѣвшій переходъ: с ѹ ж е н о й напр. когда-то развилось изъ древнѣйшаго сдѣженіи путемъ перехода *дѹ* въ *ж*. Поэтому, естественно, нельзя провести точной границы между подстановкой и переходомъ. Такъ переходъ звука *к* передъ узкими гласными въ *ц* и въ *ч*, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, несомнѣнно совершился еще въ праславянскомъ, и староцерковная мѣна звуковъ въ родѣ *ржа*, въ *ржицѣ*, *ржумъ* представляетъ не переходъ, а подстановку, но это чередованіе такое живое, такъ послѣдовательно выдерживается, что мы погрѣшимъ несущественно, если назовемъ его переходомъ.

Какъ съ одной стороны бывають живыя чередованія, такъ съ другой стороны бывають устарѣвшія, законы которыхъ совершенно вышли изъ сознанія, а иногда даже не поддаются научному объясненію. Такія чередованія нерѣдко устраняются путемъ подравненія. Напр. глаголь *хотѣть* первоначально представлялъ *о* только въ настоящихъ формахъ, а въ инфинитивныхъ являлся *з*, но въ русскомъ языкѣ *о* проведено по всѣмъ формамъ. Уже въ староцерковномъ рядомъ съ *хѣтити* встрѣчается *хотѣти*, а иногда также наоборотъ въ настоящемъ—*хѣтити* ви. обыкновеннаго *хотѣти*. Такимъ образомъ при подобной подравкѣ новая огласовка можетъ вовсе вытѣснить старую, или же употребляться съ нею рядомъ. Случается, что съ уцѣлѣвшею древней огласовкой соединяется нѣкоторый оттѣнокъ значенія: слово *мѡшка* напр. есть ничто иное, какъ уменьшительное къ *мѹха*, т. к. равно поль. *meszka* (*рснѣ ziemпа*), сродни со староцерк. *мѣшица* и предполагаетъ основное *мѣшка*, срв. чередованіе *у* съ *о* въ прилаг. *сухоѹ*—*соухѹ* и въ глаголѣ *сѡхнуть*—*сѡхнѹти*; однако теперъ какъ уменьшительное употребляется переименованное *мѹшка* ¹⁾, а *мѡшка* стало

т. V (1881 г.)—статья впрочемъ неудобная для чтенія, между прочимъ вслѣдствіе цѣлаго ряда новыхъ латинскихъ терминовъ; то же неудобство представляетъ статья Крушевскаго „Къ вопросу о гунѣ“, тамъ же.

¹⁾ Приводимое въ словарѣ II-го Отдѣленія и у Даля *мѡха* (изъ употребленія мѣтѣ неизвѣстное) представляетъ обратное примѣненіе.

обозначать другое насѣкомое. При значительномъ измѣненіи звуковъ и смысла связь между разновидностями одного и того же корня можетъ совершенно порваться: такъ б д-і т е л ь н ы й, б у д-і т ь и с о-б л ю д-а т ь съ русской точки зрѣнія содержать три различныхъ корня, хотя первоначально бѣд, бѣд и мѣд, т. е. древнѣйшія bhudh, bhoudh и bheudh, были разновидностями одного. Иной разъ сохранившееся чередованіе, поступивши такъ сказать на службу производства, распространяется за свои первоначальные предѣлы: такой случай представляютъ наши глаголы на-и в а т ь, -и в а т ь, при образованіи которыхъ коренное о замѣняется черезъ а—по примѣру наследственнаго соотношенія х б д и т и п о х а ж и в а е т, с п о б р и т и о с п а р и в а е т ¹⁾ развились 1) замѣна черезъ а второго о въ полногласіи: п о в о р о т и т — п о в о р а ч и в а е т, к о л о т и т — в ы к о л а ч и в а е т, п о л о щ е т — в ы п о л а с к и в а е т и 2) замѣна имъ прояснившася ъ: к о б р и т — о т к а р м л и в а е т; а вм. такого о представляютъ также глаголы р а з б а л т ы в а т ь, п о м а л к и в а т ь, о т т а л к и в а т ь р я д о м ь с ь б о л т а т ь, м о л ч а т ь, т о л к а т ь, содержащіе о на письмѣ и при окальскомъ произношеніи. Своеобразенъ глаголь з а п о д а в р и в а т ь, при заподобзрѣть, гдѣ превратился въ да (правда, не сознаваемый ясно) предлогъ до.

Въ области согласныхъ, можно сказать, самый замѣчательный случай подстановки есть такъ называемое смягченіе, т. е. замѣна задненѣбныхъ: к черезъ ц, ч; г—черезъ з, ж; х—черезъ с, ш; замѣна зубныхъ т и д черезъ ч и ж; замѣна губныхъ п, б, м, в черезъ пл', бл', мл', вл'. Терминъ «смягченіе» мы вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ, должны признать неудачнымъ, т. к. звуки получаемые при упомянутомъ превращеніи въ настоящее время могутъ и не быть мягкими; но, за незнаніемъ лучшаго, я пользуюсь имъ какъ терминомъ условнымъ; при чемъ отличаю отъ него у м я г ч е н і е (терминъ Гротовскій): «смягченіе» у меня то же, что «переходное» смягченіе Срезневскаго, умягченіе—что «непереходное, непосредственное» т. е. напр. замѣна к черезъ к', т черезъ т'. Умягче-

¹⁾ Привожу примѣры въ настоящемъ времени, т. е. въ инфинитивѣ древнее соотношеніе нерѣдко скрашивается аканьемъ.

ніе заслуживаетъ названіе перехода: образуя напр. мѣстный падежъ къ недавно заимствованному слову телефóн, мы въ немъ невольно превращаемъ твердый *н* въ мягкій—а *тѣ* и *фóнѣ* (-и). Напротивъ того «смягченіе» представляетъ звуковую подстановку, и неправильно говорить, будто «русскій языкъ смягчаетъ» напр. *ки* въ *чи*; другой примѣръ на смягченіе уже приведенъ выше, какъ образчикъ подстановки. Смягченіе несомнѣнно явленіе древнее: превращеніе *к*, *г*, *х* передъ *й* и узкими гласными въ шипящіе, а передъ однимъ изъ такихъ гласныхъ, дифтонговымъ *ь*¹⁾ и замѣняющіиъ дифтонговымъ *и*—*и*, въ свистящіе, которое повторяется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и притомъ господствуетъ съ большею строгостью въ болѣе ранніе періоды, совершилось уже на праславянской почвѣ. Вѣроятно у Праславянъ же произошло и смягченіе мгновенныхъ зубныхъ передъ *й*, которое, хотя и въ различномъ видѣ, свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ—причемъ всѣ измѣненія древнихъ *tj* и *dj* (кромѣ болгарско-староцерковныхъ *шт* и *жд*, представляющихъ затрудненіе и при другихъ толкованіяхъ) съ удобствомъ выводятся изъ *тѣ* и *дѣ*, напр. *свѣтѣ* и *мѣ* *зѣ* *а*, которыя я считаю праславянскими. См. мою замѣтку «Два слова о смягченіи *т* и *д*». Грамм. зам., I, 74—Р. Ф. В., т. VII, стр. 278. Смягченіе губныхъ, если не праславянское (я не прочь допустить, что сѣверозападное *зѣ* *мѣ* *а*—польск. *ziemia*, чешск. *země*—такое же вторичное измѣненіе древнѣйшаго *зѣ* *мѣ* *а*, какъ болг. *земѣ*), то общее юговосточное.

Относительно *tj* и *dj* замѣчу еще, что между превращеніемъ перваго въ согласный дифтонгъ *ч*, а втораго въ *ж* замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, аналогію къ которому можно указать въ чешскомъ языкѣ: *свѣчѣ* по-чешски *svíce*, *межѣ*—*meze*. Чешское *z*, по свидѣтельству польскаго языка, а также словацкаго нарѣчія, представляющихъ выговоръ *miedza*, *medza* есть упрощеніе болѣе ранняго *dz*, соотвѣтственно коему и русское *ж* надо возводить къ *дж*. Однако упрощеніе *дж* произошло еще въ до-

¹⁾ Дифтонговымъ *ь*—*ь* произошедшій изъ дифтонга *oi*. Срв. мою статью О звуковомъ значеніи *ь*. Грамм. зам., т. I, стр. 44, въ 1 изд. 42—Р. Ф. В., т. VI, стр. 12.

историческую пору, т. е. уже старѣйшіе памятники русскаго письма, съ Остромировымъ евангеліемъ во главѣ, представляютъ смягченіе *д* въ *ж*. Употребительное въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *дж* (напр. галиція *х о д ж у*, *р а д ж у*, *с а д ж е н и й* рядомъ съ *м е ж е*, *ч у ж и й*) естественно объяснять подобно великорусскому *жд* (по-скольку оно народное, напр. въ словѣ *у р о ж д а й* р. съ *у р о ж а й*) позднѣйшимъ восстановленіемъ *д* въ угоду не смягчавшимъ его формамъ, какъ *х о д и т и*; тѣмъ болѣе, что это *дж* извѣстно по памятникамъ лишь съ XVII в. (Соб., Лекція 126). Однако исключительное господство *дж* изъ *дж* въ Карпатскомъ говорѣ, напр. *м е д ж е*, *ч у д ж и й* (Пот., О звук. особ., 39) неудобно объяснять, вслѣдъ за Соболевскимъ, подражаніемъ возникшему у другихъ словъ колебанію между *ж* и *дж*, и мы кажется должны допустить здѣсь, соглашаясь отчасти съ Потебней, сохраненіе древнѣйшаго русскаго *дж*. Слѣдуетъ отмѣтить еще неодинаковое отношеніе старѣйшихъ памятниковъ къ смягченію *т* и *д*: при весьма нерѣдкомъ *ж*, почти не встрѣчается *ч*—Колосовъ приводитъ изъ памятниковъ XI в. только чуждимъ Сб. 1073 г., чюжему Сб. 1076 г. и печерахъ тмж., а на счетъ XII-го говоритъ, что встрѣчаются хочеть Вкладн. Варл., очюжены Жит. Бор. и Гл., чюжихъ Ев. 1143 г. и еще нѣсколько, но добавляетъ, основываясь особенно на первомъ примѣрѣ, что такое смягченіе въ живомъ языкѣ было обычно. Нельзя не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, сравнительную же рѣдкость *ч* можно оправдать тѣмъ, что гораздо легче было допустить, въ угоду русскому произношенію, пропускъ одной буквы (*д*), нежели замѣну знака *щ* или *шт* черезъ *ч*.

Примѣромъ на звуковой переходъ намъ служило превращеніе конечнаго *д* въ *т*—это частное проявленіе общаго закона, что въ *исходѣ* (или, употребляя другой терминъ, въ *изглашеніи*) *голосовые согласники* становятся *безголосными*¹⁾: не только конечное *д* переходитъ въ *т*, такъ что напр. единственное число слова *р о д ы* совпадаетъ съ единственнымъ числомъ слова *р т ы* въ одной

¹⁾ Согласные очутились въ *исходѣ*, а во многихъ случаяхъ передъ другими согласными, лишь вслѣдствіе овѣмѣнія нѣкогда слѣдовавшихъ за ними *ъ* и *ь*.

фонемъ *р о т*; но также *т* превращается въ *к*, причемъ совпадаютъ слова *рогъ согни* и *рокъ fatum*; такимъ же образомъ мы произносимъ *б о х* (въ родительномъ *б ѳ в а*) ¹⁾, *в о с*, *л о ф*, *л о и*. Одинакую судьбу съ твердыми согласными имѣютъ и мягкіе: *к л а ѳ*, *ѣ н а ѳ*, *к р о ф*, *г л у ѳ*. Мягкіе *с* и *б* въ изглашеніи, кромѣ перехода въ *ф* и *н*, наравнѣ съ *н* и *ж*, склонны къ отвердѣнію и становятся средними или прямо твердыми: народная рѣчь, повидимому, лишь въ видѣ исключенія представляетъ изглашеніе на мягкой зубной (такъ въ Олонецкомъ, по Колосову, конечные губные мягки: *к р о вь*, *р у бь*, *к о р а бь*). Въ южновеликорусскомъ изъ числа согласныхъ подлежащихъ въ исходѣ обезголомшенію слѣдуетъ исключить *с*, каковой звукъ переходитъ въ полугласный (неслогбвое *у*), образуя съ предыдущими гласными дифтонги: *р о ѳ*, *п р а ѳ*, *к р а с ѳ ѳ*. Одно изъ южновеликорусскихъ разнорѣчій, путивльское, и одно изъ сѣверныхъ, яренское (Яренскъ—Вологодской губ.), говорятъ, вовсе не превращаютъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные. Конечные голосовые свойственны также Малорусской рѣчи, гдѣ мы находимъ выговоръ *р и д*, *р и в*, *н ѳ ж*, *в ѳ з*, *ш о в*, *л о б*. Однако западные малороссы согласны съ великороссами, и Головацкій въ своей Грамматикѣ, 31, предписываетъ произносить *л о и*, *х л і и*, *ч е р ф ѳ*, *д і т*, *о б л і х* (облѣг—цѣлина), *к н я с ѳ*, *с т б р о ш*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что восточные малороссы и согласные съ ними великороссы въ этомъ случаѣ вовсе не сохранили старину, а возстановили голосовые согласные изъ другихъ формъ. Остатокъ общерусскаго обезголомшенія я усматриваю въ словѣ *д о щ*, род. *д о щ а*, которое звучитъ такъ и на Украинѣ, и естественнѣй всего объясняется переходомъ старѣйшаго *д о ж д ѳ жь*—*д о ж д ѳ ж а* въ *д о ш*—*д о ж д ѳ ж а*, послѣ чего возникли, какъ новотворки къ именительному, косвенники *д о щ а*, *-ѳ* и т. д. Срв. поль. *deszcz*, род. *dżdżu* и *deszczu*.

Повсемѣстное исключеніе изъ разсматриваемаго закона представляетъ изглашеніе предлоговъ, напр. *п а д а к н ѳ м*, *а б у р а ж а ѳ* и, ² *и з у г л а ѳ*. Но это исключеніе мнимое, т. к. предлогъ не само-

¹⁾ При проточномъ выговорѣ *т* вм. него всегда получается *х*: въ южновеликорусскомъ говорѣ слышится *р о х*, *д р у х* и т. п.

стоятельное слово, а составляетъ одно цѣлое съ «управляемымъ» имъ именемъ, только по этому вѣдь и могли возникнуть безсложные предлоги *в, к и с*. Нужно сдѣлать оговорку и насчетъ изглашенія самостоятельныхъ словъ, когда за ними, безъ всякой паузы, слѣдуетъ голосовой согласный, напр. р ѡ ѡ Га ^ийтс ^ины х. Сомнительно, сохранился ли въ такихъ соединеніяхъ древній выговоръ, или же голосовые вновь возникли изъ безголосныхъ путемъ уподобленія; въ пользу второго взгляда говоритъ появленіе безголосныхъ передъ гласными и передъ согласными нейтральными: р ѡ т У х т ь м ѣ к ѣ х, р ѡ т На р ы ш ь к ѣ ны х, хотя такіе случаи могли бы представлять п о д р а ж а н і е другимъ, гдѣ т развилось фонетически.

Что касается хронологіи обезголбшенія конечныхъ согласниковъ, то Соболевскій приводитъ на него лишь единичные примѣры изъ памятниковъ XIII в. (калантъ Кормч. 1282 г., отинутъ Пс. 1296 г.), но мы можемъ за нимъ повторить, что «нѣтъ основанія думать, чтобы эта замѣна получила развитіе въ очень позднее время»: вѣдь и теперь мало-мальски грамотный не собьется въ употребленіи окончаній *бъ, дъ* и т. д.

Перейдемъ къ согласнымъ созвучіямъ (иначе говоря, къ согласнымъ сочетаніямъ или группамъ). Созвучія вообще бываютъ о д н о р о д н ы, т. е. голосовые согласники не сочетаются съ безголосными, мягкіе—съ твердыми.

Голосовые согласные передъ безголосными обезглашиваютъ ся: изъ первоначальныхъ водъка, г ж б ѣ ка, лавъка, ножъка и т. п. выходитъ в ѡ т ка, г ѹ ж ка, л а ф ка, в ѡ ж ка. Иногда безголосные звуки, вслѣдствіе подражанія, заходятъ и въ такія формы, гдѣ могли бы сохраняться голосовые, такъ слово б ѹ т е а образуетъ род. мн. б ѹ т ь к, уменьшительное б ѹ т ь ч ка и производное б ѹ т ь ш ь к, и первоначальное *д* сохраняется только на письмѣ, да иногда въ книжно-ломанномъ произношеніи. Въ народной рѣчи подобная замѣна встрѣчается и у другихъ (вѣроятно у всѣхъ) словъ этого рода; отмѣчены напр. л ѡ т о к вят., л ѡ т ы ч ка нж., перм., кур. (щигров. у.), ш ѹ п а ч ка кур., в ѡ т а ч ка кур. (щигр.), л ѡ ш е ч ка влд., п о н е м н ѡ ш е ч ку озон. Съ указанными словами можно сравнить поль. уменьшительное *kerек* отъ *ker-ѣва*. Малорусское нарѣчіе, въ восточныхъ говорахъ, не знаетъ

обезголбшенья, а произносятъ *нѣж ка, сѣи́жкѣи́и*, *розказува́ти*, *помовѣ́и*, *везѣ́и*, *ид столѣм*, но Галичане (по показаніямъ Головацкаго, § 56, стр. 29, и Осадцы, § 560) говорятъ *вѣнка, лѣшка, лѣшко, фторѣ́и*, и т. д. Малорусскіе голосовые передь безголосными я склоненъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ: слово *тескѣ* вм. ожидаемаго *тезкѣ*, кажется, представляетъ объ этомъ, хотя единичное, но вѣское свидѣтельство. Великорусскіе (а именно южные) говоры уклоняются отъ общаго закона, когда дѣло касается звука *с*, который превращается въ полугласный (неслоговое *у*), если ему предшествуетъ гласный звукъ, или въ настоящій гласный (*у* слоговое): *ла́ѣка, дѣ́ѣка—у́сѣ, удава́*. Эти явленія не вовсе чужды и сѣверно-великорусскому; у Малороссовъ же начальное *у* вм. *с* передь согласными весьма обычно, а *с* въ какомъ-нибудь *брѣвка* лишь слегка приближается къ полугласности. Срв. сказанное объ изглашеніи, стр. 126. Обезголбшеніе передь безголосными Соболевскій (стр. 98) склоненъ возводить ко второй половинѣ XIII вѣка, при чемъ указываетъ примѣры начиная съ 1307 года (*у ским и* въ Поликарповомъ ев.), а изъ смоленскаго договора 1229 г.—написаніе *ризкии*, свидѣтельствующее-де о сохраненіи въ то время голосовыхъ передь безголосными. Мнѣ однако кажется, что *жсж* никакъ не могло перейти въ *жк*, которое я считаю только хитрымъ написаніемъ вмѣсто *ск* и толкую такимъ образомъ въ пользу болѣе ранняго совпаденія древняго *жк* съ *ск*.

Безголосный звукъ передь голосовымъ звукомъ *г л о с о в ѣ е т ъ*: *сѣдати, отъ врата, кѣде, просьба, свѣтъ* являются въ видѣ *зда́т, адбра́та, ѣдѣ́, прѣ́ба, свѣ́ба*. Вслѣдствіе подражанія голосовой можетъ зайти въ такія формы, гдѣ долженъ бы сохраняться безголосный: слово *свѣ́дѣба* образуетъ род. мн. *свѣ́деб* и прилаг. *свѣ́дебный*, вм. *свѣ́теб* и *свѣ́тебный* (срв. *свѣтъ, свѣтаться*). Исключеніе составляетъ звукъ *с*, который терпитъ передь собой безголосные: *сѣ́ят, тѣ́брдѣи, кѣ́ѣква, хвост*. Въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ иные (Бодуенъ-де-Куртенѣ), происходитъ обратное уподобленіе, и являются сочетанія *сѣф, тѣф, кѣф, хѣф*,—дѣйствительно встрѣчаются, говорящіи въ пользу такого взгляда написанія *Тѣферь, Тѣхфинъ*, а у Поляковъ (однако не у всѣхъ) явственно слышатъ

ся *tfardy*, *kfiat* вм. *twardy*, *kwiat*. Не посреди́нѣ ли правда, т. е. не содержатъ ли подобныя созвучія, въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи, с смахивающей на *з* (не совсѣмъ безголосный) и *с* приближающееся къ *ф* (голосовое, но въ слабой степени)? Подобное же исключеніе представляютъ—отчасти древнія—сочетанія безголосныхъ съ *р, л, н, м*: *кр'ик*, *труп*, *ратнѣй*, *јаснѣй*, *кѣслѣй*, *утлѣй*, *затмѣт*, *васмбѣй*, въ нихъ также не то возникають безголосныя *р, л, н, м*, не то происходитъ взаимное примѣненіе. Голосовѣніе *с* передъ *м* въ такихъ словахъ какъ *Кузьма*, *Измаил*, *организм*, явленіе не русской, а греческой фонетики.—Превращеніе безголосныхъ въ голосовые происходитъ также въ концѣ словъ (не только предлоговъ, но и словъ самостоятельныхъ), если только не дѣлать послѣ нихъ паузу; мы говоримъ напр. *брѣд забѣл кнѣйгу*, *пѣб давал стѣ рублѣй*, *нѣз баѣйт*, *мѣж бѣжѣйт*, *тѣсѣб зазѣвѣнала*, *грѣв Гѣбзбургскѣй*, *прарѣв Давѣйт*, *мѣв гарѣйт*; также *брѣд Данѣйл*, *пѣб браѣйл мужыкѣ*, *нѣз зѣ баѣл*, *мѣж жѣлѣвна пѣи шѣтшѣла*, *тѣсѣб будѣт сѣнѣта*, *грѣв вѣжнѣтпѣйѣйт*, *прарѣв грамѣйл парѣкѣи* ¹⁾. Однако Богородицкій и Александровъ, въ своихъ фонетическихъ транскрипціяхъ разсказа «Ось и чека» оба пишутъ (а какъ уш) *рѣс зѣ гарѣла сѣ сѣ* ²⁾; хотя по моему въ этомъ случаѣ не можетъ быть паузы (и Богородицкій здѣсь паузы не отмѣчаетъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть созвучія *сз*. Говорю о невозможности для русскаго языка: сами по себѣ сочетанія въ родѣ *сз, нб* возможны и дѣйствительно существуютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ необходимая для такого произношенія пауза, будучи минимальною, нисколько не мѣшаетъ цѣльности словъ, какъ *лѣсзѣвѣн*, *лѣбѣиѣтѣн*, *дѣфѣвѣйѣн*; сравнимъ еще *мѣиѣтѣбѣурѣр*, *вѣйѣсѣбѣир*, *шлѣлѣбѣоѣум* и особенно своеобразное *нзѣлѣм* ³⁾, а также литовскія *шб*, *шж*, *нд* въ

¹⁾ Сочетанія *ид* и *н* (*ид* и *н*) могутъ, кажется, переходить также въ *вд* и *вг*.

²⁾ В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика (Варш. 1887), стр. 107 и 116—Р. Ф. В., т. XV, стр. 119 и 128.

³⁾ Нѣмецкая орфографія этихъ словъ: *lossagen*, *abbitten*, *aufwiegen*, *Mitbürger*, *Weiszbier*, *Schlagbaum*, *Psalm*.

iszbégu выбѣгаю, iszževejóju вылавливаю, ĩrdamas лѣзущій ¹⁾). Относительно хронологіи голосовѣнія передъ голосовыми естественно, хотя не обязательно, думать вмѣстѣ съ Соболевскимъ (Лекц. стр. 97), что оно произошло тотчасъ послѣ того, какъ безголосные—съ исчезновеніемъ *z* или *ʒ*—очутились передъ голосовыми; проявленіе этого уподобленія на письмѣ начинается съ XIII в.: *зде, нѣдѣ Жит.* Ниф. 1219 г. (тж., стр. 98).

Мягкіе согласные передъ твердыми—въ какомъ положеніи они могли очутиться, конечно, лишь по выпаденіи за ними *ь*—твердѣютъ. Напр. *к а н т с ы, б а р т с ы, з в ѣ р с к ы й, в з д ѳ р н ы й, п ѳ т н ы й* изъ основныхъ *комыци, борыци, зѣврьскыи, къздорымыи, потымыи*, гдѣ сначала, какъ слѣдъ онѣмѣвшаго *ь*, необходимо предполагать мягкость. Гротъ, когда говоритъ, что передъ наставками *н ы й ѣ с к ы й* не происходитъ умягченія у словъ на *з* и даже замѣчается у словъ на *ѣ* отвердѣніе, грѣшитъ противъ исторіи языка: въ какомъ-нибудь *п ѳ т н ы й*, не смотря на *п у ѣ*, нечего ждать мягкости вмѣсто твердости въ *п ѳ т н ы й*, т. е. русскій языкъ унаслѣдовалъ и только подвергъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ сходныя фонемы *пѣтымыи* и *потымыи*. Разницы можно бы еще ждать между такими словами какъ *м ы р с к ѳ й* и *т с ѳ р с к ы й*, ²⁾ *н с ѳ л ѳ н с к ы й* и *к ѳ н с к ы й, г ѳ р н ы й* и *б ѳ р н ы й*, т. е. мы въ праславянскомъ должны предполагать съ одной стороны *миръскыи, исполныскыи, горымыи* со средними согласными передъ *ь*, а съ другой стороны (въ виду первичницъ *цѣсарѣ, коыѣ, коуѣи*) *цѣсарьскыи, коыскыи* и *коуѣмыи*—съ мягкими; однако въ русскомъ языкѣ, гдѣ онѣмѣвшій *ь* всегда оставлялъ по себѣ мягкость, эта двойственность была сглажена. Всѣ указанные примѣры представляютъ отвердѣніе передъ твердыми зубными; передъ задненѣбными и губными мягкость сохраняется: *н ѳ ѳ ѳ ка, б а р б ѳ а, п и ѳ м ѳ* ²⁾).

¹⁾ Kurschat, Friedr. Grammatik des littauischen Sprache, Halle 1876, § 129 a.

²⁾ Срв. мои Грамм. зам., т. I, стр. 89—Р. Ф. В., т. VIII, стр. 191; срв. также польское разширеніе *e* и *ъ* въ *'o* и въ *'a* только передъ твердыми зубными (да еще передъ *r*) *sioło, las, no poqrzeb, wiek*.

Особое положеніе занимаетъ звукъ *і*, который сохраняется и передъ твердыми зубниками: не только *сѣтрѣіба*, *бѣімѣ*, *пѣіка*¹⁾, *’Оіга*, но также *сѣіскѣй*, *дѣіньй*, *застѣіньй*. Впрочемъ въ областной (сѣверновеликорусской и малорусской) рѣчи попадаетъ также отвѣрдѣніе *і*: *сѣілноі*, *болноі*, *болшѣі*, *тѣілко* и т. п.; *вѣілноі*, *бѣілноі*, *тѣілко* и т. п. (Соб., Лекц. 106). Писменное проявленіе отвердѣнія отмѣчено уже въ XIII и даже въ XII вѣкѣ: въ Галицк. ев. 1266 г. читается *снѣдзѣно*, *равзѣны*, *темзѣны*, въ Добрил. ев. 1164 г. *нивзѣныхъ*. Въ Галицк. ев. встрѣчаются также написанія *болзѣна*, *доволзѣно* (Тж., стр. 105).

Твердые согласные, очутившись (по выпаденіи *ъ*) передъ мягкими, подвергаются уподобленію и умягчаются, становясь мягкими, или средними; иногда впрочемъ умягченіе столь незначительно, что можно говорить о сохраненіи твердости. Не всѣ согласные одинаково способны умягчать другіе звуки, или сами умягчаться; кромѣ того въ этомъ дѣлѣ не мало мѣстнаго, а м. б. и личнаго разнообразія. Такъ губные и шипящіе даже передъ *і*, отъ коего прежде были отдѣлены также умягчительнымъ *ь*, имѣютъ средній выговоръ: *бѣіу*, *пѣіу*, *вѣіу*; *ружѣі*, *мышѣіак*. Впервые подмѣтившій здѣсь несогласіе произношенія съ письмомъ прот. Павскій впалъ въ преувеличеніе, усмотрѣвши здѣсь твердый выговоръ; кромѣ того онъ напрасно относилъ сюда же *ч* и *щ*. Или м. б. у него сказалось какое-нибудь областное произношеніе? По Боршу, въ нижецитируемой статьѣ, передъ *і* не умягчаются только *ш* и *ж*. У Малороссовъ и Бѣлороссовъ губные передъ *і* дѣйствительно тверды, или почти тверды. Примѣры на полное умягченіе: *васѣна* (въ *сѣна*), *надѣна* (на *дѣна*), *прудѣіт* (*продълити: рус.

¹⁾ Это слово представляетъ отступленіе отъ даваемого Гротомъ правила, что „*і* умягчается передъ всѣми наставками, кромѣ начинающихся съ *к*“, самое же правило развилось вслѣдствіе того, что передъ начальными согласными нашихъ суффиксовъ обыкновенно выпалъ *ъ*, а передъ начальнымъ *к*—*з*: *мѣілкѣй*, *кѣілкѣй*, *вѣілка*, *сѣілка* = *мѣілки*, *кѣілки*, *вѣілка*, *сѣілка*.

вдоль), з'їи́т' (*зълити); на половинное: с к'а́м (съ *кѣмь) ¹⁾, г'нѣи! (гѣини!), в'д'а (кѣде); на минимальное умягченіе: г'б'р'к'и, с'а́н'к'и, п'а́л'к'и ²⁾. Въ иныхъ словахъ д. б. не происходило выпаденія з, т. к. они образованы, или же подправлены въ сравнительно позднее время, когда уже не было особаго звука з—таковы предложныя слова с'їе́с'ї (стрцк. сѣисти), в'їа́ст-в'їа́зда, па́д'їо́м и т. п. ³⁾. Такой случай представляютъ и только что приведенныя г'б'р'к'и, с'а́н'к'и, п'а́л'к'и, т. к. зъ изъ основныхъ фонемъ гор'з'к'ы, сан'з'к'ы, пал'з'к'ы, конечно, выпалъ ранѣе, чѣмъ слогъ *кзи*, перешедши въ к'и, приобрѣлъ умягчительность. Надо полагать, что, при чисто звуковомъ развитіи, постепенное умягченіе слога *кзи* сопровождалось бы такимъ же умягченіемъ предшествующаго звука, и получился бы выговоръ г'б'р'к'и, с'а́н'к'и, п'а́л'к'и; если же *р*, *н*, *л* довольно тверды, то въ этомъ естественно видѣтъ примѣненіе къ другимъ падежамъ, какъ г'б'р'ка, -у и т. д. Такъ же я объясняю привычное мнѣ, какъ и Гроту, произношеніе д'а́ф'к'и (или, если угодно, д'е́ф'к'и: е, кажется, не очень широкое); рекомендуемое Коршемъ—д'е́ф'к'и ститаю самороднымъ ⁴⁾. Со словами нѣкогда представлявшими з не слѣдуетъ ставить на одну доску такія слова, гдѣ согласны издавна соприкасались и никогда не могло быть твердаго выговора, какъ ц'е́с'н'и (стрцк. пѣсни), в а́н'ї́н'с'т'в'н'ѣй (коньствѣнн): здѣсь уже у

¹⁾ Наша буква з въ такихъ случаяхъ не имѣетъ своего настоящаго значенія, а иногда и вполне равносильна ѣ: напр. слово а́б'ї́о́м отличается отъ слова па́б'ї́о́м только отсутствіемъ звука *н*.

²⁾ Последнее слово, вслѣдствіе весьма распространенной картавости, превращающей твердый л въ чисто-губное (т. е. не зубно-губное) в, похожее на англійское w, а послѣ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ—въ неслоговое у, такъ что получаются дифтонги оў, аў, аў, иў, ыў, можетъ и не представлять своеобразнаго л.

³⁾ Срв. мою статью „Объ устраниеніи з“, стр. 5—Р. Ф. В., т. XIV, стр. 351. Въ этой статьѣ я впрочемъ напрасно приписывалъ словамъ с'ѣ́сть и о́б'яв'ить с и б *мяк'я*.

⁴⁾ Я. К. Гротъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка (Филолог. разнск.). Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen (Arch. f. sl. Ph., B. III).

Праславянъ имѣлось нѣкоторое умягченіе (выговоръ средній), и въ Русскомъ языкѣ произошло только усиленіе мягкости. Тѣмъ менѣе можно говорить объ уподобленіи тамъ, гдѣ послѣ согласнаго выпала оставившій по себѣ мягкость ъ, напр. въ словахъ на *чи*: *мáĭťšьk*, *кóňťšьk*, *лáŗťšьk* = *малынькѣ, *коницькѣ, *ларицькѣ, также *д* въ словахъ бѣдствіе и поздній (б'ѣт'ств'ѣя, п'оз'н'ѣя), давшее въ первомъ словѣ *т*, а во второмъ выпавшее, вовсе не умягчилось путемъ уподобленія, т. к. первоначальныя формы были бѣдств'ѣе, поздн'ѣй (стрцк. *поздымъ*). Коршъ, и въ большей еще степени Гротъ недостаточно обращаютъ вниманіе на указанное обстоятельство. Гротъ иногда даже сбивается со звуковъ на буквы и ожидалъ бы умягченія въ словахъ *т'орж'ш'т'ша*, *стáръш'ѣй* передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*: здѣсь напротивъ того произошло отвердѣніе въ одномъ случаѣ мягкаго или средняго, а въ другомъ несомнѣнно мягкаго *р*—основныя фонемы *т'р'ж'ищ'е* или *т'р'ж'ищ'е* и *стáръш'ѣй* (стрцк. старшннн вин. п.).—Что до времени умягченія передъ мягкостью, то Соболевскій (Лекц., стр. 105) приводитъ на него примѣры уже изъ памятниковъ XII—XIII вѣка: *в'з'я*, *в'з'ят'и* Добр. Ев. 1164 г., *р'оп'щ'ют'ь* Псалт. 1296 г., *ал'ч'на*, *ал'ч'ющ'а* Галиц. Ев. ок. 1266 г. ¹⁾.

Шипящіе и свистящіе несочетаемы, и свистящій передъ шипящимъ самъ становится таковымъ же, вмѣстѣ съ чѣмъ, разумѣется, происходятъ также уподобленіе голосового слѣдующему безголосному или безголоснаго—голосовому: вмѣсто *см*, *зм* появляется двойное, или, лучше сказать, нѣсколько протяжное *ш*, вмѣсто *зм*, *см*—такое-же *ж*, напр. *ш'ш'ум'ъм*, *б'иш'ш'ум'у*;

¹⁾ Послѣднее слово меня нѣсколько затрудняетъ: хотя теперешній выговоръ *ал'ч'н'ѣй*, *ал'ч'ущ'ѣй* и могъ бы считаться вторичнымъ порожденіемъ орфографіи, но вѣдь мы произносимъ *мáĭťš'áť*. Приводимыя тамъ же *жáĭ'ше* и *мáĭ'ше* д. б. заимствовали мягкость у болѣе раннихъ *жáĭ'ше* и *мáĭ'ше* (вѣдь первичная сравнительная степень первоначально производится отъ корня), или же произошли изъ нихъ посредствомъ замѣны *ш*, въ угоду звуку *к* положительной степени, черезъ *ч*.

ж̣жыи́ ойу, б̣ь ж̣жыи́и; ш̣т̣ш̣е́ст̣ју, би́ ш̣т̣ш̣е́ста. (Передъ ш̣т̣ш̣и́з и с вовсе пропадаютъ: б̣и ш̣т̣ш̣и́от̣к'и; сочетанія *си* въ предложныхъ соединеніяхъ не существуетъ, т. е. говорятъ напр. са́ ш̣т̣ш̣и́от̣къ ѣ; мы однако встрѣтимся съ нимъ ниже). Впрочемъ насчетъ ж̣ж и ш̣ш изъ *зж* и *шш* слѣдуетъ сдѣлать оговорку, которая относится также къ *зз* и *сс* (напр. б̣ь з̣з а б̣от, би́ с̣с ѣлы). Въ староцерковномъ, какъ извѣстно, предлоги, которые у насъ въ отдѣльномъ написаніи кончаются на *зъ*, обыкновенно ѣ не имѣютъ и подвергаются сліянію съ согласнымъ зачиномъ соединяемаго съ ними реченія, напр. бештисльмъ, бештисла, нжденж (шт̣ и жд̣ вторичное упрощеніе ш̣тш̣ и ж̣д̣ж изъ з̣тш̣, з̣д̣ж); беслаы, безъла; бездразоула (съ переходнымъ отъ *з* къ *р* звукомъ *д*); бежнго (съ такимъ же смягченіемъ какъ мышлаж къ мысантн). Если же русскій языкъ въ такихъ случаяхъ унаслѣдовалъ *ш*, *ждж* и т. д. (соответственными написанія, кромѣ *жн*, вполне обычны въ старѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. изд-Ростова Сказ. о Бор. и Гл., по сп. XII в.), то соединеній *шш*, *зж*, *зч* въ немъ никогда не было, а произошла только попытка возстановить въ чистомъ видѣ какъ изглашеніе предлога, такъ и зачинъ соединеннаго съ нимъ слова, при чемъ возстановляемое *з* прямо стало звучать *ж*, *ш* или *с*. Первые примѣры на возстановленіе (по Соб., Лекц. 130) *р а с с у д и т и* Триодъ Монс. киевлян. XII—XIII в., 14, и *ж ъ ж е н у т ь* Ев. 1270 г., 24, *б е з з л о б ь ю* Кормч. ок. 1282 г., 458. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ подобныхъ написаніяхъ могло бы отражаться мудрствование грамотѣвъ, а не живое произношеніе.—Стремленіемъ къ раздѣльности корня и приставки я объясняю себѣ также старинную замѣну *зи*, вмѣсто *ш*, черезъ *ш̣т̣ш̣и́*, напр. *ш̣ц̣ьд̣ьше* Остр. ев. 65 г., *ш̣ц̣ьд̣ьше* 99 а, *рацине* Минея XII в., Ягичъ, 20, стрк. 2 сн. (едва ли можно сомнѣваться, что *ш̣ц̣* здѣсь трифтонгъ, а не сокращеніе вм. *шт̣*); Соболевскій, Лекц. 46, склоненъ понимать здѣсь *ш̣ц̣* какъ *ш̣'ш̣'*, что по моему весьма неправдоподобно.

Случай, гдѣ бы приходились шипящіе передъ свистящими и, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: *с̣т̣р̣и́м̣ь с̣а*,

н и с̄ о̄ с̄ а. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе ши или *шь+са д. б. дало бы шса и далѣе сса съ мягкимъ с, но здѣсь могло повліять отвердѣніе с послѣ т въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такіа сочетанія въ прилагательныхъ на ской, напр. в о л о ш с к і й, п р а ж с к і й, м у ж с к о й, п е т е р б у р г с к і й (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ и, то это только невѣрное правописаніе, срв. п е т е р б у р ж е ц ь ¹⁾)—здѣсь шс и жс, передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый с. Ч, сливаясь со слѣдующимъ с, даетъ и, что бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на ской, напр. м л а д а т с к ы й, * и г р а т с к ы й, м т с к в а р а т с к ы й=*младуьскыи, *игруьскыи, *москворуьскыи; таково же народное к у п а т с к ы й при литературномъ к у п е т ш ь с к ы й. Для оправданія двоякости окончанія атскыи и етшскыи можно сослаться на то, что ь между ч и с не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. коупуьскъ, что дало купеческ и въ именахъ на с т в о—*коупуьство, откуда купечество.

Удвоение или, лучше сказать, усиленіе согласныхъ, какое мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ только что отмѣченныхъ случаевъ, есть явленіе рѣдкое въ русскомъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ (въ староцерковномъ, а д. б. и въ праславянскомъ его вовсе не существовало). Мы нерѣдко произносимъ усиленный н въ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ: с а н н ы й, п а н н ы й, н ь п р и м а н н ы й; д а н н ы й, ж ы л а н н ы й, р ь з д и л о н н ы й и т. п. Срв. выше, стр. 101. Въ прилагательныхъ этого рода дѣйствительно имѣется соединеніе двухъ н, изъ коихъ одинъ принадлежитъ первичному имени, а второй про-

¹⁾ Дѣйствительно содержатъ сочетаніе шс=шс или жс прилагательныя та г а н р о г с к і й и к р и в о р о г с к і й, навѣрное, книжно-искусственныя, да м. б. въ живомъ употребленіи и не представляющія какофоническихъ созвучій жсш или жсш. Ужъ несомнѣнно книжное образованіе о с к с к і й произносится о̄сскыи. Л'е'йп'т'с'ь'с'кыи отъ иностраннаго Л'е'йп'т'с'ь'х и т. п. въ счетъ не идетъ.

изводственной наставкѣ: **см-ьнън, пѣн-ьнън, неспрѣ-мнн-ьнън**; причастія же не имѣютъ этимологическаго права на удвоеніе, которое появилось въ нихъ, думается мнѣ, вслѣдствіе того, что они стали чувствоваться производными отъ приглагольныхъ именъ **нааніе, еніе**, напр. **желанный** отъ **желаніе**. (Первоначальное соотношеніе, какъ извѣстно, обратное). Обособившіяся отъ глагола причастія **лужбнѣй, каѣбнѣй, пѣрданѣя** и т. п. остались безъ усиленія. Усиленные **л** представляютъ прилагательныя **гуль-лѣвый, щеголь-лѣвый**. Усиленное **с** получается при положеніи предлога **с** передъ зачиннымъ **с**: напр. **свадѣа, свѣстѣа, свѣол** не совпадаютъ съ дат. **вадѣа** и съ безпредложнымъ глаголомъ **свѣстѣ-вѣол**. Подобнымъ же образомъ при употребленіи предлоговъ **от, под** возникаютъ **тт** и **дд**: **аттѣда, ѡттѣщѣа, аддѣа, аддѣалѣа, паттѣайѣа** (срв. **потѣаѣа**, содержащее предлогъ **по**), **паттѣибрѣа, паддѣкѣвѣа, паддѣлѣнѣа** (срв. **поддѣльная бумажка** и **подѣльная плата**). Нѣсколько инымъ путемъ появилось **тѣ** въ инфинитивѣ * и **тѣи** въ древнѣйшаго **и-ти**, а именно подъ вліаніемъ настоящаго * и **дѣу**. См. Сравнит. морфол., стр. 462, пр. 2. Усиленіе звука **н** слышится въ предложномъ выраженіи **ѡнѣпѣа**; но это единичный случай, т. к. предлогъ **об** передъ **н**, какъ и вообще предъ согласными, обыкновенно является въ видѣ **о**. Въ предложныхъ соединеніяхъ замѣчаются также встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе (стр. 133) **сс, зз, шш, и жж** ¹⁾. Здѣсь прибавлю еще, что есть также усиленное **ж** мягкое, которое восходитъ къ основному **зѣ** или **зѣу**: **јѣжѣу, дажѣи, дѡжѣк, дрѡжѣи**; таково же **ш** замѣняющее, по московскому произношенію, **щ**: **гѣшѣа, пушѣу**. Усиленіе имѣетъ мѣсто также при столкновеніи **т** и **д** съ **тѣ** и **тс**: **пѣтѣшѣи** и **тѣа**, т. е. **подготовиться** чтеніемъ, не совпадаетъ съ **пѣтѣши** и **тѣа** уважать, **аттссѣи** (напр. **вагонъ**) не совпа-

¹⁾ Иное **сс** мы видѣли на стр. 101.

даетъ съ а т с ы і і т̄ (напр. домъ). Такія же <удвоенные> ч и щ, только иного происхожденія, а именно изъ т+с, т+ш, д+ш намъ встрѣтились уже на стр. 101 и 118. Въ иныхъ словахъ, какъ с а л д а̄ і т̄ ш ш ь н а, с к л а̄ т̄ т̄ ш ш ь н а, п ь р и п ь л ь о̄ т̄ т̄ ш ш ь к, п ь р и в ь о̄ т̄ т̄ ш ш ь к, к а б а̄ т̄ т̄ ш ш ь к, усиленное ч восходитъ къ сочетаніямъ *тч, дщ, чщ*: производки тутъ щ и н а, щ и к, древнѣйшія ыцнна, ыцникъ, представляющія распространеніе ыскъ; срв. б а р щ и н а при б а р с к і й, д е н ь щ ы к ь при д е н ь с к о й равныя основнымъ б о ж а р ь щ и н а, б о ж а р ь с к ь, д ь н ь щ и к ь, д ь н ь с к ь. Этимологическое написаніе разсматриваемыхъ словъ было бы поѣтому с о л д а т щ и н а, с к л а д щ и н а, п е р е п л е т щ и к ь, п е р е в о д щ и к ь, к а б а ч щ и к ь (также разнос щ и к ь, и з в о з щ и к ь): рѣшительно незачѣмъ тутъ говорить о какомъ-то переходѣ щ въ ч, а Гротовское к а б а ж щ и к ь, будто-бы перешедшее затѣмъ въ кабатчикъ, а далѣе въ к а б а т ч и к ь, есть совершенно невозможное построеніе.

Для усиленнаго выговора согласныхъ не безразлично удареніе: безударность предшествующаго гласнаго, хотя и не исключаетъ удвоенія, но не благоприятствуетъ ему. Такъ говорится д а̄ н ь ѣ, но д а н а̄, -б, -к. Также усиленный с во 2 лицѣ возвратныхъ глаголовъ, явственный послѣ ударенія, при отсутствіи его упрощается: з д а̄ л ь ѣ с а, н а д е̄ ѣ с а, с т а р а̄ ѣ с а, в ь ѣ у б ь с а. Впрочемъ тутъ можетъ быть и слышится (вообще, или же иногда) нѣкоторое усиленіе; но въ 3 лицѣ при такихъ условіяхъ положительно является обыкновенное и: сравнимъ глагольныя формы к у р и т с я, п е р е н о с и т с я, к а т и т с я, д ѣ л и т с я, с т е л е т с я и с л а в и т с я съ существительными к у р и ц а, п е р е н о с и ц а, к а р а к а т и ц а, б е з д ѣ л и ц а, м я т е л и ц а, к р а с а в и ц а—каждая пара составляетъ чистую трехсложную рифму, а первыя двѣ вполне совпадаютъ. Въ словахъ пришлыхъ мы послѣ ударенія болѣе-менѣе выдерживаемъ свойственное ихъ первообразамъ усиленіе и говоримъ к а̄ с с а, в ь ѣ л ь а, г р ь ѹ п п а, г а̄ м м а, но въ иномъ положеніи производимъ упрощеніе и говоримъ к а с ь р, г р у ь р а в а̄ т̄, также а л ь е̄ ѣ а, Р а с ь ѣ ѣ а, а б а т: удвоеніе, которое слышится таки и въ такихъ случаяхъ, звучитъ вычурно.

Впрочемъ упрощеніе не разъ происходитъ и передъ удареніемъ (видно потому, что собственно-русское усиленіе является рѣдко и всегда по этимологическимъ причинамъ, и потому въ этимологически темномъ словѣ кажется совершенно лишнимъ): говорятъ напр. пра́фа́сьр, кла́сы, ка́дѣты, ва́л. Ближайшій источникъ этихъ словъ нѣмецкія Professor, Klasse, Kadett, Wall. И въ русскихъ словахъ выражаемое на письмѣ удвоеніе не всегда соблюдается въ выговорѣ: мы произносимъ напр. ру́скъй, фра́нтсѹскъй. Обратное явленіе мы отмѣтили выше (стр. 101) въ существительномъ поручи́къ и въ нарѣчіи впроче́мъ. (Таково и прилагат. прочі́й: въ него, кажется, вносятъ окончаніе сравнительной степени -ші́й)¹⁾.

Усиленныхъ *к* и *г*, которыя попадаютъ въ пришлыхъ словахъ (Ме́кка, ква́гга), въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи не существуетъ: возникшія было въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетанія *жж* и *гг* перешли въ *ж* и *г*: ма́жкъй изъ мажъжъи, *ж* каму́ изъ жъ комоу, ла́жкъй изъ лъжъжъи; вга́ра изъ вгъ горъ. Срв. стр. 112, пр. 2; но также 129. Въ памятникахъ это явленіе за-ошвидѣтельствовано уже въ XIV столѣтіи: ма́жкы Поликарп. ев. 1307 г., Ев. 1354 г., *ж* ко́жи притчи Ев. 1354 г., *жъ* киевскіи́мъ Лавр. сп. лѣт., л. 15, стр. 13 (жтпѣ); также *г* ко́му Лавр. 159 об., 20, *г* кудеснику 119 об., 24, *г* ка́мени 130 об., 23 и т. п. естественно, вслѣдъ за Соболевскимъ (Лекц., стр. 100), читать *ж* ко́му и т. д.

Подобнымъ же образомъ, какъ передъ другимъ *к* или *г*, превращеніе *к* и *г* въ *х* и *в* происходитъ передъ *ж* и *д* (также передъ *ч*, первый элементъ котораго есть *ж*): *х* то, *х* таму́, *х* ти́ба, ла́хтши́и, ма́хтши́и, *х* тши́и му́; примѣры на вѣд см. выше, стр. 112. Однако мы произносимъ ла́кѣти́!, ла́кѣти́. *Х* то есть

¹⁾ Усиленные мягкіе созвучники (иногда Впрочемъ вторично отвердѣвшіе) представляютъ нарѣчія Малорусское и Бѣлорусское на мѣстѣ болѣе раннихъ сочетаній съ *ј*, напр. малорус. судѣ́а, коло́с'са, с'я́лау, бѣлорус. судѣ́а, ва́ло́с'са, со́лау (ближайшимъ образомъ изъ судѣ́а, ко́ло́с'ја, со́л'ју—староцерк. садни, класни, солини).

и малорусская форма; въ памятникахъ она встрѣчается съ XIV столѣтія.

Созвучія чн и шн упрощаются въ шн: ма́лошнѣй, ску́шнѣй, ка́лашнѣй, бу́льшнѣя, па́тѣсвѣ́шнѣк, кѣ́лѣшнѣтса, и т. п., ава́шнѣй (о́въ шѣ́ши^ч), то́шна (то́шѣ́шѣй=тъшты, та́ска́=*тъска). Въ словѣ па́мошнѣк ш д. б. произошло изъ ч, и написаніе черезъ ш слѣдуетъ признать славянизмомъ. Упрощеніе чн въ шн общерусское: по малорусски напр. серде́шний, немо́шній, па́сішник, по-бѣлорусски па́мошник, ску́шна, ру́шнѣк. Примѣры въ письменности указываютъ съ конца XIV или съ начала XV в. (Соб., Лекц. 100). Однако существуетъ также созвучіе чн, появленіе котораго въ иныхъ случаяхъ можно оправдать книжнымъ характеромъ слова: бра́чный, зла́чный, млечный, мра́чный, прозра́чный, ал́чный, первѣ́чный, втори́чный, трети́чный (м. б. сюда позволительно отнести также прилагательныя вѣ́чный, побѣ́чный, порѣ́чный), въ другихъ случаяхъ можно сослаться на охранное или же возстановительное вліяніе родственныхъ формъ: начну́ (начáть), качну́ (качáю), отлич́ный, при- (отлич́ить), обы́чный (обѣ́чай), встрѣ́чный (встрѣ́ча), неразлу́чный (разлу́чать), то́чный (то́чь въ то́чь), вью́чный (навѣ́ючить), зву́чный (звѣ́учать), запѣ́чный (печь), безпѣ́чный (не печѣ́тся), проч́ный (упрѣ́чить). Есть однако случаи, для которыхъ я не вижу объясненія: попере́чный, со́чный, туч́ный, сроч́ный, урѣ́чный, конѣ́чно (рядомъ съ конѣ́шно), истѣ́чникъ. Впрочемъ можно думать, что здѣсь имѣется, въ родѣ того какъ въ первомъ рядѣ словъ, вліяніе письма на произношеніе. Народное произношеніе послѣдовательнѣе литературнаго (не знаю однако вполне ли послѣдовательно): слышится такъ то́шна, сѣ́рдѣ́шнѣй, исто́шник (отмѣчено Колосовымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губ.) и даже запѣ́шнѣй и вѣ́шнѣй туль. Р. Ф. В., X, 31).

Зачинное созвучіе чт упрощается въ шт въ мѣстоименія што: написаніе што отмѣчено уже въ Добриловомъ ев. 1164 г. и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII в. (Соб., Лекц. 99, Р. Ф. В., XV, 9, п. 3). Но чтить, чтець; также между гласными: мечта́, ма́чта,

пóчта. Однако въ народной рѣчи поштѣнне, поштѣнный. Написанье поштенне приведено выше, стр. 49.

Хв въ народной рѣчи иногда сливается въ одинъ звукъ *ф*, средній между *х* и *с*: отъ перваго идетъ безголосность, отъ второго—зубногубное образованіе. Такое превращеніе произошло у галицкихъ малороссовъ (фѣст, фатѣти, фалѣти, фброст) и кое у какихъ великороссовъ: фост, фатать, фброст Туль. губ., туль. у. (Р. Ф. В., X, 29), «побальбами всѣ побальются... кто чѣмъ... фастаетъ» Он. был., 387. Что до хронологіи, то самый ранній примѣръ на *ф* вм. *хв* изъ приводимыхъ Соболевскимъ (Лекц., 125) есть лифою въ Ев. 1399 г. Болѣе ранніе примѣры (XIII в.) имѣются на смѣшеніе въ пришлыхъ словахъ *ф* и *х*—*х*, рядомъ съ *хв*, стало обычной замѣной иностраннаго *ф* у Малороссовъ: Хома, Хівря (Хавронья, Февронія), Хвѣдір, Хвиліп.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые случаи выпаденія согласныхъ. Изъ созвучій *стн*, *здн* выпадаютъ *т* и *д* (сохраняемые однако на письмѣ): страснѣй, тшаснѣй, груснѣй и т. д., празнѣй (празднѣи), бзна, пзна ¹⁾. Примѣры на *сн* вм. *стн*, по Соболевскому (Лекц. 102 и 103) восходятъ къ XIV в. ²⁾ Выше (стр. 49) мы видѣли гораздо старѣйшій, но зато сомнительный примѣръ.—*Стл* превращается въ *сл*: *сла* [†]=*стлмтн* совпадаетъ со *сла* [†]=*сълмтн*; есть ли даетъ если. Такимъ же образомъ, надо полагать, развились *масло*, *ясли*, *число*, изъ *мастло*, *ястли*, *чистло*,=*мазтло*, *ядтли*, *читтло*—только это произошло не на русской почвѣ, а на праславянской.—Средній звукъ опускается также изъ группы *стк*, все равно восходитъ ли она къ *стк* или къ *здк*: *ниваска*, *паваска*, [†]*ниваска*, *маскѣ*; *барбска*, *паяска*.—Здб изъ стб, стб даю зб въ словѣ [†]*изба*=*истьба*, уменьш. *истьбъка* (истокѣ въ Лавр. сп. лѣт., 150 б, стр. 4 сн., 151 а, 6 и 8 св.): современное уменьш.

¹⁾ Употребляемое также, хотя и не появившее въ письменный языкъ *пзда* не представляетъ выпаденія *н*, а должно быть приводимо въ связь со староцерковнымъ *пзда*.

²⁾ У Соболевскаго въ указанномъ мѣстѣ приводится еще нѣсколько единичныхъ случаевъ выпаденія согласныхъ.

избѣка и поль. izdebka подправлены въ угоду первичницѣ избѣ. Мимоходомъ отмѣтимъ, что ходячая этимологія «изба отъ топить» совершенно невозможна. То же звуковое явленіе какъ изба представляетъ гозьбѣ пиръ олон. (Жол., Замѣтки, 201), приводимое и Далемъ, какъ новгородское, въ этимологическомъ написаніи гостьбѣ. Срв. серб. гѣзба, болг. гѣзба.

Выпаденіе передъ *н* смычныхъ согласныхъ *з, к, б, п, д* и *т* у эновыхъ глаголовъ—дѣи́нутъ, тѣснутъ, зѣи́нутъ, утану́тъ, кѣи́нутъ, вѣрнутъ и т. п., я склоненъ считать не русскимъ, а праславянскимъ явленіемъ, объясняя выговоръ лянѣнутъ, погѣбнутъ, староцерк. дѣи҃жти и т. д. вторичнымъ, хотя бы и раннимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ, сохранявшихъ *з, б* и т. д. (лягѣтъ, погѣбѣтъ, дѣи҃гль и др.). Срв. однако Лекціи Соб., стр. 31, п. 2.

Несомнѣнно праславянскимъ должно считаться опущеніе *е* послѣ *б*, при сочетаніи предлога *об* со словомъ начинающимся съ *е*: обѣлако, оболѣчка, обѣод, противорѣчіе которыхъ такимъ словамъ, какъ обвѣд, обвѣтъ, обвѣситъ, легко объясняется тѣмъ, что утрата *е* произошла у Праславянъ (срв. староцерк. обѣамъ, обѣити, обѣсити, серб. обѣак, чеш. oblak, поль. obłok и т. п.), а Русскіе (также другіе славяне) въ словахъ этимологически ясныхъ возстановили *е* и во вновь образуемыхъ не выбрасывали его.

Противуположная выпаденію вставка—явленіе рѣдкое. Наиболѣе обычно *т* какъ посредствующее звено между *с* и *р*, но и оно по литературному произношенію присвоено одному глаголу встрѣтитъ и родственнымъ встрѣчать, встрѣча, встрѣчный; въ народной рѣчи весьма обычны еще *страмъ* и *стражаться*, -женіе. О вставкѣ гласныхъ звуковъ (*о* и *е* и ихъ вторичныхъ видоизмѣненій) уже упомянуто ранѣе и придется еще говорить при обзорѣ склоненій.

Отпаденію подвергается звукъ *л* съ предшествующимъ созвучникомъ. Случай къ тому представляется 1) въ мужескомъ родѣ прошедшаго времени (элеваго причастія): нѣос, вѣос, нѣок, стѣирѣк, пагѣп, ұмьр—староцерк. несль, кезль, пекль, стрѣгль, погыль, оцѣрьль. Особое положеніе корней на *т, д, у* коихъ исчезаютъ эти звуки, а *л* сохраняется (пѣол, вѣол) обусловлено тѣмъ,

что *т* и *д* передъ *л* выпали въ юговосточной славянщинѣ, или м. б. даже въ праславянщинѣ, и русский языкъ унаслѣдовалъ тождественныя со староцерковными фонемы *плель*, *велъ* ¹⁾. 2) Отпаденіе *л*, а именно *л* мягкаго, замѣчается въ существительныхъ мужескаго рода на *бль*, *кль*, *мль*: *кара́й* или *кара́п*, *руй* (*руп*), *кре́й* (*кря́м*). Въ этихъ случаяхъ однако *й* иногда сохраняется (но, кажется, лишь у людей книжныхъ, подъ вліяніемъ письма), при чемъ становится безголоснымъ: *кара́йй*, *руйй*, *жура́фй*, *кре́йй*. Подобнымъ же образомъ возникаетъ въ исходѣ безголосный *р*: *та́а*тр, *смотр*, *П'отр*, *А́а*ксáнтр. По другому книжному произношенію: *та́а*тър, *смотър*, *П'отър*, *А́а*и́ксáндър, съ *зр* или м. б. правильнѣе сказать со слоговымъ *р*; народъ же въ подобныхъ словахъ, по скольку ихъ употребляетъ (едвали напр. простолюдинъ скажетъ «онъ подль» или «онъ мудръ»), мѣняетъ окончанія, говоря съ одной стороны *тйа́тър* (*кйа́тър*), какъ *вѣтър*, а съ другой—*П'отра*, *Л'иксáндра*.

Отпадаетъ, или же становится слоговымъ также звукъ *н* съ предшествующимъ *з*: *сабл́ас* или *сабл́авън*, *ка́с* или *ка́зьн*. Пришлое окончаніе *изм* звучитъ обыкновенно *изъм*; простолюдины, кажется, превращаютъ его въ *изма*: *рѣвма́тй́зма*. Искусственное произношеніе допускаетъ въ такихъ случаяхъ *н* и *м* безголосныя.

Въ областной рѣчи нерѣдко отпаденіе конечнаго *т* послѣ *с*: *хрос*, *пб́ъс*, *го́с* вм. литературныхъ *кря́ст*, *пб́ъст*, *го́ст*. Срв. болгарскій выговоръ *кос*, *пърс*, *грос* вм. первоначальныхъ *кость*, *пръсть*, *гроздъ*. Историческія справки насчетъ отпаденія согласныхъ (Соб., Лекц. 104) весьма скудны, д. б. отпаденіе явленіе довольно новое; хотя отсутствіе *л* въ извѣстныхъ формахъ злеваго причастія теперь—общерусское.

Иногда встрѣчается, противоположное отпаденію на концѣ приставка въ началѣ, или, употребляя Гротовскій терминъ, *призвукъ*. А именно въ иныхъ словахъ является передъ начальнымъ *о* приставочное *с*: *вб́тчим* рядомъ съ *б́тчим*, *вб́семь* (однако *вб́сьми* или *осъмй́*, *вб́сьмб́й* или *осъмб́й*), народныя

¹⁾ Срв. мою статью О вставочныхъ *д* и *т*. Грамм. зам., т. I (Р. Ф. В., т. V).

вбстрыйй, вбспа вм. бстрыйй, бспа ⁴⁾. По-малорусски призвучное *в* (для котораго я впрочемъ выше, стр. 99) предложилъ иное толкованіе, составляетъ правило передъ *о* суженымъ. Написанія *во вьца*, *во овца* Соболевскій (Лекц., 113) приводитъ уже изъ Галицкаго евангелія ок. 1266 г. Великорусскія же его примѣры (напр. изъ духовной Ивана Калиты), гдѣ «призвучное» *в* слѣдуетъ за предлогомъ *въ*, надо полагать, представляютъ лишь двукратное написаніе предлога. Призвукъ *в* передъ *о* господствуетъ въ языкѣ Лужицкомъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ: *voгаś* (-aś), *voğech* (или *voğech*), а также въ народныхъ говорахъ Чешскаго: *voğat*, *voğech*.

Кое-что о призвучномъ *в* и о праславянскомъ призвукѣ сказано въ моихъ Дополн. къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, стр. 60—62 и 117 пр., = Р. Ф. В., т. XXII, 115—117 и XXIII, 98.

⁴⁾ Приставочное *в* отчасти могло бы считаться предлогомъ—срв. одно мое соображеніе, въ Дополненіяхъ къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, подъ словомъ *otj*, стр. 121 (Р. Ф. В. XXIII, стр. 289).

Поправки и дополненія.

Стр. 5, стрк. 17. Совпаденіе ж съ оу и л съ ѡ проявляется и въ Архангельскомъ евангеліи 1092 года—почти полнымъ устраненіемъ ж (ж читается нпр. на л. 13, об., стрк. 10 сн.: *всака розгоу* и на 38, стрк. 6 св.: *запрѣти ѡмж*) и довольно послѣдовательнымъ употребленіемъ, независимо отъ этимологіи, въ началѣ слоговъ ѡ, а послѣ согласныхъ—л, сходно съ новоцерковною орфографіей.

Стр. 10, стрк. 17. Все-таки можно предположить здѣсь отвердѣніе: какъ ре, ле, не, несомнѣнно мягкія въ праславянскихъ фонемахъ море, поле, коіеки, у Малороссовъ сдѣлались полутвердыми, такъ могли отвердѣть и всѣ слоги съ е (также и съ и), если были мягкими въ общерусскомъ. Но мнѣ (наперекоръ Шахматову, Литографиров. лекціи, стр. 154) это кажется невѣроятнымъ и думается, что сначала поотвердѣли рѣшительно преобладавшіе въ языкѣ средніе слоги бе, де и т. д. и потомъ уже они потянули за собой и немногочисленные мягкіе. Указываемые тамъ же написанія съ ѡ вм. простого е (*небесе* Стихир. 1157 г., 103 в., *есте* Мин. XII в., № 221, 22а и т. п.) м. б. свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи значенія буквы ѡ.

Стр. 13, пр. 2. Лекціи Шахматова, § 58, стр. 161.

Стр. 15, стрк. 5 сн. Явные примѣры на совпаденіе ѡ и и встрѣчаются въ памятникахъ съ XIV в. Соб., Лекц., стр. 74. Впрочемъ изъ болѣе раннихъ случаевъ «очень рѣдкихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія» иные мнѣ кажутся довольно убѣдительными—таковы *просыти* и *свѣтъныкъ* въ Добриловомъ евангеліи 1164 года.

Стр. 16, стрк. 13 сн. Срв. поправку къ стр. 10, стрк. 17.

Стр. 21, пр. 2. Вм. къ раіѣвіѣтши нужно къ раіѣвѣтши, или, лучше, къ раіѣвѣтши.

Стр. 23, стрк. 10. Отъ слова мѣшбѣк употребляются и подражательное мѣшбѣтшикъ и самородное мѣшѣтшикъ.

нема является у Крылова въ басняхъ «Воспитаніе Льва», стихъ 75 и «Напраслина», стихъ послѣдній.

Стр. 48, стрк. 4 сн. Вм. «какъ отмѣчено выше,» нужно «сн. ниже, стр. 57.

Стр. 50, стрк. 11. Подобныя ошибки всетаки встрѣчаются, но только при полной безграмотности, т. е. у людей, которые знаютъ лишь основное значеніе буквъ, да и то нетвердо — каковой безграмотности мы не въ правѣ приписывать стариннымъ книжникамъ.

Стр. 51, стрк. 17. Слово Смольяскъ, надо полагать, не представляетъ ѣ въ смыслѣ мягкаго знака, а ѣ вм. е: первоначально д. б. было Смолѣнск—Смолѣнска. Срв. стр. 45—46.

Стр. 55, стрк. 11. Въ вѣрхъ, тѣрхъ и т. п. случаяхъ можно говорить о «глухомъ полногласіи» — Потебня назвалъ это «вторымъ полногласіемъ». См. въ лекціяхъ Соб., стр. 27—30.

Стр. 63, стрк. 10 сн. Омѣла даетъ птицѣй клей, употребляемый для ловли птицъ, и походить на метелку.

Стр. 64, стрк. 12. Тоже слово въ формѣ jèlito, jèlto и со значеніемъ кишки есть у Чеховъ и у Поляковъ.

Стр. 67, стрк. 20. Нужно ródŋ, т. е. ш слоговой.

Стр. 69, стрк. 12. Ѹ знакъ неслоговаго у (легкаго, чисто-губнаго е).

Стр. 83, стрк. 6 сн. Обыкновенно однако въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ вставен не бываетъ: срамъ, сраунца, срада и т. д. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, стр. 128.

Стр. 87, стрк. 16. Лавровскій писалъ раньше Миклошича—въ 1855 г.

Стр. 88, стрк. 10 сн. Ъ дифтонговый, т. е. восходящій къ оі, аі, при чемъ соотношеніе было бы такое же, какъ между греческими ἔλιτον и ἔλειπτα.

Стр. 88, стрк. 6 сн. Въ добавокъ trtíya чуть ли не единичный случай, да и корень его м. б. не tri, а tr=tr=ter.

Стр. 131, стрк. 11. Здѣсь однако можно бы видѣть воспроизведеніе южнославянскаго смѣшенія ѣ и ѣ.

Стр. 133, стрк. 21. Възд и т. д., приводимыя здѣсь изъ церковныхъ памятниковъ, могли бы считаться паннонизмами, т. е. паннонскіе памятники передъ узкими слогами нерѣдко пишутъ ѣ вм. ѣ.

ДОХМІЙ.

ГЛАВА ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ МЕТРИКИ.

Изслѣдованіе Я. Денисова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1892.

ΘΕΟΔΩΡΩΙ ΚΟΡΧΙΩΙ.

Ὡς ὄφελος προλιπεῖν ἐτάρους περὶ κῆρι φιλεῦντας
μήποτε πρὶν γ' αἰδεω δῶμ' ἐρεβεννὸν ἴμεν
ἀλλὰ καὶ οἰκίζων καλὸν πτολίεθρον Ὀδησσοῦ
ἴσθι ποθεινὸς εἶν καὶ τόδε δῶρον ἔχε.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ритмическое значеніе дохмія не могло возбуждать никакихъ сомнѣній до тѣхъ поръ, пока существовала живая связь между музыкой и поэзіей; но, повидимому, какъ только она была разорвана, сами древніе постепенно утратили правильное пониманіе этого размѣра. Подтвержденіемъ этого служитъ разнообразіе и ненадежность большинства показаній о дохміи, дошедшихъ до насъ со стороны древнихъ ритмиковъ и метриковъ.

Въ новое время сдѣлано было много попытокъ опредѣлять ритмическое значеніе дохмія; но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана вполне удовлетворительной. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ того, что изслѣдователи, занимаясь изученіемъ вопроса о дохміи, дѣлають ошибки въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, ссылаясь на показанія древнихъ, не провѣряють, на сколько они надежны; во-вторыхъ, не относясь съ должнымъ вниманіемъ къ даннымъ стихотворныхъ текстовъ, выставляютъ такія положенія, которыя противорѣчатъ этимъ даннымъ; въ-третьихъ, стараясь подвести дохмію подъ нормы современной музыкальной ритмики, забываютъ, что между этой послѣдней и древней ритмикой существуетъ большая разница.

Имѣя въ виду такое положеніе дѣла, я задался цѣлью: во-первыхъ, рассмотреть, насколько надежно каждое изъ дошедшихъ до насъ изъ древности свидѣтельствъ о дохміи; во-вторыхъ, основываясь

II

на сдѣланныхъ отсюда выводахъ и наблюденіяхъ надъ стихотворными текстами, объяснить, что такое представляетъ изъ себя дохмій съ точки зрѣнія ритмики; въ-третьихъ, дать отчетъ о работахъ моихъ предшественниковъ и указать, въ чемъ они заблуждались. При этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ представлялась возможность пояснить то или другое явленіе на основаніи современной музыкальной ритмики, я прибѣгала къ ея помощи, но никогда не упустила изъ вида, что нѣкоторыя особенности, возможные въ нашей ритмикѣ, были совершенно невозможны въ древней.

§ 1.

Показанія древнихъ о дохміи.

Схема дохмія.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохміи съ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохміи у ритмиковъ и музыкантовъ*: Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолий къ Гефестіону и Етум. М.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохміи у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схолий А.—Етум. М.—Триха.—Димитрій Трикліній.—Схоліи къ «Штипамъ» Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ.—Марій Плоцій Сапердотъ.—Диомедъ.

Схема дохмія. Ислѣдуя какой-либо стихотворный размѣръ, прежде всего мы должны задать себѣ вопросъ о томъ, какова его схема. Древніе писатели, у которыхъ упомянутъ дохміи, почти единогласно принимали для него слѣдующую схему: $\cup _ _ \cup _ _$. Отступленіе мы находимъ только у Аристида Квинтиліана, который, различая два вида дохмія, кромѣ приведенной схемы, указываетъ еще другую: $\cup _ _ \cup _ _ \cup _ _$, Диомеда, который даетъ такую схему для простаго дохмія: $\cup _ _ \cup _ _$, и такую для дохмія *per synzugian*: $\cup _ _ _ \cup _ _$, и Бакхія, у котораго дохміи въ текстѣ является со слѣдующей схемой: $\cup _ _ \cup _ _ _ \cup _ _$, а въ примѣрѣ—: $\cup _ _ \cup _ _ _ _ _ _ \cup _ _$. Въ новое время, начиная съ Г. Германа, почти всѣ ученые принимаютъ для дохмія только слѣдующую схему: $\cup _ _ \cup _ _$, и мы, употребляя слово дохміи, будемъ имѣть въ виду только эту послѣднюю.

Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи. Показанія древнихъ о дохміи распадаются на три группы. Въ первую изъ нихъ входятъ свѣдѣнія, получаемыя нами изъ случайныхъ упоминаній объ

этомъ размѣрѣ въ теоріяхъ краснорѣчія, принадлежащихъ Цицерону, М. Фабію Квинтиліану и Руфину. Писатели эти, разбирая, какія сочетанія слоговъ годны для того, чтобы ими начинать и оканчивать періодъ, и прилагая къ нимъ названія различныхъ метрическихъ стопъ, между прочимъ упоминаютъ и о дохміи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя мы почерпаемъ объ этомъ размѣрѣ изъ показаній ритмиковъ и музыкантовъ, съ одной стороны, и метриковъ и грамматиковъ, съ другой,—составляютъ вторую и третью группы. При этомъ надобно замѣтить, что свѣдѣнія эти относятся къ той эпохѣ, когда живая связь между ритмической и метрикой была уже порвана, когда грамматики, принявшіе въ свое вѣдѣніе метрику, не обращали болѣе вниманія на мелодію лирическихъ и драматическихъ произведеній, а довольствуясь только метрическо-ритмической номенклатурой, выработанной ихъ предшественниками, ограничивались изученіемъ одного текста поэтовъ безъ связи съ его напѣвомъ.

Ко второй группѣ спеціально мы отнесемъ такія свидѣтельства, которыя по крайней мѣрѣ по предположенію основаны на данныхъ ритмики. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подлинныхъ показаній о дохміи Аристоксена и его ближайшихъ учениковъ; мы можемъ только съ нѣкоторой долей вѣроятности догадываться, какъ они объясняли дохміи. Первое мѣсто по своей важности въ этой группѣ должно принадлежать замѣчаніямъ схолиаста къ Aesch. Sept. 101 и 120, которыя, повидимому, почерпнуты изъ хорошаго и весьма древняго источника. Далѣе, весьма важное значеніе для рѣшенія вопроса о томъ, что такое представляетъ дохміи, имѣетъ показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія текста схолий къ Гефестіону и Etym. M.; несомнѣнное знакомство съ этимъ показаніемъ древнихъ ритмиковъ изъ схолий къ Гефестіону видно въ замѣткѣ о дохміи, которую мы находимъ у Трихи. Наконецъ, сюда же должны быть отнесены тѣ данныя, которыя мы получаемъ о дохміи изъ сочиненія Аристида Квинтиліана *Περὶ μουσικῆς* и его перевода у Марціана Капеллы. Что же касается свидѣтельства Бакхія о дохміи въ его *Εἰσαγωγὴ τέχνης μουσικῆς*, то оно стоитъ отдѣльно и важнаго значенія, повидимому, не имѣетъ.

Третью группу составляютъ тѣ данныя, которыя мы почерпаемъ изъ сочиненій грамматиковъ и метриковъ. По поводу всѣхъ ихъ вообще мы должны замѣтить, во-первыхъ, что всѣ они относятся къ

позднѣйшей эпохѣ, когда въ метрику была уже внесена теорія антиспаста, размѣра, который не только не имѣетъ ничего общаго съ ритмическимъ преданіемъ, идущимъ отъ Аристоксена и его послѣдователей, но даже лишень всякаго ритмическаго значенія; во-вторыхъ, что всѣ они принимаютъ дохмій за антиспастической *κῶλον* и потому для насъ не имѣютъ никакого значенія. Сюда относится показаніе Гефестіона въ его *Ἐυχεῖρίδιον περὶ μέτρων καὶ περὶ ποιήματος* и его схолиаста, автора *Etym. M.*, Трихи, греческаго грамматика Димитрія Триклинія и латинскихъ грамматиковъ: Марія Викторина и Марія Плоція Сacerдота. Отдѣльно стоятъ: Цезій Бассъ, который, хотя и жилъ въ императорскую эпоху, но еще до введенія антиспаста въ число *μέτρα πρωτότυπα*; грамматикъ Діомедъ, который приводитъ одну только схему дохмія, не имѣющую ничего общаго съ той, которую мы находимъ у другихъ грамматиковъ и метриковъ, и схолиа къ Аристофану.

Дохмій въ теоріи краснорѣчія. Одно изъ самыхъ древнихъ упоминаній о дохміи какъ о размѣрѣ не только въ теоріяхъ краснорѣчія, но и вообще въ древней литературѣ, дошедшей до насъ, принадлежитъ Цицерону, который въ своемъ сочиненіи *Orator ad M. Brutum*, написанномъ въ 46 г. до Р. X. (Teuffel⁵, *Gesch. d. R. Lit.* § 182, 4) говоритъ слѣдующее: *dochmius autem, e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa, ut est hoc «amicos tenes», quovis loco aptus est, dum semel ponatur: iteratus aut continuatus numerum apertum et nimis insignem facit* (§ 218). Свидѣтельство это, опредѣляя только, какое сочетаніе долгихъ и короткихъ слоговъ Цицеронъ называетъ дохміемъ, не даетъ намъ непосредственно возможности опредѣлять на основаніи его, каково было ритмическое значеніе дохмія, но косвеннымъ образомъ въ связи съ тѣми данными, которыя у насъ есть изъ болѣе поздняго времени, можетъ имѣть значеніе для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ.

Какъ показываетъ уже самое названіе этого размѣра, дохмій былъ взятъ Цицерономъ въ качествѣ готоваго термина для обозначенія извѣстнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ у кого-то изъ ученыхъ Грековъ. Но у кого именно или по крайней мѣрѣ въ какое приблизительно время понятіе о дохміи вошло уже въ на-

учную литературу, и каково было съ точки зрѣнія ритмики качество того источника, изъ котораго было заимствовано это понятіе?

Для того, чтобы отвѣтить на это, мы должны прежде всего коснуться вопроса о томъ, какими вообще источниками Цицеронъ пользовался для своей работы. Изъ Квинтиліана мы знаемъ, что онъ въ томъ отдѣлѣ своего сочиненія, который посвященъ изслѣдованію природы и употребленія ритма въ ораторскихъ произведеніяхъ, пользовался трудами лучшихъ греческихъ теоретиковъ: *is, t.-e. Cicero, eminentissimos Graecorum est secutus. Inst. orat. IX 4, 79.* На основаніи цитатъ самого Цицерона мы можемъ заключить, что въ данномъ случаѣ онъ пользовался трудами учениковъ Исократы: Эфора, Навкрата и Θεодекта, а также въ особенности Аристотеля и его ученика Теофраста.

Ученый издатель *Orator's Jahrbuch* (Jahn) полагаетъ, что сочиненіе этого послѣдняго *Περὶ λέξεως* легло въ основаніе даннаго труда Цицерона и опирается при этомъ какъ на цитаты самого Цицерона и на тѣ заимствованія, которыя онъ дѣлаетъ молча изъ Теофраста, такъ и на извѣстную манеру Цицерона держаться въ подобныхъ случаяхъ одного какого-нибудь писателя, не занимаясь серьезнымъ изученіемъ его предшественниковъ, и даже дѣлать на нихъ ссылки на основаніи его же. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ намековъ, которые дѣлаетъ Цицеронъ, Янъ выводитъ заключеніе, что греческіе ритори и послѣ Теофраста занимались вопросами, касающимися примѣненія ритма къ ораторскимъ произведеніямъ, и что Цицеронъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями (Einl.³ стр. 22 и сл.).

Вестфаль, дѣлая историческій обзоръ теоріи гармоніи, ритмики и метрики у древнихъ, между прочимъ посвящаетъ нѣсколько строкъ Цицерону и, слегка касаясь упоминаемыхъ имъ *pedes metrici*, замѣчаетъ слѣдующее: *Hier ist eigenthümlich, dass Trochäus und Chorus gerade umgekehrt als bei den späteren Metrikern gebraucht sind, — u ist ein choreus, u u u ein trochaeus, — u — u und — u — ein dichoreus.* Die Terminologie des Aristoxenus ist dies auch nicht, denn nach dieser ist *choreus* und *trochaeus* gleichbedeutend, sie muss der durch Thrasymachus ausgebildeten Theorie der rhythmischen Rhetorik eigenthümlich sein (Metrik I² стр. 117). И дѣйствительно, нѣкоторая разница въ номенклатурѣ указанныхъ стопъ существуетъ, хотя выражена не такъ рѣзко, какъ говорить Вест-

фаль, потому что у большинства позднейших метриковъ названія: trochaicus u choriacus или chorius употребляются безъ различія другъ отъ друга, ср. Christ, Metrik², стр. 276.

Я съ своей стороны полагаю, что для характеристики тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ показанія Цицерона, имѣющія отношенія къ ритмикѣ, небезполезно будетъ сравнить эти послѣднія съ тѣми замѣчаніями о стопахъ, которыя мы находимъ у его современника Діонисія Галикарнасскаго въ сочиненіи De comp. verb. с. XVII. Здѣсь намъ бросаются въ глаза двѣ особенности: во-первыхъ, Діонисій называетъ стопу, состоящую изъ долгаго и короткаго слога— по Цицерону хорей—трохеемъ, а стопу, состоящую изъ трехъ краткихъ слоговъ—по Цицерону трохей—трибрахомъ, присовокупляя, что нѣкоторые называютъ ее хореемъ; во-вторыхъ, въ числѣ двусложныхъ стопъ онъ упоминаетъ пиррихій: *ὁ μὲν οὖν βραχυσύλλαβος, ἡγεμών τε καὶ πυρρίχιος καλεῖται, καὶ οὔτε μεγαλοπρεπῆς ἐστίν, οὔτε σεμνός· σχῆμα δ' αὐτοῦ τοιόνδε·*

λέγε δὲ σὺ κατὰ πόδα νεόλυτα μέλεα,

и въ соответствіи съ этимъ признаетъ простыми только двусложныя и трехсложныя стопы: *ἀπλοῦς δὲ ῥυθμὸς, ἢ πούς, οὐτ' ἐλάττων ἐστὶ δυοῖν συλλαβῶν, οὔτε μείζων τριῶν καὶ περὶ μὲν τούτων οὐκ οἶδα ὅ τι δεῖ πλείω λέγειν* (De comp. verb. с. XVII), такъ что пеемъ по этой теоріи будетъ состоять изъ двухъ стопъ: пиррихія и ямба или трохея. Напротивъ того, у Цицерона мы вовсе не находимъ пиррихія; мало того, одно мѣсто изъ того же сочиненія, изъ котораго я приводилъ цитату о дохміи, ясно показываетъ, что онъ не раздѣлялъ ученія Діонисія о томъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ; именно нѣсколькими строками выше дохміи онъ такъ говоритъ о пеемъ: *jam praean, quod plures habeat syllabas quam tres, numerus a quibusdam, non pes habetur* (ib. § 218). Изъ всего этого нетрудно сдѣлать такой выводъ: первая изъ приведенныхъ особенностей указываетъ только на разницу въ номенклатурѣ, которая однако предполагаетъ пользованіе различными источниками у того и другого автора; вторая же не только подтверждаетъ это, но и даетъ намъ возможность заключать, что источникъ Цицерона по качеству былъ выше и ближе къ правильнымъ ритмическимъ понятіямъ, чѣмъ источникъ Діонисія, такъ какъ рит-

мики съ Аристоксеномъ во главѣ не допускали, чтобы два краткихъ слога могли образовать самостоятельную стопу, что видно изъ слѣдующихъ словъ самого Аристоксена: τῶν δὲ ποδῶν ἐλάχιστοι μέν εἰσιν οἱ ἐν τῷ τρισήμῳ μεγέθει· τὸ γὰρ δίσημον μέγεθος παντελῶς ἂν ἔχοι πυκνὴν τὴν ποδικὴν σημασίαν (Aristox. стр. 415 14—16 M), и сообразно съ этимъ не производили того дѣленія стопы, которое мы находимъ у Діонисія. Если мы пріймемъ въ соображеніе все это, а также приведенныя уже мною замѣчанія Яна и Вестфала, то невольно остановимся на той мысли, что правильностью своихъ ритмическихъ понятій Цицеронъ обязанъ Теофрасту, который былъ современникомъ Аристоксена.

Затѣмъ, я могъ бы указать еще на одно соображеніе, которое заставляетъ видѣть въ Теофрастѣ тотъ первоисточникъ, откуда Цицеронъ заимствовалъ понятіе о дохміи. Дѣло въ томъ, что вторая часть дохміи представляетъ изъ себя одинъ изъ видовъ пеонической стопы, а такъ какъ употребленіе этихъ послѣднихъ особенно рекомендовала школа Аристотеля (Blass, Die attische Beredsamkeit, II стр. 135), то весьма возможно, что Цицеронъ нашелъ дохміи не у кого другаго, а именно у Теофраста.

Такимъ образомъ, хотя у насъ и нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что Цицеронъ заимствовалъ понятіе дохміи дѣйствительно изъ сочиненія Теофраста, но нѣкоторыя косвенныя данныя говорятъ въ пользу этого. Во всякомъ случаѣ, изъ сравненія его съ Діонисіемъ Галикарнаскимъ явствуетъ, что тотъ первоисточникъ, откуда заимствована имъ номенклатура стопы и нѣкоторыя ритмическія понятія, отличается большей правильностью, чѣмъ этого можно было бы ожидать, судя по той эпохѣ, въ которую жилъ Цицеронъ. А это обстоятельство служитъ намъ порукой того, что если дохміи и не былъ перенесенъ въ теорію краснорѣчія въ такую эпоху, когда метрика еще шла объ руку съ музыкальной ритмикой, то во всякомъ случаѣ говорить за то, что нашъ размѣръ есть понятіе ритмическое, а не метрическая фикція въ родѣ антиспаста. Признаніе этого намъ дорого потому, что Цицеронъ является такимъ образомъ посредствующимъ звеномъ между ритмическими показаніями, идущими изъ болѣе поздней эпохи и ритмикой близкой къ Аристоксену или даже, быть можетъ, предшествующей ему.

Но не скрывается ли въ этой замѣткѣ Цицерона объ дохміи че-

го-нибудь годнаго для опредѣленія ритмическаго значенія этого размѣра? Припомнимъ, что о дохмій Цицеронъ упоминаетъ непосредственно послѣ пеона, о которомъ у него выразительно замѣчено, что по его мнѣнью этотъ послѣдній не есть сложная стопа (pneugus), какъ это думаютъ нѣкоторые, а простая (pes). Поэтому, еслибы Цицеронъ считалъ дохмій сложной стопой, то долженъ былъ бы во избѣжаніе недоразумѣнія предупредить насъ объ этомъ. Затѣмъ, ему неслѣдовало бы въ такомъ случаѣ, опредѣляя схему дохмія, прибѣгать къ тому описанію ея, которое онъ дѣлаетъ: dochmius e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa; гораздо проще было бы опредѣлить составъ дохмія при помощи простыхъ стопъ, на которыя онъ, по его мнѣнью, распадался бы. Наконецъ, лучшимъ комментариемъ этого мѣста служатъ слѣдующія слова Квинтиліана: equidem Ciceronem sequar — excepto quod pes mihi tres syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurret, utatur, которыя ясно показываютъ, что Квинтиліанъ, соглашаясь во всемъ остальномъ съ Цицерономъ, не соглашается съ нимъ только во взглядѣ на пеонъ и дохмій, которые самъ онъ принимаетъ за сложные стопы.

Менѣе интереса представляютъ для насъ тѣ данныя, которыя мы находимъ въ сочиненіи *Institutio oratoria Квинтиліана*: sed quia omnem <compositionem> oratoriam constare <pedibus> dixi, aliqua de his quoque: quorum nomina quia varia traduntur, constituendum est quo quemque appellemus. equidem Ciceronem sequar (nam is eminentissimos Graecorum est secutus), excepto quod pes mihi tris syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurret, utatur. nec tamen ipse dissimulat, quibusdam numeros videri non pedes, neque inmerito: quidquid est enim supra tris syllabas, id est ex pluribus pedibus (IX 4, 79 и 80). Ниже къ дохміямъ имѣютъ отношеніе слѣдующихъ два мѣста: est et dochmius, qui fit ex bacchio et iambo vel ex iambo et cretico, stabilis in clausulis et severus (ib. 97), и, наконецъ, о дохмій упоминается при перечисленіи стопъ, которыя могутъ предшествовать ямбу въ окончаніяхъ періодовъ: sed et spondeus iambo recte praepositur: [iisdem in] armis fui. Cum spondeus, et bacchius: sic enim fiet ultimus dochmius: in armis fui (ib. 99).

По поводу всего этого мы прежде всего должны еще раз отметить тот фактъ, на который уже указывали раньше, что Квинтилианъ въ данномъ отдѣлѣ своего сочиненія полагается на авторитетъ Цицерона и его источниковъ, съ которыми онъ не сходится только въ вопросѣ о предѣлахъ простыхъ стопъ; здѣсь онъ стоитъ рѣшительно на сторонѣ той теоріи, съ которой мы знакомы уже изъ сочиненія Діонисія Галикарнасскаго, и которая идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Аристоксена. Замѣтка Квинтилиана о дохміи представляетъ для насъ интересъ только въ одномъ отношеніи: отъ него перваго мы узнаемъ, на какія составныя части дѣлился дохмій. Что касается методы дѣленія его на бакхій и ямбъ, то ее мы находимъ у одного только Квинтилиана, а потому весьма возможно, что она или принадлежитъ ему лично, или была мало распространена; во всякомъ случаѣ, дѣленіе это основано исключительно на виѣшней схемѣ дохміи безъ всякаго отношенія къ его ритмическому значенію и принадлежитъ позднѣйшему времени, такъ какъ бакхій первоначально не причислялся къ γένος ἡμιόλιον. Вторую методу дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ, кромѣ Квинтилиана, мы находимъ еще у музыканта Аристида Квинтилиана и ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схолияхъ къ Гефестіону и Etym. M. Поводомъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ послужилъ тотъ фактъ, что въ дохміи, какъ показываетъ расположеніе въ немъ ритмическихъ удареній, арзісъ (слабая часть стопы) состоитъ изъ трехъ χρ. пр., а тезисъ (сильная часть стопы) — изъ пяти.

Для того, чтобы покончить съ теоріями краснорѣчія, въ которыхъ упоминается дохмій, я долженъ привести еще выдержку изъ сочиненія Антиохійскаго грамматика второй половины пятаго вѣка по Р. X. *Руфина*, которое озаглавляется *Commentarius de numeris oratoriis*:

Rhetoricas pulchre structuratas dochmius ornat:
 principium bacchius erit, concludet iambus.
 aut vice mutata nomen mutabitur uni:
 primus iambus erit, tum finem creticus explet.
 prima brevis longaeque duae, brevis, ultima longa;
 exemplumque artis dabitur «res publica» vobis,
 quam Cicero casu genetivo ponere gaudet.

hæc pede composito laudatur fama pedestris.
ut docet Ausonius orator Tullius ingens,
omnibus iste locis numerum pes efficit aptum:
longa brevem sequitur, longam brevis, addite longam,
syllaba prima brevis, tum syllaba longa secunda,
tertia longa, brevis quarta productaque quinta:
Tullius orator, seu multi, dochmion ornat (Gr. L., VI стр. 566 7—20 К.).

Все это представляет довольно многосложный пересказ словъ Квинтилиана о составныхъ частяхъ дохмія и Цицерона объ употребленіи этого размѣра въ ораторскихъ произведеніяхъ и для насъ, само собой разумѣется, не имѣеть ровно никакой цѣны.

Дохміи въ теоріи ритмики и музыки. Теперь перейдемъ ко второй группѣ источниковъ; въ нихъ содержатся нѣкоторыя данныя, исходя изъ которыхъ мы можемъ въ общихъ чертахъ воссоздать теорію дохмія, какъ она существовала у древнихъ ритмиковъ. Первое мѣсто въ этой группѣ источниковъ, какъ по цѣнности тѣхъ данныхъ, которыя мы извлекаемъ изъ нихъ, такъ, можетъ быть, и по древности, принадлежитъ старымъ *слогамъ къ Aesch. Sept. 101* и *120*. Первая замѣтка въ сущности должна относиться къ 99 стиху, такъ какъ 101 представляетъ ямбическій триметръ: ὁ μέντοι ὀκτάσημος ῥυθμός οὗτος πολὺς ἐστὶν ἐν θρηνηδίᾳ (трагῳδίᾳ sch. грес.) καὶ ἐπιτήδειος πρὸς θρήνους καὶ στεναγμούς. ἔστι δὲ δοχμιαχά. ὁμοίον τὸ π ὀ λ ε μ ο ς ἀ ῖ ρ ε τ α ἰ π ρ ὸ ς ἐ μ ε καὶ θ ε ο ῦ ς πα ρ ᾶ Ἀ ρ ι σ τ ο φ ᾶ ν ε ἰ ἐ ν Ὀ ρ ν ι σ ἰ ν (Ag. Av. 1189). ἀλλὰ καὶ πα ρ ᾶ Εὐ ρ ἰ π ἰ δ ῆ ἐ γ ὼ δ ᾽ ο ὔ τ ε σο ἰ π υ ρ ὸ ς ἀ ν ἦ ψ α φ ῶ ς νό μ ἰ μ ο ν ἐ ν γ ᾶ μ ο ἰ ς (Eur. Phoeniss. 344). Затѣмъ ниже къ 120 стиху сдѣлано замѣчаніе, которое должно пополнять предыдущее: καὶ ταῦτα δὲ δοχμιαχά ἐστί καὶ ἴσα, ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμως βαίνη. κυρίως δὲ εἶπον βαίνη. ῥυθμοὶ γὰρ εἰσι βαίνονται δὲ οἱ ῥυθμοί, διαιρεῖται δὲ τὰ μέτρα, οὐχὶ βαίνεται. Въ первомъ замѣчаніи дохміи названъ ῥυθμός ὀκτάσημος, т. е. такой ῥυθμός, который заключаетъ въ себѣ восемь σημεῖα или γρόνοι πρῶτοι. Но въ какомъ смыслѣ дохміи названъ здѣсь ῥυθμός? Мы видимъ, что Діонисій Галикарнасскій слова ῥυθμός и πούς считаетъ синонимами; позднѣе слово πούς стали употреблять въ значеніи «простая стопа», ῥυθμός—въ значеніи «сложная», т. е. состоящая изъ нѣсколькихъ простыхъ стопъ, такъ что въ этомъ смыслѣ

цѣлый $\chi\omega\lambda\omicron\nu$ могъ быть названъ $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$; именно такимъ образомъ можно объяснить, что въ замѣчаніи тѣхъ же схолій къ Ptom. 128 цѣлый стихъ названъ $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ *Ἀνακρεόντειος*. Если мы взглянемъ надохмій съ точки зрѣнія Діонисія Галикарнасскаго, который утверждаетъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ, не говоря уже объ Аристидѣ Квинтиліанѣ и Бакхіи, которые прямо относятъ дохмій къ числу сложныхъ стопъ, то должны будемъ признать, что слово $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ обозначаетъ здѣсь сложную стопу. Къ какимъ стопамъ причислялъ дохмій Аристоксенъ, прямыхъ указаній нѣтъ, но мы можемъ опредѣлить это съ нѣкоторой достовѣрностью косвеннымъ путемъ. Простыя стопы различаются у него отъ сложныхъ слѣдующимъ образомъ: $\omicron\iota\ \delta'\ \acute{\alpha}\sigma\upsilon\nu\theta\epsilon\tau\omicron\iota$ (подр. $\pi\acute{o}\delta\epsilon\varsigma$) $\tau\acute{\omega}\nu\ \sigma\upsilon\nu\theta\acute{\epsilon}\tau\omega\nu\ \delta\iota\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\ \tau\acute{\omega}\ \mu\grave{\eta}\ \delta\iota\alpha\pi\acute{\rho}\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \epsilon\iota\varsigma\ \pi\acute{o}\delta\alpha\varsigma$, $\tau\acute{\omega}\nu\ \sigma\upsilon\nu\theta\acute{\epsilon}\tau\omega\nu\ \delta\iota\alpha\pi\acute{\rho}\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$ (стр. 414 38—39 M). Если Аристоксенъ принималъ дохмій за сложную стопу, то сообразно съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ удареній онъ могъ дѣлить его, подобно Аристиду Квинтиліану, только на ямбъ и трехсложную стопу, которую можно было бы принимать за пеонъ, если бы только краткій слогъ въ ней не допускалъ замѣны ирраціональнымъ долгимъ; но такъ какъ ирраціональныхъ пеоновъ мы не знаемъ ни изъ показаній древнихъ метриковъ, ни изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, то едвали будетъ слишкомъ смѣло заключать отсюда, что Аристоксенъ долженъ былъ принимать дохмій за простую стопу, хотя онъ почему-то и не называетъ его въ числѣ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\ \pi\acute{o}\delta\acute{\omega}\nu$, употреблявшихся въ $\sigma\upsilon\nu\epsilon\chi\eta\varsigma\ \rho\upsilon\theta\mu\omicron\pi\omicron\iota\alpha$ (стр. 415 9—13 M). Въ подтвержденіе этой догадки я могу сослаться, во-первыхъ, на тотъ знаменательный фактъ, что у Цицерона, который въ противность Діонисію Галикарнасскому не принимаетъ пеона за сложную стопу точно такъ же, какъ и Аристоксенъ, дохмій является простой стопой; во-вторыхъ, у ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схоліяхъ къ Гефестіону и Етуму M., $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota\ \acute{\alpha}\rho\theta\omicron\iota$ (ямбъ, дактиль, пеонъ и эпитритъ) и $\delta\omicron\chi\mu\omicron\iota$ являются понятіями соподчиненными другъ другу (ср. ниже). Если мы обратимся къ нашимъ схоліямъ, то одно весьма простое соображеніе можетъ, пожалуй, служить подтвержденіемъ вѣрности этой догадки и указаніемъ на то, какъ слѣдуетъ понимать здѣсь слово $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$. Дѣло въ томъ, что схоліастъ въ данномъ мѣстѣ желаетъ опредѣлить число $\chi\rho$. пр., заключающихся въ дохмій, и ниже еще разъ возвращается

къ этому вопросу; если бы онъ принималъ дохмій за сложную стопу, то для устраненія всякихъ недоразумѣній на этотъ счетъ ему стоило только указать тѣ простымъ стопы, на которыя онъ распадается. Однако онъ этого не дѣлаетъ, и это даетъ намъ поводъ предполагать, что онъ принимаетъ дохмій за простую стопу и въ этомъ же значеніи употребляетъ здѣсь слово *ῥυθμός*. Затѣмъ по поводу перваго замѣчанія мнѣ остается указать только на совершенно вѣрное наблюденіе, которое подтверждается дошедшими до насъ трагедіями, что дохмій употребляется по преимуществу въ *ἄρῆνοι* и *στεναγμοί*.

Во второй замѣткѣ прежде всего обращаетъ наше вниманіе слово *ἴσθ*. Безъ какого-нибудь дополненія оно непонятно. Ближе всего дополнить при немъ *τοῖς πρότεροις*. Въ дальнѣйшемъ мы должны остановиться на глаголѣ *βαίνειν*, который соответствуетъ нашему понятію скандировать, по-латыни *ferire, percutere, scandere*. Словами: *ἕαν τις ὀκτασῆμος βαίνῃ*, съ одной стороны, подтверждается высказанное ранѣе положеніе относительно того, что дохмій есть *ῥυθμός ὀκτασῆμος*, съ другой, — дѣлается намекъ на возможность объяснять дохмическіе стихи какъ-то иначе. Далѣе, переходимъ къ слову *ῥυθμός*, которое, очевидно, служитъ замѣной понятія, обозначаемого строкой выше мѣстоименіями *ταῦτα* и *αὐτά*; такимъ образомъ, здѣсь слово *ῥυθμός* употребляется для обозначенія дохмическаго диметра, къ которому сдѣлано это замѣчаніе. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что схолиастъ настаиваетъ на различіи понятія *ῥυθμοί* отъ понятія *μέτρα*; различіе это сдѣлается для насъ нѣсколько болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что древніе отличали *pedes metrici* отъ *pedes rhythmici*; для примѣра укажу на синкопированныя трохеи, которые какъ *pedes metrici* ничѣмъ не отличались отъ кретиговъ, тогда какъ въ качествѣ *pedes rhythmici* представляли нѣчто совершенно особенное. Изъ всего этого слѣдуетъ, что дохмій представляютъ одно съ точки зрѣнія ритмики и другое съ точки зрѣнія метрики. Но какъ ихъ слѣдуетъ понимать иначе и какъ ихъ можно *βαίνειν* иначе, чѣмъ *ὀκτασῆμος*, остается неяснымъ изъ нашего текста; впрочемъ, въ схоліяхъ къ Аристофану дохмическая строфа принята за леоническую.

Въ результатъ нашего разбора получается одно несомнѣнное данное о числѣ *χρ. πρ.* въ дохмій въ связи съ ритмическимъ значеніемъ его. Данное это пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ сравнительно съ дру-

гими, добываемыми также изъ свидѣтельствъ древнихъ, особенную цѣну, такъ какъ изъ всего, что дошло до насъ о дохмѣн, только оно можетъ быть provato посредствомъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ и потому является до нѣкоторой степени мѣриломъ того, насколько мы можемъ довѣрять остальнымъ свидѣтельствамъ древнихъ метриковъ. Однако не смотря на то, что факты, добываемые изъ разбора памятниковъ, неопровержимо подтверждаютъ показанія схолий о числѣ $\gamma\rho$. $\pi\rho$. въ дохмѣн, нѣкоторые выдающіеся ученые по метрикѣ склонны придавать слишкомъ мало значенія этой замѣткѣ; такъ Вестфаль даетъ объ ней слѣдующій отзывъ: *Man hat dieser Stelle viel Gewicht beilegen zu müssen geglaubt (Griech. Rhythm.,³ стр. 178)*; Кристь также относится съ большимъ сомнѣніемъ къ ея достовѣрности: *Dass damit der wirkliche Zeitwerth des Dochmius gegeben sei, möchte ich so fest, wie man gewöhnlich thut, nicht glauben, da auch sonst diese scheinbar alten Bezeichnungen auf nicht anders als eine blosse Sylbenzählung hinauslaufen (Metrik², стр. 433)*. Это обстоятельство заставляетъ насъ коснуться вопроса о происхожденіи этихъ схолий. Старыя схолиі къ Эскиму, изъ которыхъ мы приводили наши выдержки, заключаютъ въ себѣ много тонкихъ наблюдений надъ художественными приемами этого поэта, имѣютъ весьма важное значеніе для критики его текста и въ главныхъ чертахъ своихъ, какъ это доказано Фреемъ (*Freu, De Aesch. scholiis Mediceis, Bonn 1857 **), восходятъ къ грамматикѣ Дидиму. А Дидимъ, жившій въ вѣкѣ Августа, какъ извѣстно, представляетъ для насъ тотъ интересъ, что черезъ посредство почти его одного мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о трудахъ Александрійскихъ ученыхъ, которыхъ онъ компилировалъ. Теперь рождается вопросъ, можемъ ли мы разсматриваемыя замѣчанія возводить къ Дидиму. Утверждать это категорически едвали возможно, но одно обстоятельство сильно говоритъ въ пользу того, что если это замѣчаніе и не принадлежитъ самому Дидиму, то во всякомъ случаѣ явилось немногимъ позже его. Дѣло въ томъ, что у автора разсматриваемыхъ замѣтокъ, кто бы онъ ни былъ, нѣтъ никакихъ намековъ на теорію антиспаста. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что, насколько мы знаемъ, эта теорія всегда безъ исключенія прилагается къ дох-

*) См. W. Christ, *Griech. Literaturgesch.*². стр. 191.

міамъ съ того времени, какъ возникла. А если она, не смотря на свое признанное господство, въ данномъ случаѣ даже не приведена, то изъ этого мы имѣемъ право заключить, что рассматриваемое замѣчаніе схолиаста относится къ такому времени, когда теорія антиспаста не вступила еще въ свои права. Если это показаніе дѣйствительно принадлежитъ Дидиму, то мы можемъ его возводить непосредственно къ одному изъ великихъ Александрійскихъ ученыхъ. Хотя, насколько намъ извѣстно, они не оставили никакихъ сочиненій, содержаніемъ которыхъ служила бы специально метрика, тѣмъ не менѣе, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, они затрогивали метрическіе вопросы. Правда, авторитетъ Аристарха, одного изъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, подрывается тѣмъ, что изъ замѣтки одного изъ позднѣйшихъ метриковъ было выведено, будто онъ первый пустилъ въ обращеніе теорію антиспаста, но остроумная догадка Вестфала освободила имя этого ученаго отъ обвиненія въ этомъ. *Metrik d. Griech.* I² стр. 115.

Второе мѣсто въ этой группѣ, безспорно, должно быть отведено показанію *неизвѣстныхъ ритмиковъ*, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія схолій къ Гефестіону (стр. 185 W.) и Etym. M. (стр. 285), уже по одному тому, что не ознакомившись предварительно съ нимъ, мы не имѣемъ ключа къ правильному пониманію относящихся сюда отрывковъ изъ сочиненій Трихи и Аристида Квинтиліана.

Въ той группѣ схолій къ Гефестіону, которую Вестфаль называетъ Scholia A, и которая по своему происхожденію восходитъ къ комментарію Лонгина, для поясненія слова *πενθήμερὲς* съ подр. *ἀντισπαστικόν* (Еγγ. с. X) сдѣлано довольно пространное замѣчаніе, которое поразительно похоже на объясненіе слова *δογμαχός* въ Etym. M. Сходство это замѣтилъ уже Гайсфордъ, который первый открылъ схоліи къ Гефестіону и сличилъ оба мѣста. Этотъ же фактъ привлекъ къ себѣ вниманіе Россбаха и Вестфала, которые не только указали, что оба эти мѣста имѣютъ одинъ общій источникъ, но и попытались на основаніи сличенія того и другаго возстановить тотъ текстъ, который имѣли передъ своими глазами схолиастъ и авторъ Etym. M. (*Metrik d. Griech. Dram. u. Lyg.* III¹, стр. 551).

Въ настоящее время это сдѣлано лучше всего въ третьемъ изданіи *Theorie der Musischen Künste der Hellenen* Россбаха и Вестфала (I. стр. 178 и сл.), работой которыхъ буду пользоваться я.

Schol Hephaest.

Etym. M.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δογμακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτήρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες δογμακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος παιῶν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὼς ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἢ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα ἢ δυάς πρὸς τριάδα ἢ τριάς πρὸς τετράδα· τοῦτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονάς πρὸς δυάδα· ἐν δὲ τῷ δοσμῷ ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλλαβή. Εὐρίσχεται οὖν ἡ διαίρεσις τριάς πρὸς πεντάδα οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόγμαος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθειαν κρίνεται.

Δογμακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἐστὶ δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἶον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι

ἐστὶ δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα· ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἱαμβικός, δάκτυλος δακτυλικός, παιῶν, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοὶ εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται· ἢ γὰρ μονάς πρὸς δυάδα, ἢ δυάς πρὸς τριάδα, ἢ τριάς πρὸς τετράδα· ἢ τριάς πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δογμακῷ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυάς ἢ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δογμακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον κατὰ τὴν εὐθειαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δογμακόν, ὡς ἐπιπτώτων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων.

Такъ какъ текстъ того и другого памятника дошелъ до насъ несовсѣмъ въ исправномъ видѣ, то прежде чѣмъ дѣлать изъ него какіе-нибудь выводы, мы должны внести въ него нужныя поправки. Начнемъ со схолий къ Гефестіону. Въ нихъ слова: τοῦτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονάς πρὸς δυάδα заподозрѣны Вестфалемъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, возникли изъ глоссы; можетъ быть, даже изъ двухъ глоссъ: τοῦτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν служило при словахъ ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται примѣромъ наиболѣе совершенной ἰσότης; слова μονάς πρὸς δυάδα служатъ повтореніемъ ἢ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα. Очевидно, глоссу также представляютъ слова: ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλ-

λαβή, которыя поставлены для того, чтобы пояснить схему дохμία, при чемъ здѣсь предполагается такой эпитреть, схема котораго будетъ одинакова съ антиспаستمъ. Вставка этой глоссы повлекла за собой, повидимому, выпаденіе настоящаго текста, который мы можемъ восстановить по Etym. M. слѣдующимъ образомъ: ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ <τριας ἐστὶ πρὸς πεντάδα καὶ δυάς ἢ πλεονεκτοῦσα>. Послѣ ἐπεὶ смыслъ требуетъ добавленія, которое нетрудно сдѣлать на основаніи общихъ соображеній: ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται. Въ гораздо лучшемъ видѣ сохранился текстъ Etym. M.; поправки въ немъ, очевидно, требуютъ только бессмысленныя слова: ἢ τριας πρὸς τριάδα ἢ τριας πλεονεκτεῖται μονάδος, которыя весьма легко исправляются при помощи параллельнаго мѣста въ схоліяхъ такимъ образомъ: ἢ τριας πρὸς <τε>τρ[ι]άδα· [ἢ τριας] πλεονεκτεῖται; затѣмъ еще необходима послѣ сравнительной степени μεῖζον вставка частицы ἤ, которая также оправдывается схоліями. Въ исправленномъ видѣ тотъ и другой текстъ будетъ таковъ:

Schol Hephaest.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτήρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες δοχμιακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμικοί, ἔμβος παιῶν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὼς ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἢ γὰρ μονάς ἐστὶ πρὸς δυάδα ἢ δυάς πρὸς τριάδα ἢ τριας πρὸς τετράδα· ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ τριας ἐστὶ πρὸς πεντάδα καὶ δυάς ἢ πλεονεκτοῦσα. Εὕρισκεται οὖν ἡ διαίρεσις τριας πρὸς πεντάδα· οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ

Etym. M.

Δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἐστὶ δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἶον

ἐγὼ ὄ οὔτε σοι

ἐστὶ δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα· ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἱαμβικός, δάκτυλος δακτυλικός, παιῶν, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοὶ εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται. ἢ γὰρ μονάς πρὸς δυάδα, ἢ δυάς πρὸς τριάδα, ἢ τριας πρὸς τετράδα πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δοχμιακῷ τριας ἐστὶ πρὸς πεντάδα καὶ δυάς ἢ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δοχμιακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότη-

οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοῖνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθείαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμαχόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῶ τῶν ὀκτῶ χρόνων.

Изъ сопоставленія ихъ обоихъ Вестфаль выводять слѣдующій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для того и другаго: Οἱ πρῆσιρρημένοι ῥυθμοί, ἰαμβος, παιών, ἐπίτριτος, ὄρθοι καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται, ἢ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα, ἢ δυάς πρὸς τριάδα, ἢ τριάς πρὸς τετράδα. Ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυάς ἢ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὄρθος, ἐπεὶ οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοῖνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθείαν κρίνεται.

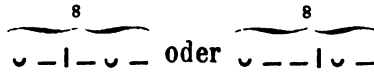
Я съ своей стороны въ виду того, что текстъ Etym. M., хотя и менѣе древнѣй по своему происхожденію, чѣмъ текстъ схолиѣ, не только совершенно свободенъ отъ глоссъ, но и отличается своей краткостью, которая заставляетъ предполагать, что нѣкоторыя выраженія, какъ καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται и ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται, взятая Вестфалемъ изъ схолиѣ, не находились въ общемъ источникѣ (ср. Kuehne, De dochm. q. trad. vet. стр 12), готовъ думать, что слова: καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμαχόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῶ τῶν ὀκτῶ χρόνων представляетъ фразу, принадлежащую также тексту ритмикῶν, которымъ пользовались схолиастъ и этимологъ.

Смыслъ возстановленнаго текста таковъ: тѣ стопы, у которыхъ разность между числомъ χρ. пр. въ тезисѣ и числомъ ихъ въ арзисѣ равняется единицѣ, называются ῥυθμοί (въ смыслѣ πόδες) ὄρθοι; тѣ же, у которыхъ эта разность больше единицы, называются ῥυθμοί δόχμιοι. Такимъ образомъ, ямбъ, пеонъ, эпипитръ, будутъ принадлежать къ первой категоріи, дохмій — ко второй. Стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, строго говоря, не относятся ни къ той, ни къ другой категоріи, такъ какъ у нихъ число χρ. пр. въ тезисѣ и арзисѣ одинаковое; но они по всей справедливости должны быть относимы къ первой категоріи, такъ какъ ἰσότης въ ихъ χρόνοι ποδικοί выражена гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ остальныхъ, которыя κεῖνται ἐν ἰσότητι, не смотря на разность въ единицу. Вестфалю уда-

лось даже открыть, чему обязано происхождение такого дѣленія стопъ. Онъ замѣтилъ, что формы отношеній между χρόνοι ποδικοί, обуславливающія принадлежность стопъ къ той или другой категоріи, находятся въ связи съ тѣми формами отношеній чиселъ вообще, которыя мы находимъ у математиковъ. Дѣло въ томъ, что у этихъ послѣднихъ такое отношеніе двухъ чиселъ, которое можетъ быть формулировано $x+1/x$, называлось λόγος ἐπιμόριος; оно соотвѣтствуетъ отношенію χρόνοι ποδικοί въ ῥυθμοὶ ὀρθοί, хотя подъ него въ сущности не подходитъ отношеніе въ γένος ἴσον и διπλάσιον, такъ какъ въ первомъ оно можетъ быть формулировано отношеніемъ x/x , а во второмъ $2x/x$. На основаніи какихъ соображеній стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, были подведены подъ категорію ῥυθμοὶ ὀρθοί, объ этомъ уже было сказано. Что же касается стопъ, относящихся къ γένος διπλάσιον, то онѣ были подведены подъ эту категорію потому, что разность между ихъ тезисомъ и арзисомъ равняется единицѣ. Математическое отношеніе, соотвѣтствующее ῥυθμοὶ δόχμιοι, формулируется такимъ образомъ: $x+1+n/x$; оно извѣстно подъ именемъ λόγος ἐπιμερής (ср. Nikom. Arithm. I. 19, 20). Связь дѣленія стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι съ указанными формами математическихъ отношеній подтверждается тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ (II. μουσ. стр. 59 20 J.) и Порфирій (Ad Ptolom. стр. 241) для ῥυθμοὶ ὀρθοί употребляютъ названіе πόδες ἐν λόγῳ ἐπιμορίῳ.

Установивъ связь между дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥυθμοὶ δόχμιοι и соотвѣтствующими формами математическихъ отношеній, Вестфаль переходитъ къ оцѣнкѣ возстановленнаго имъ показанія неизвѣстныхъ ритмиковъ и опредѣленію его даты и дѣлаетъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Diese Tradition über den ῥυθμὸς δόχμιος und die damit in Zusammenhang stehende Classification in ῥυθμοὶ ὀρθοί und δόχμιοι macht den Eindruck, als ob sie gut und alt sei, namentlich wenn man sie mit der bei Hephaestion p. 33 vorkommenden Angabe vergleicht, dass der Dochmius ein antispastisches πενθημιμερές sei, eine Auffassung, die erst, nachdem Heliodor das antispastische Metron unter die πρωτότυπα μέτρα versetzt hatte, aufkommen konnte. Und doch hat die Messung des Dochmius als eines ῥυθμὸς ὀκτάσημος, der aus einem 3-zeitigen Jambus

und einem 5-zeitigen Paeon oder auch aus einem 5-zeitigen Bacchius und einem 3-zeitigen Jambus bestehe,

mit Aristoxenus nichts gemein (I³ стр. 181). Въ доказательство этого онъ ссылается на то, что Аристоксенъ, перечисляя простыя и сложныя стопы, допускающія *συνεχῆς ῥυθμιότηαι*, по поводу стопъ въ во-семь χρ. пр. говоритъ слѣдующее: *ἔσονται δ' οὗτοι δακτυλικοί τῶ γενεῖ, ἐπειδὴ περ...* Что стояло дальше, неизвѣстно, такъ какъ на словѣ *ἐπειδὴ περ* прерывается дошедшій до насъ текстъ Аристоксена; но, по мнѣнiю Вестфала, смыслъ его могъ быть только тотъ, что въ стопахъ, заключающихъ въ себѣ восемь χρ. пр., всякая другая *διαίρεσις ποδὶ* кромѣ дактилической (а именно 1 + 7, 2 + 6, 3 + 5 или наоборотъ 5 + 3, 6 + 2, 7 + 1) неритмична. Но такъ какъ это мнѣнiе Вестфала основано только на предположенiи, которое ничѣмъ не подтверждается, то, при наличности какихъ-либо противорѣчающихъ ему данныхъ, мы можемъ совершенно свободно не принимать его въ расчетъ.

Если мы станемъ разсматривать текстъ неизвѣстныхъ ритмиковъ въ той формѣ, въ какой онъ возстановленъ Вестфалемъ безъ отношенiя къ другимъ источникамъ, то насъ поразитъ въ немъ одна особенность, которую Вестфаль не только оставилъ безъ вниманiя, но даже совершенно уничтожилъ въ приведенной нами выше цитатѣ, нѣсколько переименовавъ содержанiе свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ на основанiи другихъ источниковъ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что неизвѣстные ритмики вопреки большинству другихъ нашихъ источниковъ принимаютъдохмiй за одну простую стопу. Видно это какъ изъ того, чтодохмiй сопоставляется съ ямбомъ, пеонамъ и эпитритомъ, которые принимаются за простыя стопы, такъ и изъ того, чтодохмiй дѣлится не на ямбъ и кретику или бакхiй и ямбъ, а на *τριάς* и *πεντάς* точно такъ же, какъ ямбъ на *μονάς* и *δυάς*, пеонъ—на *τριάς* и *δυάς* и эпитритъ—на *τριάς* и *тетράς*; слѣдовательно, на части стопъ, а не на самостоятельныя стопы. Правда, эпитритъ, судя по тѣмъ формамъ, въ которыхъ онъ является, представляетъ не что иное, какъ трохантическую диподию съ постояннымъ спондеемъ на второмъ мѣстѣ, почему Аристоксенъ и

не упоминает его въ числѣ γένη ποδῶν, допускающихъ συνεχῆς ῥυθμοποιία, и затѣмъ ниже говорить, что μέγεθος ἐπίτασμον οὐκ ἔχει διαίρεσιν ποδικήν; однако Аристидъ Квинтилианъ, указавъ при перечисленіи стопъ три γένη ῥυθμικά, которыя мы находимъ и у Аристоксена, замѣчаетъ по поводу эпитрита, что къ числу трехъ упомянутыхъ имъ γένη ῥυθμικά προστιθέασι δέ τινες καὶ τὸ ἐπίτριτον (стр. 28 s J), и затѣмъ ниже, излагая систему стопъ, которой держатся чистые ритмики (они у него названы οἱ χωρίζοντες τῆς μετρικῆς θεωρίας τὴν περὶ ῥυθμῶν), упоминаетъ λόγος ἐπίτριτος на ряду съ другими. Поэтому мы имѣемъ право заключить, что эпитритъ, а съ нимъ вмѣстѣ и дохмій въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ признаются за такія же простыя стопы, какъ ямбъ и пеонъ.

Наконецъ, показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, сколько χρ. пр. заключается въ дохміи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій содержалъ въ себѣ не восемь χρ. пр., какъ это вытекаетъ изъ того, что наши ритмики дѣлятъ его на τριάς и πεντάς, а больше, то для нихъ, какъ ритмиковъ, было бы обязательно оговорить это обстоятельство и указать, какое число χρ. пр. и въ какомъ мѣстѣ должно быть восполнено посредствомъ протяженія или паузы. Если же вѣрно мое предположеніе, что послѣдняя фраза въ текстѣ Etym. M. обязана своимъ происхожденіемъ неизвѣстнымъ ритмикамъ, то въ ней мы имѣемъ еще болѣе вѣское доказательство правильности этого моего вывода.

Перейдемъ теперь къ *Аристиду Квинтилиану*, который въ своемъ сочиненіи *Περὶ μουσικῆς* посвятилъ нѣсколько строкъ дохмію. Но такъ какъ въ девятой книгѣ *De nuptiis Philologiae et Mercurii Марціана Капеллы* мы находимъ почти дословный переводъ этого мѣста изъ сочиненія Аристиды Квинтилиана, то будемъ разсматривать оба текста параллельно:

Arist. Quint.

Μιγνυμένων δὲ τῶν γενῶν τούτων εἶδη ῥυθμῶν γίνεται πλείονα· δύο μὲν δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰάμβου καὶ δακτύλου καὶ παίωνος· εὐφυέσ-

Marc. Cap.

Verum haec genera cum permixta fuerint speciebus numerorum, primae species erunt istae, quae dochmiacae nominantur. ex quibus prius quod fuerit, hac lege conponitur ut sit ex iambo

τεραι γὰρ αἱ μίξεις αὐται κατε-
φάνησαν (δόχμιοι δὲ ἐκαλοῦντο
διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον καὶ
μὴ κατ' εὐθὺ θεωρεῖσθαι τῆς ῥυθ-
μοποιίας). Стр. 26 5—10 J.

et paeone, qui διάγυιος vocatur:
hunc posteriores Graeci διάγυι-
ον nominaunt. secunda est spe-
cies, quae ex iambo dactylico
et paeone constare monstratur.
Стр. 372 10—16 Eys.

Глаголомъ *μιγνύναι*, какъ замѣтилъ Цезарь, Аристидъ обозна-
чаетъ соединеніе въ одно ритмическое цѣлое стопъ, принадлежа-
щихъ къ разнымъ *γένη ῥυθμοῦ*, тогда какъ при соединеніи стопъ,
принадлежащихъ къ одному и тому же γ. *ῥυθμοῦ*, у него употре-
бляется глаголь *συντιθέναι*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значе-
ніе слова *σύνθεσις* распространено и на соединеніе стопъ, относя-
щихся къ разнымъ *γένη ῥυθμοῦ* (Die Grundz. d. griech. Rhyth.
стр. 199). Такимъ образомъ, самый выборъ глагола показываетъ намъ,
что дохмій, по мнѣнію Аристида Квинтилиана, представляетъ соеди-
неніе двухъ самостоятельныхъ стопъ, вслѣдствіе чего при исполненіи
его происходитъ каждый разъ *μεταβολὴ ῥυθμοῦ γενικῆ*.

Первый родъ дохміа состоитъ изъ ямба и *παίων διάγυιος*. Спра-
шивается, что такое представляетъ этотъ послѣдній. Схему *παίων*
διάγυιος мы находимъ у самого Аристида: *παίων διάγυιος ἐκ μακρᾶς*
θέσεως καὶ βραχείας καὶ μακρᾶς ἄρσεως (стр. 25 35—36 J), а также
въ соответствующемъ мѣстѣ у Капеллы, которое впрочемъ нуждается
въ исправленіи: *paeon διάγυιος appellatur ex longa positione <et*
brevi> (θέσις) et longa elatione (ἄρσις) (стр. 371 25—372 1—2 Eys).
Наконецъ, въ своемъ переводѣ Капелла отождествляетъ *παίων διάγυιος*
съ кретикомъ, схема котораго извѣстна изъ многихъ источниковъ
(Dion. De comp. v. c. XVII; ср. Christ Mitrik², стр. 390 и сл.).

По отношенію ко второму виду дохміа текстъ Аристида не
сходится съ текстомъ Капеллы: этотъ послѣдній говоритъ, что
дохмій состоитъ изъ дактилическаго ямба, т. е., по всей вѣроят-
ности, ямба, являющагося въ формѣ дактиля: — ∪ ∪, и пеона: — ∪ —;
тогда какъ, по первому, онъ состоитъ не изъ двухъ, а изъ трехъ
стопъ: ямба, дактиля и пеона ∪ — — ∪ ∪ — ∪ —. Это несоответствіе
возбуждаетъ вопросъ о томъ, чье показаніе слѣдуетъ считать болѣе
правильнымъ. Правда, втораго вида дохміа ни въ той формѣ, въ какой
онъ является у Аристида Квинтилиана, ни въ той, въ какой у Марціана

Капеллы, мы не встрѣчаемъ ни у кого изъ древнихъ метриковъ, но на сторонѣ Марціана Капеллы находится то преимущество, что его дохмій представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ этого размѣра тогда какъ подъ описаніе Аристида Квинтиліана не подходятъ ни одна изъ нихъ. Но еще сильнѣе противъ вѣрности текста Аристида Квинтиліана говоритъ тотъ фактъ, что при перечисленіи *πόδες κατὰ περίοδον σύνθετοι*, относящихся къ *γένος ἰαμβικόν*, у него подъ именемъ *ἰαμβος ἀπὸ βαχχείου*, иначе *μέσος βαχχείος*, дается стопа, схема которой тождественна со схемой втораго вида дохміа. А такъ какъ описаніе *ἰαμβος ἀπὸ βαχχείου* сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ по тому же источнику, по какому и описаніе двухъ видовъ дохміа, то мы вправѣ были бы ожидать какой нибудь оговорки по поводу такого совпаденія, еслибы оно дѣйствительно имѣло мѣсто. Эти соображенія заставляютъ насъ въ описаніи втораго вида дохміа у Аристида Квинтиліана принять поправку, выставленную Гольдманомъ въ качествѣ одного изъ тезисовъ своей диссертациі (*De dochmiorum usu Sophocleo*): *Arist. Quint. p. 39 verba sic corrigenda puto: δύο μὲν δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ δακτύλου καὶ παίωνος (_ _ _ _) εὐφυέστεραι γὰρ αἱ μίξεις αὗται κατεφάνησαν.*

Приведенное нами описаніе двухъ видовъ дохміа сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ, какъ это онъ самъ сообщаетъ ниже, по системѣ, которой держатся *οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν*, и потому напрасно было бы искать въ немъ какихъ либо слѣдовъ ученія Аристоксена о дохміи. Для этой цѣли мы скорѣе должны обратиться къ приводимому Аристидомъ вслѣдъ за теоріей, которой держатся *οἱ συμπλέκοντες*, обзорѣнію стопъ по системѣ чистыхъ ритмиковъ, которые названы у него, въ противоположность съ первыми, *οἱ χωρίζοντες*. Система чистыхъ ритмиковъ состоитъ въ слѣдующемъ: *ἀρξάμενοι γὰρ ἀπὸ δισημοῦ συντιθέασιν ἀριθμούς μέχρι τῶν συνθέτων ῥυθμῶν, καὶ τούτους κατὰ τοὺς προειρημένους σχηματίζοντες λόγους, ἴσον τε καὶ διπλάσιον ἡμιόλιόν τε καὶ ἐπίτριτον... πάλιν δὲ τοὺς συνθέτους ὡδὶ ποιοῦσιν· σύμπαντα τὸν ἀριθμὸν ἐκτίθενται καὶ μερίζουσι τοῦτον εἰς σχήματα ῥυθμικά· κἂν μὲν ἔχη λόγον τινα ταῦτα πρὸς ἄλληλα, ὃν οἱ τῶν ἀπλῶν ῥυθμῶν σώζουσι χρόνοι, ἔρρυθμον ἀποφαίνονται τὸ σχῆμα· εἰ δὲ μή, πάλιν μετασχηματίζουσιν, ἕως ἂν εἰς λόγους ῥυθμικοὺς ἢ τοῦ ῥυθμοῦ διαίρεσις καταντήσῃ. οἶον*

ἐκκειμένης δεκάδος θεωρείσθω τὰ σχήματα ὡς ἐπὶ ῥυθμοῦ γενέσεως. ἐκ δυάδος μὲν οὖν καὶ ὀκτάδος οὐκ ἔσται ῥυθμός· οὐ γὰρ ἔρῥυθμος ὁ τετραπλασίων λόγος· ὡστ' οὐδὲ ἡ δεκάσημος ἔσται ἐκ δισήμεου καὶ ὀκτασήμεου. μερίζω τὴν ὀκτάδα πάλιν εἰς τριάδα, οὐδ' οὕτως ἔσται ῥυθμικός λόγος· τὸν πέντε πάλιν εἰς τρία καὶ δύο, λέγω τὸν τρία πρὸς ἕκαστον τῶν δισήμεων λόγον ἔχειν ἡμιόλιον, ὥστε καὶ τὸν δεκάσημον συνεστάναι διὰ τούτων. πάλιν εἰ μερίσαιμι τὸν αὐτὸν εἰς τριάδα καὶ ἐπτάδα, οὐκ ἔσται λόγος τῶν ἀριθμῶν ῥυθμικός. μερίζω τὸν ἐπτὰ εἰς τρία καὶ τέσσαρα, καὶ σώζεται λόγος ἐπίτритος, ἐξ οὗ φημι συντίθεσθαι τὸν δεκάσημον. πάλιν ποιῶ τὸν αὐτὸν ἐκ τετρασήμεου καὶ ἑξασήμεου, συνέστη λόγος ῥυθμικός ἡμιόλιος. πάλιν εἰς δύο· εἰ μὲν οὖν ἀπλοῦς ἀμφοτέρους, τὸν ἴσον καὶ ῥυθμικὸν ἔξουσι λόγον· εἰ δὲ συνθέτους, καθὰ προεῖπον ποιησάμενος τὴν διαίρεσιν, συνίστημι τὸν δεκάσημον. (Π. μουσ. стр. 26 33—36 и 27 9—28 J). Вопросъ о томъ, что такое представляетъ изъ себя dochmī съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ остается отсюда нерѣшеннымъ.

Но Брамбахъ, опираясь на приведенный Аристидомъ Квинтилианомъ примѣръ, приходитъ къ такому заключенію: Auf die den Silben nach achtzeitige Reihe passt nun auch, was der Rhythmiker von der zehnzeitigen sagt, dass ihre Theile zusammengesetzt seien; denn er mass:

$$\begin{array}{c} \text{τριάς} \quad | \quad \text{πεντάς} \\ \text{υ} \quad \text{—} \quad | \quad \text{— υ} \quad \text{—} \\ \hline \text{ἄρσις} \quad \quad \quad \text{θέσις} \end{array}$$

Aus diezer Zerlegung ersehen wir, dass von der alten Rhythmik in der That die Thesis und somit der ganze Dochmius nicht als Einheit behandelt wurde (Metr. Stud. zu Soph. Einl. XXIX). Затѣмъ, указавши на то, что изложенная Аристидомъ Квинтилианомъ система чистыхъ ритмиковъ находится въ связи съ учениемъ Аристоксена (Р. ст. стр. 415 M), онъ приписываетъ этому послѣднему слѣдующую теорію: er löst die Tactverbindungen so lange in ihre Theile auf, bis sich unter diesen eines der einfachen Massverhältnisse ergibt. Wenn sich die Gesamtverbindung der Arsis und Thesis nicht auch in dieselben Massverhältnisse fügt, so heisst die ganze Reihe 'dochmisch' (ib.).

Признавая съ Брамбахомъ, что излагаемая Аристидомъ Квинтилианомъ система чистыхъ ритмиковъ въ общихъ чертахъ сходится съ учениемъ Аристоксена, тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ этимъ ученымъ въ томъ, что онъ безъ дальнихъ разсужденій отождествляетъ ихъ другъ съ другомъ. Противъ этого говорятъ уже тотъ фактъ, что *οἱ χωρίζοντες* Аристида Квинтилиана допускаютъ *λόγος ἐπίτριτος*, тогда какъ по Аристоксену его не существуетъ. Далѣе, распространяя названія дохмій на всякое ритмическое сочетаніе, въ которомъ отношеніе частей не подойдетъ ни подъ одно изъ извѣстныхъ намъ четырехъ отношеній, Брамбахъ поступаетъ совершенно произвольно, такъ какъ у Аристида Квинтилиана въ данномъ мѣстѣ даже не упоминается слово дохмій, а въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ дохміемъ называется только такая стопа, въ которой разность между тезисомъ и арвисомъ равняется двумъ. Наконецъ, при разсмотрѣніи показанія Аристида Квинтилиана мы должны принять въ расчетъ и то обстоятельство, что онъ имѣетъ въ виду дать только общія положенія, которыми дохмій весьма легко можетъ быть не предусмотрѣнъ. Поэтому, еслибы даже дѣйствительно дохмій съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ по Аристиду Квинтилиану и представлялъ сложную стопу, однако изъ этого вовсе не должно слѣдовать, чтобы Аристоксенъ также принималъ дохмій за сложную стопу. Напротивъ того, есть одно обстоятельство, которое можетъ повести насъ къ совершенно противоположному заключенію. Дѣло въ томъ, что у Цицерона, неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также, по всей вѣроятности, и въ схоліяхъ къ Эсхиловымъ Sept. 99. дохмій разсматривается какъ простая стопа. По системѣ, которой держатся *οἱ συμπλέκοντες*, дохмій распадается на двѣ стопы. Нельзя также приурочить взгляда на дохмій какъ на простую стопу ни къ «старшей», ни къ «младшей» школѣ метриковъ, потому что ни та, ни другая не помѣщаетъ его въ число своихъ *μέτρα πρωτότυπα* (см. Rossbach u. Westphal, *Metrik d. Griech.* I^o стр. 167). Остается только система чистыхъ ритмиковъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она является въ отрывкахъ Аристоксена. Но, если это такъ, то рождается вопросъ, почему дохмій не упомянутъ Аристоксеномъ при перечисленіи имъ *γένη ποδῶν*, допускающихъ *συνεχῆς ῥυθμιποίησιν* (стр. 412 M.). Если знакомое намъ изъ неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и

Етуш. М. дѣленіе стопъ на $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota \delta\rho\theta\omicron\iota$ и $\rho. \delta\delta\upsilon\mu\omicron\iota$ было усвоено уже Аристоксеномъ, то мы весьма легко можемъ предположить, что въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ излагается только теорія $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota \delta\rho\theta\omicron\iota$, $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota$ же $\delta\delta\upsilon\mu\omicron\iota$ отнесены въ другую часть книги, которая до насъ не дошла. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы Аристоксенъ ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія не коснулся дохміа.

Изъ источниковъ, относящихся ко второй группѣ, намъ остается разсмотрѣть только показаніе *Бакхія*, автора *Εισαγωγή τέχνης μουσικῆς*. Дохміи у него сначала упоминается при перечисленіи сложныхъ стопъ ($\pi\acute{o}\delta\epsilon\varsigma \sigma\upsilon\mu\pi\epsilon\pi\lambda\epsilon\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota$); затѣмъ ниже дается его схема и примѣръ на нее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: $\acute{\epsilon}\nu\upsilon\alpha\tau\omicron\varsigma \delta\grave{\epsilon} \delta\delta\upsilon\mu\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\xi \iota\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\nu\alpha\pi\alpha\iota\sigma\tau\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota \kappa\alpha\iota\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma \tau\omicron\upsilon \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \beta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu \omicron\iota\omicron\nu \acute{\epsilon}\mu\epsilon\upsilon\epsilon\nu \acute{\epsilon}\kappa \tau\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma \chi\rho\theta\acute{o}\nu\omicron\nu$.

(Westphal, *Metrik d. Gr.* I², Suppl. стр. 48, 2—4).

Если мы примемъ $\text{-}\acute{\alpha}\text{-}$ въ словѣ *τρίας* за краткій слогъ (ср. Christ, *Metrik*² стр. 26 и сл.; Rossbach u. Westphal, *Theorie d. mus. Künste d. Hell.* III², стр. 130 сл.), то схема примѣра будетъ такова: v v v - v - v - , представляя одну изъ очень употребительныхъ формъ дохміа, только съ прибавленіемъ двухъ лишнихъ слоговъ въ концѣ.

Для того, чтобы вывести схему дохміа на основаніи предшествующаго примѣру описанія, мы должны опредѣлить, что такое представляютъ изъ себя $\iota\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\pi\alpha\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ и $\kappa\alpha\iota\acute{\alpha}\nu \delta \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \beta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$. Схема двухъ первыхъ стопъ опредѣлена у Бакхія и не отличается отъ общепринятой. Что же касается $\kappa\alpha\iota\acute{\alpha}\nu \delta \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \beta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$, то этой стопы мы не находимъ у Бакхія и потому должны вывести схему ея изъ описанія пеана и опредѣленія значенія слова $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$. Схема простаго пеана опредѣляется у Бакхія такъ: $\kappa\alpha\iota\acute{\alpha}\nu \sigma\acute{\upsilon}\nu\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\kappa \chi\rho\theta\epsilon\iota\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota \acute{\eta}\gamma\epsilon\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma \omicron\iota\omicron\nu \epsilon\upsilon\pi\lambda\acute{o}\chi\mu\omicron\varsigma$ (ib. стр. 48 34 и 47 1); подъ словомъ $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ Бакхій разумѣетъ $\sigma\acute{\upsilon}\nu\tau\alpha\chi\iota\varsigma \delta\upsilon\omicron \pi\omicron\delta\omega\acute{\nu} \eta \pi\omicron\delta\delta\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \kappa\alpha\tau\alpha\lambda\acute{\eta}\xi\epsilon\omega\varsigma$ (ib. стр. 46 8—10). Собственно говоря, изъ значенія слова $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ вытекаетъ, что и простой пеанъ, состоя изъ $\chi\rho\theta\epsilon\iota\omicron\varsigma$ и $\acute{\eta}\gamma\epsilon\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, можетъ быть названъ $\delta \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \beta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$; но въ виду того, что Бакхій не называетъ его такъ, мы должны предположить, что подъ именемъ $\kappa\alpha\iota\acute{\alpha}\nu \delta \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \beta\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$ скрывается кретиъ, который по Бакхію долженъ

распадается на *χρεῖος* и *κατάληξις*. Такимъ образомъ, по описанію, схема дохмія опредѣляется такъ: $\cup \cup \cup _ _ \cup _ _$. Но если мы сравнимъ эту схему со схемой примѣра, то увидимъ, что онѣ не сходятся другъ съ другомъ въ формѣ второй стопы. Это обстоятельство заставило Кюне предположить порчу текста. Исправленіе его онъ начинаетъ съ примѣра, который отождествляетъ съ первой половинкой стиха *Eug. Hel. 651*:

ἔμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν.

(Kühne, *De dochmio quid tradiderint veteres*, стр. 29 и сл.).

И дѣйствительно, если мы сравнимъ этотъ стихъ, представляющій дохмическій диметръ съ распущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ въ обоихъ дохміяхъ, и примѣръ Бакхія, то найдемъ, что первый дохмій въ указанномъ Кюне стихѣ совершенно совпадаетъ съ примѣромъ, въ которомъ лишнимъ останется только слово *χρόνον*. Такое совпаденіе не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что примѣръ Бакхія взятъ изъ приведеннаго стиха Еврипида; а такъ какъ стихъ этотъ въ критическомъ отношеніи не даетъ никакого повода къ сомнѣнію, то мы должны признать, что слово *χρόνον* попало въ составъ примѣра вслѣдствіе какой-нибудь ошибки и потому подлежитъ удаленію. Такимъ образомъ, примѣръ Бакхія, освобожденный отъ излишней прибавки, представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ дохмія, которая подходитъ подъ описанія этой стопы, извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ. Отъ примѣра Кюне переходить къ предшествующему ему описанію и уничтожаетъ въ немъ слова *καὶ ἀναπαύστου*. Исправивши такимъ образомъ текстъ, онъ не только уничтожаетъ несоотвѣтствіе между описаніемъ дохмія и примѣромъ, но и приводитъ въ связь показаніе Бакхія о дохміи съ другими древними свидѣтельствами. Если мы сравнимъ исправленный Кюне текстъ Бакхія съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Аристида Квинтилиана, то найдемъ, что дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать первому виду дохмія Аристида Квинтилиана. А такъ какъ перечисленіе стопъ у Бакхія и у Аристида Квинтилиана по теоріи, которой держатся *οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν*, восходитъ, хотя и не непосредственно, къ одному общему источнику, какъ это показалъ Вестфаль (*Roszbach u. Westphal, Metrik d. Gr. I²* стр. 94 и сл.), то это соотвѣтствіе можетъ слу-

жить речательствомъ правильности сдѣланныхъ Кюне поправокъ. Остается теперь только уяснить тотъ путь, какимъ произошло искаженіе текста Бакхія. Появленіе слова *χρόνον* въ немъ Кюне объясняетъ такимъ образомъ: *ac quis infitias eat vocem χρόνον in libello rhythmico, ubi sexcenties legitur, nullo fere negotio levissima librariorum socordia ab alia in aliam columnam aut versum migrae potuisse* (De doch. q. trad. vett. стр. 29); о томъ, какимъ образомъ явилась вставка словъ *καὶ ἀναπαύστου*, онъ ничего не говоритъ, считая ее, по всей вѣроятности, вызванной прибавленіемъ въ примѣръ слова *χρόνον*. Признавая справедливость высказаннаго Кюне мнѣнія о томъ, что примѣръ Бакхія заимствованъ изъ Еврипида, мы не можемъ согласиться съ натянутымъ объясненіемъ, въ которомъ онъ прибѣгаетъ для того, чтобы показать, какимъ образомъ слово *χρόνον* появилось въ данномъ мѣстѣ.

Инымъ способомъ старается привести въ соотвѣтствіе описаніе дохмія съ примѣромъ на него Вестфаль. Указавъ на то, что дактилическая стопа по терминологіи, которой держатся *οἱ συμπλέκοντες* Аристида Квинтиліана, носить названіе *ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος*, онъ высказываетъ мысль, что въ описаніи дохмія у Бакхія подъ *ἀνάπαιστος* разумѣется не обыкновенный анапестъ, а *ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος*; на основаніи этого предположенія схема дохмія у него является таковой:

υ — υ υ — υ —

Примѣръ онъ подгоняетъ подъ эту схему, принимая въ словѣ *Τροίας* діэрезисъ. При такомъ толкованіи этого мѣста дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать второму виду дохмія у Аристида Квинтиліана, если только не допускать въ текстѣ этого послѣдняго поправки Гольдмана. Но, помимо необходимости этой поправки, черезъ которую нарушится соотвѣтствіе между Бакхіемъ и Аристидомъ Квинтиліаномъ, мы не можемъ допустить толкованія Вестфалья также потому, что въ примѣрѣ Бакхія невозможно удерживать слово *χρόνον* вопреки чтенію Eur. Hel. 651.

Мнѣ же кажется, для того, чтобы понять, откуда появилось въ примѣрѣ Бакхія слово *χρόνον* и въ связи съ нимъ слова *καὶ ἀναπαύστου* въ описаніи, мы должны предварительно опредѣлить, что такое представлялъ изъ себя тотъ оригиналъ, который въ сокращенномъ видѣ компилировалъ Бакхій. Изъ сличенія Аристида Квинти-

ліана съ Бакхіемъ видно, что оригиналь этотъ различалъ два вида дохмія и былъ снабженъ примѣрами. Если въ видѣ примѣровъ въ немъ были выписаны дѣлше стихи, какъ это мы находимъ у Діонисія Галикарнасскаго при описаніи стопъ, то мѣсто, относящееся къ дохмію, имѣло приблизительно такой видъ: δύο δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἶον·

ἔμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν

τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ ἀναπαίστου ἀπὸ μείζονος καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἶον... Возстановивъ такимъ образомъ общій оригиналь Бакхія и Аристида Квинтилиана, мы легко прійдемъ къ той мысли, что при словѣ πολυετῆ въ немъ могло явиться въ видѣ надстрочной глоссы слово χρόνον, которое, будучи принято въ составъ примѣра компиляторомъ, сокращавшимъ оригиналь, повлекло за собою вставку словъ καὶ ἀναπαίστου, извлеченныхъ изъ описанія второго вида дохмія.

Дохмія у грамматиковъ и метриковъ. Показанія источниковъ третьей группы имѣютъ почти только историческій интересъ, а потому мы коснемся ихъ, насколько возможно, кратче. Начну съ *Гефестіона*, какъ съ самаго старшаго по времени появленія, и схолий къ нему. Въ десятой главѣ его 'Εγχειρίδιον, посвященной антиспастамъ, къ дохміямъ имѣеть отношеніе слѣдующее мѣсто: καὶ ἔστιν ἐπίσημα ἐν αὐτῷ (т. е. ἀντισπαστικῷ) τάδε· πενθήμερες μὲν, τὸ χαλούμενον δοχμιακόν, οἶον

κλύειν μαίεται
τὸν ἐγχώριον.

(стр. 32 23 и 33 1—4 W).

Въ старыхъ *схολіяхъ* къ нему на это мѣсто сдѣлано такое замѣчаніе: Τοῦτο κατὰ πόδα συμβαίνει. δύο γὰρ ἔστι κῶλα ποδῶν ἀπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακόν σύγκηται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα... Ἐνταῦθα οὖν δύοχμιον ρυθμὸν φησιν ἰάμβον καὶ παιῶνα πρῶτον, τουτέστιν ἐκ βραχείας καὶ μακρᾶς καὶ μακρᾶς καὶ τριῶν βραχειῶν· τινὲς γὰρ οὕτω μετροῦσι. Καὶ ἔστιν ἡ ται συλλαβὴ εἰς β' βραχεῖα λογιζομένη τοῦ παιῶνος, ἵνα τὸ μαίεται πρῶτος παιῶν ἦ. τὸ δὲ τέλος τῆς δευτέρας φήσεως ἀντὶ μακρᾶς ἔχει [τὸ τέλος] λυόμενον εἰς δύο βραχείας

(стр. 185 1—26 W). Изъ словъ Гефестіона явствуетъ, что онъ принимаетъ дохміи за (κῶλον) ἀντισπαστικὸν πενθήμερες. Названіе это, какъ видно изъ схолій, объясняется тѣмъ, что дохміи состоятъ изъ антиспаста, который, распадаясь на ямбъ и трохей, заключаетъ въ себѣ четыре полустопы, и еще одного лишняго слога, который принимается за половинку стопы. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ словъ Гефестіона въ схоліяхъ приведено разобранное уже нами свидѣтельство неизвѣстныхъ ритмиковъ. Не понявъ, почему въ немъ дохміи дѣлятся на τρίας и πεντάς, схолиастъ отождествляетъ эти величины съ ямбомъ и первымъ пеонѣмъ. Но такъ какъ первый стихъ въ примѣрѣ, приводимомъ Гефестіономъ, оканчивается долгимъ слогомъ, а второй—безразличнымъ, между тѣмъ какъ въ первомъ пеонѣ являются въ соотвѣтствіи съ ними два краткихъ слога, то схолиастъ оканчиваетъ свое замѣчаніе нелѣпой попыткой примирить это противорѣчіе.

Въ тѣснѣйшей зависимости отъ Ἐγχειρίδιον Гефестіона и его схолій стоитъ замѣчаніе о дохміи метрика Трихи, составившаго компиляцію сочиненія Гефестіона и старыхъ схолій къ нему (scholia A). Въ посвященной антиспасту главѣ, своего сочиненія Ἐπιμερισμοὶ τῶν ἐννέα μέτρων Триха говоритъ слѣдующее: Μονόμετρον δὲ ὑπερκατάληκτόν ἐστιν οἷον τὸ

φαινοισά μοι.

Τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθήμερες ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει μέτρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἥμισυ δισυλλαβίας εὐρίσκεται ἔχον. Τὸ αὐτὸ δὲ καὶ δογματικὸν ὀνομάζεται ἢ ἀπὸ ἐθνους οὕτως ὀνομαζομένου ἢ ἀπὸ τοῦ πρώτως αὐτῷ χρηταμένου ἢ παρ' ὅσον, <ὡς> ἐνιοὶ φασί, πλάγιόν τινα ῥυθμὸν ἔχει καὶ οὐκ ὀρθότατον (стр. 286 17—26 W).

Если мы сравнимъ показаніе Трихи съ приведенной нами выше цитатой изъ схолій, то найдемъ, что въ немъ нѣтъ ни одной фразы, которая не находила бы себѣ параллели въ схоліяхъ. Дохміи у Трихи является подъ именемъ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον (подр. ἀντισπαστικόν), которое находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ схолій: τὸ δογματικὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς. Для того, чтобы понять связь между тѣмъ и другимъ выраженіемъ, мы должны припомнить, что у древнихъ метриковъ всякій членъ (κῶλον), измѣряемый дяподіями, назывался гиперкатаlecticескимъ, если въ

концѣ имѣлъ остатокъ изъ одного или двухъ слоговъ, и что анти-спасть принимался за совокупность двухъ стопъ: ямба и трохея. Слова: τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθήμερες ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει· μετρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἥμισυ δισυλλαβίας εὐρίσκεται ἔχον представляють передѣлку словъ схолий: ποδῶν ἀπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Смыслъ словъ Трихи тотъ, что если дѣлать пять слоговъ дохмiа по два, то получится два раза по два слога и еще одинъ слогъ, а если считать каждый слогъ за половинку прбстой стопы, то всего-на-всего получится пять половинокъ. Начало послѣдней фразы со словъ ἡ παρ' ἑσόν представляеть собственную догадку Трихи относительно происхожденiя названiя дохмiа. Что же касается конца этой фразы, то онъ произошелъ благодаря найденному Трихой въ столiяхъ дѣленiю стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥ. δόχμιοι.

Слѣдующiя строки въ показанiи автора *Etym. M.* стр. 285: δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἐστὶ δὲ μονόμετρον ὑπερχατάληκτον, οἶον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι —

ἐστὶ δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν..., которыя послѣ сказаннаго по поводу соотвѣтствующаго выраженiя у Трихи не нуждаются въ объясненiя, показываютъ, какъ онъ понималъ дохмiй.

Одинаковаго съ нимъ взгляда на дохмiй держался и *Димитрiй Триклиниъ*, что видно изъ слѣдующаго замѣчанiя въ столiяхъ къ *Soph. Ant.* 881: θεᾶν ἢ ῥυθῶν] ἀντισπαστικὸν μονόμετρον ὑπερχατάληκτον, ὃ καλεῖται δοχμιακόν.

Для того, чтобы сводъ всего имѣющаго отношенiе къ дохмiю у греческихъ писателей былъ совершенно полонъ, мы приведемъ замѣчанiя *схолий* къ *Ar. Av.* 836, 1188 и 1262.

Замѣтка схолий къ 936 стиху содержитъ въ себѣ разборъ цѣлаго отрывка комедiи отъ 936—945, изъ котораго къ дохмiю имѣеть отношенiе только объясненiе ритмическаго значенiя стиха 942. Но такъ какъ объясненiе это сдѣлано въ такой формѣ, что можетъ быть понято только въ связи съ объясненiемъ предыдущаго стиха, которое нуждается въ поправкѣ, то я приведу для ясности не толь-

κο слова схолий, относящіяся къ обоимъ этимъ стихамъ, но и самыя стихи. Стихи и схема ихъ таковы:

νομάδεσσι γὰρ ἐν Σχύθαις	υ υ — υ υ — υ —
ἀλᾶται Στράτων	υ — — υ —

Схолиастъ по поводу ихъ замѣчаетъ слѣдующее: ἐξῆς δ' ἡ ε' περιόδος κώλων ἀναπαιστικῶν πέντε. ὦν τὸ πρῶτον δίμετρον καταληκτικόν, τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου. τὸ β' πενθημιμερές, ὃ καλεῖται δογμαϊκόν (стр. 231 41—44 Did.).

Первый стихъ еще можно, хотя и съ натяжкой, назвать анапестическимъ, но у второго рѣшительно нѣтъ ничего общаго съ анапестами. Поэтому мнѣ кажется, что слово ἀναπαιστικῶν слѣдуетъ замѣнить постредствомъ ἀντισταστικῶν. Если мы примемъ эту поправку, то для насъ сдѣлается понятнымъ, не только почему 936 стихъ названъ πενθημιμερές, но и получать нѣкоторый смыслъ слова: τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου, которыя никакъ не могутъ относиться къ анапестической стопѣ.

Стихъ 1188 представляетъ начало строфы, состоящей изъ чистыхъ дохмиевъ, а стихъ 1262—начало антистрофы, находящейся въ соотвѣтствіи съ ней; но схолиастъ, не понявъ этого соотвѣтствія, при первомъ изъ указанныхъ мною стиховъ дѣлаетъ слѣдующій разборъ строфы: Εἰσθεσις χοροῦ ἐπωδική κώλων τροχαϊκῶν ἐπιμεμιγμένων χορείαις ἤτοι τριβράχεσι καὶ δακτύλοις πενθημιμερῶν η'. ὦν τὰ μὲν πρῶτα τρία καὶ παιωνικά, εἰ βούλει, ποιήσει ἡμιόλια. τὸ τέταρτον τροχαϊκόν ἐκ δακτύλου πενθημιμερές. τὸ πέμπτον καὶ ἕκτον ἰθυφαλλικά. τὸ ζ' καὶ η' τροχαϊκὰ πενθημιμερῆ. ἐν ἐκθέσει δὲ ἰαμβικὰ τρία. ὦν τὸ πρῶτον δίμετρον ἀκατάληκτον. οἱ δὲ δύο τρίμετροι ἀκατάληκτοι. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 236 25—33 Did.).

Къ стиху 1262 замѣчено слѣдующее: Κορωνίς καὶ εἰσθεσις μέλους χοροῦ μεσσοδική κώλων παιωνικῶν ζ'. ὦν τὸ πρῶτον καὶ δεῦτερον δίμετρα βραχυκατάληκτα, ἤτοι ἡμιόλια. τὸ γ' δίμετρον καταληκτικόν, ἤτοι ἐφθημιμερές. τὸ δ' ὅμοιον τῷ α'. τὸ ε' ὅμοιον τῷ γ'. τὸ δὲ ἕκτον δίμετρον ἀκατάληκτον διὰ τὴν ἀδιάφορον. ἐν τισὶ δὲ δύο κῶλα συνῆπται ταῦτα. ἐν ἐκθέσει δὲ στίχος ἰαμβικὸς τρίμετρος ἀκατάληκτος ὅμοιος τοῖς ἐξῆς. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 237 32—70 Did.).

Нечего и говорить, что изъ этого невѣжественнаго разбора мы не можемъ извлечь никакихъ новыхъ данныхъ для опредѣленія ритмическаго значенія дохмія.

Переходимъ теперь къ Римскимъ метрикамъ и грамматикамъ, изъ показаній которыхъ имѣеть нѣкоторую цѣну для насъ только то, что мы находимъ у Марія Плоція Сацѣрдота и Діомеда.

Помимо сочиненій этихъ двухъ грамматиковъ, дохмій упоминается еще въ дошедшемъ до насъ подъ именемъ *Цезія Басса*, но, по всей вѣроятности, не имѣющемъ ничего общаго съ этимъ метрикомъ *Breviatio pedum* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *his, t. e. pedibus disyllabis, trisyllabis, tetrasyllabis, adiciunt multi unum pentasyllabum, quem Cicero dochmijum vocat, qui constat ex brevi duabus longis brevi et longa syllabis, ut est senatoriae et, ut idem Cicero ponit, «amicos tenes».* (Gr. I. VI стр. 308 26—29 K).

Нѣсколько словъ съ описаніемъ схемы дохмія мы находимъ и у метрика четвертаго вѣка по Р. X., *Марія Викторина*: *est autem antispassicum monometrum hypercatalectum, quod et dochmiacum dicitur,*

Volant praepetes.

(Gr. I. VI стр. 88 28—25 K).

Любопытно, что Атилій Фортунатіанъ, метрикъ также четвертаго вѣка по Р. X., приводя гиперкатаlecticескій антиспастъ, повторяетъ примѣръ, данный Маріемъ Викториномъ, но уже совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что этотъ стихъ называется также дохміемъ.

Точно также не встрѣчаемъ мы уже названія дохмія и въ *De pedibus expositio* Юлія Севера, который при описаніи сочетанія, имѣющаго схему дохмія, говоритъ только слѣдующее: *iambus amphimacro iunctus facit bacchium et iambum* ∪ — —, ∪ — (Gr. I. VI стр. 642 5 K).

У *Марія Плоція Сацѣрдота* дохмій упомянутъ въ главѣ, трактующей *De antispassico metro et eius speciebus X*; но изъ этихъ десяти видовъ антиспастическаго размѣра имѣютъ отношеніе къ дохмію только второй и третій: *De penthemimerico dochmiaco aescylii. Antispassicum penthemimericum dochmiacum aescylium fit antispasso, hippio secundo et disyllabo,*

qui sonante te coegit dare.

De dochmiaco trimetro catalectico euripidio antispastico. Antispasticum dochmiacum euripidium trimetrum catalecticum fit antispasto, ditrochaeo, amphimacro,

decretamus sic corona pulchra nos.

(Gr. L. VI стр. 538 5—11 К).

Если мы составимъ схему penthemim. dochm. aesch. на основаніи описанія его (о pes hippius см. Gr. L. VI стр. 537 18—19 К.), то увидимъ, что Плотій здѣсь говоритъ одохмическомъ диметрѣ. Но примѣръ, который онъ приводитъ для того, чтобы сдѣлать наглядной эту схему, совершенно не подходитъ къ ней въ самомъ началѣ, такъ какъ вмѣсто антиспаста мы находимъ въ немъ дитрохею. Это обстоятельство заставило Кейля предполагать порчу текста въ примѣрѣ и читать quis о Faune вмѣсто qui sonante. Но мнѣ кажется, что легче было бы объяснить порчу текста, если допустить что въ оригиналѣ стояло quis orante.

Схема dochm. trim. catal.—такова:

υ — υ — υ — υ — υ —

Для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе съ этой схемой примѣръ, мы должны измѣнить въ немъ вмѣстѣ съ Кейлемъ непонятное decretamus sic въ decet myrtus et. Почему разсматриваемый нами стихъ названъ дохмическимъ триметромъ, для насъ неясно, такъ какъ въ немъ только начало представляетъ дохмій. Нѣтъ ничего мудреннаго, что Плотій, объ которомъ Вестфаль отзывается такъ: ein so unwissender Metriker auch der Verfasser ist (Metrik I² стр. 133) что-нибудь перепуталъ.

Изъ свидѣтельства Плотія явствуетъ, что у неизвѣстнаго намъ греческаго метрика, послужившаго для Плотія источникомъ, какъ это видно изъ греческихъ терминовъ и массы греческихъ примѣровъ, которые онъ употреблялъ, были приведены въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ дохмическія диметры и, по всей вѣроятности, триметры и даже снабжены спеціальными названіями, которыя были образованы отъ именъ поэтовъ, часто употреблявшихъ ихъ.

Диомедъ упоминаетъ о дохміи при перечисленіи формъ пятисложныхъ стопъ: Pedes heteroploci pentasyllabi sunt numero triginta

et duo hi... dochmios ex duabus brevibus et longa et brevi et longa temporum septem... hypodochmios ex longa et brevi et longa et brevi et longa temporum octo. dochmios per synzugian antistrophos ex brevi et tribus longis et brevi temporum octo... (Gr. L. I стр. 481 18 и 38, 482 1 и сл. К). Отсюда видно, что схема дохмія у Діомеда не такая, какую мы находимъ въ другихъ источникахъ. Но слѣдующія данныя внушаютъ намъ серьезныя сомнѣнія въ исправности дошедшаго до насъ текста: во-первыхъ, всѣ рукописи Діомеда идутъ отъ одного архетипа (ib. praef. p. XXIX) и, по выраженію Кейля, *admodum vitiose scripti* (ib. p. XXXV); во-вторыхъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ началѣ тридцати двухъ формъ пятисложныхъ стопъ мы имѣемъ на лицѣ только тридцать одну; въ-третьихъ, пропущено описаніе такой стопы, которая во всѣхъ другихъ источникахъ называется дохміемъ. Кейль, безъ всякаго сомнѣнія, руководясь этими соображеніями, предполагаетъ въ своемъ изданіи текста Діомеда пропускъ передъ словомъ *hypodochmios* и восполняетъ его такимъ образомъ: *dochmios ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo*.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться какъ съ предположеніемъ Кейля, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ Діомеда выпало описаніе дохмія, такъ и съ той формой, въ какой онъ восполняетъ это описаніе. Но только мнѣ кажется, что пропуска слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ его предполагаетъ Кейль, а нѣсколько выше, потому что въ такомъ случаѣ мы должны будемъ допустить, что кромѣ пропущенной Діомедомъ стопы, которая пользуется названіемъ дохмія почти во всѣхъ нашихъ источникахъ, упоминающихъ объ ней, это же названіе распространялось и на стопу, встрѣчаемую только у Діомеда и неизвѣстную изъ другихъ источниковъ.

Если мы предположимъ, что описаніе дохмія и названіе слѣдующей стопы, схема которой дана у Діомеда подъ именемъ дохмія, было пропущено послѣ слова *dochmios*, то избѣгнемъ того неудобства, которое влечетъ за собою вставка на мѣстѣ, указанномъ Кейлемъ: *dochmios <ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo...> ex duabus brevibus* и т. д. Нѣкоторое подтвержденіе моей догадки мы найдемъ и въ расположеніи стопъ у Діомеда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы напишемъ схемы стопъ, приводимыхъ Діомедомъ одну за другой, то увидимъ, что помимо первой и послѣдней стопы, ко-

торыя находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, восемнадцать начальныхъ стопъ расположены въ строгомъ порядкѣ, не считая *musicos*, который явно попалъ не на свое мѣсто. Въ расположеніи десяти послѣднихъ уже невозможно уловить такого порядка; но и изъ нихъ сначала помѣщены стопы, состоящія изъ трехъ краткихъ слоговъ и двухъ долгихъ, потомъ стопы, въ которыхъ долгіе и короткіе слоги находятся въ обратномъ отношеніи между собой. Не въ свою половинку попалъ только *ragiambores*, который слѣдуетъ за стопой, носящей у Діомеда названіе *дохміа*. Такое нарушеніе общаго порядка при другихъ данныхъ можетъ служить указаніемъ на то, что приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ я предполагаю пропускъ, произошла какая-то путаница въ текстѣ Діомеда, повлекшая за собою выпаденіе нѣсколькихъ словъ.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ показаніе Діомеда относительно того, что стопа со схемою — ∪ — ∪ — носила названіе *hurodochmios*. Греческое названіе этой стопы доказываетъ, что Діомедъ нашелъ ее, по всей вѣроятности, у Юбы, работой котораго онъ пользовался для своего сочиненія въ качествѣ источника; а этотъ послѣдній въ свою очередь взялъ ее изъ Гелиодора (ср. *Westphal, Metrik d. Gr.* I² p. 224 и сл.).

Теперь перейдемъ къ *dochmios per synzugian antistrophos*. По видимому, названіе этой стопы представляетъ переводъ греческаго выраженія *δόχμιος κατὰ συζυγίαν ἀντίστροφος*. Подъ именемъ *πόδες σύνθετοι κατὰ συζυγίαν* у нѣкоторыхъ грамматиковъ разумѣются такія сложные стопы, которыя распадаются на двѣ простыхъ, отличающихся другъ отъ друга только обратнымъ расположеніемъ арзиса и тезиса: такъ самъ Діомедъ говоритъ *synzugia <in> contrariis* подр. *fit* (*Gr. L.* I стр. 502 19 К). Отсюда ясно, что *δόχμιος κατὰ συζυγίαν* или *dochmios per synzugian* принимается за сложную стопу, состоящую изъ амба и трохея съ однимъ долгимъ слогомъ между ними. Прибавка *ἀντίστροφος* имѣетъ въ виду также указать на то, что стопа эта кончается такими же двумя слогами, какими и начинается, только въ обратномъ порядкѣ. Совершенно справедливо Кюне, приведя описаніе этой стопы, кратко замѣчаетъ слѣдующее: *scilicet de systematis dochmiacis generis strophici locutus videtur* (*De dochmio quid tradiderint veteres*, стр. 27).

Стопа, приводимая Диомедомъ подъ именемъ dochmios per synzuzian, представляетъ такимъ образомъ одну изъ формъ обыкновеннаго дохмія съ ирраціональнымъ четвертымъ слогомъ и краткимъ пятымъ.

§ 2.

Название и ритмическое значеніе дохмія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ.—Название дохмія.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тезисъ и арзисъ дохмія.—Дохміи съ современной точки зрѣнія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ. Разсматривая дошедшія до насъ изъ древности отрывочныя и противорѣчивыя показанія о дохміи и соединяя въ одно цѣлое однородныя, мы находимъ, что всѣ они должны быть приурочены къ тремъ различнымъ школамъ: во-первыхъ, школѣ чистыхъ ритмиковъ, которыхъ Аристидъ Квинтилианъ называетъ οἱ χωρίζοντες; во-вторыхъ, школѣ метриковъ, которыхъ тотъ же Аристидъ Квинтилианъ называетъ οἱ συμπλέκοντες; въ-третьихъ, другой школѣ метриковъ, которую Вестфаль называетъ «младшей».

Чистые ритмики видѣли въ дохміи простую стопу, которая, заключая въ себѣ восемь $\chi\rho.$ пр., распадается на арзисъ въ три и тезисъ въ пять $\chi\rho.$ пр. На основаніи того, что въ дохміи тезисъ содержитъ въ себѣ двума $\chi\rho.$ пр. больше, чѣмъ арзисъ, тогда какъ въ другихъ стопахъ тезисъ или равняется арзису по числу своихъ $\chi\rho.$ пр. или больше его только на одинъ, они дѣлили всѣ стопы на двѣ извѣстныхъ намъ группы: $\rhoυθμοὶ ὀρθοί$ и $δύομοι$.

Кромѣ основной формы дохмія съ ея видоизмѣненіями, сообразно съ тѣмъ, являются ли долгіе слоги дохмія въ распущенномъ или нераспущенномъ видѣ, и замѣняются ли его краткіе слоги посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ слоговъ или нѣтъ, чистые ритмики, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, признавали еще второстепенную форму, которая носила название $ὑποδύμοις$.

Οἱ συμπλέκοντες различали два вида дохміа и признавали, что какъ тотъ, такъ и другой представляютъ изъ себя сложную стопу, которая распадается на двѣ простыхъ:—на ямбъ и кретикъ въ первомъ случаѣ и на дактиль и кретикъ во второмъ. Второй видъ дохміа представляетъ изъ себя не что иное, какъ видоизмѣненіе общепринятой формы этой стопы, состоящее въ томъ, что первый краткій слогъ ея замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а первый долгій распущенъ на два краткихъ слога. Признано было это видоизмѣненіе дохміа за особый видъ его, повидимому, подъ тѣмъ вліяніемъ, что дохміа въ такой формѣ весьма легко можно принять за сочетаніе дактиля съ кретикомъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что дохміа въ своей обыкновенной формѣ дѣлится на ямбъ и то же кретикъ.

По системѣ «младшей» метрической школы дохміа представляетъ изъ себя μέτρον ἀντισπαστικόν. Но такъ какъ существовало довольно большое количество различныхъ μέτρα ἀντισπαστικά, то для ближайшаго опредѣленія его называли ὑπερχατάληκτον или πενθημιμέρες.

Названіе дохміа. Вопросъ о томъ, почему дохміа дано было то имя, которое онъ носитъ, затрогивается изъ дошедшихъ до насъ древнихъ авторовъ, которые говорятъ о дохміа, только у неизвѣстныхъ ритмиковъ схолий къ Гефестіону и Етум. М., Аристида Квинтиліана и Трихи.

Всѣ они согласно утверждаютъ, что дохміа получилъ свое названіе вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ противоположенія его къ ρυθμοὶ ὀρθοί. Но если мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что существуетъ несомнѣнная связь между дѣленіемъ стопъ на ρυθμοὶ ὀρθοί и δόχμοι и двумя формами отношеній отвлеченныхъ чиселъ, которыя были установлены въ древней математикѣ, и, во-вторыхъ, на то, что дѣля стопы только на двѣ извѣстныхъ намъ группы, мы должны прибѣгать къ нѣкоторымъ натяжкамъ, то намъ невольно прійдетъ въ голову мысль, что дохміа получилъ свое названіе раньше, чѣмъ явилось дѣленіе стопъ на ρυθμοὶ ὀρθοί, и δόχμοι, и что самое дѣленіе это было, можетъ быть, вызвано самымъ названіемъ дохміа, когда уже было позабыто, почему оно дано ему.

Триха кромѣ приведеннаго объясненія предлагаетъ еще другое: онъ думаетъ, что дохміа могъ получить свое названіе или отъ име-

ни народа или отъ имени лица, которые въ первый разъ употребили его; руководится онъ при этомъ аналогіей въ происхожденіи названій такихъ стопъ, какъ кретикиъ, іоникъ, ямбъ. Но эти объясненія, представляющія догадки самого Трихи, не могутъ быть признаны удачными.

Изъ новыхъ ученыхъ попытки объяснить, откуда произошло названіе дохмія, были сдѣланы только со стороны Криста и Г. Шмидта. Первый изъ этихъ ученыхъ, думая, что подъ $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota\ \delta\rho\theta\omicron\iota$ слѣдуетъ разумѣть не такія стопы, въ которыхъ число $\chi\rho.$ пр., заключающихся въ тезисъ и арзисъ, или одинаково или разнится не болѣе, чѣмъ на одинъ, какъ это показываютъ неизвѣстные ритмики схолий къ Гефестіону и Етуш. М., а—такіе размѣры, въ которыхъ арзисъ и тезисъ непрерывно чередуются между собой, предполагаетъ, что дохмій получилъ свое названіе оттого, что въ немъ сталкиваются два арзиса, не будучи отдѣлены другъ отъ друга тезисомъ (Metrik² стр. 455). Г. Шмидтъ въ своей Handb. d. lat. u. gr. Syn., опредѣливъ значеніе прилагательнаго $\delta\acute{o}\chi\mu\iota\omicron\varsigma$, слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе названія дохмія: Der bekannte so benannte musikalische Satz heiszt so, weil er mit dem wirkungsvollen bakchiischen Takt beginnend gleichsam umknickt in den ruhigeren $\frac{2}{4}$ - oder $\frac{3}{4}$ -Takt des Choreus: $\cup \dot{\vdots} _ _ \cup | _ , \cup || _ _ \cup | _$ u. s. w. (стр. 541) Но ни та, ни другая попытка не можетъ быть признана удовлетворительной по своей бездоказательности.

Откуда же могло явиться названіе дохмія?

Извѣстно, что многіе термины греческой ритмики заимствованы изъ орхестики: таковы— $\rho\omicron\upsilon\varsigma$, $\theta\acute{\epsilon}\varsigma\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\varsigma\iota\varsigma$; далѣе, нѣкоторыя названія стопъ прямо объясняются характерностью движеній, которыми они сопровождаются: $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\pi\alpha\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\tau\rho\upsilon\chi\alpha\iota\omicron\varsigma$. Это позволяетъ предполагать, что названіе дохмія вызвано какими либо характерными движеніями ногъ или туловища, которыми сопровождалась пляска подъ этотъ размѣръ.

Относительно того, что движенія эти были неровными и порывистыми, мы можемъ судить по тремъ случаямъ, когда исполненіе дохміевъ несомнѣнно сопровождается пляской: во-первыхъ, въ парадосѣ Aesch. Sept. 78 и сл. съ пѣніемъ дохміевъ выбѣгаетъ къ алтарямъ боговъ хоръ испуганныхъ Оивянокъ, движенія которыхъ не могутъ быть плавными; во-вторыхъ, также въ парадосѣ Eur. Or. 140

и сл. подъ этотъ же размѣръ является на сцену хоръ встревоженныхъ спутницъ Электры, которыя своими движеніями заставляютъ проснуться спящаго Ореста; въ-третьихъ, стихъ Tr. 325

πάλλε πόδ' αἰθέριον, ἀναγ' ἀναγε χορόν

показываетъ даже, что при пляскѣ подъ дохміи должна была высоко подыматься нога.

Въ пользу моего предположенія говоритъ еще тотъ фактъ, что прилагательному ὀρθός, которое употребляется для обозначенія вертикальнаго направленія линіи, образующей прямой уголъ съ горизонтальной, противопоставляется, строго говоря, не прилагательное ὀξύμιος, которое служитъ для обозначенія всякаго направленія, болѣе или менѣе уклоняющагося отъ прямаго, а прилагательное πλάγιος, которое обозначаетъ горизонтальное направленіе линіи, образующей прямой уголъ съ вертикальной. Поэтому, еслибы дохміи дѣйствительно получили свое названіе отъ извѣстнаго уже намъ дѣленія стопы, то скорѣе былъ бы названъ ῥυθμός πλάγιος, а не ὀξύμιος (ср. Н. Schmidt, Handb. d. lat. u. gr. Syn. стр. 540 и сл.).

Число моръ въ дохміи. При рѣшеніи вопроса о числѣ $\chi\rho.$ пр., заключающихся въ дохміи, мы можемъ основываться, во-первыхъ, на показаніяхъ ритмиковъ и метриковъ; во-вторыхъ, на данныхъ, извлекаемыхъ изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ.

Прямое опредѣленіе числа $\chi\rho.$ пр., содержащихся въ дохміи, дано въ сколіяхъ къ Sept. Эсхила и Etym. M., въ которыхъ этотъ размѣръ названъ ῥυθμός ὀκτάσημος. Косвеннымъ образомъ показаніе этихъ памятниковъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что у неизвѣстныхъ намъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M. дохміи дѣлится на τριάς и πεντάς, у Аристида Квинтилиана—на ямбъ и кретикъ и у Фабія Квинтилиана—на бакхій и ямбъ. Что касается нѣкоторыхъ позднѣйшихъ метриковъ, которые, признавая дохміи за μέτρον ἀντισταστικόν, даютъ ему названіе πενθημιμερές, могущее повести къ предположенію, что въ дохміи заключается болѣе восьми $\chi\rho.$ пр., то эти метрики были слишкомъ далеки отъ правильнаго пониманія ритмическаго значенія дохміи, чтобы мы должны были принимать ихъ въ расчетъ.

Обращаясь затѣмъ къ разбору стихотворныхъ текстовъ, мы приходимъ къ тому же выводу относительно числа $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, заключающихся въ дохміи, къ какому мы сейчасъ пришли на основаніи показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій заключалъ въ себѣ болѣе восьми $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, то для восполненія недостающаго количества времени мы должны были бы допустить одно изъ двухъ: или что одинъ изъ его долгихъ слоговъ, будучи протянутъ, заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, или что въ серединѣ или концѣ его является пауза. Допустить протяженіе какого либо изъ трехъ долгихъ слоговъ дохміи мы не можемъ, такъ какъ всѣ они могутъ являться въ распущенномъ видѣ, между тѣмъ какъ замѣчено, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, не можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами. Пауза въ серединѣ дохміи недопустима, потому что при распущеніи двухъ первыхъ долгихъ слоговъ его являются такія комбинаціи въ дѣленіи отдѣльныхъ слоговъ на слова, которыя исключаютъ всякую возможность приурочивать ее къ какому либо опредѣленному мѣсту. Въ подтвержденіе этого можно было бы указать большое количество примѣровъ изъ произведеній всѣхъ трехъ трагиковъ, но я приведу только два слѣдующихъ дохміи, взятыхъ почти наугадъ изъ Эсхила и Софокла, строгая техника которыхъ не позволяетъ предположить ни распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, ни паузы въ серединѣ слова:

 ἡσέρῃ θανάτοφώρα
 ἐπιπλόμενον ἄφρατον

По своей схемѣ оба эти дохміи (Aesch. Agam. 1175 и Soph. O. R. 1314) тождественны, но дѣлятся на отдѣльные слова такъ, что внутри перваго изъ нихъ остановка голоса допустима только послѣ третьяго слога, тогда какъ внутри втораго—только послѣ пятаго. Въ виду ясно выраженнаго стремленія греческихъ поэтовъ оканчивать слово вмѣстѣ съ послѣднимъ слогомъ дохміи всего естественнѣе предполагать присутствіе паузы не въ серединѣ дохміи, а въ концѣ его. Но это предположеніе оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ въ слѣдующихъ диметрахъ послѣдній слогъ перваго дохміи замѣненъ двумя краткими слогами, изъ которыхъ по крайней

мѣрѣ послѣдній или приходится на средину слова, или же очень тѣсно связанъ съ первымъ слогомъ въ началѣ слѣдующаго дохмія, такъ что намъ приходится отказаться отъ мысли допустить паузу и въ концѣ дохмія:

- Aesch. Sept. 187 ὅτε τε σύριγγες ἔκλαγξαν ἐλίτροχοι ¹⁾
 = 195 ἔτ' ὀλοᾶς νιφομένας βρόμος ἐν πύλαις
 Eur. Bacch. 987 ἐς ἕρος ἐς ἕρος ἔμολ' ἔμολεν, ᾧ Βάκχαι ²⁾
 ib. 995 πὸν ἄθεον ἄνομον ἄδικον Ἐχίονος
 ib. 1037 ὁ Διόνυσος ὁ Διὸς παῖς, οὐ Θῆβαι ³⁾
 Hel. 650 πόσιν ἐμόν ἐμόν ἔχομεν ἔχομεν, ἐν ἔμενον ⁴⁾
 ib. 696 ὅτε μέλαθρα λέχεά τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσα
 id. El. 1170 σχέτλια μὲν ἔπαθες ἀνόσια δ' εἰργάσω
 Herc. f. 1020 τὰ δ' ὑπερέβαλε, παρέδραμε τὰ τότε κακὰ
 ib. 1023 οὐ δὲ τέκνα τρίγωνα τεκόμενος, ᾧ δάιε ⁵⁾
 ib. 1053 διὰ μ' ὀλεῖτε. :: κεχυμένος ἐπαντέλλει
 ib. 1056 ἀπὸ δὲ πατέρα, μέλαθρά τε καταρρήξει
 ib. 1070 ἀπόκρυφον δέμας ὑπὸ μέλαθρον κρύψω
 ib. 1212 δρόμον ἐπὶ φόνιον ἀνόσιον ἐξάγει
 id. I. T. 871 ἀπέφυγες ἔλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
 id. Ion. 767 διανταῖος ἔτυπεν ὀδύνα με πλευμόνων
 ib. 783 πῶς φῆς; ἄφατον ἄφατόν τιν' ἀναύδητον ⁶⁾
 ib. 789 ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὄρφανούς ⁷⁾
 id. Or. 149 κάταγε κάταγε, πρόσιθ' ἀτρέμας, ἀτρέμας ἴθι· λόγον
 ἀπόδος ἐφ' ἔτι χρέος ἐμόλετέ ποτε.
 163 ἄδικος ἄδικα τότ' ἄρ' ἔλακεν ἔλακεν, ἀπόφονον ἔτ' ἐπὶ
 τρίποδι Θέμιδος ἄρ' ἐδίκασε
 ib. 1305 τὰν λιποπάτορα λιπόγαμόν θ', αὖ πλείστους ⁸⁾
 ib. 1309 δάκρυα δάκρυσι συνέπεσε σιδαρείς ⁹⁾
 ib. 1364 διὰ τὸν δλόμενον δλόμενον Ἰδαῖον
 ib. 1468 χρυσεοσάνδαλον ἴχνος ἔφερεν ἔφερεν

¹⁾ Можеть бытъ, въ этомъ стихѣ слѣдуетъ, какъ предлагается Кюццъ De num. dochm. стр. 85 и сл., измѣнить ἀματόκτυπον въ ἀματών и удвоить ἔκλαγξαν. ²⁾ ἐς... ἐς Μυζουρὺς: εἰς... εἰς | ἔμολ' ἔμολεν Ὀλμςлей: ἔμολεν ἔμολεν. ³⁾ ὁ Διὸς παῖς Диндорфъ: ὁ Διόνυσος. ⁴⁾ ἐμόν ἐμόν Зейдлеръ: ἐμόν. ⁵⁾ δάιε Кантеръ: δάις. ⁶⁾ ἄφατόν τιν' Диндорфъ: ἄφατον. ⁷⁾ ἔλαβ' Г. Шмидтъ: ἔλαβεν. ⁸⁾ λιπόγαμόν θ' Германъ: λιπόγαμον. ⁹⁾ σιδαρείς Германъ: σιδαρείσι.

id. Tr. 244 τίν' ἄρα τίς ἔλαχε; τίνα πότμος εὐτυχής ¹⁾

ib. 247 τοῦμὸν τίς τίς ἔλαχε τέκος, ἔννεπε ²⁾

ib. 260 τί δ' ὁ νεοχμὸν ἀπ' ἐμέθεν ἐλάβετε τέκος ³⁾

id. Phoen. 165 πρὸς ἐμὸν ὁμογενέτορα, περὶ δ' ὠλένας

ib. 1295 πότερον ἄρα νέκυν ὀλόμενον ἀχήσω

Rhes. 131 τάδε δοκεῖ, τάδε μεταθέμενος νόει

= 195 μέγας ἀγών, μεγάλα δ' ἐπινοεῖς ἐλεῖν

Правда, нѣкоторые ученые допускаютъ возможность распущенія такого долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. пр., но Г. Шмидтъ, рассмотрѣвъ всѣ случаи такого распущенія, собранные весьма тщательно Кристофъ въ его рецензїи на метрику Вестфала (Jahrb. f. Phil u. Päd. 99 стр. 352), приходитъ къ слѣдующему выводу, съ которымъ трудно не согласиться: Das Resultat unserer Untersuchung also ist folgendes: An tausenden von Stellen war Gelegenheit in den antiken Texten, die von mir und schon minder bestimmt von Westphal gegebene Regel, dass der mehr als zweizeitigen Länge keine zwei Kürzen entsprechen konnten, zu übertreten; trotzdem ist nur an zwei Stellen in den überlieferten Texten der Fall eingetreten! Ist das nicht ein ungeheurer Beweis für die Regel? Denn wollte man ein solches Vorkommen als entscheidend betrachten und nicht gerade daraus das Recht zur Emendation schöpfen: was müsste man da Alles in den Kauf nehmen! (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но доводы Шмидта не убѣдили Криста, и онъ въ своей метрикѣ, по прежнему признавая возможнымъ въ видѣ исключенія распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. пр., ссылается на тѣже примѣры, которые были приведены имъ въ рецензїи. Это обстоятельство заставляетъ насъ еще разъ подвергнуть ихъ рассмотрѣнію.

Всѣ свои примѣры Кристь дѣлитъ на двѣ группы: къ первой онъ относитъ такіе, въ которыхъ второй краткій слогъ, явившійся изъ распущеннаго долгаго, приходится на начало или средину слова; ко второй—такіе, въ которыхъ этотъ второй краткій составляетъ конецъ слова. Наиболѣе ранніе случаи распущенія, принадлежащіе къ первой группѣ, Кристь находитъ у Пиндара въ Pyth. V 2 и 3, VI 3 и Isth.

¹⁾ τίν' ἄρα τίς ἔλαχε Наукъ: τίν' ἄρα τίς ἔλαχον. ²⁾ τίς τίς Наукъ: τίς или τίς ἀρ'.
³⁾ τί δ' ὁ Μυσγραυε: τί δὲ τὸ.

VII (VIII) 5; остальные онъ указываетъ у Еврипида въ Phoen. 208 и Hel. 1364. Къ этой же группѣ слѣдуетъ причислить Hipp. 147 и Hel. 336, которые невѣрно отнесены къ второй (Metrik² стр. 98 и сл.), и упоминаемый имъ ниже Jon. 799 (ib. стр. 358). Болѣе многочисленно собраніе примѣровъ, принадлежащихъ ко второй группѣ: Or. 999, Tr. 565, Jon. 463 (ib. стр. 98 и сл.) Alc. 395 (ib. стр. 358), Iph. T. 1089=1106, Iph. Aul. 1054=1076, 1055=1077 (стр. 511), съ этими стихами Кристь указываетъ для сравненія слѣдующіе: Eur. Suppl. 971, Hipp. 549=559, Hel. 1314=1332, Iph. Aul. 180=201, 574, 580, 796; Ar. Thesm. 1149 и 1156.

Такъ какъ въ составъ строфы и эпода Pyth. V входятъ стопы, относящіяся ко всѣмъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, то намъ нѣтъ никакой нужды предполагать во второмъ и третьемъ стихѣ строфы этой оды распушеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣ двухъ χρ. πρ.:

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —

стр. α' ὅταν τις ἀρετᾶ κειραμένον καθαρᾶ
 βροτήσιος ἀνὴρ πότμου παραδόντος αὐτὸν ἀνάγῃ
 ἀντ. α' φέροντι καὶ τὰν θεόσδοτον δύναμιν
 σὲ δ' ἐρχόμενον ἐν δίκῃ· πολὺς ἔλβος ἀμφινέμεται

Гораздо естественнѣе объяснять ритмическое значеніе того и другого стиха такимъ образомъ:

∷ — — — — — | — — — — — | — — — — —
 ∷ — — — — — | — — — — — | — — — — —

тѣмъ болѣе, что подобное же соединеніе стопъ, принадлежащихъ ко всемъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, мы находимъ въ строфѣ и эподѣ Ol. II; разница между той и другой одой заключается только въ томъ, что въ первой преобладающимъ элементомъ являются трохαιческія и даятилическія стопы, тогда какъ во второй—пеоническія.

Въ Pyth. VI 3, Isth. VII (VIII) 5 и Phoen. 208 наблюдается та общая имъ всѣмъ особенность, что или послѣ перваго изъ двухъ краткихъ слоговъ, которые заступаютъ мѣсто долгаго, заключающаго въ себѣ, по мнѣнію Криста, болѣе двухъ χρ. πρ., или передъ нимъ

почти безъ исключенія приходится конецъ слова, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться, прослѣдивъ всѣ относящiеся сюда стихи:

Pind. Pyth. VI 3:

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ —
 στρ.α' ἀναπολιζομεν, ὀμφαλὸν ἐριβρόμου
 στρ.β' στρατὸς ἀμείλιχος, οὐτ' ἄνεμος ἐς μυχοῦς
 στρ.γ' τά ποτ' ἐν οὔρεσι φαντὶ μεγαλοσθενεῖ
 στρ.δ' δε ὑπερέφθιτο πατρός, ἐναρίμβροτον
 στρ.ε' πρίατο μὲν θανάτοιο κομιδὰν πατρός
 στρ.ς' ἀδικὸν οὐθ' ὑπέροπλον ἤβαν δρέπων

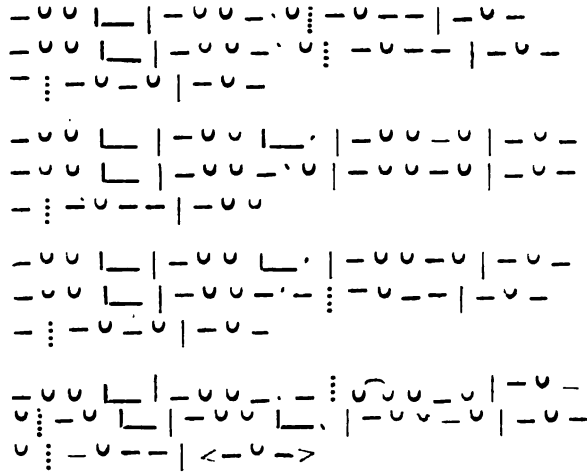
Isth VII (VIII) 5:

— ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
 στρ. α'... Μοῖσαν. ἐκ μεγάλων δὲ πενθέων λυθέντες
 στρ. β'... χρῆ δ' ἐν ἐπτατύλοισι Θήβαις τραφέντα
 στρ. γ'... σώφρονές τ' ἐγένοντο πιτυτοί τε θυμόν
 στρ. δ'... παύσατε· βροτέων δὲ λεχέων τυχοῖσα
 στρ. ε'... νεῦσαν ἀθανάτοισιν· ἐπέων δὲ καρπός
 στρ. ζ'... Αἴγιαν σφετέραν τε ῥίζαν πρόφανεν
 στρ. ζ'... πατραδελφεοῦ· ἀλίκων τῷ τις ἄβρον

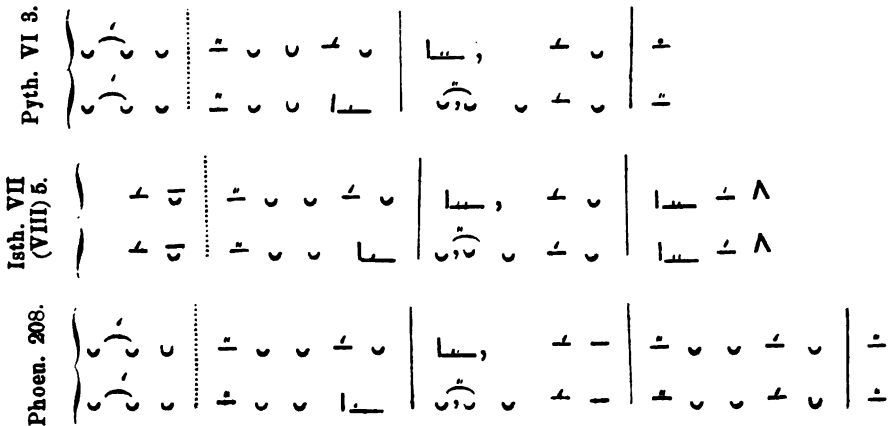
и Phoen. 208 и сл.

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ ∪
 — — — ∪ ∪ — ∪ —
 Ἴόνιον κατὰ πόντον ἔλα-
 τὰ πλεύσασα περιβότων

Изъ того, что окончанiе слова въ большинствѣ указанныхъ стиховъ приходится на одно и то-же мѣсто, мы можемъ, принявъ также въ соображенiе и аналогичное построение стиха Pyth. VI 6, вывести то заключенiе, что въ нихъ съ концомъ слова совпадаетъ конецъ члена. Если же мы рассмотримъ формы, какiя принимаетъ стопа, части которой принадлежать двумъ различнымъ членамъ, то замѣтимъ, что онѣ допускаютъ нѣкоторое разнообразiе, не смотря на соотвѣтствiе въ формахъ другихъ стопъ, даже въ строфахъ монодической лирики. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, рассмотрѣвъ схему Анаст. fr. 21:

Изъ схемы этого фрагмента видно, что арзисъ стопы, находящейся на границѣ между двумя членами не только выражается какъ долгимъ, такъ и короткимъ слогомъ, но даже можетъ и совсѣмъ не быть выраженнымъ особымъ слогомъ. Имѣя въ виду эту свободу, можно предположить, что и въ рассматриваемыхъ нами стихахъ пограничная стопа выражалась то однимъ долгимъ слогомъ, заключающимъ въ себѣ три ур. пр., то тремя краткими слогами, и что въ связи съ этимъ колебаніемъ предшествующая стопа то являлась въ формѣ трохея, то въ формѣ ур. *tristmicos*:

Г. Шмидтъ, избѣгая необходимости допускать распушение долгаго слога, замѣняющаго цѣлую стопу, предполагаетъ, что четвертая

стопа въ Pyth. VI 3 и Ist. VII (VIII) 5 принимаетъ такую форму $\cup \text{---}$ съ синкопическимъ удареніемъ на краткомъ слогѣ (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но стопа съ такимъ удареніемъ возможна только тогда, если она составляетъ базисъ и, слѣдовательно, носить на себѣ обязательно второстепенное ритмическое удареніе, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ на нее должно падать главное ритмическое удареніе.

Россбахъ дѣлаетъ предположеніе, что вообще, когда долгій слогъ, замѣняющій собой цѣлую стопу, является въ распушенномъ видѣ, то недостающее количество времени въ такомъ случаѣ восполняется посредствомъ паузы, которая является непосредственно передъ или послѣ одного изъ краткихъ слоговъ, замѣняющихъ долгій слогъ, сообразно съ тѣмъ, гдѣ это позволяетъ окончаніе слова (Gr. Metr.³ стр. 604). Но такое тѣсное соединеніе между собою двухъ членовъ, при которомъ на границѣ между ними конецъ слова падаетъ не всегда на одно и то же мѣсто, повидимому, исключаетъ возможность предполагать какую либо остановку голоса.

Изъ первой группы теперь остаются неразсмотрѣнными нами только четыре случая: Hel. (1348—1349=)1364—1365

— — ∷ — ∪ ∪ — ∪ | ∪ ∪
 — — ∷ — ∪ ∪ — ∪ | | —
 βαχχεύουσα τ' ἔθειρα Βρομί-
 ψ καὶ παννυχίδες θεᾶς

но если мы допустимъ, что -α въ окончаніи слова ἔθειρα долго по положенію, и отнесемъ конецъ перваго стиха на одинъ слогъ далѣе, что подтверждаетъ окончаніе слова на томъ же мѣстѣ въ соответствующемъ стихѣ антистрофы, то избѣгнемъ необходимости предполагать распушеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. пр., и достигнемъ болѣе полнаго соответствія между строфой и антистрофой:

— — ∷ — ∪ ∪ — ∪ | — ∪ ∪ —
 — — ∷ — ∪ ∪ — ∪ | —
 στρ. καλλίστα τότε πρώτα μακάρων
 Κύπρις γέλασέν τε θεᾶ

о ритмическомъ значеніи которыхъ ср. ниже, или двухъ усѣченныхъ трохаическихъ триподій:

Такимъ образомъ и въ этомъ стихѣ намъ нѣтъ необходимости допускать распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ *χρ. πρ.*

Еще менѣе трудно избѣгать необходимости допустить распущеніе долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ *χρ. πρ.*, по отношенію къ примѣрамъ, принадлежащимъ ко второй группѣ.

Два слѣдующихъ стиха

Ог. 999

ἐγένετο τέρας ὄλοδν ὄλοδν

и Tr. 565.

νεανίδων στέφανον ἔφερον

представляютъ два неусѣченныхъ ямбическихъ диаметра:

въ которыхъ съ точки зрѣнія древней метрики всѣ части стопъ были выражены слогами; съ современной точки зрѣнія мы должны первый слогъ въ нихъ отдѣлить въ качествѣ анакрузиса и соотвѣтственно съ этимъ восполнить въ концѣ одинъ *χρ. πρ.* посредствомъ паузы, допущеніе которой въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не представляетъ затрудненія.

Во всѣхъ остальныхъ стихахъ, относящихся ко второй группѣ, Al. 395 (396 N)

προλιποῦσα δ' αὐδὸν βίον

Ion. 463(=483)

στρ. παρὰ χορευομένῳ τρίποδι
ἀντ. δορί τε γὰ πατρίᾳ φέρει

Iph. Taur. 1089=1106

στρ. ὄρνις, ἃ παρὰ πετρίνας
ἀντ. ὦ πολλαὶ δακρύων λιβάδες

Irh. Aul. 1054 и 1055=1076 и 1076

στρ. παρὰ δὲ λευκοφαῖ ψάμαθον
εἰλισσόμεναι κύκλια

άντ. μακάριον τότε δαίμονες
τᾶς εὐπάτριδος γάμον

точно также, какъ и въ указываемыхъ Крестомъ для сравненія съ
ними примѣрахъ (за исключеніемъ только одного):

Supl. 971

ὑπολελειμμένα μοι δάκρυα

Hippol. 549=559

στρ. ζεύξασ' ἀπ' Εὐριτίων, δρομάδα
άντ. βροντᾶ γὰρ ἀμφιπύρω τοκάδα

Hel. 1314=1332

στρ. μέτα κοῦραι ἀελλόποδες
άντ. πόλεων δ' ἐπέλειπε βίος

Irh. Aul. 180=201.

στρ. Πάρις ὁ βουκόλος ἂν ἔλαβε
άντ. παρὰ δὲ Μηριόνην, Ἄρεος

ib. 574 (573 N)

ἔμολες, ὦ Πάρις, ἦτε σύ γε

ib. 580 (579 N)

εὐθῆλοι δὲ τρέφοντο βόες

ib. 796

φάτις ἐτήτυμος, ὡς ἔτεκε ¹⁾

Ag. Thesm. 1149

πότνιαι, ἄλσος ἐς ὑμέτερον

¹⁾ ἐτήτυμος Γερμανъ: ἔτυμος

стоца въ четыре $\chi\rho.$ пр., если только всѣ они выражены краткими слогами, допускается въ однихъ анапестахъ, и то въ видѣ исключенія, не смотря на быстроту $\acute{\alpha}\upsilon\omega\upsilon\eta$, съ какой они исполняются. Объясненіе этого явленія состоитъ въ томъ, что силы одного ритмическаго ударенія едва хватало на то, чтобы подчинить себѣ при такомъ условіи четыре $\chi\rho.$ пр., не говоря ужь о пяти, въ какой бы схемѣ они ни являлись. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то необходимо должны будемъ допустить, что на первомъ долгомъ слогѣ дохмія лежитъ ритмическое удареніе. Такимъ образомъ каждый долгій слогъ дохмія носитъ на себѣ ритмическое удареніе:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘

Но какова была относительная сила cadaго изъ трехъ этихъ ритмическихъ удареній?

Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны воспользо- ваться двоякаго рода данными: съ одной стороны, выводами, кото- рые можно сдѣлать изъ нѣкоторыхъ показаній о дохміи, идущихъ изъ древности, съ другой стороны, соображеніями, которыя основыва- ются на общемъ физиологическомъ законѣ, опредѣляющемъ мѣсто и относительную силу ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за дру- гомъ долгихъ и короткихъ слоговъ. По этому закону болѣе сильное удареніе падаетъ на такой долгій слогъ, за которымъ слѣдуетъ краткій слогъ, чѣмъ на такой, за которымъ—долгій. Отсюда выте- каетъ, что въ дохміи самое слабое, т. е. третьестепенное, ритмиче- ское удареніе приходится на первый долгій слогъ, такъ какъ за нимъ обязательно слѣдуетъ долгій слогъ.

Теперь намъ надобно опредѣлить, на которомъ изъ двухъ осталь- ныхъ долгихъ слоговъ лежитъ главное ритмическое удареніе и на которомъ—второстепенное. Неизвѣстныя ритмики схолий къ Гефе- стіону и Етуп. М., дѣля дохміи на $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$ и $\pi\epsilon\upsilon\tau\acute{\alpha}\varsigma$ точно такъ же, какъ они дѣлятъ ямбъ на $\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\delta\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$, пеонъ—на $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$ и $\delta\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$ и эпитреть—на $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\varsigma$ и $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$, очевидно, принимаютъ первую ве- личину за арзись, вторую—за тезись. А такое дѣленіе дохміи на арзись и тезись возможно только въ томъ случаѣ, если мы предпо- ложимъ, что на второмъ долгомъ слогѣ его лежитъ главное ритми- ческое удареніе. Въ подтвержденіе этого вывода можно указать еще

на то, что дѣленіе дохміа на амбъ и кретикъ, которое принадлежитъ метрикамъ, названнымъ у Аристиды Квинтиліана *οι συμπλέκοντες*, по всей вѣроятности, также основывается на томъ, что главное ритмическое удареніе въ дохміа слышалось на второмъ долгомъ слогѣ.

Независимо отъ этихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, мы не можемъ доказать, что главное ритмическое удареніе въ дохміа лежало на второмъ долгомъ слогѣ его, но у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя косвеннымъ образомъ подтверждаютъ это. Въ пользу этого свидѣтельствуется слабость ритмическаго ударенія, лежащаго на первомъ долгомъ слогѣ дохміа. Если мы обратимся къ изслѣдованію формъ, въ которыхъ является дохміа, то въ нихъ также найдемъ подтвержденіе того, что главное ритмическое удареніе въ дохміа лежитъ на второмъ долгомъ слогѣ. Уже Энгель обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что когда второй долгій слогъ дохміа замѣняется двумя краткими слогами, то первый слогъ также почти безъ исключенія подвергается распущенію. Объяснить это явленіе можно только стремленіемъ не ослабить силы главнаго ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ, что непременно должно послѣдовать въ томъ случаѣ, если первый долгій слогъ не будетъ распущенъ на два краткихъ слога, а второй распущенъ. Этимъ же перевѣсомъ силы ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ дохміа, объясняется допущеніе сравнительно большаго количества случаевъ замѣны перваго краткаго слога дохміа посредствомъ ирраціональнаго долгаго, чѣмъ втораго. Такимъ образомъ дохміа есть стопа съ тремя ритмическими удареніями, различными по степени своей силы: на первомъ долгомъ слогѣ его лежитъ самое слабое ритмическое удареніе, на второмъ самое сильное, на третьемъ менѣе сильное:

υ ◡ ◡ υ ◡.

Если мы отдѣлимъ два первыхъ слога дохміа съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ въ качествѣ *πους κεφαλος* и взаимно ихъ возьмемъ соотвѣтствующее число слоговъ отъ слѣдующаго, то дохміа въ чистомъ видѣ будетъ имѣть такую схему:

◡ υ ◡ υ ◡.

Это вызываетъ вопросъ, не является ли гдѣнибудь дохмій въ своемъ чистомъ видѣ такъ, какъ мы сейчасъ обозначили. Но предварительно я долженъ замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса приобретаетъ особенную трудность въ виду того, что дохмій въ такомъ видѣ по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ усѣченной на слогъ троиханческой триподіи.

Обратимся сначала къ преданію, идущему изъ древности. Диомедъ, перечисляя формы пятисложныхъ стопъ, упоминаетъ о стопѣ съ такою схемой, какую имѣетъ чистый дохмій и называетъ ее *hypodochmios*. Если мы, во-первыхъ, припомнимъ, что это показаніе Диомеда черезъ Юбу можетъ быть связано съ Геліодоромъ и, во-вторыхъ, примемъ во вниманіе, что такую стопу ближе всего было бы назвать *v. ithyphallicus catalecticis*, еслибы она не имѣла никакого отношенія къ дохмію, то это показаніе Диомеда должно будетъ получить въ нашихъ глазахъ большой вѣсъ.

Посмотримъ теперь, не встрѣчаются ли примѣры гиподохмія въ дошедшихъ до нашего времени поэтическихъ текстахъ.

Въ дохмическомъ коммосѣ Eur. Ion. 763—799 заключительный стихъ таковъ:

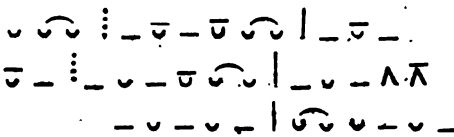
— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ —
οἶον οἶον ἄλγος ἔπαθον, φίλαι

Его можно было бы объяснить какъ соединеніе двухъ усѣченныхъ на слогъ троиханскихъ триподій, въ которыхъ недостающая часть третьей стопы должна быть восполнена посредствомъ протяженія въ одинъ χρ. пр. или же въ послѣдней триподіи также посредствомъ такой же длины паузы, такъ что ритмическая схема этого стиха будетъ такова:

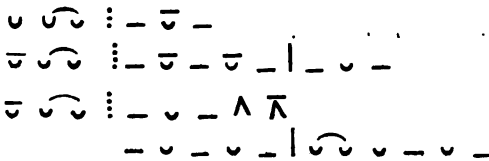
— ∪ — ∪ — | ∪ ∪ ∪ — ∪ —

Это объясненіе было бы удовлетворительно, еслибы разсматриваемыя нами триподіи являлись въ качествѣ повторенія какихъ-нибудь предшествующихъ троиханскихъ или ямбическихъ стиховъ или служили переходомъ къ нимъ въ непосредственно слѣдующей лирической части. Но такъ какъ этотъ коммосъ за исключеніемъ двухъ стиховъ въ началѣ его и эпиррематическихъ ямбическихъ триметровъ состоитъ изъ однихъ дохміевъ, и такъ какъ продолженіемъ

его служить діалогъ, то появленіе двухъ трохаическихъ триподій въ концѣ его представляется крайне подозрительнымъ, особенно если мы припомнимъ, во-первыхъ, что усѣченныя трохаическія триподіи и всякіе трохаическіе триметры вообще встрѣчаются очень рѣдко и, во-вторыхъ, что ямбы и трохеи, входящія въ составъ дохмическихъ строфъ обыкновенно дѣлятся на диподіи. Поэтому сама собою приходитъ въ голову мысль, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ только кажущіяся усѣченныя трохаическія триподіи, которыя въ дѣйствительности представляютъ сочетание, состоящее изъ двухъ гиподохміевъ или дохміевъ въ чистомъ видѣ. Если это предположеніе справедливо, то рассматриваемый стихъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ, которые ему предшествуютъ въ той же системѣ:

или, если мы предпочитаемъ представлять два предпоследнихъ стиха за дохмическій диметръ, которому предшествуетъ и за которымъ слѣдуетъ монометръ, то тогда заключительный стихъ оказывается повтореніемъ предшествующаго ему диметра, который отдѣленъ отъ него монометромъ:

образуя несравненно болѣе подходящее заключеніе всей лирической части, чѣмъ состоящій изъ двухъ трохаическихъ триподій членъ, который заставляетъ предположить въ самомъ концѣ строфы ничѣмъ не мотивированную перемѣну ритмическаго движенія.

Трудно помириться также съ составомъ стиха Eur. Or. 140=152

$$\begin{array}{cccccccc}
 - & \cup & - & \cup & - & \cup & \cup & - & \cup & - \\
 \text{стр. } & \sigma\acute{\iota}\gamma\alpha & \sigma\acute{\iota}\gamma\alpha, & \lambda\epsilon\pi\tau\acute{o}\nu & \acute{\iota}\chi\nu\omicron\varsigma & \alpha\rho\beta\acute{\upsilon}\lambda\eta\varsigma \\
 \text{ἀντ. } & \pi\acute{\omega}\varsigma & \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota; & \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon & \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma, & \acute{\omega} & \phi\acute{\iota}\lambda\alpha
 \end{array}$$

если предположить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, что онъ представляетъ сочетание двухъ усѣченныхъ троханческихъ триподій, такъ какъ во всей строфѣ, которая имъ открывается, нѣтъ ни одного троханческаго или ямбическаго стиха, да и вообще никакого элемента, принадлежащаго по своимъ стопамъ къ иному $\gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\beta\rho\theta\mu\sigma\tilde{\upsilon}$, чѣмъ дохмій—стихъ 145=158 представляетъ, какъ мнѣ кажется, одно изъ видоизмѣненій дохмiя. Правда, въ слѣдующей строфѣ мы находимъ ямбическіе и троханческіе стихи въ соединеніи съ дохмiями, но они совершенно явственно дѣлятся на диподіи, и потому едвали возможно ставить въ соотвѣтствіе съ ними двѣ одинокихъ троханческихъ триподіи въ началѣ предшествующей строфы. Еслибы существовала такая связь между этими двумя строфами, то разсматриваемыя нами триподіи находились бы не въ началѣ первой строфы, а въ концѣ ея, служа переходомъ къ послѣдующему. Поэтому весьма естественно предположить, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сочетаніемъ только кажущихся троханческихъ триподій, но что на самомъ дѣлѣ данный стихъ представляетъ дохмическій диметръ въ чистомъ видѣ и находится въ соотвѣтствіи съ послѣдующими дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ. Схема въ первой части строфы, начало которой составляетъ данный стихъ, такова:

$\begin{array}{cccccccccccc}
 & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\
 \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\
 \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\
 \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup
 \end{array}$

Хотя ни въ одномъ изъ приведенныхъ мною дохмическихъ диметровъ въ чистой формѣ третій долгій слогъ перваго дохмiя не распущенъ на два такихъ краткихъ слога, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ послѣдній приходился бы на начало или средину слова, и первый краткій слогъ не замѣненъ посредствомъ иррациональнаго долгаго, какъ это требовалось бы для полноты доказательства того, что моя догадка вѣрна, однако я думаю, что и тѣ доводы, которые я привелъ, поддерживаютъ ее въ достаточной степени.

Примѣняя къ дохмiю нормы современной ритмики, мы должны признать его за одну изъ формъ двухдольнаго такта. Если мы возьмемъ другую форму того же такта, которой въ древней ритмикѣ

соотвѣтствуетъ дактилическая и анапестическая диподія (тактъ $\frac{4}{4}$), и сравнимъ ихъ между собою, то найдемъ, что отношеніе между ними будетъ приблизительно такое же, какъ между двумя формами трехдольныхъ тактовъ— $\frac{6}{8}$ и $\frac{3}{4}$, изъ которыхъ первому въ древней ритмикѣ соотвѣтствуетъ трохаическая диподія, второму—стопа іоника. Число $\chi\rho.$ $\pi\rho.$ и мѣсто главнаго ритмическаго ударенія въ той и другой стопѣ одинаково; разница существуетъ только въ числѣ и расположеніи второстепенныхъ ритмическихъ удареній. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ въ іоникѣ всѣ долгіе слоги распущенными, то ритмическія ударенія въ немъ распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

$\underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{\dot{v}}\underline{v} \dot{v} \underline{v}$

Въ трохаической диподіи, замѣняющей его при превращеніи ($\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\chi\lambda\alpha\sigma\iota\varsigma$), они падаютъ уже не черезъ одинъ слогъ, а черезъ два и потому ихъ оказывается однимъ меньше:

$\underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v} \underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v}$

Приблизительно то же самое мы найдемъ, если представимъ распущенными всѣ долгіе слоги дохмія:

$\underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v} \underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v} \underline{\dot{v}}\underline{v}$

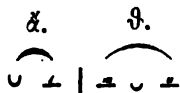
и затѣмъ дактилической диподіи:

$\underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v} \underline{v} \underline{\dot{v}}\underline{v} \underline{v} \underline{v}$

Родство между нисходящимъ іоникомъ и трохаической диподіей, какъ извѣстно, доходитъ до того, что трохаическая диподія при превращеніи заступаетъ мѣсто іоника. Чередуванія дохмія съ дактилической диподіей мы не находимъ, но близость между ними доказываетъ тотъ фактъ, что такъ называемые лирическіе анапесты иногда имѣютъ въ своемъ составѣ отдѣльно стоящіе дохміи, напр. Епигр. Нес. 154—215, Іон. 859—922. Еслибы между анапестами и дохміями не было никакого родства по счету, то трудно было бы объяснить такое странное нарушеніе общаго ритмическаго движенія въ цѣломъ ряду системъ посредствомъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга отдѣльныхъ тактовъ.

Тезисъ и арзисъ дохмія. Теперь, когда намъ извѣстно, какъ дѣлили дохміи на его $\chi\rho\omicron\nu\omicron\iota$ $\pi\omicron\delta\iota\chi\omicron\iota$ неизвѣстные ритмики $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\iota\gamma$

къ Гефестіону и Етум. М., и какъ въ немъ расположены ритмическія ударенія всѣхъ трехъ степеней, мы можемъ прямо сказать, что арзісьдохміа состоитъ изъ трехъ $\chi\rho.$ пр., заключающихся въ двухъ первыхъ его слогахъ, тезисъ же изъ пяти, заключающихся въ трехъ остальныхъ слогахъ его:

Дохміи съ современной точки зрѣнія. Если мы захотимъ изобразить дохміи посредствомъ современныхъ нотныхъ знаковъ, то, отождествивъ краткій слогъ съ одной восьмой ноты, долгій—съ четвертью, должны будемъ представить рядъ дохміевъ въ слѣдующемъ видѣ:

Счетъ въ такихъ тактахъ можетъ быть обозначенъ посредствомъ $\frac{3}{8}$. Правда, современная намъ музыкальная ритмика не знаетъ такого такта, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы не должны были допускать его и въ древней. Вообще надобно замѣтить, что ритмика музыки новѣйшаго времени отличается замѣчательной бѣдностью своихъ формъ сравнительно съ древней. Счетъ $\frac{5}{4}$, который мы находимъ въ дорической лирикѣ и особенно часто въ аттической комедіи, въ современныхъ намъ музыкальныхъ произведеніяхъ является только со времени Глинки, который заимствовалъ его изъ русской народной пѣсни. Если отъ отдѣльных тактовъ мы перейдемъ къ болѣе крупнымъ ритмическимъ величинамъ, то найдемъ здѣсь то же самое: ритмическіе члены ($\chi\omega\lambda\alpha$) въ огромномъ большинствѣ случаевъ образуются сочетаніемъ тактовъ по два, періоды—по четыре, тогда какъ у Грековъ въ этомъ отношеніи было гораздо болѣе разнообразія.

§ 3.

Теоріи дохмія, выставленныя въ новое время.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время.

А. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи перемѣну ритмическаго движенія, дѣлятъ его а) на бакхіи и ямбъ: Россбахъ.—Беллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.— б) на ямбъ и кретики: Бёкъ.—Мунъ.—Лортдингъ.—Лёшгоръ.—с) признають возможнымъ дѣлить его такъ и другими способами: Цезарь.

В. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, относятъ его къ разряду а) *антиспазмовъ*: Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ.—Фригге.—б) *ямбовъ*: Гольдманъ.—Шульце.—Пикель.—с) *трохеевъ*: Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхеевъ*: Бергъ.—Вестфаль.—e) *неоновъ*: Штейгеръ.—f) признають за самостоятельную стопу: Мейснеръ.—М. Шмидтъ.—Креть.—Древесъ.—Клотъ.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время. Едвали найдется въ метрикѣ обоихъ классическихъ языковъ другой размѣръ, который вызвалъ бы столько самыхъ разнообразныхъ попытокъ уяснить его ритмическое значеніе, какъ дохміи. Но, не смотря на разнообразіе этихъ попытокъ, всё онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ тѣмъ, признается ли дохміи за сложную стопу, въ предѣлахъ которой происходитъ перемѣна ритмическаго движенія (*μεταβολή ῥυθμοῦ*), вызванная тѣмъ, что простые стопы, образующія сложную, принадлежать къ двумъ различнымъ *γένη ῥυθμοῦ*, или же—за такую ритмическую величину, внутри которой эта перемѣна ритмическаго движенія не допускается. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ въ свою очередь возможно установить нѣсколько болѣе мелкихъ подраздѣленій.

Теоріи, принадлежащія къ первой группѣ, идутъ въ двухъ направленіяхъ: одніе изъ нихъ дѣлятъ дохміи на бакхіи и ямбъ, другія—на ямбъ и кретики. Россбахъ и Вестфаль первые признали дохміи за сочетаніе бакхіи съ ямбомъ уже въ первомъ изданіи своей метрики. Къ нимъ применили Беллерманъ, Грабовъ, Диндорфъ

и Г. Шмидтъ. Впослѣдствіи, правда, Вестфаль отказался отъ этой теоріи, но его сотрудникъ Россбахъ, дѣлая нѣкоторыя уступки новой теоріи Вестфала, держится прежней. Представителями второго направленія служатъ Бѣкъ, Мункъ, Лортцингъ и Лѣшгорнъ. То и другое направленіе сливается въ теоріи Цезаря, который полагаетъ, что дохмій по своему составу бываетъ двоякимъ: въ однихъ случаяхъ онъ представляетъ такую сложную стопу, которая дѣлится на ямбъ и кретику, въ другихъ—такую, которая распадается на бакхій и ямбъ.

Во второй группѣ являются слѣдующія подраздѣленія: по однімъ изъ теорій, принадлежащихъ сюда, дохмій относится къ разряду антиспастровъ, по другимъ—къ разряду ямбовъ, по третьимъ—къ разряду бакхіевъ, по пятымъ—къ разряду пеоновъ, по шестымъ онъ представляетъ изъ себя самобытную стопу. Къ антиспастамъ причисляютъ дохмій Германъ, Зейдлеръ, фонъ-Леутинъ и Фритче. Въ теоріяхъ этихъ ученыхъ есть одна общая имъ всѣмъ черта, которая состоитъ въ томъ, что онѣ вводятъ въ составъ дохмія *arsis puda* т. е. такой арзисъ, который заступаетъ мѣсто цѣлой стопы безъ всякаго возмѣщенія недостающаго при немъ тезиса посредствомъ протяженія или паузы. Ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, видятъ въ дохміи Гольдманъ, Шульце и Пикель. Первый изъ этихъ ученыхъ, допуская въ дохміи *arsis puda*, стоитъ еще на точкѣ зрѣнія старой метрической школы, хотя его работа вышла изъ печати уже послѣ появленія ритмики и метрики Россбаха и Вестфала, которые показали, что недостающій въ стопѣ тезисъ (слабая часть стопы) необходимо восполняется протяженіемъ арзиса той же стопы или паузой. Къ этому направленію близко стоитъ Брамбахъ и его послѣдователь Фогельманъ, которые признаютъ дохмій за трохаическую триподію съ синкопическимъ удареніемъ на первой стопѣ. Горячимъ защитникомъ мимоходомъ высказанной Бергкомъ мысли, что дохмій представляетъ изъ себя усѣченную на слогъ бакхическую диподію, является Вестфаль, который усвоилъ ее со второго тома своей *Theorie der musikalischen Künste der Hellenen* во второмъ изданіи этого сочиненія и поддерживаетъ до сихъ поръ. Попытка объяснить дохмій какъ пеоническій монометръ съ анакрузисомъ въ формѣ ямба сдѣлана Штейгеромъ. Наибольшею оригинальностью въ обѣихъ группахъ отличается напра-

влекіе, представители котораго признають дохміи за самобытнующую стопу. Сюда относятся слѣдующіе ученые: Мейсснеръ, М. Шмидтъ, Кристь, Древесъ и Клотцъ.

А.

а) Теоріи, принимающія дохміи за сочетаніе бакхіа съ ямбомъ. Взглядъ на дохміи какъ на ритмическую величину, состоящую изъ бакхіа и ямба, впервые былъ высказанъ въ новое время въ Griechische Metrik Россбаха и Вестфали (1856) и затѣмъ удержанъ Россбахомъ въ третьемъ изданіи ея (1889), которое было обработано уже имъ однимъ.

Объяснивъ въ этой послѣдней обработкѣ своего сочиненія (Griechische Metrik²), на чемъ основано дѣленіе стопъ на $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota$ $\delta\rho\theta\omicron\iota$ и $\delta\acute{o}\chi\mu\omicron\iota$, и указавъ, что въ дохміи заключается восемь $\chi\rho.$ пр., этотъ ученый на основаніи показанія М. Фабія Квинтилиана, Аристиды Квинтилиана и схолий на Гефестіона опредѣляетъ ритмическое значеніе дохміи слѣдующимъ образомъ: der Dochmius gilt als ein $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ μεταβάλλων, der aus zwei verschiedenen Rhythmengeschlechtern; dem pāonischen und diplasischen, zusammengesetzt ist (стр. 761 и сл.). Но такъ какъ это опредѣленіе слишкомъ обще и даетъ возможность дѣлить дохміи на бакхіи и ямбъ точно такъ же, какъ на ямбъ и кретику, то Россбахъ, отвергнувъ вторую комбинацію на томъ основаніи, что въ кретику краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ соотвѣтствующій ему слогъ въ дохміи допускаетъ такую замѣну, переходитъ къ первой и продолжаетъ такъ: Wir haben demnach den Dochmius als die Zusammensetzung eines Bakchius mit einem Jambus anzusehen; durch die Zusammensetzung beider Füße entsteht ein Taktwechsel, μεταβολή κατὰ γένος, indem auf einen fünfzeitigen pāonischen ein dreizeitiger diplasischer Takt folgt; beide Füße werden einem gemeinschaftlichen Hauptictus unterworfen, denn sonst könnten sie nicht als die beiden $\delta\rho\theta\mu\omicron\iota$ eines Rhythmus angesehen werden, aber sie behaupten zugleich ihre Selbstständigkeit als verschiedene Takte, und deshalb lässt sowohl der Bakchius wie der Jambus die Irrationalität der anlautenden Thesis zu:

$\overset{\vee}{\text{Bakchius}} \text{ — } \overset{\vee}{\text{Jambus}}$ (стр. 762).

Но въ виду того, что Вестфаль въ *Griechische Rhythmik*³ принимаетъ дохмій за усѣченную бакхическую диподию, Россбахъ, желая до нѣкоторой степени смягчить противорѣчье между собой и Вестфалемъ, дѣлаетъ предположеніе, что дохмій могъ исполняться двоякимъ образомъ: въ хоровой лирикѣ въ качествѣ усѣченной на слогъ бакхической диподіи, въ трагедіи же, сообразно съ ея болѣе страстнымъ характеромъ, — въ качествѣ *ῥυθμὸς μεταβάλλων*, отличающагося почти неограниченной подвижностью своей формы.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ *Griechische Metrik* Россбаха и Вестфала въ первомъ изданіи ея находятся нѣсколько страницъ, посвященныхъ дохмію, въ рѣчи *Беллермана De metris Sophoclis veterum doctrina explicandis* (1864). Начинаетъ Беллерманъ такъ же, какъ Россбахъ и Вестфаль съ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ показаній древнихъ о дохміи, изъ которыхъ выводитъ, что дохмій заключаетъ въ себѣ восемь $\chi\rho.$ пр. и состоитъ изъ двухъ стопъ: одной, принадлежащей къ $\gamma. \eta\mu\beta\lambda\iota\omicron\nu$, другой, — къ $\gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma, \delta\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu$. Затѣмъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли выше, возможны двѣ комбинаціи, то Беллерманъ рассматриваетъ каждую изъ нихъ порознь и приходитъ къ тому заключенію, что изъ ямба и кретика дохмій не можетъ состоять въ виду непосредственнаго столкновенія арзисовъ двухъ стопъ. Возраженіе противъ этого, заключающееся въ томъ, что ямба въ данномъ случаѣ является въ качествѣ тезиса, а кретикъ — арзиса сложной стопы, Беллерманъ опровергаетъ, ссылаясь на Аристоксена, который учитъ, что простые стопы, входящія въ составъ сложной, въ свою очередь дѣлятся на арзисъ и тезисъ; единственный исходъ, возможный при такомъ дѣленіи дохміи на составныя части, заключается въ томъ, чтобы восполнить недостающій тезисъ посредствомъ протяженія; а это въ свою очередь влечетъ за собою увеличеніе числа $\chi\rho.$ пр. въ дохміи, которое не можетъ быть допущено, если только мы хотимъ оставаться вѣрными показаніямъ древнихъ. Послѣ этого Беллерманъ переходитъ къ другой комбинаціи и говоритъ относительно ея слѣдующее: *In qua facile perspicitur ab omnibus illis difficultatibus pedem esse liberum, sed commode et ὀκτάσημον et σύνθετον posse legi, cum bacchius generi hemiolio ascriptus certe disemas longas habeat. Sed aliae sunt dubitationes, quae a nonnullis moventur ad labefactandam hanc mensuram* (стр. 25). Сомнѣнія эти разрѣшаются полемич-

кой, направленной главнымъ образомъ противъ Вестфала и Цезаря, взгляды которыхъ не сходятся со взглядами Беллермана. Но для насъ изъ этой полемики имѣеть значеніе только слѣдующее мѣсто, опредѣляющее положеніе и относительную силу ритмическихъ удареній въ дохміи: *in secunda syllaba, подр. dochmii, ictum primarium volumus esse, totumque bacchium esse pro arsi, iambum pro thesi, sic: √ — — | √ — . Et quamquam, ut supra diximus, hic iam-*

arsis thesis

*bus, qui pro thesi est, ipse quoque percussione rhythmica in duas partes dirimitur, ut suam arsim et thesim in se habeat, tamen secundae dochmii syllabae accentu maiore pronuntiandae totus rhythmus quasi subiectus est, hoc modo: √ — — | √ — (стр. 27). Въ заключеніе Беллерманъ переходитъ къ такимъ формамъ дохміи, въ которыхъ взаимнъ краткаго слога является ирраціональный долгій, √ — — √ — и въ существованіи ихъ видитъ важное подтвержденіе своей собственной теоріи: *Nam quarta syllaba quomodo potuerit produci haud facile intellegitur, si illa cretici esse putatur, sin autem iambi est prior syllaba, res plane ac facile expeditur (стр. 28 и сл).**

Опредѣленіе ритмическаго значенія дохміи, которое даетъ *Грабовъ* въ своей диссертаци *Numeri dochmiaci usus Sophoclis (1869)* представляетъ компіляцію того матеріала, который онъ нашелъ у Россбаха и Вестфала въ *Griechische Metrik*, съ одной стороны, и у Беллермана, съ другой.

Начинаетъ *Грабовъ* съ того, что высказываетъ такой взглядъ на дохміи: *inter omnes constat eum (т. е. dochmium) non simplicem esserhythmum, sed e genere duplici atque sescuplici compositum (стр. 1)* и подкрѣпляетъ его одинаковыми съ Россбахомъ и Беллерманомъ показаніями древнихъ. Но дохміи допускаетъ двоякую комбинацію въ дѣленіи на стопы, принадлежащая къ этимъ γένη ῥυθμοῦ, и можетъ быть разлечена или на ямбъ и кретикъ √ — | — √ — или на бакхій и ямбъ √ — — | √ — . Однако первая комбинація оказывается несостоятельной, такъ какъ, допуская ее, мы должны предположить протяженіе перваго долгаго слога или паузу послѣ него для того, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія тезисовъ двухъ стопъ, чего не допускаетъ ученіе Аристиды Квинтилиана объ арсисъ и тезисъ; дадѣ, вслѣдствіе этого дохміи сдѣлается ῥυθμὸς ἐννεάσημος, тогда какъ, по свидѣтельству древнихъ, онъ есть ῥυθμὸς ὀκτάσημος. Прав-

да, при замѣнѣ одного изъ краткихъ слоговъ дохмій ирраціональнымъ долгимъ, пожалуй, можетъ показаться, что дохмій тоже заключаетъ въ себѣ девять $\chi\rho$. пр., а при замѣнѣ обоихъ краткихъ слоговъ ирраціональными долгими—и всѣ десять, однако мы должны помнить, что ирраціональный долгій слогъ только на половину болѣе краткаго слога, заключающаго въ себѣ одинъ $\chi\rho$. пр., и что употребленіе ирраціональной стопы не влечетъ за собою *μεταβολή* *ῥυθμοῦ κατὰ γένος*, а только нѣкоторое замедленіе въ исполненіи ирраціональной стопы. Вторая причина, по которой мы не можемъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретику, заключается въ томъ, что кретику не допускается замѣны своего краткаго слога ирраціональнымъ долгимъ. Принимать этотъ кретику за сложную стопу, состоящую изъ пиррихія и трохея или ямба, или за усѣченную на слогъ трохайческую диподию или двойную моноподию также нельзя, не впадая въ противорѣчіе или съ показаніями древнихъ метриковъ или ритмическими явленіями, наблюдаемыми въ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстахъ. Такимъ образомъ намъ остается только признать, что дохмій представляетъ соединеніе бакхія съ ямбомъ, вслѣдствіе чего мы избѣгаемъ тѣхъ затрудненій, въ которыя попадаемъ, принимая дохмій за ямбъ и кретику: *nam cum bacchii arsis in secunda syllaba, iambi in ultima posita sit, √ ∟ — | √ ∟, arsium concursus vitatur; et cum prima utriusque pedis syllaba anceps esse possit; × ∟ — | √ ∟, irrationalis dochmii forma commodissime exponitur* (стр. 6). Возраженіе, которое заключается въ томъ, что бакхій будто бы встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ дохмій являются въ древней драмѣ весьма часто, опровергается ссылкой на схолии къ Гефестіону и на Софокла, у котораго встрѣчаются реальные примѣры употребленія бакхіевъ.

Диндорфъ въ той главѣ своихъ *Prolegomena* къ *Poetarum scenicoꝝ Graecorum, Aeschyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis fabulae superstites* (1869), которая озаглавлена: *De metris poetarum scenicoꝝ*, посвящаетъ дохмію цѣлый отдѣлъ, но о ритмическомъ значеніи его говорятъ только слѣдующее: *Metrum dochmiacum ex bacchio et iambo est compositum √ ∟ — √ ∟, anacrusi utraque ancipite, ultima syllaba vel longa vel in pyrrhichium soluta ubi numeris continuatur, ancipite ubi non continuatur, duabus primis vero arsis, modo alterutra modo utraque, vel longis vel so-*

lutis (стр. 45 и сл.). Въ подстрочной сноскѣ къ этому мѣсту онъ замѣчаетъ относительно показаній древнихъ метриковъ о дохміи, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ никакой цѣны; соглашается онъ только съ показаніемъ схолиаста въ Aesch. Sept. 101 объ употребленіи дохміи въ трагедіи. Въ остальной части параграфа, посвященнаго дохміямъ, Диндорфъ уже ни разу не возвращается къ вопросу о ритмическомъ значеніи дохміи.

Изъ приведеннаго мною изложенія взгляда на дохміи, который былъ усвоенъ Россбахомъ, Беллерманомъ, Грабовымъ и Диндорфомъ, мы видимъ, что всѣ эти ученые признають дохміи за сложную стопу, заключающую въ себѣ восемь $\chi\rho.$ пр. и распадающуюся на бакхій и амбъ. Будучи вполне согласны съ этими учеными въ опредѣленіи числа $\chi\rho.$ пр. въ дохміи, мы не можемъ однако согласиться съ возможностью не только видѣть бакхій въ составѣ дохміи, но и вообще признавать существованіе его въ качествѣ такой стопы, какую они въ немъ видятъ, и потому рассмотримъ, что такое онъ изъ себя представляетъ въ дѣйствительности.

Подъ бакхіемъ обыкновенно разумѣють стопу, состоящую изъ одного краткаго и двухъ долгихъ слоговъ и распадающуюся на те-

з. ѝ.

зисъ въ три и на арзисъ въ два $\chi\rho.$ пр. $\cup _ | _$ (Ср. Rossbach, Gr. Metrik² стр. 731 и 754 и сл. Bellerman, De metris Soph. vet. rhythm. doctr. expl. стр. 25 и сл. Grabow, Num. dochm. usus Soph. стр. 6. Dindorf, De metr. poet. scen. 10). Поэтому, если мы будемъ имѣть стихъ, состоящій изъ ряда бакхіевъ, то должны будемъ разставить въ немъ ритмическія ударенія, согласно съ даннымъ опредѣленіемъ бакхической стопы, такимъ образомъ:

... | $\cup _ -$ | $\cup _ -$ | $\cup _ -$ | $\cup _ -$...

Но такая разстановка находится въ противорѣчій съ указаннымъ выше общимъ физиологическимъ закономъ, опредѣляющимъ мѣсто ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ долгихъ и короткихъ звуковъ (стр. 50). Въ силу этого закона ритмическія ударенія въ бакхическомъ стихѣ должны быть расположены слѣдующимъ образомъ:

... | $\cup - \vdots _$ | $\cup - \vdots _$ | $\cup - \vdots _$ | $\cup - \vdots _$...

Такое расположение ритмических ударений показывает, что бакхическій стихъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ кретикувъ съ неполной первой и послѣдней стопой, и что такой стопы, какую видать въ бакхія Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Подтвержденіе этого мы найдемъ, если прослѣдимъ употребленіе и исторію бакхія. Бакхій, какъ это видно изъ слѣдующаго показанія Гефестіона: τὸ δὲ βακχιακὸν σπάνιον ἐστὶν (Script. metr. gr. стр. 43, W) и въ особенности изъ дошедшихъ до насъ текстовъ греческихъ поэтовъ, у которыхъ этотъ размѣръ встрѣчается въ видѣ отдѣльно стоящихъ стиховъ, былъ весьма мало употребителенъ, между тѣмъ какъ пеоны были однимъ изъ любимыхъ размѣровъ аттической комедіи. Затѣмъ слѣдующія замѣчанія относительно пеоновъ, находящіяся въ схоліяхъ А къ Гефестіону, показываютъ, что бакхій первоначально не причислялся къ пеонамъ: ὁ πρῶτος παιών καὶ ὁ τέταρτος ποιῶσι τὸ παιωνικὸν μέτρον οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος (Script. metr. gr. стр. 125 12—14 W) и далѣе τὸ... παιωνικὸν ἐπιπλοκὴν οὐκ ἔχει, ὡς τὰ προειρημένα (ib. стр. 125 14 и 15), при чемъ схолія В, сообразно съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, перечисляютъ только три слѣдующихъ ἐπιπλοκαί: τρίσημος, τετράσημος и ἐξάσημος, хотя тутъ же прибавляютъ: εἰσὶ... ἐπιπλοκαὶ κατὰ μὲν τῆρας καὶ ἄλλαι (ib. стр. 136 25 и сл.). Въ соответствіи съ этими замѣчаніями схолій къ Гефестіону, которыя иначе были бы необъяснимы, въ риторикѣ Аристотеля изъ пеоническихъ стопъ упоминаются только первый и четвертый пеонъ и πεντάβραχος; не знаетъ бакхія, повидимому, и Цицеронъ. Первый, у кого мы находимъ названія бакхій и гипобакхій, это—Діонисій Галикарнасскій, который бакхіемъ называетъ стопу съ такою схемою: — — ∪, а гипобакхіемъ ту же стопу съ краткимъ слогомъ въ началѣ: ∪ — — (De compr. verb. с. XVII).

Наконецъ, не можемъ мы допустить существованіе бакхія въ показанномъ выше смыслѣ и на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ первомъ краткомъ слогѣ бакхія нельзя видѣть части тезиса стопы, потому что онъ предшествуетъ слогу подъ ритмическимъ удареніемъ, а не слѣдуетъ за нимъ, какъ это мы находимъ въ пеонѣ и кретику. Но если этотъ краткій слогъ не составляетъ части тезиса стопы, то онъ есть ея арзисъ, а два слѣдующіе долгіе слога—ея

тевизъ: \checkmark | $\overset{3}{\curvearrowright}$ —. Такимъ образомъ, допуская, что въ бакхія ритмическое удареніе падаетъ на первый долгій слогъ, мы должны черезъ это самое допустить, что $\chi\rho\acute{o}\nu\alpha\iota$ $\mu\omicron\delta\iota\kappa\omicron\iota$ относятся въ немъ другъ къ другу какъ 1 : 4, т. е. представляютъ $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ $\tau\epsilon\tau\alpha\pi\lambda\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\varsigma$; а стопы съ такимъ отношеніемъ своихъ $\chi\rho\acute{o}\nu\alpha\iota$ $\mu\omicron\delta\iota\kappa\omicron\iota$, по свидѣтельству Аристоксена, въ $\sigma\upsilon\nu\epsilon\chi\eta\varsigma$ $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\tau\omicron\iota\alpha$ не употребляются.

Но если это такъ, то откуда же возникло понятіе о бакхія какъ о стопѣ, принадлежащей къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ $\eta\mu\iota\omicron\lambda\iota\omicron\nu$? отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ рядъ показаній о бакхія, также идущихъ изъ древности. Если мы обратимся къ *Eisagōgē* Бакхія и посмотримъ, какая стопа носить у него названіе бакхія, то увидимъ, что онъ называетъ такъ нисходящій іоникъ: $\beta\alpha\chi\chi\epsilon\iota\omicron\varsigma$ $\acute{\alpha}\phi'$ $\eta\gamma\epsilon\mu\omicron\mu\omicron\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\pi\omicron\nu\delta\epsilon\iota\omicron\upsilon$ $\omicron\iota\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\theta\rho\eta\chi\epsilon\iota\nu$ (Westphal. Gr. Rhythm. u. Metr.². Suppl. стр. 48 1 и 2). У Аристиды Квинтиліана различаются два бакхія: $\sigma\upsilon\nu\theta\epsilon\tau\omicron\iota$ $\omicron\iota$ $\kappa\alpha\tau\alpha$ $\sigma\upsilon\zeta\upsilon\chi\iota\alpha\nu$, $\beta\alpha\chi\chi\epsilon\iota\omicron\iota$ $\delta\upsilon\omicron$, $\acute{\omega}\nu$ \acute{o} $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$ $\tau\omicron\nu$ $\iota\alpha\mu\beta\alpha\nu$, $\delta\epsilon\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\tau\omicron\nu$ $\tau\rho\omicron\chi\alpha\iota\omicron\nu$ \acute{o} $\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\nu\alpha\nu\tau\iota\omega\varsigma$ (Περὶ μουσ. стр. 25 7.—9 J); общее между этими стопами и нисходящимъ іоникомъ заключается въ томъ, что онѣ, какъ и іоникъ, состоятъ изъ двухъ долгихъ и двухъ короткихъ слоговъ. Маріи Викторинъ по поводу названій, которыми пользовался v. galliambicus, замѣчаетъ слѣдующее: *idem et metroriason seu, ut quidam, bacchiason anaclomenon* (Gr. L. VI стр. 95 25 и 26 K). Вестфаль, кромѣ того указываетъ, что и у Плутарха De mus. с. 29 слово $\beta\alpha\chi\chi\epsilon\iota\omicron\varsigma$ употреблено по отношенію къ нисходящему іоникъ (Gr. Rhythm. u. Metr.². стр. 610). Самое названіе бакхія, происходящее, очевидно, отъ употребленія его въ пѣсняхъ въ честь Діониса, мало вяжется со стопой, принадлежащей къ γ . $\mu\alpha\iota\omega\nu\iota\kappa\omicron\nu$, такъ какъ эти послѣднія по преимуществу употреблялись въ пѣсняхъ въ честь Аполлона. Чѣмъ было вызвано перенесеніе названія бакхія съ нисходящаго іоника на извѣстную форму неонической стопы, показываетъ слѣдующее свидѣтельство Гефестіона о перемѣнахъ ритмическаго движенія, допускаемыхъ въ нисходящихъ іоникахъ: $\tau\omicron$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\alpha}\phi'$ $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\omicron\nu\omicron\varsigma$ $\iota\omega\nu\iota\kappa\omicron\nu$ $\sigma\upsilon\nu\tau\iota\theta\epsilon\tau\alpha\iota$ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\kappa\alpha\theta\alpha\rho\acute{o}\nu$, $\sigma\upsilon\nu\tau\iota\theta\epsilon\tau\alpha\iota$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\pi\iota\mu\iota\kappa\tau\omicron\nu$ $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\tau\alpha\varsigma$ $\tau\rho\omicron\chi\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\varsigma$ $\delta\iota\mu\omicron\upsilon\delta\iota\alpha\varsigma$ $\omicron\upsilon\tau\omega\varsigma$, $\acute{\omega}\sigma\tau\epsilon$ $\tau\eta\nu$ $\pi\rho\acute{o}$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\rho\omicron\chi\alpha\iota\kappa\eta\varsigma$ $\acute{\alpha}\epsilon\iota$ $\gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\mu\epsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\nu$, $\tau\omicron\upsilon\tau'$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ $\tau\rho\acute{\iota}\tau\eta\nu$ $\mu\alpha\iota\omega\nu\iota\kappa\eta\nu$, $\kappa\alpha\iota$ $\tau\eta\nu$ $\tau\rho\omicron\chi\alpha\iota\kappa\eta\nu$, $\acute{o}\pi\omicron\tau\alpha\nu$ $\mu\rho\tau\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\iota\tau\omicron$ $\tau\eta\varsigma$

ιωνικῆς, γίνεσθαι ἐπτάσημον τροχαϊκῆν, τὸν καλούμενον δεύτερον ἐπίτριτον. Ἐσθ' ὅτε δὲ ἡ μὲν τρίτη παιωνικὴ συχαιρῆται εἰς παλιμβάκχειον, τῆς δὲ ἐπιφερομένης τροχαϊκῆς ὁ πρότερος λυεῖται εἰς τρίβραχον. (Script. metr. gr. стр. 37²⁰ и 38¹⁻⁹ W) и слѣдующее замѣчаніе схолий А на Гепестіона: Ὁ πρῶτος παιὼν καὶ ὁ τέταρτος ποιοῦσι τὸ παιωνικὸν μέτρον· οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος ἐμπίπτει δὲ εἰς ἰωνικά (Script. metr. gr. 12512—14 W). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что дѣло происходило такъ: когда іоники вслѣдствіе употребленія ихъ въ ἰωνικά ποιήματα александрійскими поэтами получили свое теперешнее названіе, то грамматикѣ стали примѣнять ихъ старое названіе специально по отношенію къ слѣдующей формѣ стопы $\cup \cup _ \cup$, которую они находили при дѣленіи на стопы іоническихъ стиховъ съ превращеніемъ (ἀνάχλασις):

$\cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup$
 $\cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup \quad \cup \cup _ \cup$

Послѣ этого уже названіе бакхій перенесено было на ту же форму стопы, но со стяженіемъ двухъ первыхъ краткихъ слоговъ въ одинъ долгій $_ _ \cup$. Стремленію пополнить формы пеоническихъ стопъ въ соотвѣствіи съ найденной новой формой обязанъ своимъ происхожденіемъ такъ называемый ὑποβάκχειος, ἀντιβάκχειος или παλιμβάκχειος: $\cup _ _$ Почему впоследствии на первую форму стопы перенесено было второе названіе, а на вторую первое, мы не знаемъ; но придавать какое-либо значеніе этому явленію мы не можемъ, такъ какъ аналогичный съ этимъ случай представляетъ перемѣна въ употребленія названій trochaeus и choreus.

Отсюда неизбежно слѣдуетъ тотъ выводъ, что древняя ритмика не допускала существованія бакхія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его признаютъ Россбахъ, Веллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, и потому не могла признавать дохмій за сложную стопу, состоящую изъ бакхія и ямба. Не можемъ дѣлать этого и мы помимо авторитета древнихъ, потому что это влечетъ за собою неестественную постановку ритмическихъ удареній въ пеоническихъ и дохмическихъ стихахъ.

Но допустимъ, что бакхій дѣйствительно существуетъ, имѣя то ритмическое значеніе, какое ему приписываютъ Россбахъ и его послѣдователи, и всетаки мы не можемъ три первыхъ слога дохмія

признать за него, потому что въ дождя: первый краткій слогъ замѣняется посредствомъ иррациональнаго долгаго, тогда какъ въ бакхикъ мы не находимъ этого. Правда, Россбахъ, указавъ, что такая замѣна возможна въ первой стопѣ бакхическаго стиха (Cg. Metrii стр. 757), приводитъ въ ячлѣ бакхическихъ стиховъ: Eur. Alc. 92—104, Ion. (190—)201, Phoen. 187, 1039 и 1040—1063 и 1064, но, если мы внимательно рассмотримъ эти стихи, то найдемъ, что ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ γένος ἡμιόλιον: Alc. 92—104, заканчивающій собою догадическую строфу, скорѣе долженъ быть признанъ ямбическимъ стихомъ въ соответствии съ ямбическимъ тетраметромъ, который открываетъ строфу:

Παῖον, φανείης
 δουτῆι χεῖρ' ἔχουσαν.

Несомнѣнно ямбическій стихъ представляетъ и помѣщенный въ серединѣ догадической строфы Ion. (190—)201:

ἰδοῦ τάνδ' ἄθρησον,
 καὶ μὲν τάνδ' ἄθρησον,

въ чемъ не позволяеть сомнѣваться ритмическое значеніе предшествующаго ему и слѣдующаго за нимъ стиха (Диндорфъ, который признаеть, что краткій слогъ въ бакхической стопѣ не можетъ быть замѣненъ посредствомъ иррациональнаго долгаго, предлагаетъ читать τί вмѣсто καί, De metr. poet. sc. стр. 45); Phoen. 187 ненадеженъ въ критическомъ отношеніи и, повидимому, долженъ представлять изъ себя дохмическій диметръ; Phoen. 1039 и 1040—1063 и 1064, находящіеся въ чистой ямбической строфѣ, не могутъ быть иными кромѣ ямбическихъ:

στρ. βροντῆ δὲ στεναγμῶς,
 ἀχά τ' ἦν ὄμοιος

ἀντ. Καφίσιαι μετρικῶν

δριφασ' ἐπ' ἔργον

Предположеніе замѣны краткаго слога бакіа посредствомъ ирраціональнаго долгаго объясняется тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя часть тезиса неонитической стопы:

ḫ 0 2 | 1

и потому не можетъ быть вынесенъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса.

Другую часть дохміа, которая остается по выдѣленіи изъ него бакіа, Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ считаютъ ямбомъ и объясняютъ допущеніе замѣны въ немъ краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя анакрузисъ. Посмотримъ же, действительно ли возможно признать предпоследній слогъ дохміа за анакрузисъ ямбической стопы; а такъ какъ новѣйшіе метрики обыкновенно довольствуются тѣмъ опредѣленіемъ этого понятія, которое дано Германомъ, то и мы обратимся къ нему. Этотъ ученый опредѣляетъ анакрузисъ слѣдующимъ образомъ: *apertum est... quae... ante ictum est pars, quoniam ab ictu non potest determinata esse, partem esse infiniti cuiuspiam numeri. Eam partem, quia neque arsis est, ut ictu destituta, neque thesis, ut non ex ea vi, quam indicat ictus, pendens, anacrusin vocamus, propterea quod quasi introductio quaedam est ad numerum, quem deinde ictus orditur. Anacrusis autem etsi animadvertitur prima, tamen, ut vel sensus quemque docet, non est initium seriei, sed pars, quam quae praegressa sunt, quia in animadversionem von cadunt, praecessisse sumuntur. Similes in figuris sunt eae, quae quum medium habeant, in utriusque lateris extrema non sunt finibus circumscriptae: quarum descriptio etsi a medio utrobique aequa proportione progreditur, tamen quoniam desinit, priusquam conclusa sit, in infinitum proferri potest (Elem. doctr. metr. I 2, 10).* Такимъ образомъ, если мы возьмемъ, на примѣръ, ямбическій триметръ, то на основаніи словъ Германа ни одинъ изъ его краткихъ слоговъ не можетъ быть названъ анакрузисомъ кромѣ перваго, потому что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ *introductio ad numerum, quem deinde ictus ordi-*

кую форму, при которой отношеніе между ерв тезисомъ и арзисомъ равняется 3 : 2, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этого не замѣчается. Въ самомъ дѣлѣ, ритмическое значеніе бакхія Шмидтъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: $\underline{= \underline{=} \cup}$ oder

 bacchius, gewöhnlich mit Auftakt. $\frac{3}{4}$ -Takt mit Gliederung $\frac{2}{4} + \frac{2}{4} + \frac{1}{4}$ (Leitfad. in der Rhythm. u. Metr. стр. 28). Каково будетъ отношеніе между $\chi\rho\nu\nu\alpha\iota$ $\rho\omicron\delta\iota\chi\omicron\iota$ бакхія при такомъ пони-

маніи его? Если мы опредѣлимъ ихъ такъ: $\overset{\text{Ф.}}{\underline{= \underline{=} | \cup}$, то тезисъ стопы будетъ относиться къ арзису ея какъ 4 : 1; дѣлится же такимъ

$\overset{\text{Ф.}}{\underline{= | \underline{=} \cup}$ образомъ: $\underline{= | \underline{=} \cup$ не позволяетъ то обстоятельство, что на первомъ слогѣ бакхія Шмидтъ кладетъ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ на второмъ. Далѣе, выносъ перваго краткаго слога въдохміа за тактъ, хотя онъ и недозволяется нѣсколькимъ положеніемъ второва краткаго слога, который вслѣдствіе этого является частью бакхической стопы, но такая перемѣна нисколько не способствуетъ объясненію, почему онъ можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго дослага. Шмидтъ, впрочемъ, могъ бы сослаться на то, что ему удалось найти при разборахъ лирическихъ частей въ трагедіяхъ Эсхила и Еврипида нѣсколько примѣровъ ирраціональнаго бакхія, но ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ критики: самыя надежныя изъ нихъ Ерг. Bacch. 1153 и 1154, Ion. 676—695, Or. 145—157 и Phoen. 178 представляютъдохміи распространенный критикомъ.

Нѣкоторое разногласіе между Россбахомъ и Шмидтомъ заключается въ вопросѣ объ относительной силѣ ритмическаго ударенія, лежащаго на тезисахъ тѣхъ стопъ, на которыя они дѣлятъдохміи: Россбахъ полагаетъ, что ритмическое удареніе первой стопы совершенно подчиняетъ себѣ ритмическое удареніе второй, тогда какъ Шмидтъ почти совсѣмъ уничтожаетъ между ними разницу. Мы въ данномъ вопросѣ должны безусловно стать на сторону Россбаха, потому что какъ было показано нами выше (см. стр. 51), у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу того, что удареніе, падавшее на второй долгій слогъдохміа,

имѣю пераѣсъ надъ удареніями двухъ остальныхъ слоговъ. Допущеніе амѣбии второго долгаго слѣга должнѣ посредствомъ ирраціональнаго долгаго нѣтъ не можетъ служить доказательствомъ слабости ритмическаго ударенія, лежащаго на предшествующемъ долгомъ слогѣ, такъ какъ оно объясняется переѣсомъ музыкальнаго элемента надъ поэтическомъ текстомъ.

b) Теорія, принимающія дохміи за сочетаніе ямба и кретики. Изъ ученыхъ новаго времени, занимавшихся метрикой, Бѣкъ первый высказался въ пользу того, что дохміи состоятъ изъ ямба и кретики: *Cum antispastica forma*, говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи *De metris Pindari, coniuncta est dochmiaca, ex iambis et cretico*,

υ ˘ ˘ υ —

frequens apud tragicos, in Pindaviciis rarissima: in qua mitigatur arrhythmia subiecto cretico (стр. 148).

Хотя Бѣкъ и не указываетъ нигдѣ причины, по которой онъ ставитъ въ связь дохміи съ антиспастами, но ее нетрудно угадать, если вспомнить, что онъ рѣже говоритъ о такихъ сочетаніяхъ слоговъ, въ которыхъ непосредственно сталкиваются между собой два арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ). Приведа рядъ примѣровъ подобнаго рода сочетаній и между ними на первомъ мѣстѣ такое:

υ ˘ ˘ υ

онъ замѣчаетъ объ нихъ слѣдующее: *hanc primam formam antispastum vocant veteres: ceterarum tamen omnium eandem esse naturam quis non intelligit* (ib. стр. 80)?

Изъ формъ дохміи Бѣкъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, такъ какъ существованіе этихъ формъ вызвало споръ между Германомъ и Зейдлеромъ, изъ которыхъ первый, опираясь на допущеніе этой амѣбии, признавалъ второй краткій слогъ дохміи за анарузію ямбической стопы:

υ ˘ ˘ | υ ˘ ˘ | υ ˘ ˘

тогда какъ второй считалъ возможнымъ принимать этотъ же слогъ

и за теантъ (часть стопы, не находящаяся под ритмическими ударениями) трохаической стопы:

— — — | — — — | — — —

Mihi tota haec lis videtur nulla esse, говоритъ Бека, quippe si mos continuis rhythmus est, media anceps tam praecedentis, tam sequentis arseos debet esse thesis. Si tamen nomine opus est, quo appelletur hic numerus, — — — non iambum dixerim praemissa longa, hoc est pyrrhichio, sed potius trochaicum cum nova arsi trochaica sine thesi. Apparet hoc ex iis, quae capite secundo dixi de monopodia trochaica. Nam quemadmodum ex trochaica dipodia nascitur creticus purus et rationalis dempta thesi pedis secundi, — — — | — — — sic ex monopodia trochaica duplici, dempta secundi trochaei thesi existit ille creticus, qui est in dochmio, — — — | — — — estque hic creticus irrationalis, per eandem paracatalogen, cuius saepius mentionem feci: mensura tamen aequalis est rationali, nisi quod in hoc ratio syllabarum duarum priorum est duplex, — — — in irrationali

autem sesquitertia, $\frac{12}{7} : \frac{9}{7}$, computatis vero irrationalis huius tro-

chaei duabus syllabis mensura totius pedis est 3 (nam $\frac{12}{7} + \frac{9}{7} = 3$)

eadem quae rationalis, $2 + 1 = 3$. Neque ego statuerim in omni dochmio creticum irrationalem esse: quem certe in Pindaricis non admiserim, ob arrhythmiam nimiam, qua turbat numerum: sed vulgaris dochmius creticus habet uno ordine constantem, irrationalis duobus; unde arsiam exigua quaedam nascitur diversitas, quum in rationali vehementior arsis sit in priori longa, infirmior in posteriori, — — — in irrationali vero par in utraque, — — — cuiusmodi diversitatem in uno eodemque rhythmo et carmine ac passim vel in respondentibus sibi antistrophicorum locis admissam, ut absolutae lyricorum rhythmopoeiae non condono, ita tragicorum arrhythmiae studio inprimis iudico consentaneam (стр. 150 и 151).

Для того, чтобы выяснитъ себѣ, откуда берутся у Бека $\frac{12}{7}$ и $\frac{9}{7}$,

нужно припомнить, что онъ признаетъ отношеніе арсиса къ теансу въ ирраціональномъ трохее равнымъ 4:3 (стр. 106), и считаетъ

слѣдующій расчетъ, если мы, исходя изъ указанного Бэкомъ отношенія между *χρονος* подлгой ирраціональнаго трохея, предположить, что первый долгій слогъ въ этой стопѣ, равняется 4 частицамъ времени, то второй слогъ въ ней должны признать равнымъ 3 частямъ; обозначивъ одну частицу времени черезъ *x* и принявъ въ соображеніе, что длительность всей стопы Бэка считается равной 3 *χρ. πρ.* всякой обыкновенной стопы, нетрудно составить слѣдующее уравненіе:

$$4x + 3x = 3$$

и опредѣлить изъ него, что длительность, перваго долгаго слога ирраціональнаго трохея равняется $\frac{12}{7}$ *χρ. πρ.*, а длительность второго $\frac{9}{7}$ *χρ. πρ.* всякой обыкновенной стопы.

Послѣдователемъ Бэка въ его взглядъ на дохмій явился *Мункъ* въ своей *Die Metrik der Griechen und Römer* (1834), которая вообще написана подъ сильнымъ влияніемъ воззрѣній Бэка.

Мункъ относитъ дохмій въ главу, которая посвящена обзорнѣю стопѣ, заключающихъ въ себѣ пять *χρ. πρ.*, и рассматриваетъ его въ двухъ отдѣлахъ этой главы: съ рациональными кретиками: онъ рассматриваетъ такіе формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, съ ирраціональными—такія, въ которыхъ этотъ слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога.

Указывая въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ, въ сочетаніи съ какими ритмическими величинами, принадлежащими по формѣ своимъ стопѣ къ инымъ *γένη* *ρυθμοῦ*, чѣмъ кретики, можетъ являться кретицескій монومترъ, *Мункъ* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно дохмія: *Mit vorgesetzter iambischer Basis giebt der Creticus den Dochmius*

Die Composition des Dochmius ist zwar wegen des Zusammenstoszens der Arsen arrhythmisch, doch sind die Theile selber rhythmisch (стр. 89).

Ниже въ отдѣлѣ ирраціональныхъ кретиковъ для насъ имѣютъ значеніе только слѣдующія слова, касающіяся дохмія: *Am häufigsten*

ersch׳eint er, t. e. der Irrationale Creticus, mit vorausgeschicktem Iambus als Dochmius (стр. 94).

Послѣ выходя въ свѣтъ *Metrik der griechischen Dramatiker und Lyriker* Россбаха и Вестфала взглядъ на дохмій какъ на сочетание ямба и кретика нашель себя поддержку только въ двухъ диссертацияхъ: Лорцинга *De numero dochmiaco* (1868) и Лемгорна *Quaestiones metricae* (1878).

Такъ какъ древніе метрики, говоря объ дохмій, называютъ его $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\upsilon\kappa\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\mu\acute{o}\varsigma$, то Лорцингъ при опредѣленіи ритмическаго значенія этого размѣра находитъ съ того, что задаетъ себѣ вопросъ, что такое разумѣется у Аристоксена подъ именемъ $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ и рѣшаетъ его такъ: Аристоксенъ употребляетъ слово $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ какъ по отношенію къ отдѣльнымъ стопамъ, такъ и по отношенію къ дѣльнымъ сочетаніямъ стопъ, составляющимъ одно цѣлое. Цѣло $\chi\rho\iota\tau\acute{o}\iota$ въ одной стопѣ, продолжаетъ онъ, не можетъ быть больше пяти, въ сочетаніи — меньше шестн. Отношеніе между арзісомъ и теясомъ въ сочетаніи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ стопъ, должно принадлежать къ одному изъ трехъ родовъ, которые мы находимъ въ простыхъ стопахъ. Въ сохранившихся отрывкахъ сочиненій Аристоксена о ритмѣ это ученіе доведено только до $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\upsilon\kappa\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\mu\acute{o}\varsigma$, а далѣе восстановлено только по дѣтели Вестфалемъ, съ которымъ Лорцингъ объявляетъ себя согласнымъ.

Показавъ, какое значеніе должно имѣть слово $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ въ приложеніи къ дохмію, Лорцингъ на основаніи показаній объ этомъ размѣрѣ Schol. vet. ad *Arsch. Sept.* 128 (120 W). Eum. M. стр. 285, Schol. *Herh.* стр. 61 (185 W) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его ритмическое значеніе: dochmius... $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\upsilon\kappa\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\upsilon\kappa\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\mu\acute{o}\varsigma$ est, compositus ex duobus numerorum generibus, atque ita insignis rhythmica mutatione (стр. 10). Такая перемѣна ритмическаго движенія, которую мы находимъ въ дохмій, должна быть названа $\gamma\epsilon\upsilon\mu\acute{\iota}\eta$ $\rho\upsilon\theta\mu\acute{o}\varsigma$ $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\omicron\lambda\eta$; но она не можетъ служить главной отличительной чертой дохмія, такъ какъ мы находимъ ее и въ другихъ размѣрахъ. Для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается разница между дохміемъ и другими однородными сочетаніями стопъ, Лорцингъ

указывается, что, по учению Аристотеля, моменты времени, смотря по тому, въ какомъ они находятся порядкѣ, бываютъ или *χρόνοι ἄρρυθμοί* или *ἄρρυθμοί*, а, по учению Аристиды Квинтиліана, они могутъ быть еще сверхъ того и *ρυθμοειδείς*. Правда, Вестфаль совершенно не допускаетъ, чтобы въ составъ ритмики входили *χρόνοι ἄρρυθμοί*, но Лорцингъ болѣе склоненъ держаться мнѣнія Бека, который высказалъ по поводу ихъ слѣдующую мысль: *ut in melorosa dissonantia ipsa late patet, ita a numeris in promptu est non omnem posse arhythmiam excludi* (стр. 19).

Приведемъ затѣмъ восстановленное Вестфалемъ дѣленіе стопы на *ρυθμοὶ ὀρθοί* и *δύχμοι* и сосланимся на Schol. Herb. стр. 60 (185 W), Etym. M. стр. 285 и на слѣдующія слова Аристиды Квинтиліана: *μερίζω τὴν ὀρθὰν εἰς τριάδα καὶ πεντάδα, οὐδὲ ὅπως ἔσται ρυθμικὸς λόγος*, Лорцингъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: *docemur... in dochmio inesse διαίρεσιν τριάδος πρὸς πεντάδα, quam rationem... perspicuum est ἄρρυθμον esse, soli enim numerosi sunt λόγος ἴσος, διπλάσιος, τριπλασίου* (стр. 13 и 14). Такимъ образомъ дохмій отличается отъ остальныхъ словныхъ стопъ, въ которыхъ происходитъ также *μεταβολὴ ρυθμοῦ*, тѣмъ, что *χρόνοι ποδικοί* его являются *ἄρρυθμοί*.

Послѣ этого Лорцингъ, замѣтивъ, что дохміи встрѣчаются не только у трагическихъ поэтовъ, но и у Пиндара и другихъ лириковъ, опредѣляетъ разницу между дохміями тѣхъ и другихъ. Разница эта состоитъ въ томъ, что въ дохміяхъ лирическихъ поэтовъ стопы, на которыя дѣлится этотъ размѣръ и которыя принадлежать къ различнымъ γένη ρυθμοῦ, дѣлались по своей длительности равными другъ другу благодаря различному темпу или, какъ говорили Греки, *ἀγωγή*, съ которыми они исполнялись.

Въ дохміяхъ трагическихъ поэтовъ такого уравненія не происходило, что подтверждается свидѣтельствомъ Аристиды Квинтиліана стр. 39 и 99 (26 и 60 J) и Sch. Herb. стр. 60 (185 W).

Въ заключеніе Лорцингъ на основаніи всего вышесказаннаго даетъ такое полное опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, употребимаго трагическими поэтами: *ρυθμικὸς σύνθετος ἑκτάστηρος compositus ex iambo et cretico, cuius ratio, τριάς πρὸς πεντάδα, ἄρρυθμος est, insignis temporis mutatione: non exaequata ducta et summa solutionum et syllabarum irrationalium licentia* (стр. 16).

Работа Лешгора носитъ полемическій характеръ: авторъ ее нападаетъ на различные пункты сочиненія Г. Шмидта *Die Kunstformen per griechischen Poesie und ihre Bedeutung*. Дохмій омы касается только мимоходомъ и налагаетъ свой взглядъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Equidem censeo, ut de hac re, т. е. quantum ratione dochmiaci versus sint accipiendi, iudicium feratur, respiciendum esse locum Arist. Quint. p. 39, ubi dochmiacus pes — | — — — ita diiudicatur, ut rationem numerorum 8 : 5 prae se ferens habeatur compositus ex iambo et creticeo*. Нѣсколькими строками ниже оны продолжаетъ такъ: *Omnino de versuum dochmiacorum natura dubitare non iam poterimus, si diligenter nobiscum repetaverimus, eos ita esse accipiendos, ut habeantur compositi ex iambo et dipodia trochaica catalectica. Hoc modo si de dochmio iudicamus, praene ad Aristid. Quint. p. 39 sententiam nos accedere per se apparet. Cui opinioni non repugnat IX, 4, 97, ubi dochmiacus versus habetur compositus ex bacchiq et iambo. Reicienda contra est opinio scholiastae ad Aeschyl. sept. 103 et 126 et Neph. p. 55, qua dochmius ad antispasticam numerum refertur, ita ut habeatur monometer antispasticus hypercatalecticus, quum antispasticus numerus ab Heliodoro primo excogitatus et a posteris sola eius auctoritate probatus sit (стр. 15 и 16).*

Изъ показаній, идущихъ изъ древности, ученіе новаго времени, которые дѣлятъ дохмій на ямбъ и кретикъ, могутъ опереться только на свидѣтельство М. Фабія Квинтилиана, которое впрочемъ никто изъ нихъ не приводитъ, не считая его, повидимому, достаточно авторитетнымъ въ данномъ вопросѣ, и на переданное намъ Аристидомъ Квинтилианомъ ученіе метриковъ, носящихъ у него названіе *οι συμ-πλέκοντες*, на которое ссылаются Лортцингъ и Лешгорнъ.

Но ученіе этихъ метриковъ, расходящееся въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ дошедшими до насъ отрывками ритмики Аристоксена не можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ достаточно доказательной силы при существованіи не возбуждающаго ни съ какой стороны сомнѣній свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гепестіону и Етум. М., которые дѣлятъ дохмій на арзисъ въ три $\chi\rho$. $\pi\rho$. и тезисъ въ пять. Дѣленіе дохмій на эти величины тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего предпочтенія передъ дѣленіемъ на ямбъ и кретикъ, что арзисъ дохмій, имѣющій форму ямба, легко могъ быть принять

за основу этого имени, а именно, что, при первом слоге, не зависимость посредством иррационального долгого, именной формы кратка, также может быть принята за самостоятельную стопу, несущую это имя, а не наоборот. Правда, Лортцингъ кроме Аристиды Бивитилиана указываетъ еще на сходств. въ Эсхилу и Гектатиону и Блум: М.; но въ сходств. въ Эсхилу дѣленіе дохмія на составныя части вовсе не дано, а въ сходств. къ Гектатиону, и Блум: М. онъ раздѣленъ не на отдельные стопы, а на *χρόνοι ποδοί*, которые какъ таковыя названы *πῶς* и *τετὰς*.

Но и помимо ненадежности Аристиды Бивитилиана въ вопросѣ о ритмическомъ значеніи дохмія у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ насъ отказаться отъ мысли дѣлить дохмію на ямбъ и кретикъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ справедливымъ дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ, то допустимъ черезъ это, что за частью одной стопы, на которую падаетъ ритмическое удареніе, непосредственно слѣдуетъ часть другой стопы также подъ ритмическимъ удареніемъ. Но, допуская это, мы становимся въ противорѣчіе съ понятіемъ о ритмѣ какъ о правильномъ чередованіи сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, которое нашло себѣ выраженіе между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аристоксена: *τὸν ῥυθμὸν γίνεσθαι, ἕταν ἢ τῶν χρόνων διαφρεσις τὰξιν τινὰ λάβῃ ἀφωρισμένην, οὐ γὰρ πᾶσα χρόνων τάξις ἐρυθμῶς. Πιθανὸν μὲν οὖν καὶ χωρὶς λόγου, τὸ μὴ πᾶσαν χρόνων τάξιν ἐρυθμῶν εἶναι* (стр. 410 20—23 М).

Лортцингъ, предвидя возможность возраженія на свое объясненіе ритмическаго значенія дохмія, ссылается на слова Бека, который высказываетъ мысль, что иногда даже въ произведеніяхъ, подчиненныхъ законамъ ритма, должно быть допускаемо нарушеніе ихъ, и указываетъ, что дохмію представляетъ одинъ изъ частныхъ случаевъ этого правила. Но мы не можемъ согласиться ни съ ученіемъ Бека, ни съ приложеніемъ этого ученія у Лортцинга, такъ какъ оно не можетъ быть оправдано ни показаніями древнихъ, ни какими-либо другими данными.

Несостоятельнымъ оказывается дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ также потому, что посредствомъ его не всегда можетъ быть объяснено допущеніе замѣны перваго краткаго слога дохмія посред-

слогъ ирраціональнаго долгаго въ стихѣ, допустивъ замѣну втораго краткаго слогомъ ирраціональнаго долгаго. Если мы будемъ держаться того мнѣнія, что второй краткій слогъ съ послѣдующимъ долгимъ представляетъ амбическую стопу, то ирраціональный долгій слогъ, являющійся заместъ него на началѣ стиха, можетъ быть вполне безупречно объясненъ какъ анапурасъ. Но въ томъ случаѣ, когда такой ирраціональный долгій слогъ допускается въ такомъ стихѣ, который является въ серединѣ члена (χρόνος), то тогда такое объясненіе не можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ, такъ какъ за анапурасъ можно принимать единъ только первый слогъ амбической стопы въ стихѣ, иначе каждый краткій слогъ амбической стопы могъ бы быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, между тѣмъ какъ мы этого не находимъ.

Случай замѣны втораго краткаго слога предусмотренъ только Бёкомъ и Мункомъ.

Первый изъ нихъ высказываетъ мысль, что кретику съ краткимъ слогомъ образовался изъ трохаической диподии, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ краткаго слога, а арзисъ второй не выраженъ ничѣмъ, тогда какъ кретику съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ, образовался изъ двойной трохаической моноподии, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а арзисъ второй также ничѣмъ не выраженъ. Но допуская, что какая либо стопа можетъ состоять изъ одного тезиса, не заключающаго въ себѣ въ качествѣ χρόνος παρετάμενος болѣе двухъ χρ. πρ., мы предполагаемъ, что возможна стопа, состоящая всего изъ двухъ χρ. πρ.; между тѣмъ это предположеніе совершенно противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ Аристоксена, въ которыхъ онъ выразительно замѣчаетъ, что стопа, состоящая только изъ двухъ χρ. πρ., невозможна: *ἔτι μὲν οὖν ἐξ ἑνὸς χρόνου ποὺς οὐκ ἂν εἴη φαερὸν, ἐπειδὴ περὶ ἐν σήμερον οὐ ποιεῖ διαίρεσιν χρόνου ἀνευ γὰρ διαίρεσως χρόνου ποὺς οὐ δοχεῖ γίνεσθαι* (413з—6 М.).

Но допустимъ, что часть стопы, не носящая на себѣ ритмическаго ударенія, можетъ оставаться не выраженной особымъ слогомъ или слогами и не замѣненной посредствомъ протяженія или паузы, и

вероятно не могъ согласиться съ Бэкомъ въ томъ, чтобы считатьъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткимъ слогомъ, могъ произойти изъ двойной трохантеской моноподии. Для того, чтобы убедиться въ этомъ посмотримъ, что говоритъ этотъ ученый объ одинарной и двойной трохантеской моноподии, и какіе онъ даетъ примѣры той и другой: *Prima... trochaiei numeri forma est monopodia* $\bar{u} \bar{u}$ \bar{u} , *quam initio versus positam vocant basis: sed reperitur etiam in mediis versibus aliis praefixa rhythmis: item in fine, ubi possis appellare ecbasin... Ea vero aut semel ponitur: aut bis (De metr. Pind. стр. 112).* Послѣ этого онъ указываетъ въ видѣ примѣра различные стихи, въ которыхъ является двойная трохантеская моноподія въ различныхъ формахъ. Заключиваетъ онъ вопросъ объ ней такъ: *Namque formarum aliae rationalem trochaicum, aliae irrationalem representant. Irrationalis si habet catalexin haec est:*

$\bar{u} \bar{u} \bar{u}$

de qua alius dicendi erit locus (ib. стр. 113):

Рассмотримъ сперва тѣ примѣры двойной трохантеской моноподии, которые Бэкъ беретъ изъ Пиндара. Примѣры этой моноподии въ формѣ:

$\bar{x} \bar{u} \bar{x} \bar{u}$

онъ видитъ въ *Pyth. VIII, str. 5. Nem. IV, 3. 5. VI, st. 2. Вѣ Pyth. VIII, str. 5* стихъ мы не будемъ имѣть нужды отступать отъ совершенно ясно выраженнаго дѣленія на диподии, если примемъ ирраціональный слогъ за анакрюзисъ, являющийся въ началѣ члена:

$\bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u}$

Точно также объясняется ирраціональность слога въ *Nem. IV, 3:*

$\bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u}$

хотя и безъ того достаточнымъ оправданіемъ для нея служить то, что она является въ стопѣ подъ второстепеннымъ ритмическимъ удареніемъ. Въ первой стопѣ пятаго стиха той же оды допущенъ ирраціональный долгій слогъ какъ въ базисѣ догадическаго члена:

$\bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} | \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u}$

комъ формѣ является въ монодической лирикѣ только у александрийскаго поэта Евфоріона, то отсюда мы можемъ заключить, что во всѣхъ трехъ этихъ стихахъ ирраціональный слогъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ допущенъ въ виду преобладанія музыки надъ текстомъ. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ приведенныхъ Бёкомъ стиховъ не дѣлится на моноподіи, вслѣдствіе чего оказывается несостоятельнымъ и его объясненіе ирраціональности второго краткаго слога дохмія. Но если есть, какъ это можно предполагать, такіе трохаическіе стихи, которые дѣлятся на моноподіи, то эти моноподіи должны являться въ чистомъ видѣ, иначе ритмическое движеніе въ стихѣ будетъ казаться неполнѣ отчетливымъ для нашего слуха.

Далѣе, нельзя согласиться въ теоріи Бёка съ тѣмъ опредѣленіемъ длительности арзиса и тезиса въ ирраціональной трохаической стопѣ, какое онъ даетъ, такъ какъ оно находится въ противорѣчій съ слѣдующимъ показаніемъ Аристоксена относительно этого вопроса: "Ἄρισται δὲ τῶν ποδῶν ἕκαστος ἦτοι λόγῳ τινὶ ἢ ἀλογίᾳ τοιαύτῃ, ἣτις δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει ἀνά μέσον ἔσται. Γένοιτο δ' ἂν τὸ εἰρημένον ὡδε καταφανές· εἰ ληφθεῖσαν δύο πόδες, ὁ μὲν ἴσον τὸ ἄνω τῶ κάτω ἔχων καὶ δίσημον ἑκάτερον, ὁ δὲ τὸ μὲν κάτω δίσημον, τὸ δὲ ἄνω ἡμισυ, τρίτος δέ τις ληφθεῖη πούς παρὰ τούτους, τὴν μὲν βάσιν ἴσην αὐ τοῖς ἀμφοτέροις ἔχων, τὴν δὲ ἄρσιν μέσον μέγεθος ἔχουσαν τῶν ἄρσεων. Ὁ γὰρ τοιοῦτος πούς ἀλογον μὲν ἔξει τὸ ἄνω πρὸς τὸ κάτω· ἔσται δ' ἡ ἀλογία μεταξύ δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει, τοῦ τε ἴσου καὶ τοῦ διπλασίου. Καλεῖται δ' οὗτος χορεῖος ἀλογος (Aristox. стр. 413 29—37—414 1—2 M). Отсюда ясно, что по Аристоксену первый долгій слогъ ирраціональнаго спондея, замѣняющаго трохей, заключаетъ въ себѣ два χρ. пр., а второй—полтора, ср. Westphal, Gr. Rhythm.³ стр. 131 и сл.

Наконецъ, не можемъ мы признать справедливымъ замѣчаніа Бёка о томъ, что если въ кретикѣ, входящемъ въ составъ дохмія, краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то ритмическое удареніе, которое падаетъ на первый долгій слогъ такого кретика, бываетъ равно по своей силѣ съ ритмическимъ удареніемъ, лежащимъ на второмъ долгомъ слогѣ этой стопы. Такое предположеніе заставляеть насъ допустить, какъ это, впрочемъ, замѣчаетъ и самъ Бёкъ, что въ такихъ стихахъ, въ которыхъ дохмія являлись съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго

долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ, происходило нарушеніе правильности ритмическаго движенія по отношенію къ главнымъ ритмическимъ удареніямъ. Между тѣмъ мы не только не находимъ аналогическихъ явленій въ греческой ритмикѣ, но, напротивъ того, изъ недопущенія въ троихаческихъ стихахъ ирраціональнаго спондеа и протяженія долгаго слога въ *υρβυος τρισημος* подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ можемъ заключить, что Греки всячески стремились къ тому, чтобы не затемнить разницы между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ и сдѣлать ясной правильную смѣну ихъ.

Мункъ, хотя и держится вообще взглядовъ Бѣка, но не производитъ подобно этому послѣднему кретиковъ изъ трохеевъ и потому ограничивается только тѣмъ, что указываетъ въ отдѣлѣ, предназначенномъ для ирраціональныхъ кретиковъ, когда они употребляются. По его наблюденіямъ, ирраціональный кретикъ является главнымъ образомъ въ соединеніи съ ямбомъ въ дохміи и затѣмъ въ различныхъ сочетаніяхъ этого послѣдняго съ отдѣльными стопами и самыми разнообразными ритмическими величинами. Здѣсь мы ожидали бы найти только такія формы дохміи и такія ритмическія величины, въ составъ которыхъ входитъ только кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткій слогъ; но Мункъ разсматриваетъ въ данномъ мѣстѣ всѣ тридцать двѣ формы дохміи съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ его и затѣмъ ниже въ числѣ различныхъ величинъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ въ кретикѣ, замѣняющимъ его краткій слогъ, приводитъ и такія, въ которыхъ этотъ слогъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Поэтому мы не будемъ касаться никакихъ формъ дохміи, такъ какъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, не могутъ служить доказательствомъ существованія ирраціональнаго кретика. Точно также оставимъ безъ разсмотрѣнія и такія ритмическія величины, въ которыхъ краткій слогъ кретика не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а остановимся на разборѣ такихъ примѣровъ, въ составѣ которыхъ Мункъ указываетъ кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ его, будетъ ли этотъ кретикъ являться самостоятельно или какъ часть дохміи, который распространень посредствомъ какой-нибудь ритмической величины.

она находилась при Бёкѣ и Мункѣ, разсматриваемый стихъ долженъ быть признанъ усѣченнымъ на стопу логаядическимъ триметромъ съ анакрувсомъ:

— | — ∪ — ∪ | — ∪ ∪ — — | — — — — — ∪

Дохмій съ послѣдующей усѣченной трохаической триподией, по мнѣнію Мунка, представляетъ Aesch. Sept. 566 (553 W):

∪ ∪ ∪ — — | — ∪ — ∪ —
 ἀνοσίων ἀνδρῶν εἶθε γάρ θεοί

Но если мы, основываясь на дѣленіи стиховъ въ М. и на общемъ характерѣ размѣра, отнесемъ къ разсматриваемому стиху изъ предыдущаго κλύουσ' ¹⁾ и отдѣлимъ отъ него къ послѣдующему слово θεοί, то получимъ дохмическій диметръ:

κλύουσ' ἀνοσίων ἀνδρῶν εἶθε γάρ.

Нельзя также думать вмѣстѣ съ Мункомъ, что стихи Eur. Phoen. 104 (105 N):

∪ ∪ ∪ ∪ | — — — — —
 ποδὸς ἵχνος ἐπαντέλλων

и id. Hel. 690:

γάμον ἀγαμον αἰσχύνα

представляютъ неусѣченные кретическіе диметры, такъ какъ гораздо надежнѣе принять первый изъ этихъ стиховъ за дохмическій монометръ, отдѣливъ отъ него, какъ мы это находимъ въ рукописяхъ, слово ποδὸς и присоединивъ его къ предыдущему стиху, который вслѣдствіе этого образуетъ усѣченный логаядическій диметръ. Что касается второго изъ разсматриваемыхъ нами стиховъ, то, повидному, слово αἰσχύνα попало въ него по ошибкѣ со стиха 688; поэтому мы можемъ признать справедливымъ исправленіе его Германомъ и Диндорфомъ, которые это слово замѣняютъ по-

¹⁾ κλύουσ' чещ.: κλύων Μ.

средствомъ ἑμὸν, вслѣдствіе чего онъ образуетъ правильный дохмическій монометръ.

Стихи Eur. Or. 171 и 172=192 и 193, которые читаются въ рукописяхъ слѣдующимъ образомъ:

стр. πάλιν ἀνά πόδα σὸν εἰλίξεις
μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἶμα δοῦς
πατροφόνου ματρὸς

Мункъ дѣлитъ на дохмій и еще другой дохмій съ предшествующимъ кретикомъ:

стр. πάλιν ἀνά πόδα σὸν
εἰλίξεις μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον
αἶμα δοῦς πατροφόνου ματρὸς

Но дохмій въ такой формѣ съ предшествующимъ кретикомъ нигдѣ не встрѣчается; поэтому всѣ новѣйшіе издатели, сохраняя рукописное дѣленіе на стихи, дѣлаютъ въ строфѣ слѣдующую перестановку, предложенную Порсономъ, которой восстанавливается полное соотвѣтствіе между схемой строфы и антистрофы:

μεθεμένα κτύπου πόδα σὸν εἰλίξεις;

Эта перестановка даетъ возможность разсматривать приведенные стихи какъ неусѣченный ямбическій диметръ, который весьма часто является въ составѣ дохмическихъ строфъ, и дохмическій монометръ:

стр. πάλιν ἀνὰ μεθεμένα κτύπου
πόδα σὸν εἰλίξεις.
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἶμα δοῦς
πατροφόνου ματρὸς.

Было бы явленіемъ не имѣющимъ аналогіи и несоотвѣтственнымъ съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ, если бы мы Eur. Ll. 1149=1157

ἔπεσεν ἑμὸς ἑμὸς ἀρχέτας
χρόνιον ἰκόμενον εἰς οἴκους

слѣдуя Мунку, раздѣлили на двѣ части: на дохмій и кретивь, такъ чтобы этотъ послѣдній вводилъ новую систему. Поэтому мы можемъ произвести въ антистрофѣ предложенную Вейлемъ перестановку, которая оправдывается восстановленіемъ полного соответствія между схемой строфы и антистрофы, взявъ изъ конца предыдущаго стиха слова *ἄ πόσιν* и замѣнивъ ихъ посредствомъ *εἰς οἴκους*. Переставивъ такимъ образомъ слова, мы можемъ разсматривать данный стихъ какъ неусѣченный ямбическій диметръ:

$\cup \quad \vdots \quad \cup \cup \quad \cup \cup \quad | \quad \cup \quad \pm \quad \cup \quad \pm$
 ἔπεσεν ἐμὸς ἐμὸς ἀρχέτας
 χρόνιον ἰχόμενον ἄ πόσιν

Въ Soph. O. C. 117=149:

δρα· τίς ἄρ' ἦν; ποῦ ναίει;
 ἐή, ἀλαῶν ὀμμάτων

слово *ναίει* должно читаться съ краткимъ *-αι-*, ср. стр. 85. Кромѣ того мы не должны вопреки чтенію рукописей въ приведенномъ стихѣ отдѣлять словъ *δρα* въ строфѣ и *ἐή* въ антистрофѣ, какъ это дѣлаетъ Мункъ, считая его за сочетание анапеста съ кретикомъ, такъ какъ онъ представляетъ совершенно правильный логаядическій диметръ, вполне согласный съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ:

$\cup \quad \vdots \quad \pm \quad \cup \quad \cup \quad \lfloor \lfloor \quad | \quad \pm \quad \cup \quad \pm \quad \wedge$

Для того, чтобы восстановить полное соответствіе въ схемѣ стиха строфы и антистрофы Eur. Or. 168=189, которые въ рукописяхъ читаются такъ:

θωόξασ' ἔβαλες ἐξ ὕπνου
 οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς

мы только должны рукописное *οὐδὲ* измѣнить или въ *οὐδὲν*, какъ предлагаетъ Мусgrave, или въ *οὐ δὴ*, какъ предлагаетъ Диндорфъ; тогда разсматриваемый стихъ будетъ представлять изъ себя встрѣчающееся иногда въ составѣ дохмическихъ строфъ распространеніе дохмія посредствомъ кретики, а не совершенно не имѣющее анало-

гн обратное сочетаніе этихъ стопъ, которое видитъ въ немъ Мункъ

Также мало можемъ мы согласиться съ даваемымъ Мункомъ объясненіемъ ритмическаго значенія Soph. El. 1239 и 1240=1260 и 1261:

стр. ἀλλ' οὐ τὰν Ἄρτεμιν
τὰν αἰὲν ἀδμήταν
ἀντ. τίς οὖν ἀν ἀξίαν
γε σοῦ πεφηνότος

которые онъ принимаетъ за кретики, предшествующіе трохайскимъ базисомъ съ анарузисомъ. Для того, чтобы добиться необходимаго здѣсь соответствія въ схемѣ стиховъ строфы и антистрофы, мы должны отступить отъ чтенія рукописей, котораго держится Мункъ, и уничтожить въ первомъ стихѣ антистрофы совершенно излишнее ἄν, такъ какъ ниже оно стоитъ еще разъ при глаголѣ; будучи исправленъ такимъ образомъ, этотъ стихъ представляетъ изъ себя дохмическій монометръ. Въ виду того, что соответствующій стихъ строфы также долженъ быть дохмическимъ монометромъ, надобно замѣнить въ немъ рукописное ἀλλ' οὐ посредствомъ μὰ, какъ это предлагаетъ Гартунгъ. Ритмическое значеніе второго стиха станетъ для насъ совершенно яснымъ, если мы будемъ читать вмѣстѣ съ Блейдсомъ стихъ строфы τὰν ἀδμήτ' ἀεί вмѣсто τὰν αἰὲν ἀδμήταν, а въ стихѣ антистрофы поставимъ γε на мѣсто σοῦ, какъ это дѣлаетъ Зейдлеръ.

Наконецъ, не могутъ быть признаны за кретические диметры, какъ это думаетъ Мункъ, Eur. Phoen. 320 и 321:

ἦ ποθεινὸς φίλοις
ἦ ποθεινὸς Θήβαις

Въ нихъ мы можемъ или замѣнить Θήβαις посредствомъ πόλει, какъ предлагаетъ Геель, признавъ, что первое попало въ текстъ на мѣсто второго изъ пояснительной глассы, или уничтожить ἦ, какъ предлагаетъ Зейдлеръ, благодаря чему мы получимъ два дохмическихкія монометра, которымъ предшествуютъ и за которыми слѣдуютъ также дохмическіе стихи. Точно также не могутъ быть признаны за кретическіе диметры и Soph. Trach. 846—848=857—859:

στρ. ἦ που ὀλοά στένει,
 ἦ που ἀδινῶν χλωρὰν
 τέγγει δακρῶν ἄχραν
 ἀντ. ἀ τότε θοὰν νύμφαν
 ἄγαγες ἀπ' αἰπεινᾶς
 τάνδ' Οἰχαλίας αἰχμᾶ.

Если мы для восстановления соответствія въ схемѣ между первымъ стихомъ строфы и антистрофы примемъ предлагаемую Блейдсомъ замѣну στένει черезъ αἰάζει, которую оправдываетъ и аналогія въ построеніи двухъ другихъ стиховъ, составляющихъ съ первымъ одинъ періодъ, то ритмическое значеніе всѣхъ ихъ будетъ таково:

— ∴ ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪
 — ∴ ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪
 — ∴ ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪

Для того, чтобы дать правильное съ точки зрѣнія современной ритмики толкованіе стиховъ Soph. El. 510—515:

παγχρῦσων ἐκ δίφρων
 δυστάνοις αἰχίαις
 πρόρριζος ἐκρῖφθεις,
 οὔτι πω
 ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου
 πολύπονος αἰχία

которые Мунъ признаетъ за усѣченные кретическіе диметры съ анакрузисомъ, мы должны сдѣлать въ нихъ слѣдующія исправленія, оправдываемыя одинаковымъ составомъ предшествующихъ стиховъ тогоже эпода: παγχρῦσων замѣнить, какъ предлагаетъ Германъ, посредствомъ παγχρυσέων, δυστάνοις согласно Науку — посредствомъ δύστανος, вмѣсто ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου (или οἴκους), какъ читается въ рукописяхъ, поставить ἔλειπε τοῦσδ' οἴκους, какъ предлагаетъ Гледичъ. Подвергнувшись такимъ исправленіямъ, текстъ будетъ имѣть слѣдующее ритмическое значеніе:

παγχρυσέων δίφρων
 δύστανος αἰχίαις

πρόρριζος ἐκρίφθεις,
 οὔτι πω
 ἔλειπε τοὺςδ' οἴχους
 πολύπωνος αἰκία.

— ∴ — ∪ — | — ∪
 — ∴ — ∪ — | — ∪
 — ∴ — ∪ — | — ∪
 + ∪ —
 — ∴ — ∪ — | — ∪
 ∪ ∴ — ∪ — | — ∪

Такимъ образомъ, если мы выяснимъ надлежащимъ образомъ ритмическое значеніе примѣровъ ирраціональнаго кретика, которые приводитъ Мункъ, и внесемъ въ нѣкоторые изъ нихъ совершенно необходимыя поправки, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ надежнымъ. Принявъ во вниманіе, что у Бѣка не найдено нами также ни одного несомнѣннаго примѣра ирраціональнаго кретика, мы въ правѣ заключить изъ этого, что ихъ совершенно не существуетъ, и далѣе, что возможность замѣны втораго краткаго слога дохміа посредствомъ ирраціональнаго долгаго доказываетъ вслѣдствіе этого неправильность дѣленія дохміа на ямбъ и кретикъ.

с) Теоріи, которыя признаютъ возможнымъ дѣлить дохміи на ямбъ и кретикъ и на ямбъ и бакхіи. Нѣкоторыя слабыя стороны теорій, какъ тѣхъ, по которымъ дохміи состоятъ изъ ямба и кретика, такъ и тѣхъ, по которымъ онъ распадается на бакхіи и ямбъ, не укрылись отъ взгляда *Цезаря*. Поэтому онъ для того, чтобы избѣжать ошибокъ своихъ предшественниковъ, въ той главѣ своихъ *Grundzüge der griechischen Rhythmik im Anschluss an Arist. Quintil.*, которая, служа пространнымъ комментариемъ къ отрывку изъ сочиненія Аристиды Квинтилиана *Περὶ μουσικῆς* стр. 54 8—17 (26 5—14 J), озаглавлена имъ *Die aus verschiedenen Geschlechtern zusammengesetzten Reihen*, высказываетъ предположеніе, что дохміи, пред-

ставляя сложную стопу, въ однихъ случаяхъ долженъ дѣлиться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ на бакхій и ямбъ.

Замѣтивъ, что Аристидъ Квинтиліанъ употребляетъ глаголь $\mu\gamma\upsilon\nu\sigma\alpha\iota$ только по отношенію къ такимъ ритмическимъ величинамъ, въ составъ которыхъ входятъ стопы, принадлежащія къ различнымъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\ \rho\upsilon\theta\mu\omicron\upsilon$, и что въ числѣ такихъ величинъ обращаютъ на себя наше вниманіе дохмическіе и просодическіе стихи, Цезарь переходитъ къ разсмотрѣнію дохміевъ и, не колеблясь, различаетъ въ нихъ тѣ же два вида, которые показаны у Аристиды Квинтиліана, не смотря на то, что существуютъ нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ думать, что въ описаніи второго вида дохмія текстъ Аристиды Квинтиліана подвергся нѣкоторой порчѣ см. стр. 20 и сл.

Затѣмъ, имѣя въ виду первый видъ дохмія, Цезарь указываетъ, что Аристидъ Квинтиліанъ, слѣдуя одной группѣ метриковъ, дѣлитъ дохмій на ямбъ и кретикъ, между тѣмъ какъ другая группа метриковъ признавала его за сочетаніе бакхія съ ямбомъ. Далѣе, онъ замѣчаетъ, что хотя существуетъ еще другое идущее изъ древности опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, по которому онъ представляетъ изъ себя гиперкаталектической антиспасть или, какъ говоритъ Гефестіонъ, $\pi\epsilon\nu\theta\eta\mu\epsilon\rho\acute{\epsilon}\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\tau\iota\sigma\pi\alpha\sigma\tau\iota\chi\omicron\nu$, но что съ точки зрѣнія ритмики мы должны предпочесть дѣленіе дохмія на двѣ величины: одну, состоящую изъ трехъ $\chi\rho.$ тр., и другую,—изъ пяти, которыя, однако, нельзя признавать за части одной стопы, такъ какъ отношеніе между ними не можетъ быть подведено ни подъ одинъ изъ четырехъ возможныхъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\ \rho\upsilon\theta\mu\omicron\upsilon$; въ подтвержденіе справедливости этого онъ ссылается на названіе дохмія, которое, какъ онъ думаетъ, основываясь на свидѣтельствѣ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также и самого Аристиды Квинтиліана, вызвано было дѣленіемъ стопъ на $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\iota\ \acute{\epsilon}\rho\theta\omicron\iota$ и $\delta\acute{o}\chi\mu\omicron\iota$. Но при этомъ Цезарь обращаетъ наше вниманіе на то, что это объясненіе не примѣнимо ко второму виду дохмія, и что Аристидъ Квинтиліанъ даетъ еще другое, по которому дохмій получилъ свое названіе вслѣдствіе разнообразія принимаемыхъ имъ формъ и нѣкоторой неправильности, проявляющейся въ допущеніи замѣны обоихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ.

Разсмотрѣвъ показаніе Аристиды Квинтиліана объ дохміи, Цезарь

дѣлаетъ попытку опредѣлить, каково было ритмическое значеніе этого размѣра въ дѣйствительности.

Еслидохмій, говорить онъ, состоитъ изъ ямба и кретики, какъ учитъ Аристидъ Квинтиліанъ, то онъ представляетъ такую ритмическую величину, въ которой, какъ въ антиспастѣ, сталкиваются между собою арзисы (части стопъ подѣ ритмическимъ удареніемъ по терминологіи Цезаря) двухъ стопъ, не будучи раздѣлены между собой тизсомъ. Но такое столкновеніе арзисовъ нарушаетъ правильность ритмическаго движенія, по крайней мѣрѣ, при частомъ повтореніи и для того, чтобы уничтожить его, какъ это, повидимому, необходимо съ точки зрѣнія ритмики, можно предположить, что первый долгій слогъдохмія заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho.$ пр. Но свидѣтельство древнихъ метриковъ относительно того, чтодохмій содержитъ въ себѣ всего только восемь $\chi\rho.$ пр., и допущеніе замѣны перваго долгаго слогадохмія посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ не позволяетъ сдѣлать этого, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда первый долгій слогъдохмія замѣняется двумя краткими слогами. Когда же первый долгій слогъ его не бываетъ распущенъ на два краткихъ слога, тогда возможно допускать и протяженіе этого слога. Вообще, замѣчаетъ Цезарь, ритмическое значеніе величинъ, имѣвшихъ схемудохмія, могло быть неодинаковымъ въ различныхъ случаяхъ, подтвержденіемъ чего служитъ тотъ фактъ, что метрики несогласны между собой въ опредѣленіи ритмическаго значеніядохмія, если только не допустить, что до насъ уже не дошло преданія о томъ, каково оно было въ дѣйствительности. Допустивъ, что въ однихъ случаяхъдохмій могъ распадаться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ имѣть протянутымъ въ $\chi\rho.$ *tristichos* свой первый слогъ, Цезарь идетъ далѣе и дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: Sollte man nicht bei dem Dochmius, wie bei anderen Rhythmen, einen Polyschematismus voraussetzen dürfen, der ohne den Umfang der ganzen Syzygie zu verändern, eine verschiedene Gliederung innerhalb desselben mit Veränderung des rhythmischen Verhältnisses der Glieder hervorbrachte (стр. 201)? Допустивъ такой полисхематизмъ въ составныхъ частяхъдохмія, мы получаемъ возможность дѣлать его не только на ямбъ и кретикъ, но также на бакхій и ямбъ, хотя, замѣчаетъ Цезарь, разница между тѣмъ и другимъ дѣленіемъ даетъ себя знать особенно потому, что въ первомъ случаѣ за меньшей

частью, которая является тезисомъ сочетанія, слѣдуетъ большая, которую мы должны признавать за арзисъ, тогда какъ во второмъ— онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ обратномъ порядкѣ. Противъ того, чтобы дѣлать дохмій непременно на бакхій и ямбъ, продолжаетъ Цезарь, какъ это дѣлаетъ Россбахъ, и вслѣдствіе этого допускать на второмъ долгомъ слогѣ дохмія какъ на тезисѣ бакхической стопы болѣе слабое удареніе, чѣмъ на третьемъ долгомъ слогѣ его, говоритъ, во-первыхъ, наше чувство ритма, съ которымъ мы должны считаться при недостаткѣ другихъ данныхъ, во-вторыхъ, показанія древнихъ метриковъ, которые отводятъ бакхіямъ очень скромное мѣсто въ греческой поэзіи, и въ-третьихъ, допущеніе замѣны второго долгаго слога дохмія посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ, за рѣдкими исключеніями, только при томъ условіи, если распущенъ также предшествующій второму первый долгій слогъ. Частое распущеніе перваго долгаго слога дохмія, которое имѣетъ свою цѣлю смягчить антиспастическій характеръ этого размѣра, уничтожая стеченіе двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ, также не свидѣтельствуетъ въ пользу дѣленія дохмія на бакхій и ямбъ. Единственное преимущество, которымъ мы пользуемся, допуская, что дохмій распадается на бакхій и ямбъ, а не на ямбъ и кретику, заключается въ томъ, что посредствомъ этого легко объясняется, почему мѣсто второго краткаго слога въ немъ можетъ быть занято посредствомъ долгаго. Но дохмій съ такимъ долгимъ слогомъ Цезарь вмѣстѣ съ Бекомъ отдѣляетъ отъ дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ и высказываетъ мысль, что какъ бы мы ихъ ни дѣлили на составныя части, предпоследній слогъ въ нихъ представляетъ изъ себя второй арзисъ: *Wir statuiren, говоритъ онъ, eine polyschematistische Form des Dochmius, welche nach Analogie des Polyschematismus in anderen Rhythmen den Zweck hat, einen Wechsel der Betonung herbeizuführen, und namentlich das Zusammentreffen der Arsen bisweilen aufzuheben, und welche zu diesem Behuf eine Thesis zwischen die beiden Arsen treten lässt, sei es nun dass diese als anceps betrachtet wird, oder dass sie den ersten Theil zum Bakchius macht, in welchem Fall die letzte Länge anceps sein muss; in beiden Fällen rückt die zweite Arsis an die vorletzte Stelle (∪ ∟ ∟ — oder ∪ ∟ — ∟ ∟) (стр. 203).* На языкѣ метрики, продолжать далѣе Цезарь, это явленіе можетъ быть названо

замѣной ямба и кретики посредствомъ ямба и бакхія или такъ называемаго *iambicum penthemimeres*, которое иногда встрѣчается въ соединеніи съ антиспастами и дохміями. Но какъ бы мы ни называли это сочетаніе, все-таки допущеніе безразличнаго слога на третьемъ мѣстѣ въ дохміи объясняется такъ же мало, какъ въ іоникахъ и хоріямбахъ. Если допустить, что всѣ тридцать двѣ формы дохмія существуютъ въ дѣйствительности, то съ метрической точки зрѣнія можно сдѣлать нѣсколько возраженій противъ мысли признать третій слогъ дохмія ирраціональнымъ; но критика текстовъ показала, что онѣ не всѣ употребляются, и затѣмъ, что еще важнѣе, значительно убавила число такихъ случаевъ, когда чистому дохмію соответствуетъ полисхематическій; число этихъ случаевъ еще болѣе сократится, если считать за краткій слогъ таковой дифтонгъ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ гласный звукъ. Что касается тѣхъ случаевъ, когда соотвѣтствіе между полисхематической формой дохмія и чистой не можетъ быть устранено, то относительно ихъ Цезарь приходитъ къ слѣдующему заключенію: *Bleiben... , wie sich nicht leugnen lässt, doch noch Beispiele übrig, in welchen die Responcion der reinen Form mit der polyschematistischen nicht zu beseitigen ist, so muss zugestanden werden, dass eine der einfachen Metrik vollkommen genügende Erklärung dafür nicht gegeben werden kann, wie sie auch durch die Annahme der Irrationalität der vorletzten Stelle nicht gegeben wird. Darin besteht gerade die Eigenthümlichkeit des Polyschematismus, dass Formen von gleichem rhythmischen Umfang mit einander vertauscht werden, deren Gliederung verschieden ist, und die nach den bei den einfachen Maassen herrschenden Gesetzen einander nicht völlig gleichgestellt werden können (стр. 204).* Какъ на послѣднее доказательство того, что долгота предпоследняго слога въ дохміи бываетъ раціональной, Цезарь ссылается на требованіе нашего слуха, заключающееся въ томъ, чтобы мы клали на этотъ слогъ ритмическое удареніе, а не оставляли его безъ ударенія, и на данное Діомедомъ описаніе схемы *dochmii per synzugian antistrophici*, въ которомъ долгимъ показанъ предпоследній слогъ дохмія, а безразличнымъ послѣдній.

Въ заключеніе Цезарь прибѣгаетъ къ аналогіи и указываетъ, что во второмъ гликонеѣ также чередуются между собой формы съ краткимъ и долгимъ предпоследнимъ слогомъ, и что мы должны

долготу такого слога признавать рациональной, считая послѣдній слогъ за безразличный, а третій отъ конца за *χρόνος τρίσημος*, потому что иначе въ данномъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ допущеніе замѣны краткаго слога посредствомъ долгаго.

Послѣ этого Цезарь переходитъ ко второму виду дохмія и согласнo показанію Аристида Квинтилиана дѣлитъ его на ямбъ, дактиль и пеонъ. Въ какомъ отношеніи находится это сочетаніи къ другимъ ритмическимъ величинамъ въ двѣнадцать *χρ. πρ.*, между которыми приведена у Аристида Квинтилиана и тождественная со вторымъ видомъ дохмія, и которыя всѣ дѣлятся у него на стопы въ три *χρ. πρ.*, Цезарь не считаетъ возможнымъ рѣшить вполне определенно вслѣдствіе краткости того мѣста, гдѣ объ нихъ говорится и ограничивается только слѣдующими догадками: *ob er, t. e. Aristides Quintilianus, eine verschiedene theoretische Auffassung derselben rhythmischen Reihe vortrage, oder der gleichen metrischen Form in verschiedenen Fällen einen verschiedenen Rhythmus zuschreiben wolle, ist aus seiner aphoristischen Darstellung nicht zu ersehen (стр. 207).* Положительный результатъ его соображеній относительно второго вида дохмія заключается въ слѣдующемъ: *Auf keinen Fall hatte er selbst an unserer Stelle die dreizeitige Messung des Daktylus vor Augen, die wir mit den meisten Neueren der rhythmischen Behandlung des Glyconeus zu Grunde legen zu müssen glauben, da er gerade eine Mischung verschiedener Geschlechter darin erkennt (стр. 207).*

Разсматривая взглядъ Цезаря на ритмическое значеніе перваго вида дохмія, мы должны прежде всего остановиться на его попыткѣ отнести дохміи къ числу *μέτρα πολυσχημάτιστα*, основываясь только на слѣданномъ, между прочимъ, замѣчаніи Аристида Квинтилиана, что дохміи получили свое названіе *διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον*. Но если мы обратимся къ нашему единственному источнику, изъ котораго мы получаемъ понятіе объ *μέτρα πολυσχημάτιστα*, главѣ *Περὶ πολυσχηματιστῶν* Гефестіонова *Ἐγχειρίδιον* и схоліямъ на нее, то найдемъ, что всѣ показанныя здѣсь *μέτρα πολυσχηματιστά* относятся къ числу логадическихъ стиховъ, между тѣмъ какъ о дохміи, который встрѣчается въ греческой повѣи гораздо чаще нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ Гефестіаномъ примѣровъ, ничего не упоминается. Это обстоятельство заставляетъ насъ предположить, что слова Аристида

Квинтиліана, на которыхъ основывается Цезарь, не заключаютъ въ себѣ указанія на то, что дохмій принадлежитъ къ *μέτρα πολυσχημάτιστα*, а отмѣчаютъ только разнообразіе формъ, принимаемыхъ имъ, которое заставило даже группу метриковъ, называемыхъ Аристидомъ Квинтиліаномъ *οἱ συμπλέκοντες*, установить два вида дохміа: одинъ съ ямбомъ въ началѣ, другой съ дактилемъ.

Далѣе, если мы представимъ себѣ рядъ дохміевъ, въ которомъ они являются въ полисхематической формѣ, т. е. съ долгимъ предпоследнимъ слогомъ, и въ неполисхематической, то замѣтимъ, что за какую бы ритмическую величину мы ни принимали дохмій, правильное паденіе ритмическихъ удареній въ такомъ ряду окажется нарушеннымъ:

... ∪ ∟ | ∟ ∪ — | ∪ ∟ | ∟ ∪ — | ∪ ∟ | ∟ ∟ — | ∪ ∟ | ∟ ∟ — ...

тогда какъ въ *μέτρα πολυσχημάτιστα*, приводимыхъ Гефестіономъ, мы не находимъ нарушенія порядка, въ какомъ должны находиться ритмическія ударенія.

Но допустимъ, не смотря на это, что дохмій принадлежитъ къ *μέτρα πολυσχημάτιστα*, и что предпоследній долгій слогъ въ немъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ два полныхъ $\chi\rho.$ пр., тогда какъ предшествующій ему слогъ является безразличнымъ; это обстоятельство даетъ намъ право ожидать, чтобы первый изъ нихъ замѣнялся двумя краткими слогами, второй однимъ краткимъ, между тѣмъ Цезарь едва-ли могъ бы привести хоть по одному примѣру того и другого случая.

Наконецъ, нельзя признать справедливымъ и дѣлаемаго Цезаремъ опредѣленія состава дохміа въ полисхематической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ дѣлить его на ямбъ и бакхій, признавая подъ этимъ последнимъ стопу извѣстной формы въ пять $\chi\rho.$ пр. съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, то одной изъ составныхъ частей дохміа окажется, какъ было уже выше показано мною (стр. 63 и сл.), несуществующая стопа. Если же дохмій представляетъ изъ себя *penthemimeres iambicon*, то остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ слѣдуетъ восполнять въ немъ недостающую часть послѣдней стопы, не увеличивая числа $\chi\rho.$ пр. до девяти.

Но если мы не признаемъ справедливымъ объясненіе ритмическаго значенія той формы дохміа, въ которой второй краткій слогъ за-

мнѣнъ посредствомъ долгаго, то намъ останется видѣть въ дохмій съ точки зрѣнія Цезаря только сочетаніе ямба съ краткимъ или бамбія съ ямбомъ. Но мы уже выше показали, почему нельзя согласиться ни съ той, ни съ другой комбинаціей (ср. стр. 63 и сл., 77 и сл.).

Что касается второго вида дохмія въ той формѣ, въ какой его допускаетъ Цезарь, то я уже выше привелъ тѣ основанія, въ силу которыхъ мы должны признавать гекзетъ Аристеда Квинтиліана съ описаніемъ его испорченнымъ (стр. 20 и сл.), тѣмъ болѣе, что Цезарь не можетъ указать различія между этимъ видомъ дохмія и тождественнымъ съ нимъ по схемѣ догадочнымъ стихомъ.

В.

а) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду антиспастовъ. Изъ ученыхъ новаго времени Германъ первый призналъ дохмій за антиспастической размѣръ и приобрѣлъ себѣ сторонниковъ въ лицѣ Зейдлера, который, впрочемъ, не во всемъ согласенъ съ Германомъ, а фонъ-Леутша. Послѣ выхода въ свѣтъ работъ по ритмикѣ и метрицѣ Россбаха и Вестфала одинъ только Фритче счелъ возможнымъ усвоить себѣ мнѣніе Зейдлера и отстаивать его.

Взглядъ *Германа* на дохмій установился еще до появленія самаго капитальнаго его труда по метрицѣ: *Elementa doctrinae metricae* (1816), такъ какъ въ этой книгѣ онъ только развиваетъ и подкрѣпляетъ аргументами то, что уже было высказано имъ ранѣе въ предисловіи къ *Eurip. Herc. f.* (1810).

Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что дохмій, по мнѣнію *Германа*, состоитъ e tribus ordinibus, iambo, arsi, et rursus iambo (стр. 6) и допускаетъ распушеніе каждаго изъ трехъ своихъ арзисовъ (т. е. долгихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ) на два краткихъ слога и замѣну каждаго краткаго слога, которые онъ называетъ анакрузисами, долгимъ, такъ что схема дохмія будетъ такова:

$$\begin{array}{cccccccc} \cup & \text{—} & | & \text{—} & | & \cup & \text{—} & \\ \text{—} & \cup & \cup & | & \cup & \cup & | & \text{—} & \cup & \cup \end{array}$$

Зейдлеръ, котораго сочиненіе *De versibus dochmiacis tragicorum graecorum* (1811) вышло пятью годами раньше *Elementa* *Германа*,

не влается въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, что такое представляетъ изъ себя дохмій, а ватроживаетъ этотъ вопросъ только мимоходомъ по поводу доущенія замѣны второго краткаго слога его посредствомъ пропорциональнаго дашаго.

Не отвергая того, что второй краткій слогъ можно соединять въ одну стопу съ послѣдующими долгими, такъ это дѣлаетъ Германъ, Зейдлеръ думаетъ, что этотъ же слогъ можно относить и къ тремъ предыдущимъ, образуя изъ нихъ полный антиспасть, въ которомъ послѣдній слогъ будетъ безразличнымъ. Для доказательства же того, что въ антиспасть послѣдній слогъ бываетъ безразличнымъ, онъ приводитъ слѣдующую схему стиха, который, по его словамъ, весьма часто встрѣчается въ трагедіи:

— 3 — 3 — 4 — 1 — 3 — 4 — 3 — 3

Начало въ этомъ стихѣ, по его мнѣнію, несомнѣнно образовано антиспаствомъ, такъ какъ четвертый слогъ въ немъ можетъ примыкать только къ предыдущему слогу, на который падаетъ ритмическое удареніе, а не къ послѣдующему, на которомъ его нѣтъ; этотъ же слогъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, безразличенъ. Но въ заключеніе Зейдлеръ считаетъ нужнымъ прибавить, что, будемъ ли мы держаться мнѣнія Германа или его собственнаго, все-таки вопросъ о ритмическомъ значеніи дохмія не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ многое въ немъ остается неизвѣстнымъ.

Возвратимся теперь опять къ Герману, который въ своихъ *Elementa* только подкрѣпляетъ доказательствами свой взглядъ на дохмій, изложенный въ преловіи къ *Eng. Neg. f.* Въ первомъ отдѣлѣ главы, посвященной дохмію, онъ занимается обзорѣмъ дошедшихъ до насъ изъ древности показаній о дохміи и сообщаетъ здѣсь, что древніе метрики принимали дохмій за гиперкатаlecticескій антиспастическій монометръ и насчитывали въ немъ восемь $\chi\rho$. $\pi\rho$. Изъ метриковъ новаго времени Германъ упоминаетъ объ одномъ Зейдлерѣ, котораго хвалитъ за то, что онъ установилъ нѣсколько фактовъ относительно дохмія.

Во второмъ отдѣлѣ той же главы Германъ уже приступаетъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какую ритмическую величину представляетъ изъ себя дохмій, и, исходя изъ сдѣланнаго Зейдлеромъ на-

блюденія, что второй краткій слогъ дохмія можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, высказываетъ мысль, что этотъ краткій слогъ, допускающій такую замѣну, можетъ быть разсматриваемъ или какъ анакрузисъ въ началѣ стопы, или какъ тевисъ въ концѣ ея, и что самый дохмій сообразно съ этимъ можно принимать или за бакхическій диметръ $\vee - - | \bar{\cup} -$, или за антиспасть *sum arsi puda* съ послѣдующимъ ямбомъ, или за полный антиспасть съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ. Но бакхическимъ диметромъ дохмій не можетъ быть, во-первыхъ, потому что, хотя такіе диметры и встрѣчаются у Плавта и Теренція, но они являются у нихъ въ сочетаніи съ бакхическими стихами, а не съ антиспастическими, какъ дохмій; во-вторыхъ, потому что анакрузисъ въ бакхіяхъ не можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога. Вторая комбинація, по которой дохмій представляетъ изъ себя антиспасть *sum arsi puda* съ послѣдующимъ ямбомъ или, другими словами, ритмическую величину, состоящую изъ двухъ ямбовъ *sum arsi puda* между ними, кажется Герману самой надежной, такъ какъ антиспастическій характеръ дохмія черезъ это нисколько не уменьшается въ виду того, что сущность антиспастическаго размѣра заключается только въ томъ, чтобы за однимъ арисомъ непосредственно слѣдовалъ другой. Разсматривая, напротивъ того, дохмій какъ полный антиспасть съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ, который намъ должно признать за *arsis puda*, мы, нисколько не увеличивая антиспастическаго характера дохмія, дѣлаемъ этотъ размѣръ безсвязнымъ, такъ какъ допускаемъ въ концѣ его *arsis puda*. Такимъ образомъ и въ *Elementa* точно также, какъ и въ вышедшей еще позднѣе *Eritome doctrinae metricae*, Германъ остается при томъ взглядѣ на дохмій, который былъ высказанъ имъ въ *Praefatio* къ *Eur. Negc. f.*

Какъ Германъ, такъ и Зейдлеръ въ своемъ объясненіи ритмическаго значенія дохмія дѣлаютъ двѣ ошибки, которыя общи у нихъ, не смотря на нѣкоторое разногласіе между собой: во-первыхъ, оба они, слѣдуя наименѣе авторитетнымъ изъ дошедшихъ до насъ изъ древности источниковъ, признаютъ дохмій за антиспастическій стихъ; во-вторыхъ, у того и другого изъ нихъ въ составъ дохмія вводится *arsis puda*.

Но, прибѣгая къ антиспасту для объясненія ритмическаго значенія дохмія, Германъ и Зейдлеръ не достигаютъ своей цѣли, такъ

какъ антиспасть представляетъ неудачное изобрѣтеніе «младшей» школы метриковъ, не оправдываемое ритмикой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ антиспасть за дѣйствительно существующую стопу, то должны будемъ признать возможнымъ въ ритмическихъ величинахъ стеченіе двухъ арисовъ, не раздѣленныхъ между собою тевсомъ, не смотря на то, что это противорѣчитъ понятію о ритмѣ какъ о правильномъ движеніи, ср. стр. 78. Далѣе, если мы, допустивъ существованіе антипаста, возьмемъ совершенно правильный антиспастической триметръ (малый асклепадовскій стихъ съ базисомъ въ формѣ ямба):

υ — — υ | υ — — υ | υ — — υ

и разставимъ въ немъ ритмическія ударенія, то найдемъ, что въ серединѣ его рядомъ стоящіе краткіе слоги отнесены къ разнымъ стопамъ, не смотря на то, что подчинены одному и тому же ритмическому ударенію. Не свидѣтельствуетъ также въ пользу признанія антипаста и многочисленность тѣхъ случаевъ, когда онъ замѣняется посредствомъ ямбической диподии, при чемъ уничтожается стеченіе арисовъ, которое Германъ признаетъ столь характернымъ для антипаста. Наконецъ, полная возможность объяснить всѣ приводимыя Гефестіономъ антиспастическіе стихи какъ логическіе заставляетъ насъ окончателно отказаться отъ мысли допустить существованіе антипаста.

Вторая ошибка, которую дѣлаютъ Германъ и Зейдлеръ, заключается въ томъ, что первый изъ нихъ признаетъ второй долгій слогъ дохміа за *arsis puda*, а второй — третій, не смотря на то, что это находится въ противорѣчии съ ученіемъ Аристоксена о томъ, что стопа въ два *χρ. πρ.* недопустима, ср. стр. 79.

Кромѣ того Германъ не правъ, объясняя допущеніе замѣны второго краткаго слога дохміа посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ является анакрузисомъ ямбической стопы, между тѣмъ какъ мы показали уже выше, что принимать за анакрузисъ этотъ слогъ мы не имѣемъ права см. стр. 68 и сл.

Въ *Grundriss zu Vorlesungen über die griechische Metrik фонъ-Леутша* (1841) теоріи дохміи посвященъ одинъ изъ параграфовъ главы объ антиспастѣ (§ 142 стр. 156 и 157), но опредѣлить въ подробностяхъ, каковъ былъ взглядъ автора на изслѣдуемый размѣръ,

въ голыхъ рубрихъ, которыя у него даны подобно съ общимъ характеромъ всего сочиненія, не представляется никакой возможности.

Къ Герману и Зейдлеру тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ Фритче съ своею теоріей дохмія, которая въ окончательной формѣ изложена имъ въ *Ind. lect. acad. Rostoch. 1884—5*.

Признавъ, что происхожденіе кретика и бакіа съ одной стороны и дохмія съ другой представляетъ аналогію, и что исторія изобрѣтенія кретиковъ можетъ быть прослѣжена по даннымъ, идущимъ изъ древности, онъ называетъ съ нея. Первоначально, говорить онъ, въ троханческихъ стихахъ, какъ это видно изъ показаній схолиаста къ *Ag. Ach. 676*, съ концемъ каждой диподіи оканчивалось слово. Изъ такихъ троханческихъ диподій Кританинъ Фалесъ, жившій около 700 г. до Р. Хр., будто бы создалъ амфимакры или кретики, замѣнивши въ нихъ послѣдній арисъ паузою (*σιωπή*). Въ подтвержденіе этого Фритче ссылается на то, что кретики съ концемъ слова послѣ каждой стопы и паузою въ одинъ $\chi\rho$. пр. являются еще у Эсхила въ *Suppl. 405*, и, далѣе, на приведенное въ схолиахъ къ Гефестіону показаніе Геліодора, по которому будто бы въ пеопахъ съ концемъ стопы обыкновенно совпадаетъ конецъ слова для того, чтобы за ней могла слѣдовать пауза въ одинъ $\chi\rho$. пр. Впослѣдствіи, продолжаетъ онъ, когда кретики сдѣлались самобытнымъ размѣромъ, стопа въ нихъ стала заключать уже не шесть, а пять $\chi\rho$. пр., исключая вторую стопу въ тетраметрѣ, въ которой съ обязательнымъ концемъ слова соединяется пауза въ одинъ $\chi\rho$. пр.

Такъ какъ въ бакіяхъ, по свидѣтельству Зейдлера, съ концемъ стопы постоянно совпадаетъ конецъ слова, то Фритче, основываясь на аналогіи съ кретиками, предполагаетъ, что этотъ размѣръ произошелъ изъ антиспаста путемъ замѣны послѣдняго слова посредствомъ паузы. Но у Плавта уже бакіи являются такимъ же самобытнымъ размѣромъ, какъ и кретики, вѣроятно, по почину одного изъ поэтовъ новой комедіи.

Послѣ этого Фритче дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ употребленіи антиспаста. Греки вообще не любятъ употреблять подрядъ нѣсколькихъ антиспастовъ въ чистомъ видѣ; допускается это только тогда, если въ антиспастѣ распущены все долгіе слоги. Но по преимуществу антиспастъ употребляется въ нѣскольکو измѣненной формѣ: такъ, когда онъ открываетъ стихъ какого-либо другого размѣра, то

последній слогъ въ немъ бываетъ долгимъ, если размѣръ которому онъ предшествуетъ, начинается краткимъ слогомъ; когда антиспасть преобразуется въ бакхій, то мѣсто послѣдняго слога въ немъ заступаетъ пауза.

Наконецъ, найденъ былъ еще способъ для образования изъ антиспаста новаго размѣра. Первый шагъ къ этому направленію состоялъ въ томъ, что антиспасть раздѣляли на ямбъ и трохей:

∪ ∨ | ∨ ∪

и присоединили къ трохею новый трохей въ ирраціональной формѣ:

∪ ∨ ∨ ∪ — — | ∪ ∨ ∨ ∪ — —

Въ такой преобразованной формѣ антиспасты могутъ являться по нѣскольку подрядъ, и примѣры такого употребленія ихъ встрѣчаются въ дохмическихъ системахъ, но по большей части мы находимъ одинъ антиспасть съ добавляющей его трохаяческой стопой въ качествѣ заключительнаго члена системы.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію времени, когда былъ изобрѣтенъ дохмій, Фритче говорить слѣдующее: *Vixit autem dochmiorum inventor circa sexcentessimum annum ante Ch. n., hoc est toto saeculo post Thaletam Creticum, cuius invento callide usus est. Thaletas Creticum novum tunc metri genus ita repererat, ut trochaicae dipodiae*

∨ ∪ — ∪ | ∨ ∪ — ∪

ultimam rescinderet et silentio pausaque compensaret

∨ ∪ — | ∨ ∪ —

Hoc dochmiorum inventor plane imitatus est in antispasti parte altera, quae est trochaica. Mutavit antispasti unum trochaicum ∪ ∨ | ∨ ∪ in dipodiam trochaicam eiusque ultimam rescuit atque unius syllabae brevis silentium introduxit. Hinc dochmiaci versus in ipso fine plerumque habent caesuram, veluti dimeter

∪ ∨ ∨ ∪ — | ∪ ∨ ∨ ∪ — (стр. 7).

Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что въ крѣпкѣ краткій слогъ, соответствующій арзису первой стопы въ трохаяческой диподіи, не допускаетъ замѣны посредствомъ ирраціональнаго долгаго,

между тѣмъ какъ въдохмій мѣсто второго краткаго слога можетъ заступать ирраціональный долгій слогъ? Объясняется это тѣмъ, чтодохмій, происходя изъ антиспаста, сохраняетъ особенности этого послѣдняго, а въантиспастѣ послѣдній слогъ, какъ показываетъ употребленіе, могъ быть какъ долгимъ, такъ и краткимъ.

Въ подтвержденіе того, чтодохмій представляетъ видоизмѣненіе антиспаста, Фритче ссылается: во-первыхъ, на относящіеся сюда греческіе тексты; во-вторыхъ, на разнообразіе формъдохмія, одинаковое у этого размѣра съ антипастомъ; въ-третьихъ, на впечатлѣніе нашего уха, которое при чтеніидохмическаго размѣра почти невольно слышитъ антиспасты; въ-четвертыхъ, на приводимые древними примѣрыдохмія, которые показываютъ, что первоначальная его форма была антиспастической.

Показанія Аристиды Квинтиліана относительно того, что *v. glyc.* нѣкогда называлисьдохміями, Фритче объясняетъ тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ *v. polyschematisti*, которые передъ хоріямбомъ имѣютъ антиспастъ:

υ υ υ υ | υ υ υ —

и допускаютъ свойственное антиспастамъ многообразіе формъ стопы.

Взглядъ Фритче надохмій не можетъ быть признанъ правильнымъ не только потому, что этотъ ученый считаетъдохмій за антиспастическій размѣръ, но еще и потому, что онъ вводитъ въ составъдохмія точно также, какъ кретика и бакхіа, въ происхожденіи которыхъ усматриваетъ сходство съдохміемъ, *arsis puda*, который съ теченіемъ времени пересталъ сознаться и быть таковымъ. Между тѣмъ, если мы, не говоря уже о недопустимости *arsis puda* въ составѣ какой-либо ритмической величины, рассмотримъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ Фритче выводитъ кретику изъ трохаической диподіи, а бакхію—изъ антиспаста, то найдемъ, что онѣ не могутъ быть признаны надежными. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ наудачу изъ Архілоха, который долженъ былъ быть приблизительно современникомъ Критянина Фалеса, хотя бы fr. 56 и рассмотримъ, оправдывается ли на немъ показаніе схолий къ Ag. Ach. 676. Если исключить вторую диподію, которая представляетъ конецъ перваго члена, то окажется, что изъ десяти случаевъ, когда возможно такое совпаденіе, въ дѣйствительности находитъ только одно. Точно

также не оправдывается и другое положение Фритче относительно того, что въ кретикахъ первоначально съ концомъ каждой стопы совпадалъ конецъ слова: если мы возьмемъ, на примѣръ, изъ Алкмана, поэта также приблизительно современнаго Өалесу, fr. 38, то изъ разбора его убѣдимся, что изъ десяти случаевъ, когда съ концомъ стопы по теоріи Фритче долженъ былъ бы совпадать конецъ слова, такое совпаденіе имѣетъ мѣсто всего только пять разъ. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ показаніе Геліодора, на которое ссылается Фритче? Геліодоръ, повидимому, имѣетъ въ виду не что иное, какъ троханческую диподію и только называетъ ее кретикомъ, отъ котораго она не отличается по своей схемѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что еслибы даже и существовалъ въ дѣйствительности антиспасть, то Фритче, производя изъ него извѣстнымъ намъ образомъ бакхіи и дохміи, не могъ бы опереться на аналогію въ происхожденіи кретиковъ.

Относительно совпаденія конца слова съ концомъ стопы въ бакхіяхъ Фритче также несовсѣмъ правъ: дѣйствительно, въ трагедіи обыкновенно съ концомъ стопы совпадаетъ конецъ слова, но у Пиндара, у котораго мы также встрѣчаемъ бакхіи въ Оі. II, случаи несовпаденія преобладаютъ надъ случаями совпаденія.

Затѣмъ, если мы распространимъ, какъ предлагаетъ Фритче, два рядомъ стоящихъ антиспаста посредствомъ двухъ ирраціональныхъ троханческихъ стопъ, то найдемъ, что полученное сочетаніе совпадаетъ съ бакхическимъ тетраметромъ безъ всякой, по крайней мѣрѣ видимой, разницы между ними; а это заставляетъ насъ или отказаться отъ предположенія, что бакхіи есть неполный антиспасть, или признать, что распространеніе антиспаста посредствомъ ирраціональнаго трохея является совершенно излишнимъ.

Что касается другихъ доказательствъ, приводимыхъ Фритче, то они могли бы имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы антиспасть существовалъ въ дѣйствительности.

б) Теоріи, которыя относятъ дохміи къ разряду ямбовъ. Первый, кто призналъ дохміи за ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, былъ Россбахъ въ своей *Rhythmik* (1854). Въ этомъ сочиненіи, составляющемъ, какъ извѣстно, первый томъ *Metrik d. gr. Dramatiker u. Lyriker*, онъ слегка затрогиваетъ вопросъ о

дохмій (стр. 160) и на основаніи слѣдующаго выраженія Аристиди Квинтиліана: $\mu\eta\ \kappa\alpha\tau'\ \epsilon\upsilon\phi\acute{\omicron}\ \theta\epsilon\omega\rho\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\eta\varsigma\ \rho\upsilon\theta\mu\omicron\tau\alpha\iota\alpha\varsigma$, которое у него приведено одно изъ всѣхъ свидѣтельствъ о дохмій, идущихъ изъ древности, приходитъ къ тому заключенію, что дохмій не имѣлъ опредѣленной ритмической мѣры, но могъ исполняться различнымъ образомъ и съ большой ритмической свободой, чѣмъ другіе размѣры. Съ современной точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, слѣдуетъ признать, что дохмій заключаетъ въ себѣ три арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ), изъ которыхъ второй долженъ содержать три $\chi\rho$. пр.:

o L L L o L

Далѣе, Россбахъ для того, чтобы оправдать свое толкованіе приведенныхъ имъ словъ Аристиди Квинтиліана, указываетъ, что съ точки зрѣнія древней ритмики дохмій можно было причислить и къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \delta\iota\tau\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu\ \epsilon\acute{\iota}\zeta\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\nu$:

— — — — — $\bar{\Lambda}$ — — — — — $\bar{\Lambda}$
 $\bar{\cup}$ — — — — — $\bar{\Lambda}$ $\bar{\cup}$ — — — — — $\bar{\Lambda}$

Но уже во второмъ томѣ того же сочиненія, изданномъ въ сотрудничествѣ съ Вестфалемъ, онъ отказался отъ приведеннаго нами объясненія дохмій.

Однако, не смотря на неудачную попытку Россбаха, его мысль воспользовались Гольдманъ, Шульце и Цикель и попытались доказать, что дохмій принадлежитъ по составу своихъ стопъ къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \delta\iota\tau\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu$.

Гольдманъ въ своей диссертаци: *De dochmiogram pua Sophocleo* (part. I, 1867) привязываетъ вопросъ о происхожденіи и ритмическомъ значеніи дохмій къ изслѣдованію такихъ формъ этого размѣра, въ которыхъ мѣсто одного изъ двухъ краткихъ слоговъ занимають два. Признавъ, что такія формы дохмій съ двумя краткими слогами вмѣсто одного являются въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, каковы Семь противъ Эвья Эсхила и Электра, Аяксъ и Эдипъ Царь Софокла, и указавъ, что въ дохмическомъ диметрѣ эта замѣна была допущена сначала по отношенію къ первому краткому слогу: перваго дохмій, затѣмъ — второго и только послѣ этого по отношенію къ второму краткомъ въ обоихъ дохмійхъ безразлично,

Гольдманъ ставитъ вопросъ: *quid de origine numerorum dochmiacorum nobis videatur* (стр. 81).

Рѣшеніе этого вопроса онъ начинаетъ съ того, что перебираетъ вкратцѣ различныя древнія и новыя теоріи дохмія и признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными, исходя главнымъ образомъ изъ двухъ положеній: во-первыхъ, изъ того, что дохмія состоитъ изъ нѣсколькихъ стопъ, принадлежащихъ къ одному и тому же *ῥυθμῷ*, и, во-вторыхъ, изъ того, что дохмія есть *μέγεθος ἐκτάστημον*. Затѣмъ, высказавъ мысль, что замѣна одного краткаго слога въ первомъ тезисѣ дохмическаго диметра двумя даетъ ключъ къ пониманію того, какъ произошелъ дохмія, авторъ проводитъ параллель между двумя краткими слогами анапеста, являющагося замѣной первой ямбической стопы въ триметрѣ, и двумя краткими слогами, заступающими мѣсто перваго краткаго слога въ дохмическомъ диметрѣ, и, основываясь на этой параллели, приходитъ къ такому заключенію: *Dochmius... mihi videtur natus esse ex genere iambico et proprie quidem ductus a trimetro, ex quo sublata et secunda et quinta thesi versus proprius quasi crevit dimeter dochmiacus ita ut theses sublatae nullo modo compensarentur... sic dimeter dochmiacus rhythmicè valde discrepat et a puro et a syncopato trimetro iambico; uterque enim 18 temporum moras continet, dimeter autem dochmiacus non plus 16; quod ut clarius eluceat schema ipsum adscribam:*

$\cup - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup -$	trim. iamb. purus
$- \overset{3}{\cup} \cup - \cup - \cup \overset{3}{\cup} \cup - \cup -$	trim. iamb. thesibus sync.
$\cup \overset{2}{\cup} \cup - \cup - \cup \overset{2}{\cup} \cup - \cup -$	dim. dochm.

(стр. 32).

Изобрѣтенъ былъ дохмія трагическими поэтами, которые употребляли его для выраженія сильныхъ душевныхъ движеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно въ такъ называемыхъ *ἄρτοι*.

Дальнѣйшія доказательства, представленныя Гольдманомъ въ пользу его теоріи, таковы: во-первыхъ, диметръ есть древнѣйшая форма стиха, въ какой являются дохмія; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ усѣченная и неусѣченная ямбическая триподія по своему ритмическому значенію равняется дохмію и можетъ заступать его мѣсто въ дохмическомъ диметрѣ; въ-третьихъ, долгіе слоги въ дох-

мическомъ диметрѣ пользуются такою же свободой по отношенію къ распущенію, какъ и въ ямбическомъ триметрѣ; въ-четвертыхъ, только тѣ краткіе слоги въ дохмическомъ диметрѣ свободно замѣняются посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ, которые соотвѣтствуютъ краткимъ слогамъ ямбическаго триметра, допускающимъ такую же замѣну; въ-пятыхъ, мѣсто цезуры въ дохмическомъ диметрѣ находится въ соотвѣтствіи съ мѣстомъ ея въ ямбическомъ триметрѣ; въ-шестыхъ, только дохмическій диметръ и ямбическій триметръ дѣлятся между двумя дѣйствующими лицами у Софокла.

Для доказательства того, что диметръ представляетъ древнѣйшую форму стиха, въ какой являются дохміи, Гольдманъ ссылается на трагедію Эсхила Sept. и Agam., въ которыхъ диметры очень многочисленны, тогда какъ монометры наоборотъ рѣдки, и на Soph. Ant. 1261 и сл. Особенно въ составѣ второй строфы этой лирической части видитъ Гольдманъ наглядное доказательство того, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, такъ какъ 1273 стихъ ея, представляющій дохмическій диметръ, окруженъ спереди и сзади двумя триметрами, а 1275 стихъ состоитъ изъ дохміи и неусѣченной ямбической триподіи. Знаменательное сочетаніе дохмическихъ диметровъ и ямбическихъ триметровъ находитъ Гольдманъ и у Еврипида въ Hipp. 817—829—836—847.

Примѣръ такой ямбической триподіи, которая заступаетъ мѣсто дохміи, Гольдманъ видитъ въ Aesch. Sept. 167 (152 W).

∪ — ∪ — — ∪ — — ∪ —
 ἰὼ τέλειοι τέλειαι τε γὰρ

Принимать этотъ стихъ за сплошь ямбическій съ синкопированными тезисами третьей и пятой стопъ, хотя, по его мнѣнію, и возможно, но неудобно въ виду аналогіи съ Agam. 1136—1146 (1129—1130—1142—1143 W):

∪ — ∪ — — ∪ ∪ ∪ — ∪ —
 ἰὼ θαλάνας κακῶποτμοι τύχαι
 ἰὼ λιγείας μόρον ἀηδόνος

который едва ли можно признать за ямбическій. Далѣе, въ стихѣ id. Suppl. 375—386 (380—391 W):

— ∪ ∪ — (∪) — ∪ — ∪ — —
 πᾶν ἐπικραίνεις ἄγος φυλάσσου
 εὐσπαράφελχτος παθόντος οἴκτοις

первая половинка представляет, как думает Гольдманъ, дохмій съ синкопированнымъ вторымъ тезисомъ и протянутымъ взаи́мнъ его третьимъ арзисомъ въ χρ. τρίσημος, вторая представляетъ усѣченную ямбическую триподію. Убѣдиться въ томъ, что такая триподія по своему ритмическому значенію равняется съ дохміемъ весьма нетрудно: стоитъ только третій долгій слогъ поставить въ ней передъ вторымъ краткимъ и она по своей схемѣ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дохмія. При этомъ Гольдманъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что стихи, въ составъ которыхъ входитъ такая триподія, встрѣчаются только въ самыхъ раннихъ трагедіяхъ Эсхила. Неусѣченную триподію, заступающую мѣсто дохмія въ диметрѣ, Гольдманъ находитъ въ слѣдующихъ стихахъ Софокла: O. R. 1360, 1365 и Ant. 1340, въ которыхъ онъ считаетъ нужнымъ удерживать чтеніе рукописей, не смотря на то, что его обыкновенно исправляютъ такъ или иначе. Допущеніе замѣны онъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что Софокль не слишкомъ строго соблюдалъ метрическіе законы и, во-вторыхъ, тѣмъ, что тезисъ второй стопы въ такой триподіи исполнялся очень быстро, и въ доказательство справедливости этого объясненія указываетъ, что всѣ стихи съ такой триподіей находятся въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ имъ соотвѣтствуютъ обыкновенные дохмическіе диметры.

Что касается распущенія долгихъ слоговъ, то разница между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ состоитъ только въ томъ, что въ первомъ послѣдній долгій слогъ можетъ распускаться, тогда какъ во второмъ нѣтъ. Различіе это Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ трагическихъ поэтовъ отдѣлить дохмическій диметръ отъ ямбическаго триметра въ качествѣ самостоятельнаго размѣра.

По поводу ирраціональныхъ долгихъ слоговъ Гольдманъ замѣчаетъ вообще, что они являются въ дохмическомъ диметрѣ взаи́мнъ только такихъ краткихъ слоговъ, которые соотвѣтствуютъ тезисамъ нечетныхъ стопъ ямбическаго триметра. Затѣмъ, переходя къ отдѣльнымъ случаямъ такой замѣны, онъ указываетъ, что четвертый краткій слогъ

въ диметръ соотвѣтствуетъ тезису шестой стопы дохміа и потому по большей части бываетъ краткимъ. У Софокла исключенія рѣдки и допускаются преимущественно въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ долгому слогу чаще всего соотвѣтствуетъ краткій, ср. О. С. 1568. Эскилъ также избѣгаетъ дѣлать ирраціональнымъ послѣдній краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ. Серьезное затрудненіе представляетъ только Soph. Phil. 395—510:

σὲ καχεῖ, μάτερ πότνι', ἐπηδῶμαν

αἰ δὲ πικρὰς, ἀναξ, ἔχθρας Ἀτρεΐδης

такъ какъ въ этомъ случаѣ послѣдній краткій слогъ ирраціоналенъ въ строфѣ и антистрофѣ. Но это исключеніе объясняется тѣмъ, что въ Филоктетѣ Софоклъ вообще отличается сравнительно большей небрежностью даже въ построении ямбическихъ триметровъ, чѣмъ въ другихъ трагедіяхъ, и въ частности тѣмъ, что строфы, изъ которыхъ взяты эти стихи, сильно разнятся по своему строю отъ другихъ дохмическихъ строфъ Софокла. Первый краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ и соотвѣтствующій ему тезисъ первой стопы въ ямбическомъ триметрѣ часто бывають ирраціональными, при чемъ эта ирраціональность во многихъ случаяхъ сопровождается въ томъ и другомъ стихѣ распушеніемъ слѣдующаго долгаго слога. Второй краткій слогъ диметра соотвѣтствуетъ тезису третьей стопы въ триметрѣ и потому свободно можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Разница между тѣмъ и другимъ заключается только въ томъ, что въ триметрѣ такая замѣна встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ диметрѣ. Третій краткій слогъ дохмическаго диметра соотвѣтствуетъ тезису четвертой стопы ямбическаго триметра, поэтому Гольдманъ утверждаетъ, что въ чистой и основной формѣ диметра этотъ слогъ никогда не бываетъ ирраціональнымъ. Немногочисленные стихи, представляющіе исключеніе: О. R. 656—685, 1361; О. С. 1480, 1556 и сл.—1568 и сл.; Trach. 1024—1043; Phil. 395—510, произошли изъ сочетанія двухъ дохмическихъ монометровъ, которые отличаются уже большей свободой формъ, чѣмъ давшіе имъ начало диметры. Доказательствомъ того, что диметры съ ирраціональнымъ третьимъ слогомъ произошли изъ монометровъ служитъ постоянное совпаденіе въ нихъ конца слова съ концомъ перваго дохміа.

По отношению къ мѣсту, занимаемому цезурами, связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ, по мнѣнію Гольдмана, проявляется въ томъ, что когда въ диметръ не бываетъ диареиза, который обыкновенно отдѣляетъ въ немъ одинъ дохмій отъ другого, то его замѣняетъ цезура, которая приходится или послѣ второго тезиса, соответственно съ цезурой *parthenimetros* триметра, или послѣ третьяго тезиса, соответственно съ *hepthenimetros*. Употребленіе диареиза въ дохмическомъ диметрѣ Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ поэтовъ обособить дохмій въ самостоятельный размѣръ.

Единственный у Софокла случай, когда дохмическій диметръ раздѣленъ между двумя дѣйствующими лицами, представляетъ O. C. 836—879; соответствующій ему ямбическій триметръ Гольдманъ указываетъ въ O. R. 1167 и O. C. 820.

Признавъ доказаннымъ, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, Гольдманъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, когда приблизительно этотъ стихъ вошелъ въ употребленіе въ трагедіи. Сравнивая размѣры, которые являются въ двухъ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, Персахъ и Семѣ противъ Фивъ, нашъ авторъ замѣчаетъ, что въ первой изъ нихъ размѣромъ діалога кромѣ ямбическаго триметра служитъ трохаическій тетраметръ, между тѣмъ какъ дохмическій диметръ почти совершенно отсутствуетъ, во второй же, напротивъ того, употребленіе дохмиевъ для описанія сильныхъ душевныхъ движеній сильно развито, тогда какъ трохаическіе тетраметры совершенно не встрѣчаются, и выводитъ отсюда, что дохмическій диметръ впервые сталъ широко употребляться въ качествѣ самостоятельнаго размѣра въ одной изъ трагедій, явившихся между Персами и Семью противъ Фивъ.

Обсуждая теорію Гольдмана мы должны прежде всего указать на то, что ни у кого изъ древнихъ писателей нѣтъ даже намека на какую-либо связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ.

Далѣе, вывода дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра Гольдманъ допускаетъ, что въ диметрѣ второй и пятый долгіе слоги представляютъ *arses puda*, не смотря на то, что *arsis puda* исключается понятіемъ о ритмическомъ движеніи по опредѣленію Аристотелеса (ср. стр. 79).

Наконецъ, еслибы дохмій былъ изобрѣтень трагическими поэтами, какъ это предполагаетъ Гольдманъ, то намъ, по всей вѣроятности, было бы извѣстно имя его изобрѣтателя, такъ какъ древніе писатели охотно даютъ свѣдѣнія на этотъ счетъ при первой возможности.

Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли соотвѣтствіе между различными явленіями въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ было такъ велико, какъ думаетъ Гольдманъ, и, такъ какъ первое, что навело его на мысль выводить дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра, было допущеніе замѣны въ томъ и другомъ одного краткаго слога двумя, то постараемся прежде всего убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ такая замѣна существуетъ въ дохміи. Для того, чтобы доказать существованіе ея по отношенію къ первому краткому слогу Гольдманъ ссылается на слѣдующіе стихи: Soph. O. C. 1447—1450=1462—1465, которые онъ читаетъ такъ:

στρ. νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι, νέα βαρύποτμα κακὰ παρ' ἀλαοῦ
ξένου, εἴτι μοῖρα μὴ κιγχάνει

ἀντ. μέγας ἴδε μέγας ἐρείπεται κτύπος ἄφατος ὄδε διόβολος· ἐς δ'
ἄκραν δεῖμ' ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν

υ υ υ υ υ υ _ | υ _ υ υ υ υ υ | υ υ υ υ υ _
υ _ _ υ _ | υ _ _ υ _

Eur. Hel. 634 (628 N):

περιπετάσασα χέρα υ υ υ υ _ υ υ υ

Soph. O. R. 1330=1350:

ὁ κακὰ κακὰ τελῶν ἐμὰ τάδ' ἐμὰ πάθηα
νομάδος ἐπιποδίας ἔλαβέ μ' ἀπό τε φόνου
υ υ υ υ υ υ _ | υ υ υ υ υ υ υ υ
υ υ υ υ υ υ υ _ | υ υ υ υ υ υ υ υ

id. O. R. 1315:

ἀδάμαστόν τε καὶ δυσούριστον υ υ _ _ υ _ | υ _ _ υ

id. Ai. 358:

ἄλιαν δες ἐπέβας ἐλίσσων πλάταν υ υ _ υ υ υ _ | υ _ _ υ _

id. Ai. 956:

ὁ πολύτλας ἀνήρ υ υ — — υ —

id. Ai. 403:

ἀλέθριον αἰχίζει υ υ υ υ — — —

Но если мы рассмотрим эти стихи, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не представляется достаточно благонадежнымъ въ критическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, то объясненіе, которое Гольдманъ даетъ О. С. 1447—1450=1462—1465, возбуждаетъ противъ себя слѣдующія возраженія: 1) соотвѣтствіе между строфой и антистрофой въ первомъ стихѣ возстановлено только при помощи исправленія чтенія рукописей, что лишаетъ уже этотъ примѣръ надлежащей убѣдительности; 2) повтореніе слова *νέα* не требуется смысломъ и при *νεόθεν* является крайне натянутымъ; 3) слова *νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι* представляютъ правильный амбическій диметръ и въ рукописяхъ образуютъ самостоятельный стихъ; 4) зіяніе между словами *ξένου* и *εἶ τι* показываетъ, что раздѣленіе на стихи сдѣлано Гольдманомъ неправильно; хотя онъ и оправдываетъ это зіяніе ссылкой на Eug. Нес. 689 и Soph. Ant. 1276, но въ первомъ изъ этихъ стиховъ зіяніе обыкновенно устраняется вставкой частицы *δέ*, во второмъ оно объясняется тѣмъ, что образовано междометіемъ. Eug. Hel. 634 (628 N) весьма удачно исправилъ Германъ слѣдующимъ образомъ:

περί τ' ἐπέτασα χέρα υ υ υ υ υ υ

Сомнѣніе въ вѣрности рукописнаго преданія въ стихахъ О. R. 1330=1350, не говоря уже о формѣ дохміевъ, должно возбудить: 1) прилагательное *ἐπιποδίας*, которое встрѣчается только въ данномъ мѣстѣ, и 2) въ связи съ этимъ то обстоятельство, что слова *ἐμά* и *κακά* въ L. прибавлены уже послѣ того, какъ текстъ былъ написанъ (ср. Mekler, Soph. Trag. adn. crit.). Поэтому, какъ кажется, правъ Веклейнъ, который въ строфѣ выбрасываетъ слова *κακά* и *ἐμά*, а въ антистрофѣ — *ἐπιποδίας*; если мы при этомъ рукописное *πάθεα* замѣнимъ, какъ предлагаетъ Эльмслей, посредствомъ *πάθη*, то у насъ получится совершенно правильный амбическій диметръ, который часто входитъ въ составъ дохмическихъ строфъ. Путь, какимъ про-

Какъ бы мы ни исправляли первый изъ этихъ стиховъ, но намъ нѣтъ нужды касаться второго, по крайней мѣрѣ въ антистрофѣ, который представляетъ усѣченный ямбическій диметръ; вслѣдствіе этого для дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного не будетъ уже мѣста. Измѣненіе ἐμέ въ μέ, предложенное Эрфурдтомъ, приведетъ въ полное соотвѣтствіе стихъ O. R. 1323 съ параллельнымъ стихомъ въ строфѣ. Ритмическое значеніе Soph. Trach. 1026—1030 выясняется дѣленіемъ на стихи въ строфѣ 1007—1009:

πα μου φαύεις; ποῖ κλίνεις; _ : ˘ _ ˘ _ | ˘ ˘ ˘
 ἀπολεῖς μ', ἀπολεῖς. ˘ ˘ : ˘ ˘ ˘ ˘
 ἀνατέροφας ὅτι καὶ μύση ˘ : ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘

Если мы въ первомъ стихѣ антистрофы не измѣнимъ δειλαία въ δεινά, какъ предлагаетъ Гледичъ, то намъ придется вставить въ строфѣ слово καί, какъ предлагаетъ Веклейнъ, и считать первый стихъ за неусѣченный анапестическій диметръ. Было бы весьма странно отступать отъ этого объясненія, основаннаго на дѣленіи стиховъ въ L., и вводить съ Гольдманомъ не встрѣчающуюся нигдѣ форму дохмія, не говоря ужъ объ подозрительномъ обоюдномъ слогѣ въ серединѣ третьяго стиха.

Такимъ образомъ, оказывается, что у насъ нѣтъ ни одного вѣрнаго примѣра употребленія въ дохміи двухъ краткихъ слоговъ вмѣсто одного.

Соотвѣтствіе между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ въ другихъ явленіяхъ, на которое ссылается Гольдманъ для подтвержденія своей теоріи или объясняется какъ случайность, или не выдерживаетъ строгой критики.

Въ самомъ дѣлѣ, между распущеніемъ арзисовъ въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ нельзя провести полной параллели, потому что въ первомъ одинаково подвергаются распущенію какъ не синкопированные, такъ и синкопированные арзисы; тогда какъ во второмъ синкопированные даже не являются. Поэтому Гольдманъ долженъ былъ бы указать такой ямбическій стихъ, въ которомъ были бы распущены синкопированные арзисы.

Замѣна третьяго и четвертаго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго въ дохмическомъ диметрѣ, какъ бы ее ни

ограничивалъ Гольдманъ, совершается съ большою свободою, тогда какъ въ ямбическомъ триметрѣ мы не найдемъ ни одного случая такой замѣны соответствующихъ краткихъ слоговъ.

Положеніе, занимаемое цезурой въдохмическомъ диметрѣ, объясняется вовсе не тѣмъ, что диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, а тѣмъ, что цезура, замѣняя дѣрезисъ, должна стоять какъ можно ближе къ тому мѣсту, на которомъ является онъ.

Дѣленіе одного стиха между двумя дѣйствующими лицами у Софокла допускается не только по отношенію къ ямбическимъ триметрамъ идохмическимъ диметрамъ, но и по отношенію къ анапестическимъ диметрамъ, ср. Trach. 977, 981, 991; O. C. 173, логаэдамъ, ср. O. C. 179, 180 и др.

Несостоятельными оказываются и остальные доказательства Гольдмана.

Въ томъ, что диметръ представляетъ самую древнюю формудохмическаго стиха, Гольдманъ, по своей вѣроятности, правъ; но зависить это отъ числа $\chi\rho.$ пр., заключающихся въ диметрѣ, а не отъ того, что онъ произошелъ изъ ямбическаго триметра.

Такое тѣсное соединеніе ямбическихъ триметровъ съдохмическими диметрами, какое мы находимъ въ Soph. Ant. 1271—1276—1294—1300 и Eur. Hipp. 817—829—836—847 могло бы служить нѣкоторымъ доказательствомъ въ пользу теоріи Гольдмана, еслибы мы не находили гораздо чаще въ такомъ соединеніи съдохміями ямбическихъ диметровъ. Что касается Soph. Ant. 1275, то ритмическое значеніе этого стиха едва ли такое, какое предполагаетъ Гольдманъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ представлялъ бы изъ себя единственный въ своемъ родѣ примѣръ соединенія въ одно неразрывное цѣлоедохмія съ ямбической триподіей; скорѣе его слѣдуетъ объяснять съ Г. Шмидтомъ и Гледичемъ такимъ образомъ:

— — — — —

Стихи, въ которыхъ Гольдманъ находитъ ямбическую триподію, равную по своему ритмическому значеніюдохмію, или невѣрно истолкованы имъ, или невѣрно прочитаны. Такъ, если мы Aesch. Sept. 167 (152 W) приведемъ въ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ

стихами, то увидимъ, что естественнѣе всего принимать его или за синкопированный ямбическій триметръ:

ἰὼ παναρκεῖς θεοί,
ἰὼ τέλειοι τέλειαι τε γᾶς
ταῶδε πυργοφύλακες

$\cup \vdots \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \acute{\cup}$
 $\cup \vdots \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \text{—} \text{—}$
 $\cup \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \cup \cup \acute{\cup} \wedge$

или крѣтическій триметръ съ анакрюзисомъ:

$\cup \vdots \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \acute{\cup}$
 $\cup \vdots \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \text{—} \text{—}$
 $\text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \cup \cup \cup \acute{\cup}$

Впрочемъ это послѣднее объясненіе, принадлежащее Г. Шмидту, кажется мнѣ менѣе удачнымъ, такъ какъ предполагаетъ паузу въ четыре χρ. пр. между первымъ и вторымъ стихомъ. Аналогіи между разсмотрѣннымъ стихомъ и Aesch. Agam. 1136—1146 (1129—1130—1142 и 1143 W) не оказывается никакой, потому что, какъ это видно изъ критическаго изданія Веклейна, въ М. этотъ послѣдній стихъ раздѣленъ на два и читается такъ:

ἰὼ ἰὼ ταλαίνας $\cup | \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \text{—} \text{—}$
κακόπυτροι τύχαι $\cup \cup \cup | \text{—} \cup \text{—}$

Aesch. Suppl. 375—386 гораздо естественнѣе объяснять какъ логоэдиическій триметръ:

$\text{—} \cup \cup | \text{—} \cup \text{—} \text{—} | \text{—} \text{—} \text{—}$

въ соответствіи съ тремя пробахикатаlecticескими ямбическими триметрами, которые предшествуютъ ему. Три примѣра чередованія одного изъ дохміевъ, составляющихъ диметръ въ строфѣ, съ ямбическою триподіей въ антистрофѣ основаны на невѣрномъ чтеніи рукописей, которое исправляется при помощи самыхъ незначительныхъ измѣненій. Такъ слѣдуетъ читать O. B. 1360:

νῦν δ' ἄθεος μέν εἰμ(ι)

вмѣсто рукописнаго:

νῦν δ' ἄθλιος μὲν εἶμ(ι)

хотя можно было бы удержатъ даже рукописное чтеніе, считая ἄθλιος за трибрахъ; ib. 1365, который въ L. читается такъ:

ἔφει κακοῦ κακόν

исправленъ Германомъ слѣдующимъ образомъ:

ἔτι κακοῦ κακόν

id. Ant. 1340:

ἔχων κατέχτανον

слѣдуетъ измѣнить вмѣстѣ съ Мусgrave въ ἔχων ἔχτανον

Наконецъ, опредѣленіе времени, когда дохміи появились въ греческой трагедіи, сдѣлано Гольдманомъ безъ достаточной основательности, такъ какъ связь между исчезновеніемъ трохаяческаго тетраметра и появленіемъ дохмическаго размѣра остается у него недоказанной. Весьма возможно, что отсутствіе дохміевъ въ Персахъ представляетъ такую же случайность, какъ въ Ифигеніи въ Авлідѣ.

Шульце въ своей диссертациі De dochmiō (1877) соглашается съ Германомъ въ томъ, что характеръ дохміи выражается во встрѣчѣ двухъ тезисовъ, не раздѣленныхъ между собой арисомъ, и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ритмическое значеніе этого размѣра: Dochmiū... nihil aliud esse censemus nisi iam bica m tripodiam asynarteta m (стр. 36). Не входя въ разсужденіе о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ versus asynarteti, и сославшись на Вестфала, который называетъ этимъ именемъ стихи съ усѣченіемъ внутри, онъ продолжаетъ такъ: Catalexin... tum esse post primam longam apertum est. Quod sic intellegendum ut, cum iambicus numerus more suo et natura in trochaicum transeat (quamobrem Hermannus numerum iambicum, anacrusi dempta, recte aequalem reddere trochaico videtur), pausa, quae alterius iam bica arsi eiecta fit, post secundam syllabam ita incidat, ut syllaba brevis expulsa ad praecedentem longam pertinuisse videatur (стр. 36 и сл.). Правда, Вестфаль полагаетъ, что дохміи нельзя признавать за прокаталектическую амбическую триподію въ виду распушенія всѣхъ трехъ долгихъ слоговъ его, но Шульце въ оправданіе своего пониманія

дохмія ссылается на то, что и въ гликоноеѣ послѣдній долгій слогъ. предшествующій прекращенію ритмическаго движенія, можетъ подвергаться распущенію; въ дохміи же, какъ это извѣстно изъ наблюденій надъ стихотворными текстами, послѣдній слогъ не бываетъ соединенъ съ послѣдующими ритмическими величинами болѣе тѣсно, чѣмъ въ гликоноеѣ; точно также связь между большей и меньшей частью дохмія не оказывается болѣе тѣсной, чѣмъ связь между всѣмъ дохміемъ и примыкающими къ нему сзади размѣрами. Отсюда вытекаетъ, что мы можемъ допустить въ немъ распущеніе долгихъ слоговъ послѣ паузы и передъ нею. Важнѣйшимъ доказательствомъ того, что между первой, большей половиной дохмія, и второю, меньшей, отсутствуетъ болѣе близкая связь, чѣмъ между концомъ одного ритмическаго члена и началомъ другого, служитъ допущеніе замѣны второго краткаго слога въ дохміи посредствомъ ирраціональнаго долгаго, которое мы встрѣчаемъ вообще только въ концѣ и въ началѣ стиха.

Переходя затѣмъ къ тому возраженію, что въ серединѣ дохмія, разсматриваемаго какъ ямбическая триподія, необходимо предполагать паузу, которая неудобна, Шульце замѣчаетъ, что эта пауза въ одинъ $\chi\rho.$ пр. не можетъ лишить плавности дохмій, какъ это будетъ, если мы признаемъ его вмѣстѣ съ Вестфалемъ за усѣченную бакхическую диподію и опредѣлимъ длительность паузы въ концѣ его въ два $\chi\rho.$ пр., потому что, во-первыхъ, большую разницу составляетъ, допускаемъ ли мы паузу въ одинъ $\chi\rho.$ пр. или въ два, во-вторыхъ, важное значеніе имѣетъ и положеніе этой паузы, такъ какъ, если за трехсложной стопой (— —) слѣдуетъ двусложная (— —), то пауза послѣ этой послѣдней бываетъ гораздо большей, чѣмъ, если за двусложной стопой идетъ односложная (—), меньшая ея всего только на одинъ $\chi\rho.$ пр., тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этой послѣдней является полная ямбическая стопа. Въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ появленіе паузы въ серединѣ дохмія также распущеніе перваго и втораго долгаго слога, которое такъ часто встрѣчается въ дохміи.

Далѣе, замѣтивъ по поводу распущенія перваго долгаго слога, что только одно оно иногда сопровождается сокращеніемъ долгой гласной или дифтонга во избѣжаніе зіянія, Шульце выводитъ отсюда, что послѣ втораго слога дохмія находилась пауза и восполня-

лась отчасти посредствомъ остатковъ долготы сокращаемыхъ долгихъ гласныхъ и дифтонговъ.

Замѣчательно; продолжаетъ Шульце, по отношенію къ дохмію то, что никто почти изъ древнихъ ритмиковъ не упоминаетъ иной формы его кромѣ основной (— — — —), и что Аристоксенъ рѣшительно нигдѣ даже не намекаетъ на то, что ему знакомъ дохмій. Исходя изъ этого, Шульце предполагаетъ, что дохмій подобно антиспасту и нѣкоторымъ другимъ размѣрамъ не былъ знакомъ древнимъ ритмикамъ, а былъ открытъ въ позднѣйшее время вслѣдствіе стремленія къ изобрѣтенію новыхъ размѣровъ.

Немаловажнымъ доказательствомъ, по мнѣнію Шульце, правильнаго пониманія имъ ритмическаго значенія дохмія служитъ тотъ фактъ, что въ греческой трагедіи иногда является неусѣченная ямбическая триподія въ качествѣ самостоятельнаго члена, такъ какъ и дохміи часто встрѣчаются въ качествѣ самостоятельныхъ монометровъ.

Наконецъ, указавъ, что, по наблюденіямъ новѣйшихъ ритмиковъ, въ стихахъ входятъ въ сочетаніе между собой только родственные размѣры, и что это обстоятельство также подтверждаетъ принадлежность состава дохміевъ къ ямбахъ, съ которыми они особенно охотно соединяются, Шульце дѣлаетъ относительно первыхъ такой выводъ изъ всего сказаннаго имъ: *Dochmii igitur, quamquam eos principio esse iambo senso, apparent tamen—id quod pausa atque asynartesi efficitur—aliter compositi atque a rhythmicis sic fere aut saepe adhibiti esse, quasi octo temporibus constarent, non novem* (стр 40).

Но мы не можемъ призывать дохмій вмѣстѣ съ Шульце за ямбическую триподію съ паузой между первымъ и вторымъ долгимъ слогомъ, во-первыхъ, въ виду того, что никто ни изъ древнихъ ритмиковъ, ни изъ метриковъ не относитъ дохмія по составу его стопъ къ γ. ἰαμβίον; во-вторыхъ, въ виду того, что это заставляетъ насъ допустить въ дохмінъ девять γρ. πρ., тогда какъ, согласно ученію тѣхъ же древнихъ ритмиковъ и метриковъ, ихъ заключается въ немъ всего только восемь; въ-третьихъ, въ виду того что, предположивъ даже, что въ дохмінъ можетъ содержаться девять γρ. πρ., мы должны будемъ черезъ это признать возможнымъ для восполненія недостающаго γρ. πρ. или помѣщать паузу въ серединѣ слова, или распустить долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ γρ. πρ.

Однихъ этихъ общихъ соображеній было бы совершенно достаточно для того, чтобы отвергнуть теорію Шульце; но мы можемъ указать въ ней еще нѣсколько слабыхъ пунктовъ. То объясненіе возможной ирраціональной долготы второго краткаго слога въ дохміи, какое даетъ Шульце, едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ усѣченіе въ серединѣ члена, какъ это показываютъ наблюденія, не влечетъ за собою ослабленія связи между отдѣльными частями его, выражающейся въ недопущеніи зіянія и безразличнаго слога (*συνάφεια*). Далѣе, долгая гласная или дифтонгъ при сокращеніи передъ непосредственно слѣдующей гласной, во избѣжаніе зіянія, не превышаетъ по своей длительности обыкновеннаго краткаго слога, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ дифтонгѣ, неслоговая часть обращается въ соотвѣтствующій согласный звукъ. Наконецъ, изъ умолчанія Аристоксена о дохміи нельзя дѣлать никакихъ выводовъ въ виду очень авторитетнаго показанія объ этомъ размѣрѣ со стороны неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гепестіону и Етум. М., а также другихъ извѣстій, идущихъ изъ древности.

Если не болѣе удачная, то во всякомъ случаѣ болѣе серьезная попытка отнести дохмію по его составу къ *γένος ιαμβικόν* сдѣлана была Пикелемъ въ его диссертациі *De versuum dochmiacorum origine* (1881).

Этотъ ученый замѣтилъ, что первый долгій слогъ дохміи подвергается распущенію гораздо чаще, чѣмъ второй, и заключилъ отсюда, что если дохмія дѣйствительно представляетъ изъ себя триподію, принадлежащую по составу своимъ стопъ къ *γένος διπλάσιον*, то за *χρ. τρίτημος* въ немъ надобно признавать не первый, а второй долгій слогъ. Но это заключеніе ставитъ Пикеля въ противорѣчіе съ Вестфалемъ, который, доказавъ возможность пропуска внутри члена части стопы, не находящейся подъ ритмическимъ удареніемъ, утверждаетъ въ то же время, что недостающая часть стопы восполняется протяженіемъ долгаго слога, предшествующаго пропущенной части, а не слѣдующаго за ней какъ въ нисходящихъ, такъ и въ восходящихъ размѣрахъ. Поэтому Пикель, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію дохміевъ, дѣлаетъ попытку доказать слѣдующее необходимое для него общее положеніе: *Arsis per syncoram sublata potest compensari productione theseos eiusdem pedis, in versibus trochaicis praecedentis, in iambicis sequentis*

(стр. 9). При этомъ онъ упоминаетъ, что тоже самое положеніе уже ранѣе было высказано Гольдманомъ, который опровергалъ Вестфала въ вопросѣ о мѣстѣ протяженія въ восходящихъ размѣрахъ, основываясь на томъ, что этотъ ученый не обращаетъ, по его мнѣнію, должнаго вниманія ни на восходящій характеръ ямбовъ, для сохранения котораго мы должны восполнять пропущенный теазисъ (часть стопы, находящаяся подъ ритмическимъ удареніемъ по терминологіи Гольдмана) посредствомъ протяженія слѣдующаго за нимъ долгаго слога, а не предшествующаго, ни на самую стопу, которая остается неполной, такъ какъ вслѣдствіе того, что протягивается не ея арзисъ, а арзисъ предшествующей стопы, она содержитъ въ себѣ всего только два $\chi\rho.$ пр. вмѣсто трехъ, тогда какъ предшествующая ей стопа заключаетъ ихъ четыре. Но Вестфаль не согласился съ возраженіями Гольдмана и въ предисловіи ко второму изданію своей метрики указалъ тѣ основанія, изъ которыхъ онъ исходилъ; основаній этихъ три: во-первыхъ, аналогія между ямбическими и соотвѣтствующими имъ троиханческими асинартетами (такъ онъ называетъ стихи съ недостающимъ арзисомъ какой-нибудь стопы), которая состоитъ въ томъ, что какъ неуслѣченный ямбическій диметръ представляетъ изъ себя услѣченный троиханческий диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса:

$\vee \quad - \quad \vee \quad - \quad \vee \quad - \quad \vee \quad -$
 $- \quad \vee \quad - \quad \vee \quad - \quad \vee \quad -$

такъ и неуслѣченный ямбическій диметръ съ синкопой представляетъ тотъ же услѣченный троиханческий диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса, также съ синкопой:

$\vee \quad - \quad \vee \quad - \quad - \quad \vee \quad -$
 $- \quad \vee \quad - \quad - \quad \vee \quad -$

во-вторыхъ, недопущеніе замѣны одинаковыхъ по порядку долгихъ слоговъ посредствомъ двухъ краткихъ въ троиханческихъ и ямбическихъ стихахъ; въ-третьихъ, разстановка нотныхъ знаковъ въ дошедшихъ до насъ гимнахъ Месомеда, изъ которой видно, что въ концѣ стиха, имѣющемъ такую схему $\vee \quad - \quad -$, первый долгій слогъ заключаетъ въ себѣ три $\chi\rho.$ пр., а второй два. Если же въ стихѣ, продолжаетъ Вестфаль, схема котораго такова:

$\vee \quad - \quad \vee \quad - \quad \vee \quad - \quad -$

предпоследній слогъ заключаетъ въ себѣ три ур. пр.:

υ — υ — υ | — —

то отсюда ясно, что при отсутствіи выраженія для второго краткаго слога въ томъ же стихѣ:

υ — — υ — —

этотъ слогъ долженъ быть возмѣщенъ посредствомъ протяженія предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ:

υ | — — υ | — —

Изъ всего этого Вестфаль выводитъ слѣдующее правило о мѣстѣ протяженія въ ямбическихъ стихахъ: *im Inlaute des iambischen Verses ist diejenige Länge, hinter welcher die Kürze unterdrückt (?) ist, eine 3-zeitige, nicht diejenige, vor welcher die Kürze fehlt* (Gr. Metrik² стр. XI).

Но Пикель не соглашается съ доводами Вестфала и въ опроверженіе перваго изъ нихъ указываетъ, что понятіе объ анакрюзисѣ отдѣленіе котораго необходимо предполагается, если допустить въ ямбическихъ стихахъ протяженіе тамъ, гдѣ его дѣлаетъ Вестфаль, не существовало въ древности и было заимствовано изъ современной музыкальной ритмики, по ученію которой тактъ можетъ начинаться только съ ноты подъ удареніемъ, и что вслѣдствіе этого Вестфаль самъ себѣ противорѣчитъ, такъ какъ признаетъ неизмѣнными подъ собой твердой почвы всѣ тѣ законы, которые не основаны ни на показаніяхъ древнихъ ритмиковъ, и, особенно Аристоксена, ни на выводахъ изъ этихъ показаній. Совершенно иначе, чѣмъ теперь, продолжаетъ Пикель, дѣлили стихи древніе, которое начинали одни стопы съ тезиса, другія—съ арзиса. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, въ которыхъ указывается, что между трохеями и ямбами существуетъ *διαφορά κατ' ἀντίθεσιν*.

Послѣ этого Пикель обращается къ опроверженію третьяго довода Вестфала и сначала рассматриваетъ гимнъ Месомеда къ Музѣ по *codex Marcianus Venetus* одиннадцатаго вѣка, основываясь на показаніяхъ объ этой рукописи, сдѣланныхъ Шёлемъ. Гимнъ Месомеда, говоритъ Пикель, состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ ямбическихъ тетраподій; въ неусѣченныхъ тетраподіяхъ число сло-

говъ и нотныхъ знаковъ одно и тоже, а въ тѣхъ изъ усѣченныхъ, которыя не подверглись порчѣ, число нотъ превышаетъ число слоговъ, такъ что на два послѣднихъ слога такихъ тетраподій приходится четыре нотныхъ знака. Вестфаль три изъ этихъ четырехъ нотъ относитъ къ предпослѣднему долгому слогу, откуда заключаетъ, что этотъ слогъ содержитъ въ себѣ три $\chi\rho$. $\pi\rho$. Пикель же, указавъ на небрежность переписчика, которая обнаруживается уже въ томъ, что въ первомъ словѣ стиха гимна три ноты, которыя должны были бы быть помѣщены надъ каждымъ изъ трехъ слоговъ этого слова, всѣ отнесены къ одному третьему, и въ томъ, что надъ вторымъ словомъ, которое состоитъ изъ двухъ слоговъ, также двѣ ноты поставлены при одномъ послѣднемъ слогѣ, дѣлаетъ отсюда выводъ, что еслибы даже дѣйствительно въ усѣченной тетраподіи три ноты были написаны надъ предпослѣднимъ слогомъ, то это все-таки не могло бы служить надежнымъ доказательствомъ длительности этого слога въ теченіе трехъ $\chi\rho$. $\pi\rho$. Но на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, этого нѣтъ, такъ какъ въ четвертомъ стихѣ, какъ это видно изъ показанія Шёлля, изъ четырехъ нотъ, относящихся къ двумъ послѣднимъ слогамъ, три расположены такъ, что мы съ одинаковымъ правомъ можемъ относить ихъ и къ послѣднему и къ предпослѣднему слогу. Что касается двухъ другихъ гимновъ Месомеда къ Солнцу и къ Немезидѣ, при разсмотрѣніи которыхъ Пикель основывается на *codex Neapolitanus* пятнадцатаго вѣка, то тотъ и другой изъ нихъ состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ логаядическихъ тетраподій съ тремя анапестическими стопами въ началѣ. Въ составѣ обоихъ гимновъ заключается шестнадцать усѣченныхъ стиховъ, но изъ нихъ имѣютъ значеніе для рѣшенія разсматриваемаго нами вопроса пять, такъ какъ только въ нихъ число нотъ двумя превышаетъ число слоговъ. Вестфаль и нѣкоторые другіе ученые, продолжаетъ Пикель, принимаютъ, что и здѣсь къ предпослѣднему слогу относятся три ноты; но изъ точнаго списка текста этихъ гимновъ, который приложенъ Беллерманомъ къ его *Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes*, видно, что въ стихѣ 13 гимна къ Солнцу надъ предпослѣднимъ слогомъ совсѣмъ нѣтъ никакой ноты, а въ остальныхъ четырехъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ стоитъ по двѣ ноты, хотя всѣ онѣ и поданы нѣсколько впередъ, такъ какъ переписчикъ, очевидно, боялся, что онѣ всѣ не умѣстятся надъ словами.

Важное доказательство въ пользу своей теории Пикель видитъ во второй половинѣ стиха Aesch. Eum. 390=398, которая въ рукописяхъ читается такъ:

δυσοδοπαίπαλα
καίπερ ὑπὸ χθονός

Такъ какъ чтеніе всего этого стиха въ антистрофѣ не подаетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно его вѣрности, то Пикель полагаетъ, что мы можемъ на основаніи его установить схему и для стиха строфы, который возбуждалъ сомнѣніе уже въ древности, какъ это видно изъ того, что въ М. при немъ сдѣланъ значекъ ζτ, и исправлять чтеніе его во второй половинѣ слѣдующимъ образомъ:

δύσοδα παίπαλα

Будучи исправлена такимъ образомъ, эта часть стиха представляетъ изъ себя, по его мнѣнію, ямбическую триподію, въ которой недостающій арзисъ второй стопы необходимо долженъ быть восполненъ протяженіемъ въ χρ. τρίσημος не тезиса первой стопы, который распущенъ, а второй:

υ υ ~ L υ -

Однако не всегда арзисъ стопы, не выраженный особымъ слогомъ, восполняется протяженіемъ слѣдующаго за нимъ тезиса, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мнѣнію Пикеля, это послѣднее можетъ быть замѣнено посредствомъ паузы. Пауза можетъ явиться только послѣ конца слова, хотя и тутъ ничто не мѣшаетъ вмѣсто нея допустить протяженіе долгаго слога въ χρ. τρίσημος. Только въ такихъ строфахъ или разрядахъ стиховъ мы можемъ съ большимъ правдоподобіемъ предполагать непременно паузу, а не протяженіе, въ которыхъ наблюдается постоянное совпаденіе конца слова съ концомъ стопы, предшествующей пропущенному арзису. Таковы—встрѣчающіеся только у Плавта усѣченные ямбическіе диметры съ синкопой третьяго арзиса:

υ υ υ υ υ - | υ υ υ

которые употребляются какъ сами по себѣ, такъ и въ соединеніи съ неусѣченными ямбическими диметрами (v. Reizianus). Недостающій

Нетрудно замѣтить при чтеніи, что каждый краткій слогъ въ этомъ ряду подчиняется ритмическому ударенію предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ, и что слѣдовательно въ случаѣ отсутствія краткаго слога онъ долженъ быть замѣняемъ протяженіемъ того долгаго слога, ударенію котораго онъ подчиненъ. Отсюда ясно, что мѣсто, занимаемое протяженіемъ въ ямбахъ, опредѣлено Вестфалемъ совершенно правильно.

Не болѣе удачны доказательства самого Пивеля: такъ показанія древнихъ ритмиковъ о *διαφορά κατ' ἀντίθεσιν* между ямбами и трохеями, на которыя онъ ссылается, не имѣютъ никакого значенія для опредѣленія мѣста занимаемаго протяженіемъ въ ямбическихъ стихахъ. Мало того, мы не имѣемъ даже права въ настоящее время дѣлить стихи на стопы по методѣ древнихъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказывается совершенно несостоятельной. Несостоятельность ея и невозможность держаться ея и теперь, когда существуетъ болѣе совершенная, обнаруживается лучше всего въ томъ, когда на основаніи ея мы должны опредѣлить предѣлы каждой стопы въ стихѣ, состоящемъ изъ нисходящихъ іониковъ съ превращеніемъ. Держась старой методы, мы непременно должны допустить, какъ это дѣлаетъ Гефестіонъ и его схолиастъ, въ такомъ стихѣ *μεταβολή ρυθμοῦ*, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ:

... ∪ ∪ — ∪ | — ∪ — — | ∪ ∪ — — ...

тогда какъ, если мы выдѣлимъ два первыхъ краткихъ слога въ качествѣ анакрузиса, то все будетъ совершенно ясно:

∪ ∪ ∶ — ∪ — ∪ | — — ∪ ∪ ...

Точно также несостоятельной оказывается древняя метода и тогда, когда мы должны, руководясь ей, дѣлить на стопы пеоническіе стихи съ анакрузисомъ въ одинъ χρ. πρ.:

∪ — | ∪ — | — ∪ — | ...

тогда какъ по нашей и здѣсь намъ нѣтъ никакой необходимости предполагать *μεταβολή ρυθμοῦ*:

∪ ∶ — ∪ — | — ∪ — | ...

Отсюда видно, что такъ какъ дѣленіе стиховъ на стопы по древней методѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается совершенно ошибоч-

имъ, то странно было бы настаивать на сохраненіи ея, гдѣ бы то ни было.

Впрочемъ и въ древности сознавалось уже, что разница между восходящими и соответствующими имъ нисходящими размѣрами существуетъ только формальная, какъ это доказывается тѣмъ, что древніе метрики подводили такіе размѣры подъ одну *ἐπιπλοχή*, ср. Вестфаль, *G. Rhythm*. стр. 212 и сл.

Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ, что различіе между восходящими и нисходящими размѣрами, какъ это утверждаетъ Пикель, выражается въ томъ, что въ первыхъ главное ритмическое удареніе падаетъ на вторую стопу въ диподіи, а во вторыхъ — на первую. Напротивъ того, изъ слѣдующихъ словъ Аристиды Квинтилиана можно заключить, что какъ въ тѣхъ, такъ въ другихъ оно падало одинаково на первую стопу: *κρητικός, δε συνέστηκεν ἐκ τροχαίου θέσεως καὶ τροχαίου ἄρσεως, δάκτυλος κατ' ἰαμβον, δε σύγκειται ἐξ ἰαμβου θέσεως καὶ ἰαμβου ἄρσεως* (стр. 2620—23 J); косвенно подтверждаютъ тоже самое и два латинскихъ грамматика: Диомедъ стр. 503³³ и 504¹ и Марій Викторинъ, стр. 81²⁹, 182¹⁴, которые, повидимому, по греческому источнику называютъ нечетныя стопы ямбическихъ стиховъ *dactri pedes*; а такое названіе этихъ стопъ, какъ кажется, должно отмѣтить въ нихъ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ въ четныхъ. Кромѣ этихъ показаній, идущихъ изъ древности, тотъ фактъ, что первый ударъ въ диподіи, будетъ ли она состоять изъ восходящихъ или нисходящихъ стопъ, представляется для слуха болѣе сильнымъ, чѣмъ второй, показываетъ, что какъ въ ямбическихъ, такъ и троханческихъ стихахъ болѣе сильное ритмическое удареніе падаетъ на нечетныя стопы. Еще болѣе сильное доказательство того же мы найдемъ въ употребленіи ирраціональныхъ стопъ. Разсматривая ирраціональную стопу въ *γένος διπλάσιον* по формѣ ея, мы видимъ, что она состоитъ изъ двухъ равныхъ другъ другу *χρόνοι ποδικοί*, тогда какъ въ раціональной стопѣ тезисъ является вдвое большимъ арвуса; понятно, что если мы будемъ читать или пѣть такой рядъ стопъ, въ которомъ раціональныя стопы будутъ чередоваться съ ирраціональными, то намъ всегда будетъ слышаться, что тезисъ раціональной стопы носить на себѣ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ тезисъ ирраціональной, по одному тому, что за тезисомъ раціональной сто-

versus dochmiacos... nihil impedit quominus referamus in versuum iambicorum numerum, quibus et formae similitudine et crebra conjunctione sunt propinqui, statuentes dochmios esse tripodias iambicas arsi secunda syncopata conspicuas:

$\bar{\cup} \cup \cup \mid \overset{\wedge}{\cup} \cup \cup \mid \bar{\cup} \cup \cup$ (стр. 28).

Недостающий арзисъ второй стопы въдохміи долженъ быть восполненъ посредствомъ протяженія слѣдующаго за нимъ тезиса. Частые случаи распушенія перваго долгаго слога на два краткихъ, нисколько не противорѣчатъ, по мнѣнію Пикеля, предлагаемому имъ объясненіюдохміа, такъ какъ и въ ямбахъ нерѣдко является въ распущенной формѣ тезисъ стопы, арзисъ которой пропущенъ, особенно первой. Подтвержденіе справедливости своего сближеніядохміевъ съ ямбами Пикель усматриваетъ въ соотвѣтствіи между тѣми и другими, которое выражается, во-первыхъ, въ томъ, что у Эсхила какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ первый арзисъ особенно часто является въ формѣ ирраціональнаго долгаго слога, тогда какъ у другихъ драматическихъ поэтовъ какъ въ ямбическихъ стихахъ первый арзисъ бываетъ долгимъ гораздо рѣже, чѣмъ у Эсхила, такъ въ связи съ этимъ и въдохміи первый краткій слогъ гораздо рѣже замѣняется посредствомъ долгаго слога; во-вторыхъ, въ томъ, что въ ямбахъ идохміяхъ одинаково распушеніе тезиса стопы съ пропущеннымъ арзисомъ по большей части сопровождается распущеніемъ тезиса и предыдущей.

Однако какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда въдохміи бываютъ распушены оба первыхъ долгихъ слога, или даже одинъ второй? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ слѣдующее: *Et in iis dochmiis, qui duabus thesibus solutis decurrunt, et in iis, in quibus thesis altera sola est soluta, si recta est opinio nostra dochmios esse versus iambicos syncopatos, arsis sublata non longa trisema, sed vacuo tempore potest esse compensata, cum thesis eius pedis, cuius arsin per syncopae artificium esse sublataм censemus, in duas breves sit soluta. Oportet igitur in iis fiat caesura ante thesin alteram: id est in iis dochmiis, qui hac thesi sola soluta insignes sunt, post syllabam secundam ($\bar{\cup} \cup, \cup \cup \bar{\cup} \cup \cup$), in iis, qui utramque solutam exhibent, post syllabam tertiam ($\bar{\cup} \cup \cup, \cup \cup \bar{\cup} \cup \cup$)* (стр. 30). Хотя для

Пикеля важно доказать только то, что цезура въ дохміи постоянно является передъ распущеннымъ на два краткихъ слога вторымъ тезисомъ, однако онъ предварительно обращается къ тѣмъ случаямъ, когда она является въ формахъ дохміи съ нераспущеннымъ тезисомъ второй стопы, и дѣлаетъ относительно ихъ слѣдующій выводъ, основанный на статистическихъ данныхъ: Ex 1719 igitur dochmiis classium I (√ — — √ √) et II (√ √ √ — √ √) incisi sunt:

a. post primam thesin solam 391 id est non quarta pars sive 22,8%,

b. post secundam thesin solam 789 id est non dimidia pars sive 45,9%,

c. post primam et secundam thesin 389 id est non quarta pars sive 22,5%,

d. Caesura carent 150 id est non duodecima fere pars sive 8,7% (стр. 34).

Послѣ этого Пикель переходитъ уже къ разсмотрѣнію III (√ √ √ √) и IV (√ — √ √ √) класса дохміевъ, общее число которыхъ равняется 172 (170?); изъ этого числа въ третьемъ классѣ цезуру имѣютъ послѣ третьяго краткаго слога (III a) 69 дохміевъ, что составляетъ 39% (40?) общаго количества ихъ; послѣ третьяго и пятаго (III c)—64 дохмія, т. е. около 38% общаго числа; при этомъ къ числу стиховъ какъ съ одной, такъ и съ двумя цезурами присоединены и такіе, въ которыхъ цезура отдѣляетъ другъ отъ друга двѣ части сложнаго слова. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ таковъ: Ergo, ut in classibus I et II, ita etiam in III numerus dochmiorum post primam thesin solam et dochmiorum post primam et secundam thesin incisorum idem fere est. Efficiunt autem in hac classe dochmii generum a (√ √ √ | √ √ √ √) et c (√ √ √ | √ √ | √ √) non, sicut in I pariterque in II fit, dimidiam non prorsus partem, sed fere $\frac{1}{2}$, vel 78%. Ii vero versus, qui caesura carent, et versus post thesin secundam solam incisi, quorum numerus in classibus I et II par est dochmiis generum a+c, omnino 22% tantum efficiunt; sunt enim 37 dochmii, 8 Aeschylei, 7 Sophoclei, 20 Euripidei, 2 Aristophanei.

Atque huius numeri exigui 37 plus quam dimidia pars (26) incisa est post syllabam quartam; quos dochmios si detraxeris de

summa (37), 11 tantum supersunt dochmii classis III b (ε ~
 ~ | ε ~ ~).

Ex his 37 versiculis autem 8 non sunt traditi tanquam dochmii, sed coniecturis virorum doctorum textui illati, alii falsa distributione mihi videntur esse orti. Inter ceteros sunt, qui etiam aliis difficultatibus laborent et facili modo, plerique transpositione verbi, possint sanari. Paucos qui restant alio modo posse explicari infra docebitur. (стр. 38).

Разбору этих стиховъ, не допускающихъ цезуры передъ распущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ дохмiа, и посвящена остальная часть диссертации Пикеля. Сначала онъ рассматриваетъ тѣ изъ нихъ, въ которые внесена порча издателями или переписчиками вслѣдствiе излишняго повторенiя одного и того же слова; всѣхъ случаевъ относящихся сюда Пикель насчитывалъ восемь: 1) Aesch. Sept. 204 (186 W), который въ М. читается такъ:

ἀκού-σασα τὸν ἀρματόχτυπον

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

ἀκού-σασα τὸν ἀρμάτων χτύπον ὄχων τ' ὄσθον.

Но мы, мнѣ кажется, должны предпочесть поправку этого стиха, предложенную Веклейномъ, какъ болѣе консервативную, не смотря на то, что она не позволяетъ допускать паузы послѣ третьяго слога дохмiа:

.... ἀκού-
 σασα τὸν ἀρματόχτυπον ὄχων ὄσθον.

2) Eur. Herc. 921 (919 N) въ рукописяхъ читается такъ:

λέγε, τίνα τρόπον ἔστυ θεόθεν ἐπί

и исправляется Диндорфомъ для того, чтобы онъ представлялъ изъ себя дохмическiй диметръ, слѣдующимъ образомъ:

<λέγε,> λέγε τίνα τρόπον ἔστυ θεόθεν ἐπί

Пикель предлагаетъ исправлять иначе:

λέγε <τάχος, λέγε>, τίνα τρόπον ἔστυ θεό-
 θεν. . .

не приведа ни одного вѣскаго довода, который заставлялъ бы насъ отказать отъ простой поправки Диндорфа, тѣмъ болѣе, что она позволяетъ намъ сохранить рукописное дѣленіе на стихи.

3) Въ id. Ion. 776, который въ рукописяхъ читается такъ:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἄκρον ἔλαχε

Зейдлеръ удваиваетъ слово ἔλαχε для того, чтобы образовать изъ рассматриваемаго стиха дохмическій диметръ. Пикель также удваиваетъ въ немъ слово ἔλαχε, но вставляетъ его передъ ἄκρον:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἔλαχε ἄκρον ἔλαχε

не смотря на то, что пропускъ гораздо естественнѣе предположить тамъ, гдѣ его допускаетъ Зейдлеръ.

4) ib. 790 и сл. которые въ рукописяхъ читаются такъ:

ὅτι τοιοῦτόν δ' ἐμὸν ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν
ἄρα βίωτον, ἐρημία δ' ὄρφανός

Пикель предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

τό δ' ἐμὸν ἄρα βίωτον ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν ἐν ἐρημίᾳ

или слѣдующимъ:

τό δ' ἐμὸν ἄρα βίωτον ἄτεκνον ἔλαβεν ἄτεκτον ἐν ἐρημίᾳ

выдѣляя изъ стиха, вопреки рукописямъ, восклицаніе ὅτι τοιοῦτόν въ нѣчто самостоятельное. Но болѣе консервативную поправку этихъ же стиховъ предложилъ Г. Шмидтъ:

ὅτι τοιοῦτόν δ' ἐμὸν
ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίωτον, ἐρημία δ' ὄρφανός

которая, мнѣ кажется, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ обѣ поправки Пикеля.

5 и 6) Eug. Hel. 650, который въ рукописяхъ читается:

πῶσιν ἐμὸν ἔχομεν ἔχομεν, ὃν ἔμενον

Зейдлеръ весьма просто обращаетъ въ дохмическій диметръ, повторяя слово ἐμὸν; Пикель же предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

πῶσιν <πῶσιν> ἔχομεν | ἔχομεν, ὃν ἔμενον

или слѣдующимъ:

ἔχομεν ἔχομεν εἰδὼν, | δὴ ἔμενον πρόβιν.

Мнѣ кажется, что исправленіе этого стиха Зейдлеромъ слѣдуетъ предпочесть исправленію Пикеля въ виду большей консервативности.

7 и 8) Eur. Herc. f. 1059 (1060 и сл. N), который читается въ рукописяхъ такъ:

εὔδει; :: ναί, εὔδει
 ὕπνον ὕπνον ὀλόμενον,
 δς ἔκανεν ἄλοχον, ἔκανε, δὲ τέχεα, τοξήρει
 ψαλμῶ τοξεύσας,

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

εὔδει; :: ναί, εὔδει | ὀλοὸν ὕπνον, ἄλοχον
 δς ἔκαν' ἔκανε δὲ <τά> | τέχεα τοξήρει
 ψαλμῶ τοξεύσας.

Но, по моему мнѣнію, заслуживаетъ большаго довѣрія та редакція этихъ стиховъ, которой держится Виламовиць - фонъ - Меллендорфъ, замѣняя вмѣстѣ съ Добрее второе ὕπνον, посредствомъ ἄυπνον, вывода изъ ἔκανεν два слова ἔκανε и μέν и уничтожая тоξεύσας, какъ явившееся изъ τοξήρει.

Къ числу этихъ восьми стиховъ Пикель присоединяетъ еще два, въ которыхъ также цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе неправильнаго исправленія различными издателями.

9) Aesch. Sept. 78, который въ М. читается такъ:

θρέομαι φοβερὰ μεγάλ' ἄχη

Пикель восполняетъ слѣдующимъ образомъ:

θρέομαι <ἀνι' ἀνια> | φοβερὰ μεγάλ' ἄχη,

Но мы получаемъ черезъ это такую форму дохміа, самое существованіе которой подвержено сомнѣнію (см. Rossbach. Gr. Metrik¹ стр. 776). Болѣе естественно предположить, что пропускъ въ этомъ стихѣ находится не послѣ θρέομαι, а передъ нимъ и восполнять его, если не словомъ νεόχота съ Диндорфомъ, то ὀρόμενα съ Приномъ.

10) Въ Aesch. Sept. 239 (225 W), который въ М. читается такъ:

• ποταίνιον χλύουσα πάταγον ἀμμιγᾶ

большинство новѣйшихъ издателей принимаетъ предложенную Гейм-сѣтомъ замѣну слова ποταίνιον посредствомъ ποτίφατον и слова ἀμμιγᾶ посредствомъ ἀναμίξ. Но Пикель находитъ, что хотя эти поправки и восстанавливаютъ соотвѣтствіе между строфой и антистрофой, однако не могутъ быть признаны удовлетворительными въ виду того, что Геймсѣтъ удаляетъ изъ текста употребительное у Эсхила слова ἀμμιγᾶ и замѣняетъ неупотребительнымъ ни у кого изъ трагиковъ словомъ ἀναμίξ. Если даже возраженіе Пикеля противъ введенія слова ἀναμίξ и справедливо, то это нисколько не мѣшаетъ намъ признать удачною первую поправку, которая не допускаетъ цезуры послѣ третьяго слога дохмія, и исправлять конецъ стиха какъ-нибудь иначе:

Затѣмъ Пикель переходитъ къ дохміямъ, въ которыхъ цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе того, что они образованы неправильнымъ дѣленіемъ текста на стихи. Случаевъ такого неправильнаго дѣленія онъ насчитываетъ девять:

1 и 2) Aesch. Agam. 1407=1426 (1406—1408=1426—1428 W), Пикель дѣлитъ на стихи, вопреки рукописамъ и нѣкоторымъ издателямъ, слѣдующимъ образомъ:

стр. τί καὶν, ὦ γύναι,
 χθανοτρεφές ἐδανὸν ἢ ποτὸν
 πασαιμένα, ῥυτᾶς ἐξ ἀλδός ἔρμενον.
 ἀντ. μεγαλομῆτις εἶ.
 περίφρονα δ' ἔλαχες ὥσπερ οὖν
 φονόλιβεῖ τύχα φρήν ἐπιμαίνεται

Признавая такое дѣленіе на стихи совершенно правильнымъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что еще ранѣе, чѣмъ у Пикеля, точно такое же разграниченіе стиховъ другъ отъ друга дано въ изданіи Эсхила Paley.

3) Soph. O. C. 1479 (1477—1481=1491—1495) Пикель отдѣляетъ отъ предыдущаго и послѣдующихъ стиховъ, слѣдую Мейнеке, такимъ образомъ:

стр. ἔα ἔα, ἰδοὺ μάλ' αὖθις ἀμφίσταται δια-
 πρύσιος ὄτοβος <ῶ>

Ἰλαος, ὦ δαίμων, | Ἰλαος, εἴ τι γὰ
 ματέρι τυγχάνεις | ἀφεγγές φέρων.
 ἀντ. ἰὼ <ἰὼ> πρόβαθι βᾶθ' <υ υ> εἴτ' ἀκρᾶν ἐπὶ
 γύαλον ἐναλίῳ
 Ποσειδανίῳ | θεῶ τυγχάνεις
 βούθυτον ἐστίαν | ἀγίζων, ἰκοῦ

Но неправильность такого разграниченія стиховъ другъ отъ друга доказывается тѣмъ, что, во-первыхъ, въ первомъ стихѣ синкопированная стопа является подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что, тотъ же стихъ въ антистрофѣ оканчивается безразличнымъ слогомъ, тогда какъ въ строфѣ съ концомъ его не совпадаетъ конецъ слова; въ-третьихъ, тѣмъ, что первый и второй стихъ представляютъ не имѣющее аналогіи соединеніе ямбическаго тетраметра съ началомъ дохмія въ одномъ словѣ. Поэтому, мнѣ кажется, скорѣе можно остановиться на слѣдующемъ опредѣленіи границъ разсматриваемыхъ стиховъ, не смотря на то, что второй стихъ при немъ представляетъ такой дохмій, который не допускаетъ паузы послѣ третьяго слога:

στρ. ἔα ἔα, μάλ' αὔθις ἀμφίσταται ¹⁾
 διαπρύσιος ὄτοβος
 Ἰλαος, ὦ δαίμων, Ἰλαος, εἴ τι γὰ
 ματέρι τυγχάνεις ἀφεγγές φέρων.
 ἀντ. ἰὼ <ἰὼ>, παῖ, βᾶθι, βᾶθ', εἴτ' ἀκρᾶν ²⁾
 ἐπὶ γύαλον <ἔμολες>, ³⁾
 εἴθ' ἄλιῳ θεῶ Ποσειδανίῳ
 βούθυτον ἐστίαν ἀγίζων κυρεῖς ⁴⁾.

υ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣
 υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣
 υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣
 υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣ υ̣

¹⁾ ἔα ἔα Глечкычъ: ἔα ἔα ἰδοῦ. ²⁾ ἰὼ ἰὼ Германъ: ἰὼ. ³⁾ γύαλον ἔμολες Глечкычъ: ἔμολες. ⁴⁾ εἴθ' ἄλιῳ θεῶ Ποσειδανίῳ β. ἔ. ἄ. κυρεῖς Глечкычъ: ἐναλίῳ Ποσειδανίῳ θεῶ τυγχάνεις β. ἔ. ἄ. ἰκοῦ.

4—7) Oed. R. 1313=1321, а также и два слѣдующихъ стиха Пикель разграничиваетъ другъ отъ друга слѣдующимъ образомъ:

стр. ἰὼ
σχότου νέφος ἔμδν ἀπότροπον, ἐπιπλόμενον
ἄφατον, ἀδάματόν | τε καὶ δυσούριστον ἄν.

ἀντ. ἰὼ
φίλος, σὺ μὲν ἔμδς ἐπίπολος ἔτι μόνιμος·
ἔτι γὰρ ὑπομένεις | με τὸν τυφλὸν κηδεύων.

такъ какъ, если сохранить рукописное дѣленіе на стихи, то въ первомъ стихѣ не окажется цезуры послѣ третьяго слога. Но согласившись съ дѣленіемъ на стихи, предлагаемымъ Пикелемъ, мы должны, во-первыхъ, допустить въ первой половинѣ перваго стиха дохмій въ такой формѣ, въ какой онъ засвидѣтельствованъ только однимъ надежнымъ примѣромъ (ср. Rossbach. Gr. Metrik³ стр. 778), во-вторыхъ, признать возможнымъ слишкомъ тѣсное соединеніе посредствомъ энклитики между дохміемъ и ямбическимъ диметромъ, которое въ другихъ случаяхъ мы не находимъ и, въ-третьихъ, нарушить дѣленіе на стихи, находимое нами въ L. Поэтому гораздо удобнѣе сохранить въ данномъ случаѣ такое дѣленіе на стихи, какое мы находимъ въ рукописяхъ:

стр. ἰὼ σχότου
νέφος ἔμδν ἀπότροπον | ἐπιπλόμενον ἄφατον,
ἀδάματον τε καὶ | δυσούριστον <ὄν>.

ἀντ. ἰὼ φίλος,
σὺ μὲν ἔμδς ἐπίπολος | ἔτι μόνιμος· ἔτι γὰρ
ὑπομένεις με τὸν τυφλὸν κηδεύων,

8 и 9) Eur. Iph. Taur. 871 и 872, которые не представляютъ никакого затрудненія по своему ритмическому строенію:

ἀπέφυγες ὄλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαίχθεις χερῶν.

υ ύ υ ύ υ υ ύ υ ύ υ = υ υ
υ ύ υ ύ υ

Пикель, измѣняя въ нихъ нѣсколько порядковъ словъ, предлагаетъ читать слѣдующимъ образомъ:

ἄλεθρον ἀπέφυγες ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαίχθεις χερῶν.

Но намъ нѣтъ никакой нужды отступать отъ совершенно естественнаго порядка словъ, какой данъ въ рукописяхъ.

Далѣе Пикель преводитъ пять случаевъ, когда цезуру послѣ третьяго слога въ дохміи можно возстановить при помощи небольшой перестановки словъ въ стихѣ:

- 1) Soph. El. 1266, который обыкновенно читаютъ такъ:

τᾶς πάρος ἐτι χάριτος, εἴ σε θεὸς ἐπόρισεν

онъ исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

τᾶς πάρος ἐτι χάριτος, εἰ θεὸς ἐπόρισέν σ',

- 2) Eur. Herc. f. 745, который въ рукописяхъ читается такъ:

πάλιν ἔμολεν, ἃ πάρος οὐποτε διὰ φρενὸς
ἤλπισεν παθεῖν γὰς ἀναξ

Пикель, согласно требованіямъ смысла, исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

<ἔμολε> πάλιν ἔμολεν, | οὐποτ' ἃ διὰ φρενῶν
ἤλπισ' ἄν, ὃ | πάρος γὰς ἀναξ.

- 3) Въ ib. 1023, который въ рукописяхъ читается такъ:

οὐ δὲ τέχνα τρίγωνα τεχόμενος, ὦ δάϊε

совершенно ненужна перестановка, которую предлагаетъ Пикель, съ замѣной слова δάϊε посредствомъ τάλαν:

οὐ δὲ τρίγωνα τέχνα τεχόμενος, ὦ τάλαν.

- 4) Тоже можно сказать и относительно Phoen. 299, который Пикель предлагаетъ читать:

τί μέλλεις ὑπώροφα περᾶν μέλαθρα

вмѣсто рукописнаго чтенія:

τί μέλλεις ὑπώροφα μέλαθρα περᾶν.

и 5) Eur. Vasch. 1007 и сл., которые въ рукописяхъ читаются такъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δ' ἕτερα μεγάλα,

Пикель приводитъ въ такой порядокъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δὲ μεγάλ' ἕτερα

Къ числу этихъ случаевъ Пикель присоединяетъ еще два, которые также подвергаетъ исправленію, такъ какъ и въ нихъ не является цезура послѣ третьяго слога въ dochmii:

1) Ag. Av. 1193 вмѣсто рукописнаго:

δν Ἐρεβος ἐτέχετο

онъ предлагаетъ читать:

δν Ἐρεβος τέχετο.

Но признать эту поправку правильной мы не можемъ уже потому, что едва-ли можно предполагать у Аристофана форму безъ приращенія.

2) Въ Eur. I. T. 877, который въ рукописяхъ читается такъ:

τίνα σοι πρόρον εὐρομένα πάλιν ἀπὸ πόλεως
ἀπὸ φόνου πέμψω | πατρίδ' ἐς Ἀργείαν,

Пикель предлагаетъ замѣнить ἀπὸ πόλεως какъ неподходящее по смыслу или посредствомъ конъектуры Кёхли (ἀπὸ ξένης), или Веклейна (αὐ πάλιν ἀπ' ὀλέθρου); но Вейль не находитъ нужнымъ дѣлать этого, полагая, что ἀπὸ πόλεως въ данномъ случаѣ равно по смыслу ἀπὸ χθονός.

Теперь изъ третьяго класса остается Пикелю рассмотретьъ всего только 11 стиховъ, которые не имѣютъ цезуры послѣ третьяго слога; это даетъ ему поводъ сдѣлать изъ предыдущаго такой выводъ: *Nis numerus exiguus... satis demonstrare mihi videtur poetas consulto et abstinuisse in dochmiis thesibus solutis decurrentibus hac caesura et incidisse omnes hos dochmios post primam thesin.* Причина этого заключается будто бы въ томъ, что необходимо было восполнить посредствомъ паузы недостающій арзисъ стопы.

Что же касается тѣхъ одиннадцати стиховъ, то, по мнѣнію Пикеля, нѣтъ нужды даже исправлять ихъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые

начинаются съ краткаго слога могутъ быть признаны за ямбическія триподіи съ паузой въ началѣ для восполненія недостающаго въ нихъ арзиса. Подтверждаетъ свое мнѣніе Пикель такими соображеніями: 1) такого рода триподіи часто встрѣчаются въ соединеніи съ дохміями и 2) первый слогъ каждаго изъ этихъ стиховъ представляетъ начало самостоятельнаго слова, такъ что ничто не мѣшаетъ поставить передъ нимъ наузу. Тѣ одиннадцать случаевъ, на которые указываетъ Пикель слѣдующіе:

- 1) вторая половинка стиха Aesch. Suppl. 691 (699 W):

πρόνομα δὲ βοτὰ τοῖς πολύγωνα τελέθει

- 2) первая половинка стиха Ag. 1173:

ἐπόμενα προτέροις τάδ' <ἐπ>εφημίσω

- 3) вторая половинка Eum. 256:

λάθη φύδα βᾶς ματροφόνος ἀτίτας.

- 4) первая половинка Soph. El. 1246:

ἀνέφελον ἐπ|έβαλες, οὐπτε καταλύσιμον

- 5) первая половинка Eur. Or. 177:

ἐρεβόθεν ἴθι, μάλε μόλε κατάπτερος

- 6) Eur. Hel. 694:

καχόποτμον ἀραΐαν

- 7) первая половинка Ag. Ach. 390:

σχοτοδασυπυκνῶτριχά τιν' Ἄϊδος κυνῆν

- 8) вторая половинка Eur. Or. 150:

λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

- 9) Hel. 627:

περὶ τ' ἐπέτασα χέρα

- 10) первая половинка Eur. Or. 150:

λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

- 11) Hel. 696:

ὅτε μέλαθρα λέχεια τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσα(α).

Не входя въ подробныя объясненія каждаго изъ указанныхъ случаевъ, мы сошлемся на рецензію Клотца, который замѣчаетъ въ ней, что большая часть изъ приведенныхъ Пикелемъ стиховъ находится внутри дохмическихъ строфъ и потому считаетъ невозможнымъ согласиться съ объясненіемъ ихъ, предлагаемымъ этимъ ученымъ, такъ какъ это нарушило бы въ такихъ строфахъ единство дохмического размѣра. Въ заключеніе Пикель перечисляетъ такіе дохміи, въ которыхъ распущенъ одинъ только второй долгій слогъ, и замѣчаетъ, что въ большинствѣ изъ нихъ послѣ перваго долгаго слога является цезура; не находятъ онъ ея только во второй половинѣ стиха:

Aesch. Eum. 840=873 (843=875 W):

πνέω τοι μένος ἅπαντά τε κότον,

и въ послѣдней части Eur. Hipp. 815:

ἀνοσίῳ τε συμφορᾷ σᾶς χερὸς πάλαισμα μελέας

Хотя оба эти стиха несомнѣнно дохмическіе, какъ это показываютъ тѣ стихи, которые предшествуютъ имъ и слѣдуютъ за ними, однако Пикель признаетъ ихъ за ямбическія триподіи съ усѣченіемъ въ третьей стопѣ.

Въ исправленіи второго изъ нихъ, которое дѣлаетъ Энгель, и которое Пикель готовъ признать правильнымъ, нѣтъ никакой нужды.

Принимая во второй части своей диссертации дохміи за ямбическую триподію съ усѣченнымъ арисомъ второй стопы, Пикель впадаетъ въ противорѣчіе съ ясно выраженнымъ ученіемъ древнихъ, которые насчитываютъ въ дохміи всего только восемь χρ. πρ. и нигдѣ не упоминаютъ о томъ, чтобы дохміи состояли изъ однихъ только ямбическихъ стопъ.

Желая доказать, что во всѣхъ дохміяхъ съ распущеннымъ долгимъ слогомъ на два краткихъ передъ первымъ изъ этихъ краткихъ слоговъ является цезура, Пикель принужденъ подвергнуть различнымъ измѣненіямъ 37 стиховъ, изъ которыхъ одни, какъ мы видѣли, не поддаютъ никакого повода къ сомнѣнію въ критическомъ отношеніи, другіе уже ранѣе исправлены были различными учеными болѣе удачно, чѣмъ Пикелемъ. При этомъ надобно замѣтить, что онъ

относится къ числу стиховъ съ необходимой для него цезурой и такъ, въ которыхъ она должна являться въ серединѣ сложнаго слова, напримѣръ, Aesch. Suppl. 646 (654 W):

Δῖον ἐπιδόμενοι

Но мы, конечно, не можемъ признать возможнымъ допущенія паузы въ серединѣ слова, хотя бы и сложнаго.

Дѣлая общую оцѣнку второй части диссертациі Пикеля, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Клотца, который отзываясь объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Die Abhandlung bezeichnet keinen Fortschritt. Die vorgetragene Hypothese ist auf falsche Voraussetzungen gestützt und zeigt sich auch bei einem speciellen Versuch im einzelnen als undurchführbar (стр. 381).

с) Теоріи, которыя относятъ дохміи къ разряду трохеевъ. Попытка доказать, что дохміи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, представляютъ изъ себя усѣченную трохайческую триподію сдѣлана была *Брамбахомъ*, въ его *Metr. Studien zu Soph.* (1869), статьѣ *Zur Lehre v. Dochm.*, помѣщенной въ *Jahrb. f. Philol* 101 Bd. (1870) и *Rhythm. u. metr. Unters.* (1871). Выводы, къ которымъ пришелъ этотъ ученый въ концѣ своихъ изслѣдованій, изложены имъ въ *Rhythm. Vorbereit.* къ его *Die Soph. Gesänge* (1881).

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Брамбахъ указываетъ, что всѣ члены, состоящіе изъ стопъ одного какого-нибудь γένος ῥυθμοῦ, начинающія отъ такихъ, которые заключаютъ въ себѣ 6 χρ. πρ., и кончающія такими, въ которыхъ содержится ихъ 25, должны были быть построены такъ, чтобы дѣлиться на двѣ части, относящіяся другъ къ другу какъ 1 : 1, 2 : 1, 3 : 2. Такое число χρ. πρ., которое безъ дробей не можетъ быть подведено подъ одно изъ этихъ отношеній, напримѣръ, 7, 11, 13, не можетъ быть употреблено для образованія члена, состоящаго изъ однихъ какихъ-нибудь стопъ. Только мѣстами, по свидѣтельству древнихъ, встрѣчаются члены съ отношеніемъ 3 : 4 и 1 : 3.

Такъ какъ древніе ритмики не допускали, что стопа можетъ оканчиваться не вмѣстѣ съ цѣльнымъ слогомъ, то смѣшанные члены они могли подводить подъ одно изъ указанныхъ выше четырехъ отношеній только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этому не препятствовало

расположеніе слоговъ въ словахъ, составлявшихъ данный членъ; въ остальныхъ же случаяхъ они довольствовались тѣмъ, что послѣдовательно отдѣляли отъ члена рядъ частей, между которыми въ отдѣльности все-таки должно было существовать одно изъ четырехъ известныхъ отношеній. Но если мы попробуемъ дѣлить тѣ же смѣшанные члены на двѣ части съ точки зрѣнія современной ритмики, не обращая вниманія на то, будетъ ли одинъ и тотъ же слогъ всегда принадлежать къ одной стопѣ или нѣтъ, то найдемъ, что между частями всякаго изъ нихъ возможно установить одно изъ отношеній, которыя были обязательны для членовъ, состоящихъ изъ одинаковыхъ стопъ.

По терминологіи древнихъ, продолжаетъ Брамбахъ, тѣ изъ членовъ, которые подходили подъ одно изъ отношеній съ разностью между частями его, не большей единицы, назывались *ῥυθμοὶ ὀρθοί*, остальные—*ῥυθμοὶ δόχμοι*. Кромѣ того къ числу этихъ послѣднихъ древняя ритмика относила всякій членъ, отношеніе между частями котораго не было ясно выражено съ ея точки зрѣнія. Но по преимуществу дохмическими назывались ритмическія величины въ двухъ формахъ: 1) $\cup _ _ \cup _ _$ и 2) $\cup _ _ \cup \cup _ \cup _ _$.

Выше мы показали, на какія основанія опирается Брамбахъ, распространяя названіе дохмій на такіе члены, которые ни у кого изъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ не называются такъ (см. стр. 22 и сл.), и потому теперь уже не будемъ говорить объ этомъ.

Здѣсь мы только рассмотримъ, дѣйствительно ли древніе ритмики и въ томъ числѣ Аристоксенъ не допускали, чтобы конецъ стопы могъ приходиться на средину слога, отъ несовершенства своей методы нотописанія, какъ думаетъ Брамбахъ, или по какойнибудь другой причинѣ; но предварительно обратимся къ *Einleitung* въ его *Metrische Studien zu Sophokles*, гдѣ мы найдемъ болѣе подробныя свѣдѣнія по интересующему насъ предмету. Задавъ себѣ вопросъ, не удивительно ли, что Аристоксенъ не уразумѣлъ, что дохмій съ ритмической точки зрѣнія представляетъ нѣчто единое, Брамбахъ продолжаетъ такъ: *Es zeigt sich überall in der Geschichte der Musik, wie abhängig die theoretische Auffassung und die herrschende Notirungs- und Theilungsart von einander sind. Indem der alte Rhythmiker die Zeitgrößen, wie sie durch die Silben verkörpert werden, zur Grundform der Messung macht, ist er abhängig von*

festen Gestaltungen. Den Zusammenhang derselben ersieht er aus der Wiederkehr gleicher Grössen, und wo diese offen zu Tage liegt, da ist die Einheit nicht zu verfehlen. Wo aber die Formenbildung complicirt wird, da können wir an der höheren oder geringeren Volkommenheit der Notirung ersehen, in wie weit die Theorie den einheitlichen Bau erfasst hat. Die alte Notirung vermag nur die Dauer der Töne, nicht aber die Urform und den dynamischen Werth der in einem Tone vereinigten Zeiteinheiten zu bezeichnen. In den gegebenen acht Zeiten drückt sie selbst mit Benutzung des Punktes als Ictuszeichen nicht aus, wie der dynamische Werth der Zeiteinheiten vertheilt ist. Denn

$\underline{\cdot} \cup \underline{\cdot} \underline{\cdot} \cup$ ist gleich: 2, 1, 2, 2, 1,

wobei 2 betont wird, ohne dass wir wissen, wie diese Zeitgrösse und ihre Betonung entstanden ist. Der Theoretiker musste die Form der Notirung durchbrechen, wenn er die rhythmische Einheit hinter der kunstvollen Verschränkung erkennen wollte. Das haben die alten Rhythmiker nicht gethan. Die massgebende Vocalmusik bot zu geringe Führung für einen solchen Schritt; auch der grösste Theoretiker der Griechen ist nicht über die Anfänge der von ihm angebahnten abstracten Zeitmessung hinaus gekommen. Eine solche ist erst vollkommen ausgebildet worden, seit man die Zeichen für die Zeittheilung mit dem Zeichen für den dynamischen Werth eines Tons vereinigt und die in der Rhythmopoeie erscheinenden festen Zeitgrössen sammt und sonders in ihre einfachsten Bestandtheile zerschnitten hat. Das alles geschah erst in Folge der Erfindung des Tactstrichs, welcher in seiner jetzigen vollkommenen Anwendung einerseits gleiche oder proportionirte Zeitgrössen abtrennt, anderseits anzeigt, dass unmittelbar nach ihm der Sitz eines Accents ist. Der Tactstrich zeigt auf das einfachste an, wie jene acht Zeiten rhythmisch vereinigt sind, z. B.

$\underline{\cdot} \cup \underline{\cdot} \underline{\cdot} \cup = | \cup \cup \cup | \cup \cup \cup$ ἐν λόγῳ ἰσῶ
 $\cup \cup \underline{\cdot} \underline{\cdot} \underline{\cdot} = | \cup \cup \cup | \cup$ " " "
 $\underline{\cdot} \cup \underline{\cdot} \underline{\cdot} = | \cup \cup | \cup \cup | \cup$ " " διπλασίῳ
 $\underline{\cdot} \cup \underline{\cdot} \underline{\cdot} \cup = | \cup \cup | \cup \cup | \cup$

Im letzten Falle gibt die antike Notirung nicht an, ob die Länge entstanden ist aus einem auf der ersten oder zweiten Kürze betonten Pyrrhichius, $\underline{\cdot} = \cup \cup$ oder $\cup \underline{\cdot}$ (cp. XXIX π σλ.)?

Хотя нельзя не согласиться съ Брамбахомъ, что вообще древняя метода обозначенія длительности нотъ значительно ниже современной, однако мы не можемъ думать, чтобы древнiе ритмики, особенно Аристоксенъ, чувствовали себя до такой степени связанными порядкомъ слоговъ, какъ это предполагаетъ Брамбахъ. По крайней мѣрѣ слѣдующiй отрывокъ изъ Аристоксена, сохраненный для насъ Пселломъ, показываетъ, что Аристоксенъ уже отрѣшился отъ воззрѣнiя на слогъ какъ на единицу времени въ ритмикѣ и въ этомъ отношенiи стоялъ уже на высотѣ современной намъ ритмики: *δ... Ἀριστόξενος οὐκ ἔστι, φησί, μέτρον ἢ συλλαβή. πᾶν γὰρ μέτρον αὐτό τε ὠρισμένον ἐστὶ κατὰ τὸ ποσὸν καὶ πρὸς τὸ μετρούμενον ὠρισμένως ἔχει. ἢ δὲ συλλαβὴ οὐκ ἔστι κατὰ τοῦτο ὠρισμένη πρὸς τὸν ῥυθμὸν ὡς τὸ μέτρον πρὸς τὸ μετρούμενον, ἢ γὰρ συλλαβὴ οὐκ αἰεὶ τὸν αὐτὸν χρόνον κατέχει, τὸ δὲ μέτρον ἡρεμεῖν δεῖ κατὰ τὸ ποσὸν καθὼς μέτρον ἐστὶ καὶ τὸ τοῦ χρόνου μέτρον ὡσαύτως κατὰ τὸ ἐν τῷ χρόνῳ ποσὸν, ἢ δὲ συλλαβὴ χρόνου τινὸς μέτρον οὔσα οὐκ ἡρεμεῖ κατὰ τὸν χρόνον, μεγέθει μὲν γὰρ χρόνων οὐκ αἰεὶ τὰ αὐτὰ κατέχουσιν αἱ συλλαβαί, λόγον μὲντοι τὸν αὐτὸν αἰεὶ τῶν μεγεθῶν ἡμισυ μὲν γὰρ κατέχειν τὴν βραχεῖαν χρόνου, διπλάσιον δὲ τὴν μακράν* (Westphal, *Gr. Rhythm. u. Harm.*² Suppl. 417—29). Изъ этого разсужденiя ясно, что еслибы греческая метрика допускала, чтобы въ предѣлахъ одного и того-же слога заключались *χρ. πρ.*, принадлежащiе къ различнымъ стопамъ, то Аристоксенъ не преминулъ бы отмѣтить этотъ фактъ. Между тѣмъ ни изъ отрывковъ его ритмики, ни изъ показанiй другихъ ритмиковъ и метриковъ мы ничего не знаемъ о существованiи такихъ слоговъ, въ которыхъ одна часть носила бы на себѣ ритмическое ударенiе, а другая нѣтъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ задать себѣ вопросъ, возможенъ ли былъ такой фактъ, какой предполагаетъ Брамбахъ. Если мы примемъ въ соображенiе, что въ греческомъ языкѣ всѣ слоги бываютъ обязательно или долгими, или короткими, и что расположенiе ритмическихъ ударенiй въ извѣстномъ ряду долгихъ и короткихъ слоговъ обусловлено тѣмъ порядкомъ, въ которомъ находятся эти долгiе и короткiе слоги, то должны будемъ дать отрицательный отвѣтъ на заданный нами себѣ вопросъ, особенно принявъ въ соображенiе то, что стихотворный текстъ въ древней вокальной музыкѣ игралъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ въ современной.

По поводу дохмія, заключающаго въ себѣ восемь $\chi\rho$. пр., Брамбахъ говоритъ въ своемъ *Rhythmische Vorbereitung*, что это самая извѣстная форма дохмія, которую по большей части дѣлятъ на ямбъ и кретику. Рядомъ съ этой формой существуетъ еще другая, второстепенная, которая заключаетъ въ себѣ девять $\chi\rho$. пр.: $\cup - | - \cup - \cup$ и носитъ названіе гиперкатаlecticческаго дохмія, потому что усѣченная форма, которая встрѣчается чаще неусѣченной, считается обыкновенно первоначальной. Въ дѣйствительности же дохмій въ восемь $\chi\rho$. пр. не могъ бы явиться, еслибы не существовалъ предварительно дохмій въ девять $\chi\rho$. пр., такъ какъ и тотъ и другой представляютъ на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ троханческую триподію, въ которой первая стопа съ слабымъ ритмическимъ удареніемъ является въ формѣ ямба. Въ виду того, что послѣдняя стопа въ дохміи неполна и имѣетъ послѣ себя паузу, послѣдній слогъ въ немъ бываетъ безразличнымъ и можетъ образовывать зіяніе съ начальнымъ слогомъ слѣдующей ритмической величины. Дохмій въ такой формѣ встрѣчается часто и нерѣдко чередуется съ усѣченной троханческой триподіей въ чистой формѣ.

Доказательства того, что дохмій представляетъ изъ себя троханческую триподію мы находимъ въ *Metr. Studien zu Soph.* Здѣсь Брамбахъ указываетъ слѣдующій способъ для того, чтобы открыть ритмическое значеніе дохмія: *Entscheiden kann man die Art der Messung nur dadurch, dass man beobachtet, welchen rhythmischen Gliedern ein Dochmius in grösseren Compositionen gleich gesetzt wird, oder in welcher Weise er mit alloiometrischen Rheien verbunden wird* (стр. 60) и согласно съ этимъ замѣчаетъ, что въ концѣ усѣченныхъ троханческихъ триподій, являющихся въ строфахъ дохмическаго каммоса *Soph. Ai. 394* и сл. = 412 и сл., допускается безразличной слогъ и зіяніе, которыя заставляютъ предположить въ такихъ триподіяхъ паузу послѣ пятаго слога. Въ концѣ дохмія также является безразличный слогъ и зіяніе, которыя могутъ быть объяснены не чѣмъ инымъ, какъ паузой, составляющей одну стопу съ послѣднимъ слогомъ дохмія. Но этимъ еще сходство между усѣченной троханческой триподіей и дохміемъ не ограничивается, такъ какъ оба они заключаютъ въ себѣ одинаковое количество $\chi\rho$. пр. Съ внѣшней стороны они различаются другъ отъ друга только неодинаковымъ положеніемъ ямба, на самомъ же дѣлѣ эта разница заключается въ дѣйствитель-

ной или кажущейся перемѣнѣ счета, которая похожа на происходящую въ іоникахъ при превращеніи ихъ (*ἀνάκλασις*), потому что въ томъ и другомъ случаѣ краткій слогъ покидаетъ свое мѣсто и становится между двумя долгими слогами: $_ _ \cup \cup = _ \cup _ \cup$ и $\cup _ _ \cup _ = _ \cup _ \cup _ _$. Но какъ объяснить такое превращеніе съ ритмической точки зрѣнія? Прежде чѣмъ сдѣлать это мы должны опредѣлить длительность паузы въ дохміи. Пауза въ концѣ дохміа не можетъ быть болѣе одного $\chi\rho$. пр.; за это ручается гиперкатаlecticескій дохміи, въ которомъ мѣсто паузы занимаетъ краткій слогъ. Правда, древніе метрики утверждаютъ, что въ дохміи заключается восемь $\chi\rho$. пр.; но такъ какъ, по ученію Аристоксена, это количество $\chi\rho$. пр. можетъ быть раздѣлено только на $4 + 4$, тогда какъ дохміи не допускаетъ такого дѣленія, то отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ дохміа должна находиться пауза въ одинъ или два $\chi\rho$. пр. Если мы допустимъ, что въ концѣ дохміа является пауза въ два $\chi\rho$. пр., то это заставитъ насъ признать, что два дохміа не могутъ составлять одного члена, такъ какъ они будутъ заключать въ себѣ двадцать $\chi\rho$. пр., между тѣмъ какъ число ихъ въ членѣ, принадлежащемъ къ γ . ἴσον, можетъ достигать только шестнадцати. Но никто не рѣшится сказать, что существуютъ одни только дохмическіе монометры, и отдѣлить отъ дохміевъ ямбическія диподіи, триподіи и т. п., которыя ихъ распространяютъ, въ самостоятельные члены, такъ какъ почти всѣ онѣ, за исключеніемъ только кретика и бакхіа увеличатъ число $\chi\rho$. пр. въ дохміи сверхъ установленнаго предѣла. Еще менѣе возможна въ концѣ дохміа пауза, состоящая болѣе, чѣмъ изъ двухъ $\chi\rho$. пр., такъ что остается предположить только паузу въ одинъ $\chi\rho$. пр. Опредѣливъ такимъ образомъ длительность паузы въ дохміи и поставивъ ритмическое удареніе на каждомъ изъ его долгихъ слоговъ, Брамбахъ возвращаетъ къ ямбической стопѣ, находящейся въ началѣ дохміа, и задаетъ себѣ по поводу ея слѣдующій вопросъ: *Ist nun die bezeichnete Ictussetzung bei neunzeitiger Messung möglich?* и отвѣчаетъ на него: *Nicht ganz: denn wir haben hier nicht anderes, als eine Synkopierung des gewöhnlichen trochäischen Tactes,*

statt $\overset{\cdot}{\cup} \cup \cup \mid \overset{\cdot}{\cup} \cup \cup \mid \overset{\cdot}{\cup} \cup \cup \mid$
 synkopirt $\overset{\cdot}{\cup} \overset{\cdot}{\cup} \cup \mid \overset{\cdot}{\cup} \cup \cup \mid \overset{\cdot}{\cup} \cup \cup \mid$

Отсюда ясно, что дохмій, заключающій въ себѣ восемь χρ. пр., употребляется двоякимъ образомъ: или въ концѣ его должна быть восполнена пауза въ одинъ χρ. пр., и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ γ. διπλάσιον:

υ _ | ÷ υ ≡ 3:6, υ _ _ υ ≡ Λ υ _ | _ υ _ Λ 12:6

или же пауза въ концѣ его не является, и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ γ. ἴσον. Очевидно, что гиперкатаlecticескіе дохміи, точно такъ же, какъ и всѣ отдѣльно стоящіе монометры, въ концѣ которыхъ обязательно находится пауза, принадлежать къ γένος διπλάσιον.

Соображенія, которыя заставили Брамбахъ допустить, что дохмій въ извѣстномъ сочетаніи можетъ являться и безъ паузы въ концѣ, мы находимъ въ статьѣ Zug Lehre vom Dochmius. Здѣсь онъ приводитъ извѣстныя уже намъ слова схолій къ Aesch. Sept. 99: καὶ ταῦτα δὲ δοχμιακά ἐστὶν καὶ ἴσα, ἐὰν τις ὀκτασήμεως βάλῃν и заключаетъ отсюда, что дохмическимъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать не весь диметръ, состоящій изъ двухъ дохміевъ, а только каждую изъ его составныхъ частей, но что весь онъ принадлежитъ къ γόνος ἴσον, если только принимать каждый изъ составляющихъ его дохміевъ за одну часть. Выводы изъ этого таковы: 1) dasz zwei dochmien in der that ohne innere pause vereinigt werden...; 2) dasz eine πρόσθεσις nicht notwendig ist (слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ Metr. Stud. zu Soph. Брамбахъ объяснилъ такіе диметры слѣдующимъ образомъ: υ _ | _ υ | _ υ | _ υ | υ υ υ | υ Λ); 3) dasz die 16 zeiten als eine der rhythmopöie eigene verbindung zweier dochmischer tacte zu betrachten sind und dem γένος δακτυλικόν (ἴσον) angehören (стр. 60).

Возвращаемся опять къ Vorbereitung. Не слѣдуетъ думать, продолжаетъ Брамбахъ, чтобы дохмій непременно долженъ былъ являться только въ тѣхъ двухъ формахъ, въ которыхъ онъ содержитъ въ себѣ восемь или девять χρ. пр., такъ какъ онъ можетъ быть распространяемъ посредствомъ ямбическихъ и трохайческихъ стопъ, съ которыми онъ находится въ ближайшемъ родствѣ, а также посредствомъ произведенныхъ изъ нихъ пеонческихъ стопъ до восемнадцати χρ. пр., наибольшаго количества, которое можетъ заключать въ себѣ членъ, принадлежащій къ γ. διπλάσιον.

Даже, если дохмій есть усѣченная трохаическая триподія, то недостающая часть послѣдней стопы въ немъ должна быть восполнена протяженіемъ или паузой; а это влечетъ за собою увеличеніе общаго числа хр. пр. въ дохмій до девяти, между тѣмъ какъ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ, идущимъ изъ древности, оно простирается только до восьми. Доказываетъ Брамбахъ необходимость допустить въ концѣ дохмія паузу, сопоставляя этотъ размѣръ съ усѣченной трохаической триподіей; но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду слѣдующее: во-первыхъ, изъ допущенія зіянія и безразличнаго слога въ концѣ дохмія можно было бы сдѣлать выводъ относительно неполноты послѣдней стопы въ немъ, еслибы можно было доказать, что тѣ же самыя явленія не находятъ себѣ мѣста въ концѣ неусѣченныхъ ритмическихъ величинъ, на примѣръ, неусѣченныхъ пеоническихъ стиховъ; между тѣмъ изъ тщательнаго разсмотрѣнія стихотворныхъ текстовъ мы найдемъ, что зіяніе и безразличный слогъ въ дохміяхъ допускаются при такихъ же условіяхъ, какъ и въ другихъ размѣрахъ; во-вторыхъ, усѣченныя трохаическія триподіи въ греческихъ стихотворныхъ текстахъ встрѣчаются крайне рѣдко, тогда какъ дохмій представляютъ изъ себя такой размѣръ, безъ котораго не обходится почти ни одна греческая трагедія; въ-третьихъ, если Брамбахъ объясняетъ ритмическое значеніе дохміевъ правильно, то совершенно необъяснимо, почему мы не находимъ соотвѣтствія между трохаическими триподіями и дохміями подобно тому, какъ соотвѣтствуютъ другъ другу въ строфахъ и антистрофахъ логадійскіе стихи съ базисомъ въ формѣ трохея и ямба; въ-четвертыхъ, мы не имѣемъ права дѣлать какихъ-либо выводовъ о ритмическомъ значеніи дохмія, основываясь на недошедшемъ до насъ текстѣ Аристоксена, при наличности показаній другихъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ, которыя противорѣчатъ нашему выводу.

Не можемъ мы также согласиться съ Брамбахомъ и въ томъ, что при распушеніи перваго долгаго слога въ дохмія ритмическое удареніе можетъ стоять на какомъ-либо другомъ слогѣ кромѣ перваго и втораго краткихъ слоговъ, являющихся взаимно перваго долгаго. Мѣсто прозаическаго ударенія въ греческомъ стихѣ не можетъ оказать никакого вліянія на постановку ритмическаго, такъ какъ первое основано на высотѣ звука, а второе—на силѣ его. Свойствами стиховъ, находящихся въ связи съ извѣстными размѣ-

рами можно иногда руководиться при опредѣленіи мѣста, занимаемаго въ нихъ ритмическимъ удареніемъ; но въ данномъ случаѣ гораздо надежнѣе опираться на чередованіе другъ съ другомъ формъ дохмія съ распущеннымъ и нераспущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ и на соответствіи ихъ между собою въ строфахъ и антистрофахъ и выводить отсюда, что никакого переноса ударенія въ дохміи не происходило. Примѣры чередованія различныхъ формъ дохмія можно легко найти въ любой дохмической строфѣ; примѣрами же соответствія дохміевъ съ распущеннымъ и нераспущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ могутъ служить слѣдующіе случаи:

- Aesch. Sept. 405 δικαίως πόλεως=440 βέλος ἐπισχέσθαι
 ib. 551 τριχὸς δ' ὀρθίας=614 ἀμετέρας τελεῖθ' [ὤς...
 Suppl. 399 γάμου δύσφρονος=409 ἔσια δ' ἐν νόμοις
 Ch. 952 ὁ Παρνάσιος=963 χρόνος ἀμείψεται
 Soph. Phil. 395 и 396 σὲ κάκει, μᾶτερ πότνι' ἐπηυδώμαν
 =510 и 511 εἰ δὲ πικροῦς, ἀναξ, ἔχθεις Ἀτρείδας
 Ai. 349 μόνοι ἐμῶν φίλων=357 ἀρωγὸν τέχνας
 O. C. 1455 τὰ δὲ παρ' ἡμᾶρ αὐ[θις=1470 ἀφορμᾶ ποτ' οὐκ
 Eur. Or. 146=159 φίλα φώνει μοι=159 φερομένῳ χάριν
 ib. 1354 κτύπον καὶ βοᾶν=1538 ἕτερον αὐ δόμος
 ib. 1358 δόμοις χειμένου=1542 αἰ]θέρως ἄνω καπνός.

Для того, чтобы сблизить съ дохміями различныя ритмическія величины, входящія въ сочетаніе съ ними по ихъ составу, Брамбахъ дѣлитъ ихъ на стопы по три χρ. пр. въ каждой, прибѣгая къ синкопѣ въ самой широкой мѣрѣ; между тѣмъ данныхъ для того, чтобы дѣлать это, мы не находимъ ни въ показанныхъ древнихъ метриковъ, ни въ какихъ-либо особенностяхъ въ формахъ, принимаемыхъ стопами, на которыя естественнымъ образомъ распадаются эти ритмическія величины.

Противъ того, что дохміи при извѣстныхъ условіяхъ заключаетъ въ себѣ восемь χρ. пр., становясь на точку зрѣнія Брамбаха и принавая, что онъ представляетъ изъ себя вообще обученную трохантическую триподію, можно возразить слѣдующее: если начало дохмія, когда онъ содержитъ въ себѣ восемь χρ. пр. образуетъ двѣ трохантическія стопы, то въ послѣднемъ долгомъ слогѣ или въ заступающихъ его мѣсто двухъ краткихъ слогахъ мы оче-

видно также имѣемъ какую-то стопу, состоящую изъ двухъ краткихъ слоговъ; между тѣмъ, по ученію Аристоксена, стопа, состоящая изъ двухъ $\chi\rho$. пр., не допускается, ср. стр. 79. Не въ пользу того, что одни дохміи заключаютъ въ себѣ восемь $\chi\rho$. пр., другіе девять, говоритъ и тотъ фактъ, что дохміи съ различнымъ числомъ $\chi\rho$. пр. должны являться на ряду другъ съ другомъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаясь между собой по формѣ.

Существованія дохміи въ двѣнадцать $\chi\rho$. пр., какъ мы выше показали (стр. 20 и сл.) очень сомнительно въ виду ненадежности тѣхъ мѣствъ, въ которыхъ оны описываются. Но если мы даже допустимъ, что такой дохміи дѣйствительно существовалъ, то не можемъ признать, чтобы даваемое Брамбахомъ объясненіе, почему этотъ логоэдическій членъ попалъ въ число дохміевъ, отличалось особенной убѣдительною.

Послѣдователемъ Брамбаха въ его взглядѣ на дохміи явился Фогельманъ въ своей статьѣ Ueber Taktgleichheit in der antiken Metrik, mit besonderer Rücksicht auf den Dochmius (1877). По мнѣнію этого ученаго, не позволяютъ признавать дохміи за усѣченную трахивическую триподію съ первой стопой въ ней въ формѣ ямба только три слѣдующихъ стиха:

Ἐλαχεν Ἐλαχεν ἀπό-φρονον ὄτ' ἐπὶ τρίποδι (Or. 163).
 πόσιν ἐμόν ἐμόν ἔχο-μεν ἔχομεν ὄν ἔμενον (Hel. 650).
 παρὰ δ' ἔλιγον ἀπέφυ-γες ἔλεθρον ἀνόσιον (I. T. 871).

такъ какъ въ нихъ мы не можемъ дополнить недостающаго $\chi\rho$. пр. въ концѣ перваго дохмія ни посредствомъ паузы, которая пришлась бы въ этомъ случаѣ въ серединѣ слова, ни посредствомъ протяженія послѣдняго долгаго слога, который замѣненъ здѣсь посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ.

Но Фогельманъ находитъ, что такъ какъ три вышеприведенные стиха принадлежатъ Еврипиду, который допускаетъ въ формѣ своихъ стиховъ много нововведеній, то это одно обстоятельство уже можетъ заставить привадуматься жертвовать теоріей Брамбаха, вообще очень удачной, изъ-за нихъ однихъ и поэтому предлагаетъ прибѣгнуть относительно ихъ къ слѣдующему предположенію: Die Neunzeitigkeit des Dochmius, welche Brambach durchführt, wird auch in diesen Versen gewahrt, wenn man annimmt, die Kürzen in ἀπο—, ἔχο—,

—έφου— füllen den Zeitraum, der gleich drei χρόνοι πρώτοις ist, bleiben aber unter sich gleich, so dass jede $1\frac{1}{2}$ von einem χρόνος πρώτος gilt. Sie sind also χρόνοι ἄλογοι und zwar jede ein χρόνος βραχέος μακρότερος, wovon Bacchius p. 23 spricht. Sonach steht diese Erklärung auch nicht im Widerspruch mit der Lehre der alten Rhythmiker (стр. 47). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ думаетъ Фогельманъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно обратнымъ такъ называемой триоли: при ней три момента времени исполняются какъ два, при чемъ одна лишняя частица времени исчезаетъ, благодаря ускоренію темпа; здѣсь же, наоборотъ, благодаря въ некоторому замедленію два краткихъ слога исполняются въ такое же количество времени, какъ три.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что тотъ, кому дохмій при такомъ взглядѣ на его ритмическое значеніе не кажется достаточно «кривымъ», долженъ припомнить, что между нами и древними Греками, обладавшими чрезвычайной впечатлительностью, большая разница, вслѣдствіе которой тогдашнее искусство въ области мелодіи и гармоніи, не смотря на сравнительно слабыя средства, могло производить на этотъ народъ несравненно болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ оно могло бы произвести на насъ. Въ области ритма мы должны предполагать тоже самое. Поэтому такой ямбъ, какой является въ дохміяхъ, съ удареніемъ на краткомъ и долгомъ слогѣ долженъ былъ казаться древнимъ Грекамъ чѣмъ-то чрезвычайно необыкновеннымъ.

Мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ Фогельмана, во-первыхъ, такъ какъ ритмическая величина, заключающая въ себѣ полтора $\chi\rho.$ пр., всегда выражается долгимъ слогомъ и, во-вторыхъ, такъ какъ, если второй краткій слогъ дохмія будетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то окажется, что въ двухъ рядомъ стоящихъ стопахъ, изъ которыхъ каждая заступаетъ мѣсто трохаической стопы, слогъ съ длительностью въ полтора $\chi\rho.$ пр. одинъ разъ является долгимъ, въ другой разъ—краткимъ.

d) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду бакхіевъ. Первый, кто сдѣлалъ предположеніе, что дохмій возникли изъ усѣченныхъ бакхическихъ диметровъ, былъ Беркз. Опровергая мнѣніе Шпенгеля, который утверждалъ, что бакхическіе стихи не бываютъ усѣченными, онъ указываетъ на дохмій какъ на примѣръ такого

усѣченного бакхическаго стиха и говорить объ немъ такъ: dochmiacus versus et ipse a principio fuit dimeter bacchiacus catalecticus: Затѣмъ въ подстрочномъ примѣчаніи онъ прибавляетъ къ этому слѣдующее: quamvis dochmiaci numeri origines a baccheis sint repetendae, tamen peculiaris quaedam postea fuit illius numeri ratio, neque videtur varietas ac licentia, qua dochmii sunt insignes ad baccheos propagata esse, quamvis utraque species saepius consocietur (Ind. schol. aest. in Univ. lit. Frid. Hal. 1862, стр. X).

Вестфаль также считаетъ дохмій за усѣченный бакхическій диметръ. Замѣтивъ, что, несмотря на показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Етум. М., дохмій нельзя дѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ три $\chi\rho.\pi\rho.$, а другая пять, Вестфаль продолжаетъ такъ: so müssen wir nothwendig annehmen, dass die Dochmien auf der griechischen Bühne nach einem anderen Rhythmus als demjenigen vorgetragen wurden, welchen ihnen jene späteren Berichterstatter (Quintilian u. s. w.) vindiciren. Die Dochmien sind häufig genug mit baccheischen Dimetern gemischt und können, wenn wir uns an Aristoxenus halten, schwerlich etwas anderes als katalektische Dimeter gewesen sein:

$\cup \acute{ } - , \cup \acute{ } -$ Dimetron akatalekton.

$\cup \acute{ } - , \cup \acute{ } \bar{\wedge}$ Dimetron katalektikon (Dochmius).

Am Ende eines Dochmius haben wir daher eine einzeitige Pause oder Dehnung zur Dreizeitigkeit anzunehmen, ja nachdem Wortbrechung vorliegt oder nicht:

$\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha \beta\rho\tau\omicron\tau\omicron\sigma\iota \phi\acute{\epsilon}\gamma\text{-}\gamma\omicron\varsigma \text{ } \acute{\text{A}}\sigma\chi\lambda\eta\pi\iota\omicron\upsilon$

$\cup \cup \cup - \cup \acute{ } | \cup \acute{ } - \cup \acute{ } \wedge$

Ist die letzte Länge in eine Doppelkürze ohne folgende Caesur aufgelöst, so ist dies ebenso zu beurtheilen, wie wenn bei Pindar oder Euripides eine Auflösung am Schlusse des Glyconeions u. s. w. vorkommt (Gr. Rhythm. 3 стр. 182).

Не смотря на великій авторитетъ Вестфала въ области греческой ритмики и метрики, тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать взглядъ его на дохмій правильнымъ.

Не говоря уже о томъ, что никто изъ древнихъ писателей не принимаетъ дохмія за усѣченный бакхическій диметръ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы возможна была бакхическая стопа съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, какъ это допускаетъ въ данномъ случаѣ Вестфаль.

Далѣе, въ концѣ дохмія для восполненія недостающей части второй стопы необходимо предполагать паузу не въ одинъ $\chi\rho$. пр., какъ думаетъ Вестфаль, а въ два, или протяженіе послѣдняго долгаго слога не въ $\chi\rho$. $\tau\rho\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma$, а въ $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma$. Вслѣдствіе этого въ тѣхъ случаяхъ, когда два краткихъ слога, заступающихъ мѣсто послѣдняго, долгаго слога, во второмъ бакхіи приходится на средину слова, мы должны или раздѣлить паузой два слога одного и того же слова, или допустить, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho$. пр., можетъ подвергаться распущенію. Ссылка Вестфала на то, что у Пиндара и Еврипида также подвергаются распущенію долгіе слоги, находящіеся въ концѣ гликонеевъ и содержащіе въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho$. пр., не совсѣмъ правильна, потому что, еслибы даже такіе случаи и существовали въ дѣйствительности, то оказалось бы, что въ гликонеехъ два такихъ краткихъ слога составляютъ цѣлую стопу и заключаютъ въ себѣ по полтора $\chi\rho$. пр., тогда какъ въ дохміяхъ они составляютъ одну стопу съ предшествующимъ имъ краткимъ слогомъ, вдвое меньшимъ по своей длительности, чѣмъ они, и заключаютъ въ себѣ по два $\chi\rho$. пр.

Наконецъ, предполагая, что послѣдній долгій слогъ въ дохміи содержитъ въ себѣ болѣе двухъ $\chi\rho$. пр., мы отступаемъ отъ показанія древнихъ метриковъ, которые учатъ, что въ дохміи содержится всего только восемь $\chi\rho$. пр.

е) Теоріи, которыя относятъ дохміи къ разряду пеоновъ. Попытка доказать, что дохміи по своему составу принадлежатъ къ γ . $\tau\alpha\omega\nu\iota\chi\acute{\alpha}\nu$ до сихъ поръ сдѣлана была однимъ только Штейгеромъ въ сочиненіи, состоящемъ изъ двухъ частей и озаглавленномъ *De versuum paeonicorum et dochmiacorum apud poetas graecos usu ac ratione* (1887).

Разсмотрѣвъ въ первой части своего сочиненія формы и употребленіе пеоновъ въ тѣхъ родахъ поэзіи, въ которыхъ они встрѣчаются, Штейгеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно дохмія: *Iam via videtur munita esse, qua ad dochmii natu-*

pars tragoediarum et tamquam sui iuris fieri coepissent, paulatim irrepsisse et singillatim hic illic admissam esse, denique vergente iam et labente artis metricae severitate magis magisque frequentatam adeoque crebro usurpatam esse, ut strophae sint vel systemata, in quibus theses irrationales ceteras numero aut aequent aut superent (part. II, стр. 6). Впрочемъ Штейгеръ полагаетъ, что и въ другихъ кретическихъ стихахъ иногда краткй слогъ бываетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго; примѣры такой замѣны онъ указываетъ въ Eur. Phoen. 321:

ἦ ποθεινὸς φίλοις _ ˘ — — ˘ —
 ἦ ποθεινὸς Θήβαις _ ˘ — — — —

id. Ion. 676=695:

ὄρω δάκρυα καὶ πενθίμους ˘ — ˘ ˘ ˘ — — ˘ —
 φίλοι, πότερ' ἐμᾶ δεσποῖνα ˘ — ˘ ˘ ˘ — — — —

id. Hel. 661:

ἔξ· πικρὰν ἐς ἀρχὰν βαίνεις ˘ ˘ ˘ — ˘ — — — —
 ἔξ· πικρὰν δ' ἐρευνᾶς φάτιν ˘ ˘ ˘ — ˘ — — ˘ —

id. Or. 145=157:

ἄ ἄ σύριγγος ὄπως πνοᾶ — — — — ˘ ˘ — ˘ —
 ὀλεῖς, εἰ βλέφαρα κινήσεις ˘ — — ˘ ˘ ˘ — — —

id. 168=189:

θωῶξασ' ἔβαλες ἐξ ὕπνου — — — ˘ ˘ ˘ — ˘ —
 οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς — ˘ — ˘ ˘ ˘ — ˘ —

два послѣднихъ стиха, по свидѣтельству самаго Штейгера, допускаютъ и другое объясненіе. Цѣль употребленія ирраціональныхъ слоговъ онъ видитъ въ слѣдующемъ: retardatio quidem et mitigatio si in logaoedicis ordinibus sedatiore et leniore numero decurrentibus locum habebat, nonne dochmiaco generi omnium concitatissimo multo etiam magis apta debebat et conveniens videri? itaque saepissime thesis illa irrationalis in fine et periodorum et versuum occurrit, quamquam in quibusdam carminibus maximeque Euripideis identidem repetita legitur quasi augendi et cumulandi effectus causa (part. II, стр. 7).

Даже Штейгеръ переходитъ къ распущеніямъ долгихъ слоговъ въ дохміи и указываетъ, что какъ въ пеонахъ, такъ и въ дохміяхъ каждый долгій слогъ можетъ быть распущенъ на два краткихъ за исключеніемъ послѣдняго, когда онъ стоитъ въ концѣ періода или системы.

Послѣ этого Штейгеръ затрогиваетъ вопросъ о томъ, допускается ли въ концѣ дохміи пауза или нѣтъ, и рѣшаетъ его отрицательно:... *in fine dochmii, quem monometrum paeonicum acatalectum agnovimus, non magis ad numerum ordinis explendum pausa statuenda est, quam in ceteris omnibus versibus paeonicis acatalectis. quod ita esse cum ratio rhythmici docet, tum ipse usus poetarum, qui haud ita parvum numerum dochmiorum talium adsciverunt, ut finali syllaba soluta verbum finitum non sit, ut neque pausa statui, quippe quae in medium verbum incideret, neque tone, quam vocant, pausa expleri possit finali longa in duas breves soluta.* (part. II, стр. 8).

Исходной точкой для Штейгера служатъ, какъ мы видимъ, общность формъ въ пеонахъ и дохміяхъ. Посмотримъ же, на сколько ли она велика въ дѣйствительности, что позволяетъ отождествлять дохміи съ пеонами.

Часть дохмія, предшествующая второму долгому слогу его или явившимся изъ распущенія этого долгаго слога двумя краткимъ, не имѣетъ ничего общаго съ ямбомъ или трибрахомъ, встрѣчающимся въ началѣ пеоническихъ стиховъ, такъ какъ въ дохміи первый краткій слогъ можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ въ пеонахъ онъ всегда остается краткимъ. Объяснять допущеніе этой замѣны тѣмъ, что мы находимъ ее въ анакрузисѣ, нельзя: во-первыхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ представляется необъяснимымъ, почему она возможна въ дохміяхъ и невозможна въ пеонахъ; во-вторыхъ, такъ какъ болѣе двухъ $\chi\rho$. $\pi\rho$. подъ понятіе анакрузиса не подходятъ въ силу того, что даже три $\chi\rho$. $\pi\rho$. не могутъ оставаться безъ ритмическаго ударенія.

Переходя да же къ допущенію замѣны втораго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, мы должны замѣтить, что какъ бы рѣдко первоначально она ни являлась, но все-таки она является, тогда какъ у насъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе надежнаго пеоническаго стиха, въ которомъ бы мы находили ее. Что касается тѣхъ стиховъ, въ которыхъ Штейгеръ видитъ пеоны съ такимъ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, то они или должны

быть исправлены, или не принадлежать по своему составу къ пеонамъ. Относительно Eur. Phoen. 321 и 322 мы уже выше имѣли случай замѣтить, почему они нуждаются въ исправленіи, и показали, какъ ихъ слѣдуетъ исправлять (см. стр. 89). Eur. Ion. 676=695 не представляетъ, какъ это думаетъ Штейгеръ, пеоническаго триметра, а есть особая форма дохмія, распространенная посредствомъ трехъ слоговъ, точно также, какъ id. Or. 145=157 и 168=189 (ср. стр. 85).

Въ Eur. Hel. 660 и 661 Г. Шмидтъ читаетъ ἐή вмѣсто рукописнаго ἐῖ, что даетъ уже известную форму дохмія съ предшествующей ей ямбической диподіей. Если же кто нибудь будетъ настаивать на сохраненіи рукописнаго чтенія, то въ такомъ случаѣ къ этимъ стихамъ слѣдуетъ примѣнить тоже объясненіе, что и въ предыдущимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что по отношенію къ замѣнѣ обоихъ своихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ дохмій не имѣютъ ничего общаго съ пеонами, такъ что объ общемъ происхожденіи тѣхъ и другихъ и принадлежности ихъ къ одному и тому же γ. ῥυθμῶν не можетъ быть и рѣчи.

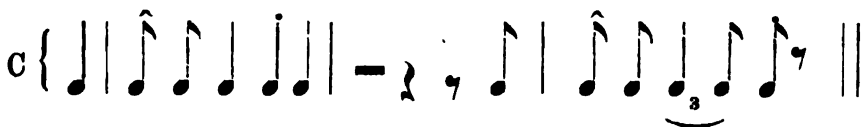
Что касается свободы распущенія, являющейся въ долгомъ слогѣ неполной пеонической стопы и въ первомъ долгомъ слогѣ дохмія, то она ничего не доказываетъ, такъ какъ вообще каждый долгій слогъ, заключающій въ себѣ два χρ. πρ., за рѣдкими исключеніями, свободно можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами.

Далѣе, признавая, что пауза между двумя дохміями недопустима, Штейгеръ показываетъ этимъ, что онъ считаетъ ту часть второго дохмія, которая предшествуетъ его второму слогу или двумъ краткимъ слогамъ, вступающимъ мѣсто этого долгаго, за анакрузисъ, между тѣмъ какъ внутри періода послѣ слога подъ ритмическимъ удареніемъ невозможно принимать за анакрузисъ даже одного слога (ср. стр. 68 и сл.).

Наконецъ, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ взглядъ Штейгера на дохмій по тому, что этотъ ученый не можетъ связать его ни съ однимъ болѣе или менѣе авторитетнымъ показаніемъ, идущимъ изъ древности.

f) Теоріи, которыя признаютъ дохмій за самобытную стопу. Первый, кто призналъ дохмій за ритмическую величину, принадлежащую по своему счету къ $\frac{1}{4}$ такта былъ Мейсснеръ со своимъ

точно объясняетъ допущеніе зіянія, если же такой паузы нѣтъ, то для объясненія зіянія мы должны допустить уже цѣлый рядъ паузъ между обоими дохміями:

такое долгое молчаніе находитъ себѣ полное оправданіе въ крупномъ знакѣ препинанія, раздѣляющемъ оба дохмія.

3) Мѣсто одного перваго краткаго слога въ дохміи могутъ занимать два краткихъ слога; въ началѣ такого дохмія мы должны предположить паузу въ одну восьмую, которая, составляя вмѣстѣ съ послѣдующими нотами, вынесенными за тактъ (онѣ выражаются двумя краткими слогами) триоль, будетъ соотвѣтствовать одной четверти ноты такихъ формъ дохмія, въ началѣ которыхъ мы ее находимъ.

Разсматривая теорію Мейсснера мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что она построена исключительно на основахъ, заимствованныхъ изъ явленій современной намъ музыки. Что касается свидѣтельствъ древности, то объ нихъ Мейсснеръ ничего не говоритъ и не принимаетъ ихъ въ соображеніе, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало.

Далѣе, мы видимъ, что Мейсснеръ дѣлитъ формы дохмія на двѣ категоріи: на такія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, и на такія, въ которыхъ онъ замѣняется, и къ каждой изъ этихъ категорій прилагаетъ различное объясненіе. Но такое дѣленіе, влекущее за собою различное положеніе ритмическаго ударенія въ каждой изъ нихъ, недопустимо въ виду многочисленности примѣровъ чередованія другъ съ другомъ формъ, принадлежащихъ къ разнымъ категоріямъ.

Признавая ритмическое удареніе, лежащее на первой четверти дохмія, за главное, Мейсснеръ нарушаетъ естественный порядокъ удареній въ дохміи, обусловленный извѣстнымъ расположеніемъ въ немъ долгихъ и короткихъ слоговъ, и сверхъ того отступаетъ отъ показаній древнихъ ритмиковъ (ср. стр. 49 и сл.).

Въ концѣ каждаго дохмія, принадлежащаго къ первой категоріи, Мейсснеръ предполагаетъ остановку, равную четверти ноты, одна восьмая которой можетъ быть занята анакрузисомъ въ одинъ

χρ. πρ. въ началѣ слѣдующаго дохмія; но какъ мы должны восполнить недостающую восьмую ноты въ томъ случаѣ, если послѣдній долгій слогъ перваго дохмія и анакрузисъ второго дохмія приходятся на средину одного и того же слова, этого авторъ не объясняетъ ни однимъ словомъ, не смотря на то, что мы оказываемся въ безвыходномъ положеніи, если послѣдній долгій слогъ въ первомъ дохміи замѣняется двумя краткими слогами.

Что касается второй категоріи формъ дохмія, то объясненіе, даваемое имъ авторомъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ ученіемъ древнихъ метриковъ и данными, извлекаемыми изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, о числѣ χρ. πρ. въ дохміи, такъ какъ дохміи этой категоріи у него заключаютъ не восемь, а девять χρ. πρ.

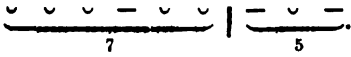
Для объясненія зіянія, являющагося въ одномъ случаѣ между двумя дохміями, у Мейсснера допущена между ними пауза въ семь χρ. πρ., въ оправданіе которой указывается на крупный знакъ препинанія, раздѣляющій оба дохмія; но какъ бы ни былъ крупенъ этотъ знакъ препинанія, едва ли возможна такая продолжительная пауза въ предѣлахъ періода.

Наконецъ, формъ дохмія, въ которыхъ предполагается замѣна перваго краткаго слога двумя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно не оказывается, ср. стр. 112 и сл.

Послѣдователемъ Мейсснера является *М. Шмидтъ*, который въ своей статьѣ *Dochmien*, помѣщенной въ *Jhrbb. f. Phil.* 101 (1870) старается обосновать теорію своего предшественника, хотя ни слова не упоминаетъ объ немъ, связавъ ее съ показаніями древнихъ метриковъ, и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступаетъ отъ его взглядовъ.

Въ началѣ своей статьи Шмидтъ, опираясь на показанія Аристиды Квинтилиады, Марціана Капеллы и Бакхіа, допускаетъ кромѣ дохмія въ восемь χρ. πρ. еще другой дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ.; при этомъ по поводу послѣдняго замѣчаетъ, что хотя онъ по своей схемѣ и ничѣмъ не отличается отъ гликоней съ базисомъ въ формѣ ямба, но что Аристидъ не отождествляетъ его съ гликонеемъ, какъ это видно изъ того, что гликоней у него приведенъ отдѣльно. Причина, по которой то и другое сочетаніе отнесено къ числу дохміевъ, заключается, по мнѣнію Шмидта, въ томъ, что въ обоихъ ихъ число χρ. πρ. тезиса превышаетъ число χρ. πρ. арзиса двумя еди-

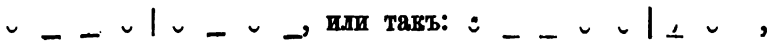
ницами: такъ, дохмій, заключающій въ себѣ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр., распадается на тезисъ въ семь $\chi\rho.$ пр. и на арзисъ въ пять $\chi\rho.$ пр.

Такъ какъ, по ученію Аристоксена, части ритмической величины не могутъ находиться между собой ни въ отношеніи 3:5, ни въ отношеніи 7:5, то Шмидтъ предполагаетъ, что Аристоксенъ относилъ $\delta\acute{o}\chi\mu\omicron\varsigma$ $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma$ къ разряду $\delta\alpha\chi\tau\upsilon\lambda\iota\kappa\acute{o}\iota$, и опирается при этомъ на извѣстное показаніе схолій къ Aesch. sept. 128.

Въ соотвѣтствіи съ дохміемъ въ восемь $\chi\rho.$ пр. и дохмій въ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. долженъ принадлежать по отношенію двухъ своихъ частей, какъ думаетъ Шмидтъ, или къ $\gamma.$ $\acute{\iota}\sigma\omicron\nu$, или къ $\delta\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu$. Установивъ эти общія основанія, Шмидтъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждаго вида дохмія въ отдѣльности.

Дѣлить элементы сочетанія $\cup _ _ \cup \cup _ \cup _$ такъ, чтобы они по своему отношенію принадлежали къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ $\delta\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu$, невозможно; слѣдовательно, остается установить между ними такое отношеніе, по которому они будутъ принадлежать въ $\gamma.$ $\acute{\iota}\sigma\omicron\nu$. Въ гликоней данное сочетаніе дѣлится или такъ:

если въ послѣднемъ случаѣ принимать дактиль за киклическій и вслѣдствіе этого равный по своей длительности трохею. Но, называя данное сочетаніе дохміемъ, Аристидъ, очевидно, не имѣлъ въ виду ни того, ни другого дѣленія его на части; другими словами, дактиль въ дохміи не былъ киклическимъ. Это заставляетъ насъ предположить, что тезисъ рассматриваемой ритмической величины представляетъ изъ себя $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\varsigma$ $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\sigma\omicron\zeta\upsilon\gamma\iota\alpha\nu$ $\sigma\acute{\upsilon}\nu\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma$: $\cup _ _ \cup \cup _ \cup _$ т. е. іоніиъ $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\mu\epsilon\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\omicron\varsigma$ съ анакрузисомъ (говоря языкомъ современной музыки $\frac{3}{4}$ тактъ съ анакрузисомъ, а по терминологіи древней ритмики $\pi\omicron\upsilon\varsigma$ $\acute{\epsilon}\xi\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma$ $\delta\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\varsigma$). Въ томъ случаѣ, когда за однимъ такимъ $\delta\omega\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\nu$ слѣдуетъ другой, то анакрузисъ второго восполняетъ недостающее количество времени въ первомъ, благодаря чему арзисъ этого послѣдняго имѣетъ форму трохайческой диподіи, которая съ точки зрѣнія метрика, не опирающагося на ритмику представляетъ $\rho\upsilon\theta\mu\omicron\varsigma$ $\acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma$, что соотвѣтствуетъ нашему $\frac{6}{8}$ такту, а для ритмика и \acute{o} $\sigma\upsilon\mu\pi\lambda\acute{\epsilon}\kappa\omega\nu$ она есть тотъ же

юникъ, который нашъ музыкантъ изобразилъ бы нотами слѣдующимъ

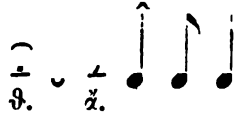

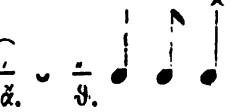
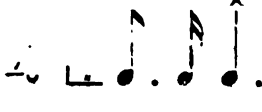
образомъ: а древній въ виду того, что краткій звукъ

всегда бываетъ вдвое короче долгаго,—такъ: или въ

нѣкоторыхъ случаяхъ такъ: . Такимъ образомъ, дох-
мій Аристеда и Бакхія, заключающій въ себѣ двѣнадцать хр. пр.,
можетъ быть изображенъ современными нотными знаками слѣдую-
щимъ образомъ:

Описываетъ ритмическое значеніе этого сочетанія самъ М. Шмидтъ въ такихъ выраженіяхъ: nach einem auftackt folgen zwei $\frac{3}{4}$ tacte, deren letzter durch anaklasis in eine unruhigere bewegung übergeht— и изъ существованія его дѣлаетъ два вывода: 1) die seltenere form des dochmius, obwol von ihr nur in einer etwas anrühigen partie des Aristeides die rede ist, die Bakcheios und Martianus Capella auch anführen, besteht zu recht und lässt scheinbar nach dem verhältnis von 7 : 5, in wahrheit nach dem verhältnis von 6 : 6 eine gliederung sehr wol zu. die einzelnen hexasemen können διπλάσιοι sein. 2) wir haben bisher nicht gewust was ein παιὼν διάγυιος sei, und haben ihn zur ungebühr den cretikern gleichgestellt. Aristeides erklärt ihn falsch. im creticus ist das verhältnis der tactteile 3 : 2, im παιὼν διάγυιος ist es das normale, 2 : 3. wir können uns den unterschied durch folgende tabelle klar machen:

creticus	paeon diagyios
	
	

Въ доказательство правильности такого объясненія παιῶν διάγυιος съ точки зрѣнiя ритмики Шмидтъ указываетъ: 1) на то, что троханческая диподiя соединяется съ пеонами и сама пользуется названiемъ кретива; такую троханческую диподiю онъ обозначаетъ такимъ образомъ: $\underline{\cup} \cup | \underline{\cup}$, указывая этимъ, что вторая стопа въ ней по своей длительности равняется только двумъ $\chi\rho.$ пр. первой; 2) на то, что παιῶν ἐπιβατός въ виду его сопоставленiя съ παιῶν διάγυιος у Аристиды Квинтилиана долженъ быть признанъ за удвоенiе послѣдняго $\cup \cup \cup \cup \cup$. Правда, описанiе παιῶν διάγυιος въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не подтверждаетъ высказанной мысли; но происходить это, по мнѣнiю Шмидта, отъ того, что Аристидъ Квинтилианъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ ошибку, которая будетъ исправлена, если мы въ описанiи этой стопы у него разставимъ слова слѣдующимъ образомъ: παιῶν διάγυιος ἐκ μακρᾶς θέσεως καὶ μακρᾶς καὶ βραχείας ἄρσεως; изъ Марiа Викторина сюда слѣдуетъ добавить для полноты еще seu contra. Такимъ образомъ, метрическая схема въ кретивѣ и въ παιῶν διάγυιος одинакова, но по своему ритмическому значенiю эти стопы различны между собой: въ первой изъ нихъ краткiй слогъ равняется цѣлому $\chi\rho.$ пр., а каждый изъ двухъ долгихъ — двумъ; во второмъ же второй долгiй слогъ содержитъ въ себѣ три $\chi\rho.$ пр., первый есть ἀλογος, а краткiй—brevis brevior.

Послѣ этого Шмидтъ занимается опредѣленiемъ мѣста главнаго ритмическаго ударенiя въ дохмiа, заключающемъ въ себѣ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. Если мы, говоритъ онъ, въ этомъ послѣднемъ вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса одинъ только краткiй слогъ, то главные ритмическiя ударенiя въ дохмiа будутъ расположены слѣдующимъ образомъ:

$\cup \quad \vdots \quad \underline{\cup \cup} \quad \underline{\cup \cup} \quad | \quad \underline{\cup} \quad \cup \quad \underline{\cup}$

Возражать съ формальной точки зрѣнiя противъ такого расположенiя ритмическихъ ударенiй нельзя; но оно не совсѣмъ удобно въ виду того, что на $\chi\rho.$ ἀσύνθετοι въ такомъ случаѣ приходятся только второстепенныя ритмическiя ударенiя. Если же мы вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса краткiй и долгiй слогъ или два краткихъ слога, замѣняющихъ его, то расположенiе ритмическихъ ударенiй будетъ таково:

$\cup \quad \underline{\cup \cup} \quad \vdots \quad \underline{\cup} \quad \cup \quad \underline{\cup} \quad \cup \quad | \quad \underline{\cup}$

Въ пользу его свидѣтельствуесть между прочимъ тотъ фактъ, что древніе дѣлятъ дохміи въ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. на ямбъ, дактиль и пеонъ, а такое дѣленіе возможно только тогда, если главные ритмическія ударенія падаютъ на второй и на послѣдній долгій слоги дохміи. Особенно ярко выступаютъ достоинства второго способа расположенія главныхъ ритмическихъ удареній передъ первымъ, когда соединяются другъ съ другомъ два дохміи.

Покончивъ съ вопросомъ о ритмическомъ значеніи дохміи, заключающаго въ себѣ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр., Шмидтъ переходитъ къ дохмію въ восемь $\chi\rho.$ пр. и рассуждаемъ такъ: если мы выкинемъ изъ дохміи въ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. дактиль, то получимъ дохміи въ восемь $\chi\rho.$ пр., ритмическое значеніе котораго вслѣдствіе этого опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ дохміи въ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. принадлежатъ по своему счету къ $\frac{6}{4}$ такта, то для опредѣленія того, къ какому счету относится дохміи въ восемь $\chi\rho.$ пр., мы должны изъ $\frac{6}{4}$ вычесть $\frac{2}{4}$, откуда получится $\frac{4}{4}$. Изъ этого ясно, что дохміи должны принадлежать по отношенію своихъ $\chi\rho.$ подікоі къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma \text{ ἴσων}$.

Справедливость даннаго объясненія ритмическаго значенія дохміи, по мнѣнію Шмидта, не измѣнится, если мы вынесемъ за тактъ не одну восьмую ноты, а три восьмыхъ.

Къ тому же объясненію дохміи въ восемь $\chi\rho.$ пр., по мнѣнію Шмидта, мы придемъ, и не прибѣгая къ помощи дохміи въ двѣнадцать $\chi\rho.$ пр. Для этого мы должны въ дохміи, заключающемъ въ себѣ восемь $\chi\rho.$ пр., первый краткій слогъ вынести за тактъ, недостающій въ концѣ одинъ $\chi\rho.$ пр. восполнить посредствомъ анакрузиса слѣдующаго дохміи и рассуждать такимъ образомъ: по Аристоксену сочетаніе, заключающее въ себѣ восемь $\chi\rho.$ пр., можетъ принадлежать только къ $\gamma. \text{ ἴσων}$, что соотвѣтствуетъ нашему счету С и $\frac{3}{4}$; повтому восемь $\chi\rho.$ пр. дохміи мы должны дѣлить на части такимъ образомъ: $\text{u}^2 \text{u} \text{u}^2 \text{u} \text{u}^3 \text{u} \text{u} \text{u}$, что не представляетъ затрудненія не только тогда, когда каждый изъ нихъ выраженъ отдѣльнымъ слогомъ, но и тогда: 1) когда четыре

краткихъ слога въ первой половинкѣ; которая является теисомъ всего сочетанія, замѣняются двумя долгими слогами, и 2) когда во второй половинкѣ этого сочетанія мѣсто перваго краткаго слога заступаетъ ирраціональный долгій, который съ слѣдующимъ за нимъ краткимъ слогомъ можетъ быть изображенъ современными нотными

знаками слѣдующимъ образомъ:

Но дѣлать такимъ образомъдохмій возможно только при нѣкоторыхъ формахъ его; поэтому Шмидтъ задается вопросомъ, какъ объяснить ритмическое значеніедохмія, когда онъ, напримѣръ, является въ своей нормальной формѣ $\cup - - \cup -$ или съ распушеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ: $\cup - \cup \cup -$. Такія формы, по мнѣнію Шмидта, поддаются объясненію только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что либо второй долгій слогъдохмія, либо долгій слогъ, являющійся взамѣнъ второго краткаго слога, съ послѣдующимъ краткимъ по своей длительности равняются двумъ $\chi\rho$. пр. Разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждую изъ относящихся сюда формъдохмія, Шмидтъ дѣлаетъ касательно ихъ слѣдующій общій выводъ: so erhellt auf den ersten blick dasz 1) die thesis des ersten tacts mit der voraufgehenden anakrusis immer die form eines iambus ergibt $\cup \cup \cup$; 2) die triolenform entweder der arsis des ersten oder der thesis des zweiten $\frac{3}{4}$ tacts angehört; nach dem gesetze dasz, wenn sie a) die arsis des ersten tacts bildet, der ganze zweite tact durch eine trisemos mit lemma gefüllt wird, b) wenn sie dagegen die thesis des zweiten bildet, die arsis des ersten ein aus zwei reinen $\chi\rho\nu\omicron\iota$ $\pi\rho\omega\tau\omicron\iota$ bestehender $\sigma\acute{\upsilon}\nu\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma$ oder $\acute{\alpha}\sigma\upsilon\nu\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma$ ist. es ist jedoch nicht nöthig, dasz im zweiten tacte immer triolenform herrscht, wenn die arsis des ersten aus solchen reinen $\chi\rho\nu\omicron\iota$ $\pi\rho\omega\tau\omicron\iota$ besteht; vielmehr kann 3) in diesem falle der zweite tact ebenfalls durch drei reine $\chi\rho\nu\omicron\iota$ $\pi\rho\omega\tau\omicron\iota$ ausgedrückt und das letzte achtel durch pause ergänzt werden. wol aber scheint es regel gewesen zu sein, dasz a) die arsis vom ersten tacte niemals in reinen $\chi\rho\nu\omicron\iota$ $\pi\rho\omega\tau\omicron\iota$ ausgedrückt wurde, wenn der folgende tact mit der trisemos begann; b) eben diese arsis niemals selbst triolenform haben konnte, wenn die thesis des zweiten tacts in triolenform auftrat; 4) die anakrusis konnte

irrational sein, so dasz auch alle möglichen formen des iambus erschöpft werden, der den p̄aon diagyios einleitet (стр. 472).

Теперь остается рассмотреть только такие случаи, когда дохмій вмѣсто кретики оканчивается либо на такое сочетаніе слоговъ: $\cup \cup _ \bar{\cup}$, либо на такое $_ _ \bar{\cup}$. Современными нотными знаками это сочетаніе

можетъ быть изображено слѣдующимъ образомъ: . Замѣна въ такихъ случаяхъ послѣдняго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго съ точки зрѣнія ритмики, по мнѣнію Шмидта, не имѣетъ важнаго значенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ долгій слогъ, являющійся взаменъ краткаго, вмѣстѣ съ послѣдующимъ краткимъ, который будетъ brevis brevior, составляетъ такое сочетаніе, которое можетъ быть выражено современными нотными знаками такъ:

. Кромѣ того, тотъ фактъ, что могутъ встрѣтиться такимъ образомъ даже два долгихъ слога, когда одинъ дохмій кончается однимъ долгимъ слогомъ, а другой начинается другимъ, показываетъ, что съ точки зрѣнія ритмики оба такихъ долгихъ слога являются не болѣе, какъ только χρῶσις πρώτη.

Въ подтвержденіе своего объясненія дохмія Шмидтъ указываетъ на то, что у трагическихъ повтовъ въ соединеніи съ дохміями встрѣчаются такіе элементы, которые исключаютъ всякій другой счетъ кромѣ C или $2.\frac{2}{4}$.

Въ заключеніе Шмидтъ задается вопросомъ, слѣдуетъ ли относить дохмій къ счету C или $2.\frac{2}{4}$; разница между ними та, что $\frac{1}{4}$ тактъ имѣетъ два σημεῖα, а $2.\frac{2}{4}$ тактъ—четыре. Такъ какъ древніе дѣлили дохмій на ямбъ и пеонъ, и такъ какъ пеонъ одинъ уже имѣетъ 2 σημεῖα, то это заставляеть насъ допустить, что дохмій представляетъ изъ себя $2.\frac{2}{4}$ тактъ:

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого объясненія того и другого дохмія, которое предлагаетъ Шмидтъ, мы должны замѣтить, что существованіе дохмія въ двѣнадцать χρ. пр. подвержено большому сомнѣнію, ср. стр. 20 и сл.

Но допустивъ даже, что онъ дѣйствительно существуетъ, мы не можемъ признать, чтобы ритмическое значеніе его было опредѣлено Шмидтомъ безукоризненно.

Во-первыхъ, какъ въ лирической, такъ и въ драматической поэзіи Грековъ мы находимъ іонки только съ анакрузисомъ въ два $\chi\rho.$ тр., и ничто не указываетъ на то, чтобы они существовали съ анакрузисомъ въ одинъ безразличный слогъ.

Во-вторыхъ, существованіе $\kappaαιὼν δίαυτος$ съ тѣмъ ритмическимъ значеніемъ, какое ему приписываетъ Шмидтъ, едва-ли можетъ быть допущено. Судя по описанію этой стопы у Аристиды Квинтилиана, онъ ничѣмъ не отличается ни по схемѣ, ни по своему ритмическому значенію отъ кретика. Исправлять же текстъ Аристиды Квинтилиана у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Правда, Шмидтъ указываетъ на то, что существуетъ аналогичная съ $\kappaαιὼν δίαυτος$ трохайческая диметра, въ которой вторая стопа равняется двумъ $\chi\rho.$ тр.; но такъ какъ подтверждаетъ онъ это только тѣмъ, что такая трохайческая диметра называется кретикомъ и больше ничѣмъ, то мы не можемъ считать Шмидта правымъ въ объясненіи ея ритмическаго значенія. Ссылки на $\kappaαιὼν ἐπιβατός$ нельзя признать вѣскимъ доводомъ уже потому, что описаніе этой ритмической величины не безъ основанія заподозрѣно Кристофомъ со стороны его надежности, ср. *Christ. Metrik*² стр. 290.

Въ-третьихъ, если мы представимъ себѣ два рядомъ стоящихъ дохмія въ двѣнадцать $\chi\rho.$ тр. каждый, то замѣтимъ въ серединѣ его двѣ трохайческихъ стопы, которыя при одинаковой схемѣ имѣютъ разное ритмическое значеніе, что также представляется очень подозрительнымъ.

Не соглашаясь съ Шмидтомъ въ объясненіи имъ дохмія въ двѣнадцать $\chi\rho.$ тр., мы также мало можемъ признать его правильно понявшимъ ритмическое значеніе и дохмія въ восемь $\chi\rho.$ тр. прежде всего потому, что этотъ ученый не можетъ сослаться въ оправданіе своего взгляда ни на одно свидѣтельство, идущее изъ древности.

Далѣе, передвиженіе ирраціональнаго долгаго слога въ дохмія и короткаго *brevis brevis* внушаетъ подозрѣніе потому, что требуетъ очень совершенной системы нотописанія, которой древніе не обладали; въ противномъ случаѣ такое передвиженіе легко могло вводить въ заблужденіе исполнителей.

(da ein achtzeitiger tact gar nicht ungerade geteilt zu werden braucht, sondern die gerade teilung in 4+4 viel näher und bequemer liegt) hat der dochmius sicherlich seinen namen bekommen (стр. 410 и сл.).

Мы должны признать справедливымъ основное положеніе автора, что дохмій представляетъ изъ себя простую стопу съ тезисомъ въ пять $\chi\rho.$ $\pi\rho.$ и арзисомъ въ три, хотя оно терзаетъ до нѣкоторой степени свою цѣну оттого, что является ничѣмъ не подтвержденнымъ. Что же касается опредѣленія состава тезиса и арзиса, то оно сдѣлано у него совершенно неправильно, такъ какъ находится въ противорѣчій съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ удареній и тѣмъ дѣленіемъ дохміа на составныя части, которое мы находимъ у древнихъ метриковъ (см. стр. 49 и сл.).

Взглядъ *Клотца* на ритмическое значеніе дохміа намъ извѣстенъ только изъ рецензій его на ритмику Вестфала въ третьемъ изданіи ея, помѣщенной въ *Jahresber. f. Alterthumswiss. XLVI (1886, III)*. Указавъ, что Вестфаль ошибочно полагаетъ, будто ритмическія величины, состоящія изъ восьми $\chi\rho.$ $\pi\rho.$, могутъ дѣлиться только на 4+4, Клотцъ продолжаетъ такъ: Und doch haben wir im achtzeitigen Dochmius ein derartiges μέγεθος in ausnahmweise schräger Gliederung und zwar nach einer Ueberlieferung schol. ad Aesch. sept. 99, 120, die auch Westphal... als gut und alt anerkennt. Dass dieselbe auf einen erfahrenen alten Rhythmiker zurückgeht, beweist für Ref. der Satz *καὶ ταῦτα δὲ dochmiakά ἐστὶν καὶ ἴσα ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμεως βαίῃη*, d. h. wenn man den Dimeter als 8:8 d. i. 1:1 taktiert. Der achtzeitige Einzeltakt (*ὀκτάσημος ῥυθμός*) ist schräg gegliedert, indem man ihn ähnlich wie den Päon — \cup | \cup \cup zerlegte, etwa in \cup \cup und \cup \cup \cup . Überhaupt kommt die alte Überlieferung bei diesem Rhythmus durch Verfasser nicht zum Verständnis. Zwei Thatsachen, die diese verbürgt, bleiben ihm reine Rätsel, nämlich die zweite, aber seltenere Art des zwölfzeitigen Dochmius, die Aristeides überliefert und die auch nicht leicht, wie Verfasser will, auf einen Fehler der Handschrift zurückgeführt werden kann, da ein Beispiel das Schema bezeugt, und die Angabe des schol. Hephaest., dass einige als Grundform des Dochmius nicht \cup — \cup \cup —, sondern \cup — \cup \cup \cup annehmen. Gerade diese beiden Thatsachen aber erklären sich bestens bei der Annahme des Refe-

renten, ...dass der schräg gegliederte achtzeitige Takt (ῥυθμὸς ὀκτάσημος δόχμιος) durch eine Art von Anaklasis oder Hyperthesis aus dem gerade gegliederten achtzeitigen Takte (ῥυθμὸς ὀκτάσημος ὀρθός d. i. anapästischer oder daktylischer Monometer) entstanden sei. Gehen wir z. B. vom anapästischen Monometer aus, der ja in seinem Ethos und hypermetrischen Gebrauch in Klagegesängen dem Dochmios so nahe steht, so nahm man, um eine Steigerung der gewöhnlichen Klage zur erschütternden Klage eines haltlosen, dem Geschick erliegenden Helden zu kommen, dasselbe vor, wie um vom iambischen Monometer zum ionischem Rhythmus zu kommen. Dort gliederte man statt $\cup \text{ — } \cup \text{ — } | \cup \text{ — } \cup \text{ — }$, indem man die beiden Hebungen vereinigte $\cup \cup \text{ — } \text{ — } | \cup \cup \text{ — } \text{ — }$ ionicus a minore, oder $\text{ — } \text{ — } \cup \cup | \text{ — } \text{ — } \cup \cup$ ionicus a maiore ohne Auftakt einem Ditrochäus gleich, oder auch $\text{ — } \cup \cup \text{ — } | \text{ — } \cup \cup \text{ — }$ im Choriamb mit Hebung am Anfang und Ende; oder endlich $\cup \text{ — } \text{ — } \cup | \cup \text{ — } \text{ — } \cup$ im Antispast, der nur in diesem Sinne als Abart des ionischen Rhythmus eine gewisse Berechtigung hat, ... indem man die Senkung am Anfang und Ende verteilte. Ähnlich machte man es mit dem Anapäst; man vereinigte die beiden Hebungen, denn die erste beiden Hebungen im Dochmios hatten die Icten, die letzte war tonlos, wie uns Dionysios den Dochmios beschreibt, ... also $\text{ — } \text{ — } \cup \cup \cup \cup$ und nahm statt der zwei Kürzen der Anapästen nur eine tonlose Kürze als Auftakt vor, also

$\frac{8}{8}$ $\cup, \text{ — } \text{ — }, \cup \cup \cup | \cup, \text{ — } \text{ — }, \cup \cup \cup$ u. s. w.,
θέσις ἀραις θέσις ἀραις

dann hat es einen guten Sinn, wenn τινὲς οὕτω μετροῦσιν $\cup \text{ — } \text{ — } \cup \cup \cup$. So oder ähnlich erklärt sich nach alter Überlieferung und Analogie des ionischen Rhythmus der dochmische Monometer durch Anaklasis aus dem Monometer des γένος ἴσων, dem anapästischen (daktylischen) Monometer, der dochmische Dimeter ganz so aus dem anapästischen Dimeter. Und wollte man die selten gebrauchte anapästische oder daktylische Tripodie ähnlich brechen oder schräg zergliedern, so musste man auf den von Aristides beschriebenen zwölfzeitigen Dochmios $\cup \cup \cup \text{ — } \cup \cup \text{ — } \cup \text{ — }$ kommen. Dass es aber nur diese beiden Dohmioi gab und keinen andern, erklärt sich nun ganz

natürlich, ebenso dass dieser letzte Dochmios so gut wie nicht in der Praxis vorkam (стр. 59 и сл.).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ общемъ взглядъ Клотца надохмій правиленъ; однако въ частностяхъ этотъ ученый дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ.

Такъ: второстепенное ритмическое удареніе въдохмій, по всѣмъ вѣроятіямъ, падало не на первый долгій слогъ его, а на третій, ср. стр. 50 и сл. Извѣстное свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго объ исполненіи трехъ стиховъ Eug. Or. 140—142 (De comp. verb. гл. 11) не можетъ помочь намъ рѣшить вопросъ о томъ, было ли на послѣднемъ слогѣдохмій ритмическое удареніе или нѣтъ, потому что Діонисій Галикарнасскій въ данномъ мѣстѣ сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мелодіи, а не о ритмѣ разсматриваемыхъ имъ стиховъ.

Аналогія между іониками идохміями проведена слишкомъ смѣло, такъ какъ стопа іоника (но не хоріямба и антиспаста, самое существованіе которыхъ сомнительно, особенно послѣдняго даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ его допускаетъ Клотцъ) можетъ чередоваться даже въ предѣлахъ одного и того же члена съ трохаической диподіей, тогда какъдохмій ни съ дактилическими, ни съ анапестическими диподіями не чередуется такимъ образомъ.

Что касаетсядохмій, заключающаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., то относительно его остается совершенно непонятнымъ, почему онъ, имѣя такое ритмическое значеніе, какое приписываетъ ему Клотцъ, не употреблялся на практикѣ и какимъ образомъ тѣмъ не менѣе оказался упомянутымъ у Аристида Квинтиліана, Марціана Капеллы и Бакхіа.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

- Показанія древнихъ о дохміи. Схема дохміи.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохміи въ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохміи у ритмиковъ и музыкантовъ*:—Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолий къ Гефестіону и Етуш. М.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохміи у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схолии А.—Етуш. М.—Триха.—Димитрій Триглицій.—Схоліи къ „Птицамъ“ Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ.—Марій Платоній Сацердотъ.—Диомедъ..... 1—35
- Названіе и ритмическое значеніе дохміи. Общій обзоръ теорій дохміи у древнихъ.—Названіе дохміи.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тевясь и арзисъ дохміи.—Дохміи съ современной точки зрѣнія 35—56
- Теоріи дохміи, выставленныя въ новое время. Общая характеристика теорій, посвященныя объясненію ритмическаго значенія дохміи въ новое время.
- А. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи перемѣну ритмическаго движенія, дѣлятъ его а) на бакхій и ямбъ: Россбахъ.—Веллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.—b) на ямбъ и кретики: Бекъ.—Мунъ.—Лорддингъ.—Лѣшгорнъ.—c) признаютъ возможнымъ дѣлить его тѣмъ и другимъ способомъ: Пезаръ.
- В. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, относятъ его къ разряду а) *антипастановъ*: Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ.—Фритче.—b) *ямбовъ*: Гольдманъ.—Шульце.—Пикель.—c) *трохеевъ*: Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхіевъ*: Бергъ.—Вестфаль.—e) *неоновъ*: Штейгеръ.—f) признаютъ за самобытную стону: Мейсснеръ.—М. Шмидтъ.—Кристъ.—Древесъ.—Клотцъ..... 57—179

3 2044 022 598 791

